

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY – AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2018

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачев**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

PhD, проф. **А. Амагуцци** (Италия, Туринский ун-т); PhD, проф. **М. Бёмиг** (Италия, Неаполитанский ун-т); PhD, проф., акад. **Р. Бентцингер** (Германия, Берлинский технический ун-т); PhD, проф. **Я. Вавжинчик** (Польша, Варшавский ун-т); д. ф. н., проф. **А.Л. Верлинский** (Россия, СПбГУ); PhD, проф. **Ю. Вольф** (Германия, Марбургский ун-т, Ин-т немецкой филологии Средних веков); д. ф. н., проф. **А.А. Гугнин** (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); PhD, проф. **А. Лашре-Дюжур** (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); PhD, проф. **К. де Ландшир** (Бельгия, Антверпенский ун-т); д. ф. н., проф. **В.З. Демьянков** (Россия, ИЯ РАН); PhD, проф. **Дж. Дэйч-Корнблатт** (США, Ун-т Висконсина); д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН **А.В. Дыбо** (Россия, ИЯ РАН); д. ф. н., проф. **В.И. Заботкина** (Россия, РГГУ); д. ф. н., проф. **Т.А. Золотова** (Россия, Марийский гос. ун-т); д. ф. н., проф. **О.Ю. Инькова-Манзотти** (Швейцария, Женевский ун-т); PhD, проф. **Т. Йованович** (Сербия, Белградский ун-т); PhD, проф. **М.К. Лейте** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); д. ф. н., проф. **Г.В. Медведева** (Россия, Иркутский гос. ун-т); PhD, проф. **Б. Мирчевская-Бошева** (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Методия в Скопье); PhD, проф. **Э. Моттирони** (Швейцария, Женевский ун-т); PhD, проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский ун-т); д. ф. н., **А.Л. Налепин** (Россия, ИМЛИ РАН); д. ф. н., проф. **Д.О. Немец-Игнашева** (США, Карлтон колледж); PhD, проф., акад. **Х.Г. Нессельрат** (Германия, Геттингенский ун-т); PhD, проф., акад. **Ж. Нива** (Франция, Европейская академия); PhD, проф. **А. Орландо Кавальере** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); PhD, проф. **Н.Ф. Палмер** (Великобритания, Оксфордский ун-т); д. ф. н., проф. **В.В. Поллонский** (Россия, ИМЛИ РАН); PhD, проф. **Э. Раскини** (Франция, Эколь Нормаль); PhD, проф. **Дж. Робертс** (Великобритания, Лондонский ун-т); PhD, доц. **М. Ухлик** (Словения, ун-т Любляны); д. ф. н., проф. **С. Цэрэнчимэдийн** (Монголия, Монгольский гос. ун-т)

Редактор **И.В. Луканина**

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902

Телефон: +7 495 939-53-80, +7 499 391-28-31. E-mail: edit@philol.msu.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 00.00.2018. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 17,2. Тираж экз. Изд. № . Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Галинская Е.А.</i> К истории звуков древнерусского языка	7
<i>Летучий А.Б.</i> Есть ли в русском языке сентенциальные подлежащие?	25
<i>Антошина Д.В.</i> Опыт систематизации терминов в лексической семантике, связанных с понятием импликации	49
<i>Ма Мэнфэй.</i> Глаголы <i>подтрунивать</i> , <i>подшучивать</i> , <i>подсмеиваться</i> : семантические различия в современном русском языке	67
<i>Чжао Цзяи.</i> Формальная адаптация заимствований в русском и китайском языках	78
<i>Синило Г.В.</i> Песнь песней как архетекст поэзии Ангелуса Силезиуса	92
<i>Чеснокова Т.Г.</i> «Ревнивая жена» Дж. Колмана Старшего: драматургическая обработка «Истории Тома Джонса» и ее место в истории английской «веселой» комедии	117
<i>Давыдова К.В.</i> Повесть о художнике в романе Н. Греча «Черная женщина»	134
<i>Воробьева О.А.</i> Л.А. Мей в редакции журнала «Русское слово»	144
<i>Макартецкая Ю.</i> Проблема эстетизма в творчестве У. Пейтера («Очерки по истории Ренессанса»)	160
<i>Родина М.А.</i> Мотив утраты невинности в романах Э. Боуэн	170
<i>Би Цзюньжу.</i> Традиционное и новаторское в образах Матрены из рассказа «Матренин двор» А.И. Солженицына и Тамары Ивановны из повести «Дочь Ивана, мать Ивана» В.Г. Распутина»	178
<i>Жуйкова Е.</i> Народная точка зрения на события Первой мировой войны в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	187
<i>Сливаковский П.Е.</i> Метамодернизм: контуры глубины	196

Западносибирская лингвистическая школа социально-когнитивных исследований русского языка

<i>Голев Н.Д., Иркова А.В.</i> Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями <i>-чест-</i> и <i>-добр-</i>)	212

Рецензии

<i>Белова Т.Н.</i> Рецензия на кн.: В а й л ь И. От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы: Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД «Менская», 2016	243
<i>Вальцева М.С.</i> Рецензия на кн.: М у с а т о в В. «В то время я гостила на земле...»: Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016	249

Научная жизнь

<i>Швец А.В.</i> Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействие (отчет о Международном круглом столе «Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействие», РГГУ, 16 мая 2018 г.)	255

CONTENTS

Articles

<i>Galinskaya E.A.</i> On the History of Old Russian Sounds	7
<i>Letuchiy A.B.</i> Is There a Sentential Subject in Russian?	25
<i>Antoshina D.V.</i> An Experience in Systematizing Implication-related Terms in Lexical Semantics	49
<i>Ma Mengfei.</i> Semantic Differences between the Verbs <i>Podtrunivat</i> , <i>Pod-</i> <i>shuchivat</i> , <i>Podsmeyatsya</i> in Contemporary Russian	67
<i>Zhao Jiayi.</i> Formal Adaptation of Borrowings in Russian and Chinese ...	78
<i>Sinilo G.V.</i> <i>The Song of Songs</i> as an Archetext of Angelus Silesius's Poetry ..	92
<i>Chesnokova T.G.</i> <i>The Jealous Wife</i> by George Colman the Elder: The Dramatic Adaptation of <i>The History of Tom Johns</i> and Its Place in the His- tory of English 'Laughing' Comedy	117
<i>Davydova K.V.</i> The Story of an Artist in N. Grech's <i>The Black Woman</i> ...	134
<i>Vorobjeva O.A.</i> L.A. Mei on the Editorial Board of the <i>Russkoe Slovo</i> Maga- zine	144
<i>Makartetskaya Yu.</i> Problems of aesthetics in the works of W. Pater ('The Renaissance. Studies in Art and Poetry')	160
<i>Rodina M.A.</i> The Motif of Loss of Innocence in E. Bowen's Novels	170
<i>Junru Bi.</i> Conventional and Innovative in the Literary Images of Matrena and Tamara Ivanovna in Aleksandr Solzhenitsyn's <i>Matrena's Place</i> and Valentin Rasputin's <i>Daughter of Ivan, Mother of Ivan</i>	178
<i>Zhuykova E.</i> The Peasant's Standpoint on World War I in Aleksandr Sol- zhenitsyn's <i>the Red Wheel</i>	187
<i>Spivakovsky P.E.</i> Metamodernism: Outlining the Contours	196

West Siberian Linguistic School of Social Cognitive Research of the Russian Language

<i>Golev N.D., Irkova A.V.</i> The Making of a Legal Term out of a General Word: A Discursive and Semantic Analysis of Words with the Roots <i>chest</i> and <i>dobr</i>	216

Reviews

<i>Belova T.N.</i> Book Review: Weil I. From the Banks of Ohio to the Banks of Moscow-river. From the Reds of Cincinnati to the Reds of Moscow: Memoirs of Irwin Weil. M.: Menskaya Publishing House, 2016	243
<i>Vyal'tseva M.S.</i> Book Review: Musatov V. 'I happened to be on earth back then...': Poems by Anna Akhmatova. M.: Azbukovnik, 2016	249

Academic Life

<i>Shvets A.V.</i> On the International Round table 'Visual Arts and Literature: Dialogue and Interaction', Russian State University for the Humanities, May 16 th , 2018	255

СТАТЬИ

Е.А. Галинская

К ИСТОРИИ ЗВУКОВ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В древнерусскую фонетическую систему (будущую великорусскую ее часть) в какой-то момент встроился гласный [ô], развившийся из [o] исконного под автономным ударением. А.А. Зализняк полагал, что два типа ударения — автономное и автоматическое — по крайней мере в каких-то говорах существовали еще в XIV в. Следовательно, небезынтересно определить, когда образовался [ô] — до падения редуцированных или после. Под автономным ударением мог находиться не только [o], но и сильный [ъ], например, *лъжьска, бѣдрыи, пълзати*. В памятниках письменности, отражающих тем или иным способом противопоставление /ô/ и /ɔ/ великорусского типа, и в русских говорах, знающих это противопоставление, любое *o* из [ъ], в том числе из того [ъ], который находился под автономным ударением, преимущественно отражается как /ɔ/, т.е. принципиальной разницы между рефлексацией [ъ], находившегося под автономным ударением, и [ъ] в других условиях нет. Значит, появление [ô] следует относить к эпохе до прояснения сильных редуцированных. В ином случае, если бы сильный [ъ] совпал с [ɔ] до образования [ô], то рефлексы этого [ъ] были бы в русском языке разными в зависимости от того, находился ли он под автономным ударением или нет.

Помимо [ô] великорусского типа в древнерусском языке образовывалось и [ô] украинского типа, которое появлялось в так называемых перестроенных слогах, т.е. в тех, за гласным которых в раннедревнерусском шел слог с редуцированным в слабой позиции, впоследствии выпавшим. Этот звук [ô] появляется до прояснения сильных редуцированных, так как [o], происходящее из [ъ], в перестроенном слоге в нормальных случаях не дает в украинском языке рефлексов закрытого [ô], а все кажущиеся отклонения могут быть объяснены.

Таким образом, образование [ô] обоих типов, украинского и великорусского, произошедшее до прояснения сильных редуцированных, — это весьма архаичное диалектное различие, противопоставившее югозапад-

Галинская Елена Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eagalinsk@mail.ru).

норусскую часть древнего восточнославянского диалектного континуума центральной и северной его части.

Ключевые слова: падение редуцированных; автономное и автоматическое ударение; противопоставление двух типов [o]; закрытое [ǫ] великорусского и украинского типов; относительная хронология.

Как известно, в некоторых современных русских диалектах, бывают две *o*-образные фонемы. Вместе они представлены в архаических говорах, не имеющих четкого очерченного ареала распространения и располагающихся преимущественно на восточной территории исконного распространения русского языка [Диалектологический атлас...: карта 42]. Одна из двух *o*-образных фонем — /ɔ/, реализующаяся тембрально однородным открытым гласным [ɔ], или нейтральным [o], или дифтонгом [ɔy], вторая — /ǫ/, которая реализуется в закрытом [ǫ] или дифтонге [yɔ]. В тех говорах, где это противопоставление есть, как и в той части древнерусского языка, от которого оно унаследовано современными русскими диалектами, в регулярных случаях /ǫ/ выступает на месте [o] исконного под автономным ударением [Зализняк, 2010а: 173], восходящим «к праслав. *o под неоакутом и перенесенным вправо ударением; к эпентетическому *o* в последовательностях *ToRT, *TeLT под неоакутом, перенесенным ударением и акутом: /kot/ < *kоть, /vol'a/ < *volja, /selo/ < *selo < *sělo, /boron/ < G Pl *bornъ, /korova/ < *kǫrva, /vołok/ < *vělkъ и т.д.» [Николаев, 2015: 99]. Что касается звуков, реализующих /ɔ/, то они представлены на месте /o/ исконного в слогах, которые имели автоматическое ударение, восходящее к славянскому циркумфлексу, и в тех ударных слогах, где в раннедревнерусском языке находился [ɣ] в сильной позиции¹. В безударных слогах /ǫ/ в будущей великорусской части древнерусского языка не образовывалось.

От праславянского языка древние восточнославянские диалекты унаследовали только одну фонему /o/. Примерное звучание этой фонемы, а также фонемы /ɣ/ достаточно надежно реконструируется, поскольку есть хорошо известные славистам и часто упоминаемые в научной и учебной литературе данные о славянских заимствованиях в прибалтийско-финские языки. Большинство исследователей соглашается с тем, что прибалтийские финны контактировали лишь с восточнославянскими племенами и заимствовали славянскую лексику только от них [см. Кипарский, 1958: 134; Лыткин, 1962:

¹ О том [ɔ], которое возникало из [e] в силу перехода [e] в [o], речь далее идти не будет. Это относится и к [ǫ] ([yɔ]), появившемуся аналогичским путем под воздействием сходным образом устроенных слов и словоформ, т.е. в результате унификации фонемного состава некорневых морфем, например, *хорош*[ǫ], как *тепл*[ǫ], *земл*'ǫ*й*, как *вод*[ǫ*й*.

447–448; Ниеминен, 1957: 497; Ойнас, 1962: 475]. Заимствования в прибалтийско-финские языки показывают, что [ъ] был звуком лабиализованным и довольно закрытым, отличавшимся как от восточнославянского [o], так и от прибалтийско-финского [o]. Об этом говорит, например, финское диалектное слово *akkuna* ‘окно’ (финское литературное — *ikkuna*), заимствованное из восточнославянского *о́кно*, где [ъ] передан как [u], а [o] как [a]. Есть и другие примеры передачи восточнославянского [ъ] прибалтийско-финским [u], в частности, такие, как финск. *lusikka* ‘ложка’ из *лъжька*, финск. *talkkuna* ‘толокно’ из **tolkъno*, позже *толокъно*, финск. *turku* ‘торг’, эст. *turg* ‘рынок’ из *търъгъ*.

Восточнославянский же звук [o] явно был открытым и, возможно, произносился так, как чаще звучит и сейчас в диалектах с различием /ɔ/ — /ɔ̄/, т.е. как тембрально однородный [ɔ]. Об этом говорят заимствования в прибалтийско-финские языки типа уже упоминавшегося слова *akkuna* < *о́кно*, свидетельствующие о том, что восточнославянский [o] воспринималось прибалтийскими финнами как очень открытый звук, не тождественный их звуку [o]. Другие примеры передачи восточнославянского [o] как [a]: *nonъ* > финск. *rappi* ‘священник’, *пирогъ* > финск. *piirakki*², *поганъ* ‘язычник’ > *pakana* ‘то же’ и т.д.³ С другой стороны, прибалтийско-финское [a] воспринималось славянами как [o], о чем говорят древнерусские названия прибалтийско-финских племен *коръла* (ср. финск. *Karjala* ‘Карелия’), *водъ* (ср. финск. *vatja* ‘водский язык’), *лопъ* (ср. финск. *Lappi* ‘Лапландия’). В то же время прибалтийско-финское [o] в ряде случаев воспринято восточными славянами как [u], что свидетельствует о более закрытом характере прибалтийско-финского [o], чем древнерусского. Так, прибалтийско-финскими заимствованиями являются севернорусские диалектные лексемы *шуг*, *шуга*, *шух*, *шуха*, *шуя*, ‘мелкий лед на реке’. Ср. финск. *sohjo* ‘тонкий лед, кашлица’ [см. Kalima, 1919: 48]. На открытую реализацию восточнославянской фонемы /o/ указывают и некоторые заимствования из среднегреческого. Так, др.-р. *кровать* происходит из ср.-греч. *κροαββάτι(ο)ν* [Фасмер, 1986–1987: т. II, 379], а др.-р. *үксүсь* (впервые в грамоте 1136 г.) — из *ὄξος* [Фасмер, 1986–1987: т. IV, 157].

Итак, в древности гласные [ъ] и [ɔ] противопоставлялись друг другу не только по длительности, но еще и по подъему — /ɔ/ был ниже, чем /ъ/, но оба звука произносились с огублением.

² Эти два слова особенно показательны, поскольку сейчас в диалектах, противопоставляющих /ɔ/ — /ɔ̄/, в них произносится [ɔ̄].

³ Довольно большой материал восточнославянских заимствований находим, например, в работе [Кулешов, 2010], и здесь же делается вывод о том, что восточнославянский [ɔ] относился к ниже-среднему подъему [там же: 352].

В какой-то момент в древнерусскую фонетическую систему⁴ вошел гласный [ô], С.Л. Николаев говорит о том, что «позднепраславянская древность этой системы (т.е. с различием двух типов [o]. — *Е.Г.*) несомненна, так как *o по-разному развивается в зависимости от праславянских интонаций» [Николаев, 2015: 98]. Однако встает вопрос о том, до какого времени сохранялись интонационные различия, т.е. когда произошла утрата физического различия между автоматическим и автономным ударением. А.А. Зализняк в книге «От праславянской акцентуации к русской» (1985 г.) с осторожностью писал, что из общих соображений можно предполагать, что это событие «в целом не слишком сильно отстояло во времени от падения редуцированных» [Зализняк, 2010а: 178]. В работе же «"Мерило Праведное" как акцентологический источник» (1990 г.) он описывает отражение второстепенного ударения во втором заударном слоге ортотонических (т.е. имеющих автономное ударение) словоформ в «Мериле Праведном» (там появляется [ô]⁵), а также в Чудовском Новом Завете (где есть знаки ударения), указывая на то, что в энклименах (т.е. словах с автоматическим ударением) второстепенное ударение отсутствует⁶ [Зализняк, 2010b: 571–578]. А.А. Зализняк предполагает, что интерпретировать эту ситуацию можно двояко: «1) описанная картина относится непосредственно к говору писцов Мерила; 2) она относится к какой-то более ранней эпохе, тогда как в эпоху Мерила собственно просодических различий между прежними ортотоническими словоформами и прежними энклименами уже не было, а выбор открытого или закрытого *o* уже стал во всех позициях традиционным» [там же: 578]. Далее он говорит о том, что более вероятно первое предположение, поскольку второстепенное ударение отразилось в Чудовском Новом Завете XIV в. и присутствовало в начале XX в. в мосальских говорах, описанных О. Брокком и относящихся примерно к той же территории, что и «Мерило Праведное», так что естественно предположить, что и в говоре писцов «Мерила Праведного» оно было живым явлением, а значит, связь между степенью ударности и выбором [ô] или [o] была еще актуальной, так как сохранялось просодическое

⁴ Вернее, в ту систему, которую можно условно назвать будущей «восточнорусской» поскольку «она представлена в основном в восточнорусском ареале (в говорах всех наречий — северно-, средне- и центральнорусского), однако засвидетельствована также в новгородских (в памятниках письменности) и в ряде юго-западных говоров» [Николаев, 2015: 98].

⁵ Ср. примеры с буквой *o* во втором заударном слоге: *мърило, правило, зеркало, воинство, оумноженое* и т.д.

⁶ Ср. примеры с буквой *o* во втором заударном слоге: *золото, около, непросто* и т.д.

различие между автономным и автоматическим ударением [там же: 578–579]. В лекционном же курсе об истории русского ударения, читавшемся в 2016–2017 гг. на филологическом факультете МГУ, А.А. Зализняк уже с уверенностью говорил о том, что наличие просодического усиления во втором заударном слоге словоформ с автономным ударением и отсутствие такого усиления в словоформах с автоматическим ударением — это главное свидетельство того, что в фонетическом отношении в эпоху «Мерила Праведного», т.е. в XIV в., по крайней мере в каких-то говорах эти два типа ударения физически еще различались⁷.

Таким образом, имеет смысл задуматься о том, когда образовался [ǫ] — до утраты слабых редуцированных и прояснения сильных или после. К сожалению, наиболее информативный источник, отражающий живую древнерусскую речь, — берестяные грамоты — не дает возможности судить о порядке выпадения и прояснения редуцированных. Если последовательность утраты слабых редуцированных восстановлена — это сделал А.А. Зализняк на основании новгородских берестяных грамот [Зализняк, 1993: 241–270], то определить, когда протекало прояснение сильных редуцированных (одновременно ли с утратой слабых редуцированных или позже), не представляется возможным ввиду наличия в берестяных грамотах графического эффекта мены букв ѣ и о, хотя, в принципе, не исключена вероятность, что утрата слабых редуцированных могла начаться раньше прояснения сильных. Что же касается относительной хронологии образования [ǫ] и падения редуцированных, то соотносить утрату слабых редуцированных и появление [ǫ] нельзя, но время прояснения сильных редуцированных и возникновения [ǫ] может быть сопоставлено.

Дело в том, что в той позиции, в которой образовался [ǫ] великорусского типа, т.е. под автономным ударением (например, *вор[ǫ]на* > *вор[ǫ]на*), мог находиться и сильный [ѣ], и таких слов в древнерусском языке было немало. Вот часть из них по акцентологическому словарю А.А. Зализняка [Зализняк, 2014] (слова приводятся не в поздней записи, как это сделано в словаре, а в раннедревнерусском виде):

— существительные акцентной парадигмы *a*: *вѣлна* ‘шерсть’, *мѣлва*, *кѣрмла*, *тѣлица* (откл. к а.п. *b*), *подѣшыва*, *лѣжска*, *игѣлка*, *глѣтка*, *мѣрдѣка* ‘денежная единица’, *пѣтка* ‘птица’, *зѣлѣвка*, *любѣвница*, *смокѣвница*, *сѣльнице* (следы а.п. *b*), *гѣрло* (изредка а.п. *b*)

⁷ Видеозапись лекции, прочитанной 18 марта 2017 г., доступна на сайте URL: <http://arabika.umi.ru> (рассуждения о сохранении просодических различий вплоть до XIV в. — с 25-й минуты записи).

дѣньце, окѣньце, сѣньмище, сѣние ‘сновидение’, *кѣрмьникъ* ‘кормчий’, *стѣльпникъ, сѣтьникъ* и некоторые др.;

— существительные акцентной парадигмы *b*: *лѣжь, стѣльбъ, лѣбъ, вѣлхвъ, тѣргъ* (откл. к а.п. с), *дѣждь, сѣнь, гѣрнъ, стѣльпъ, крѣтъ, хѣлствъ, вѣплъ, чехѣль, хохѣль, стрѣи* ‘брат отца’ (с напряженным редуцированным), *пѣсѣкъ, платѣкъ, клубѣкъ, городѣкъ, глазѣкъ, возѣкъ, углѣкъ, сынѣкъ* и мн. др. суш. с суфф. -ѣк-;

— прилагательные акцентной парадигмы *a*: *дѣлгыи, пѣлныи, сѣтьскыи, отѣшьлыи* ‘отошедший’, *лѣбныи, лѣжьныи, скѣрбѣныи* (а.п. *a* // а.п. с) *прискѣрбѣныи* и некоторые др.;

— прилагательные акцентной парадигмы *b*: *дѣхлыи, бѣдрыи, зѣлыи, тѣщии* ‘пустой’;

— прилагательные акцентной парадигмы *c* в им. пад. ед. ч. муж. р. с напряженным редуцированным: *дорогыи, молодгыи, нагыи, гнилгыи, зубныи* и мн. др.;

— глаголы акцентной парадигмы *a* практически во всех формах и глаголы акцентной парадигмы *b* в презенсе: а.п. *a* — *пѣлзати, пѣртити, мѣлвити* (и все формы от этих глаголов), прагс. *рѣпщеть/рѣпчеть* (от *рѣпѣтати*), а.п. *b*: *кѣрмитъ* (от *кѣрмити*), *мѣлкнетъ* (от *мѣлкнути*), *тѣлкнетъ* (от *тѣлкнути*) и нек. др.

В памятниках письменности, отражающих тем или иным способом противопоставление /ѣ/ и /ѡ/⁸ великорусского типа, и в русских говорах, знающих это противопоставление, *о* из [ѣ], **в том числе из того [ѣ], который находился под автономным ударением**, преимущественно отражается как /ѡ/. В этом можно, например, убедиться, проанализировав статьи словаря, включающего лексемы и морфемы с /ѣ/ и /ѡ/ по данным рукописных источников и русских диалектов, составленного Е.В. Стадниковой [Стадникова, 1989]. Словарь базируется на материале 19 памятников XIV–XVII вв., отражающих две фонемы «типа *o*» (в том числе на данных «Мерила Праведного», исследованного А.А. Зализняком), и записях русских говоров начала XX в., опубликованных в [Брок, 1907; Тоньшин, 1912; Шахматов, 1913; Гростянский, Гришкин и др., 1916]. Далее будут обобщены некоторые факты, извлеченные из этого словаря, причем так же, как и в нем, все графические средства передачи фонемы /ѡ/ будут изображены знаком ѡ, а средства передачи фонемы /ѣ/ — знаком ѣ.

⁸ Основные системы графического различения этих фонем: 1) /ѣ/ передается через ѡ, а /ѡ/ — через «графемы класса *O*»: *o* узкое, *o* широкое, *o* единое; 2) /ѣ/ передается через «графемы класса *O*» с камерой, а /ѡ/ — через те же графемы без камеры; 3) /ѣ/ передается через *o* широкое, а /ѡ/ — через *o* узкое; 4) /ѣ/ передается через *o* узкое, а /ѡ/ — через *o* широкое и ѡ. Бывают, кроме того, и комбинированные системы [Зализняк, 2010а: 208–209; Стадникова, 1989: 135–136].

вѣль — в семи рукописях отражено /ѵ/, которое зафиксировано и в говоре с. Новоселки (юго-восточном); в трех рукописях — /ѿ/ [Стадникова, 1989: 147];

гльт-: *дубоглѣт* и *однокор.* (автономное ударение падает на второй корень по правилу об акцентуации сложных слов. см. [Зализняк, 2010а: 156]) — 3 раза в задонском говоре (юго-восточном); *проглѣтишь*, *проглѣтитъ* — 1 раз в Травнике и лечебнике рубежа XVI—XVII вв.⁹ и в говоре с. Новоселки [там же: 147];

дѣлгыи и производн., *дѣлгъ* и производные (омонимичные морфемы подсчитаны автором словаря вместе) — [ѵ] отражено в двенадцати памятниках, в тотемском говоре (северо-восточном), в говоре д. Лека (среднерусский центральный) и в говоре с. Новоселки; колебание *ѿ/ѵ* в двух памятниках [там же: 150];

дрѣвь — [ѵ] в говоре д. Лека, в говоре с. Новоселки, в тотемском говоре; 1 раз в Патерике XVI в. обозначено [ѿ] [там же];

крѣтъ — [ѵ] в говоре с. Новоселки; [ѿ] — в говоре д. Лека и в тотемском говоре [там же: 154];

крѣшька и *однокор.* — [ѵ] в говоре д. Лека и в тотемском говоре; [ѿ] в задонском говоре; колебание [ѿ]/[ѵ] в говоре с. Новоселки [там же];

лѣбѣ — [ѵ] отражено в Хронографе лицевом XVI в. и зафиксировано в говоре с. Новоселки и тотемском говоре; [ѿ] отражается в Патерике синайском XVI в.; колебание *ѿ/ѵ* в Травнике и лечебнике рубежа XVI—XVII вв. [там же];

лѣжь и производн. — [ѵ] отражено в четырнадцати памятниках, представлено в тотемском говоре и в говоре с. Новоселки; колебание *ѿ/ѵ* в старопечатном так. наз. Узкошрифтном евангелии XVI в. [там же: 155];

лѣжька и производн. — [ѵ] зафиксировано в говоре д. Лека и в говоре с. Новоселки, отражено в Хронографе лицевом XVI в.; колебание *ѿ/ѵ* в Травнике и лечебнике рубежа XVI—XVII вв. [там же];

любѣвь — [ѵ] отражено в пяти памятниках, зафиксировано в говоре д. Лека и в говоре с. Новоселки; [ѿ] обозначено в трех памятниках и было услышано в тотемском и задонском говорах; колебание *ѿ/ѵ* в шести памятниках [там же];

— *мѣлв-* (а.п. а) — [ѵ] отражается в шести памятниках, зафиксировано в говоре с. Новоселки и в задонском говоре; знаки для [ѿ] обнаруживаются в трех памятниках, в том числе в «Мериле Праведном»; колебание *ѿ/ѵ* в четырех памятниках [там же: 156];

⁹ Полные сведения о рукописных и старопечатных памятниках, упоминаемых здесь и далее, см. в [Стадникова, 1989: 173—174].

мъркѣвь и производн. — [ɔ] представлено в говоре д. Лека; колебание [δ]/[ɔ] — в тотемском говоре [там же];

-*ѣжь*, окончание Им.-Вин. пп. ед. числа мужского рода прилагательных а.п. с — [ɔ] отражено в Сборнике XVI в., зафиксировано в говоре д. Лека, в тотемском и задонском говорах [там же: 160];

-*ѣжь*, окончание в форме *тои* (Им.-Вин. пп. ед. числа мужского рода) — [ɔ] отражается в девятнадцати памятниках, колебание *δ/ɔ* в двух памятниках [там же];

-*ѣк-*, суффикс существительных — [ɔ] отражено в девяти памятниках, зафиксировано в говоре д. Лека, в тотемском говоре и в юго-восточных говорах: задонском и говоре с. Новоселки; в слове *пятокъ џ* в двух памятниках и *ѣ* также в двух памятниках, колебание *δ/ɔ* в Сборнике XVI в.; в слове *свитокъ џ* в «Мериле Праведном» и *ѣ* в Патерике Синайском XVI в. [там же];

-*ѣлн-* — [ɔ] отражается в тринадцати памятниках, в говоре с. Новоселки, в тотемском и задонском говорах; колебание *δ/ɔ* в двух памятниках [там же: 164];

рѣпѣтати: — *рѣпѣц-* [ɔ] отражается в четырех памятниках, колебание *δ/ɔ* в Сборнике XVI в. [там же: 167];

сѣнь и однокор. — [ɔ] отражено в восьми памятниках, зафиксировано во всех четырех говорах; колебание *δ/ɔ* в двух памятниках [там же: 169];

сѣтѣ (род. пад. мн. ч.) — [ɔ] отражается в шести памятниках, отмечено в говоре с. Новоселки и в тотемском говоре; [δ] обозначено в Патерике Синайском XVI в. [там же];

тѣчию — [ɔ] отражено в двенадцати памятниках; колебание *δ/ɔ* в двух памятниках; *тѣчьно* — [ɔ] отражается в двух памятниках; *тѣчка* зафиксировано в говорах д. Лека и с. Новоселки [там же: 171].

Таким образом, мы видим, что в соответствии с [ъ] под автономным ударением не всегда отражается в памятниках и произносится в говорах [ɔ] — в некоторых случаях фиксируется и [δ], хотя часто наряду с [ɔ]. Однако такая же картина наблюдается и в тех случаях, где [ъ] не стоял под автономным ударением. Вот несколько примеров:

крѣвь и производн. — [ɔ] отражено в двенадцати памятниках, зафиксировалось в говорах с. Новоселки и д. Лека и в задонском говоре; колебание *δ/ɔ* в двух памятниках [там же: 154];

плѣть и производн. — [ɔ] отражается в четырех памятниках, отмечено в говоре с. Новоселки; [δ] обозначено в десяти памятниках; колебание *δ/ɔ* в трех памятниках [там же: 162];

предлог *въ* в огласованном варианте — [ɔ] отражено в семи памятниках, зафиксировалось в говорах д. Лека и в задонском говоре; колебание *δ/ɔ* в двух памятниках; в сочетании *во имя* [ɔ] обозначено

в пяти памятниках, [ô] — в трех, колебание **ô/о** в Псалтири с воследованием XV в. [там же: 146].

Таким образом, принципиальной разницы между рефлексацией [ъ], находившегося под автономным ударением, и [ъ] в других условиях не наблюдается. Остается только понять, почему иногда в соответствии с этимологическим [ъ] появляется [ô]. Подобные случаи А.А. Зализняк обнаружил в «Мериле Праведном». Тут всегда с **о** пишутся морфемы *плот-(ь)* в перестроенном слого¹⁰ (*плоть, плотнымъ* и т.д.), *молв-* (*молва, молвити* и т.д.), причастие *скровень*, наречие *воину* ‘всегда’, сочетания с предлогами: *во имя, вонь* ‘в него’, *вонже* ‘в который’, *вотъ* ‘в тот’, императив *вонми*, словоформы *тотъ, кождо, просопъ* (дает ... *жито во просопъ* ‘дает зерно взаймы с тем, чтобы оно было возвращено с присыпкой’); кроме того, при более обычном написании с **о** встречены с **о** *любовь, црковната, полна*. Причины появления «незаконного» [ô], по мнению А.А. Зализняка, различны. Например, *тотъ* и *кождо* восходят не к раннедревнерусским *тъть* и *къждо*, а к **тотъ*, **кождо*, которые обобщили *то-* и *ко-* по среднему роду и ряду косвенных форм. *Скровень* могло получить *о* по аналогии с *скровище*; в *црковната* проявилось влияние суффикса *-ов-*; появление *о* в *плоть, воину, во имя, вонь (же), вонми* связано с их книжным характером (по крайней мере часть русских книжников XI века читала **ъ** в старославянских словах как [о]); в морфеме *молв-* могло произойти преобразование сочетания [ол] между двумя губными согласными и т.д. [Зализняк, 2010b: 566–568].

А.В. Тер-Аванесова зафиксировала в говоре с. Пустоша Шатурского района Московской области рефлексы ***ъ** в виде [yô] (в ее транскрипции — [yo], например, *круот, проглубтит* 3 sg, *накруобшит* 3 sg [Тер-Аванесова, 2005: 71, 88] и заключила, что «в сочетаниях структуры *ТРЪТ рефлекс ***ъ**, подобно рефлексам **о*, дифтонгизируется в ортотонических словоформах» [там же: 92]. Подобные рефлексы присутствуют и на месте ***ъ**, ***ь** после сочетания «шумный + сонант» (*снубохи, слиубзы*) [там же: 91]. С.Л. Николаев также отмечает подобную особенность в русских говорах, различающих два типа *о*: «Примеры на развитие ***ъ** > /о/ под «восходящим ударением» (через стадию «долгого **ъ**») немногочисленны и встречаются sporadически. Во всех случаях ***ъ** находится в соседстве с *r* или *l*: /krot/ < *krĭтъ, /kroška/ < *krĭšьka, /krošit’/ < *krĭšĭтъ, /plot/ < *plĭтъ, /plot’/ < *plĭтъ, /głot’it’/ < *glĭtĭтъ, /roxloj/ < *rĭxlĭjъ, /kolč/ < *kĭlčjъ» [Николаев, 2010: 99].

¹⁰ О перестроенных слогах см. ниже.

Таким образом, даже при наличии колебаний в рефлексации *ѣ слова с сильным [ъ] под бывшим автономным ударением (так же, как и [ъ] в других условиях) в статистически преобладающих количествах дают [э]. Это значит, что в тот период, когда исконное [э] под автономным ударением превратилось в [Ѡ], сильные редуцированные еще существовали, т.е. появление [Ѡ] следует относить к эпохе до их прояснения.

Первый памятник, в котором отражается распределение [э] и [Ѡ] великорусского типа (правда, с наложением украинского типа в первых перестроенных слогах слова), «Мерило Праведное», исследованное А.А. Зализняком [Зализняк, 2010b], относится к XIV в., но это, естественно, не значит, что в предыдущие века данное распределение еще не сформировалось, поскольку могло просто не быть более ранней традиции обозначения [Ѡ] на письме особой буквой либо памятники с таким обозначением до нас не дошли. Поэтому отсутствие рукописей, которые бы свидетельствовали о появлении [Ѡ] в раннедревнерусском языке, не противоречит заключению о том, что сначала появилось [Ѡ], а потом уже прояснились сильные редуцированные. В ином случае, если бы сильный [ъ] совпал с [э] до образования [Ѡ], то рефлексы этого [ъ] были бы в русском языке разными в зависимости от того, находился ли он под автономным ударением или нет: то [э], которое произошло из [ъ] под автономным ударением, так же, как и исконное [э] в этой акцентологической позиции, дало бы [Ѡ], а то [э], которое произошло из [ъ] во всех других позициях (под автоматическим ударением или в безударных слогах), сохранилось бы в своем виде ([э]). Но этого не отражают ни древнерусские памятники с двумя графемами для *о*-образных звуков, ни русские диалекты — рефлексы [ъ] обоих акцентологических типов выглядят одинаково.

Итак, до падения редуцированных в зоне переднего ряда было три лабиализованных гласных [Ѡ], [э] и [ъ], но два *о*-образных звука были позиционно распределены — [Ѡ] выступал под автономным ударением, а [э] — в остальных случаях. После падения редуцированных бывший сильный [ъ], будь он безударным, или находящимся под автономным ударением, или же стоящим под автоматическим ударением в первом слоге тактовой группы, совпал с [э], а после совпадения автономного и автоматического ударения противопоставились фонемы /э/ и /Ѡ/. Таким образом, возникновение фонемы /Ѡ/ не является последствием падения редуцированных, а обязано только исчезновению позиционных условий существования звука [Ѡ] — нивелировке различий между двумя типами ударения.

Помимо [ô] великорусского типа в древнерусском языке образовывалось и [ô̆] украинского типа, которое появлялось в так называемых перестроенных слогах, т.е. в тех, за гласным которых в раннедревнерусском шел слог с редуцированным, впоследствии выпавшим [Зализняк, 2010а: 173]¹¹. Такие слоги называют еще «ново-закрытыми», но это менее удобно, «поскольку многие неконечные слоги этого типа (например, первый слог в *прислати* < *присълати*) реально были закрытыми, по-видимому, лишь сравнительно недолгое время после падения редуцированных, а затем снова стали открытыми» [Зализняк, 2010b: 562, сн. 14]. По мнению Ю. Шевелева, в южных украинских диалектах образовался узкий монофтонг [ô̆] (в его транскрипции [ô̆]), а в северных украинских диалектах — дифтонг [ŭo], который сохраняется под ударением во многих северноукраинских говорах (а также в южной части Белоруссии). Что касается южноукраинского монофтонга [ô̆], то он в среднеукраинский период изменился и дает в современном украинском литературном языке [i], а в говорах [i], [ü] или [u] [Шевельов, 2002: 406–407]. Звуки, которые сейчас представлены в перестроенных слогах на месте *o в украинских юго-западных говорах, составляющих галицкий диалект, еще более многообразны, чем указывает Ю. Шевелев, в чем можно убедиться, изучив материал акцентологического словаря краткосложных o- и и-основ мужского рода с корневыми -o- и -e- [Дыбо, Замятина, Николаев, 1993: 149–304]: это [i], [i̇], [ɨ̇] [ɨ̇̆], [i̇], [ü̇], [ü̇], [ü̇], [ɨ̇], [u̇], [u] (транскрипция С.Л. Николаева, см. таблицу «Знаки фонетической транскрипции» [там же: 330]). В украинском языке рефлексy *o в перестроенных слогах регулярны, ср. укр. лит. *бік* (< *бокъ*), *брід* (< *бродъ*), *ніж* (< *ножь*), *сік* (< *сокъ*), *хвіст* (< *хвостъ*), *сіль* (< *соль*), *кішка* (< *кошька*) и т.д.

Ю. Шевелев полагает, что образование закрытого [ô̆] ([ô̆]) и дифтонга [ŭo] в перестроенных слогах предшествовало падению редуцированных и началось, вероятно, самое позднее в X в. [Шевельов, 2002: 406]. Доказать, что это происходило именно в X в., видимо, все же проблематично, но то, что [ô̆] появляется до прояснения сильных редуцированных, представляется очевидным. Дело в том, что [o], происходящее из [ъ], в перестроенном слоге в нормальных случаях не дает рефлексов закрытого [ô̆]. Примеров сохранения [o] в этой позиции можно привести довольно много, ср. укр. литерат. *ложка* < *лъжьска*, *сон* < *сънь*, *мох* < *мъхъ*, *дочка* < *дъчька*, *сот* (в *п'ятсот*,

¹¹ С.Л. Николаев указывает на то, что фонема /ô̆/ происходит из удлиненного праславянского *o в слогах перед слабыми редуцированными [Николаев, 2015: 100].

шістсот, сімсот, вісімсот) < *сѣтъ* (род. п. мн. ч.), *пісок* < *пѣсокъ, вовк* < *вѣлкъ, толк* < *тѣлк, товстий* < *тѣлстыи, повныи* < *пѣльныи, морква* < *мѣркѣва*, слова с суффиксом *-ок-* < *-ѣк-* типа *ранок* ‘утро’, *світанок* ‘рассвет’, *огірок* ‘огурец’ и т.д.¹²

Впрочем, есть целая категория случаев, когда на месте этимологического и аналогического [ъ] в перестроенном слоге в современном украинском языке представлен звук [і]. Это такие приставки, как *зі-* (< *сѣ-*), *уві-* (< *вѣ-*), *наді-* (< *надѣ-*), *піді-* (< *под-*), *віді-* (< *от-/отѣ-*), *розі-* (< *роз-*). Например: *зійти* (< *сѣйти*), *зібрати* (< *сѣбрати*), *зігнути* (< *сѣгнути*), *увійти* (< *вѣйти*), *надібрати* (< *надѣбрати*) *надігнати* (< *надѣгнати*), *підіймати* (< *подѣмати*), *підіслати* (< *подѣслати*), *підіпхнути* (< *подѣпхнути*), *відійти* (< *отѣйти*), *відіграти* (< *отѣграти*), *відізвиати* (< *отѣзвати*), *відімицати* (< *отѣмицати*), *розізнати* (< *розѣзнати*), *розізнати* (< *розмѣзнати*), *розірвати* (*розрвати*). Такой же эффект бывает и с соответствующими предлогами, например, *зі мною, наді мною*. Правда, иногда наблюдается вариативность: *зігнати / зогнати* ‘согнать’, *відізнати / відомзнати* и др. Ю. Шевелев приводит небольшой список слов, в которых [о] в приставке не изменилось: *безодня, відбѣва, передбѣсім, напередодні, середбѣдня, підбѣзра, підбѣйма, підбѣшва, середохрѣсний* [Шевельов, 2002: 318]. Он доказывает, приводя примеры из разнообразных памятников письменности, что первоначально [ъ] приставки изменился в [у] ([ы]) перед корнем, начинающимся с [j], в среднеукраинский период это [у] ([ы]) распространилось на слова, где корень начинался сочетанием согласных (ср. примеры из памятников XVI в. **отыйскали, подышли, овыбрати** и др.). При этом во многих говорах, которые сохранили различие между [і] и [у], до сих пор в словах рассматриваемого типа произносится [у] (например, лемковск. *одыйти, розыбрати*) [там же: 355–356]. И только к концу XVII в., по словам Ю. Шевелева, «звук [у] приставок в большей части говоров стал вытесняться звуком *о*, который чередовался с *і*: *знішло* превратилось

¹² Есть, правда случаи типа *церквіця* ‘церквушка’ [Словник української мови, т. 11: 202] (наряду с закономерным *церковця* [там же: 204]), *морківка* ‘морковка’ [Словник української мови, т. 4: 803] (наряду с закономерным *морковка* [там же]), *морківник* ‘травянистое растение, похожее на морковь’ [там же], *свекривщина* ‘наследство, оставшееся после свекрови и/или свекра’ [Словник української мови, т. 9: 67], и даже *свекривонька*, уменьш.-ласк. от *свекруха* ‘свекровь’ [там же] (в этом слове не было перестроенного слога), *ятрівка* ‘жена брата мужа’ [Словник української мови, т. 11: 660], *смоківниця* (наряду с закономерным *смоковниця*) [Словник української мови, т. 9: 414]. Но формы с *і* в производных от слов **і-*склонения очевидным образом появились под влиянием существительных с суффиксом *-ів-/-ов-* типа *чарівниця* ‘колдунья, волшебница’, *садівник* ‘садовник’, *вказівка* ‘указание’, *перцівка* ‘водка, настоящая на перце’, *батьківщина* ‘родина’ и т.д.

в *зішло*, *роззврати* — в *розібрати* и т.д. Это стало возможным, поскольку к тому времени чередование *o: i* стало стабильным и между этими звуками установилась прочная связь. Однако в приставках не происходило ни звуковой замены *y > i*, ни звуковой замены *ѡ > i* (хотя очень часто *i* появляется в них на месте *ѡ*), а осуществился комплексный процесс морфологически и морфонологически обусловленной субституции» [там же: 356–357].

Таким образом, большое количество приставочных образований с [i], которое соответствует сильному [ъ] в перестроенном слоге, не имеет отношения к древнерусской эпохе и не противоречит утверждению о том, что [ъ] в перестроенном слоге регулярно дает [o]. Значит, украинский язык действительно показывает, что в древнем юго-западнорусском диалекте сначала образовалось [ô] и лишь потом проявились сильные редуцированные. В противном случае [ъ] в перестроенных слогах через стадию [o] давал бы [ô] с дальнейшей описанной выше регулярной рефлексацией его в украинском литературном языке и говорах, а этого нет.

В итоге можно заключить, что образование [ô] обоих типов — украинского и великорусского — относится к эпохе до прояснения сильных редуцированных, т.е. появление [ô] в неодинаковых фонетических условиях: в перестроенном слоге на юго-западе и под автономным ударением на остальных древнерусских территориях — это весьма архаичное диалектное различие, противопоставившее юго-западнорусскую часть древнего восточнославянского диалектного континуум центральной и северной его части.

Список литературы

- Брок О.* Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. СПб, 1907. 151 с.
- Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Карты. Вып. I: Фонетика. М., 1985.
- Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л.* Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. М., 1994. 284 с.
- Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–343.
- Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской // Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. I. М., 2010а. С. 1–428.
- Зализняк А.А.* «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник // А.А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. I. М., 2010б. С. 531–708.

- Зализняк А.А.* Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014. 728 с.
- Кипарский В.* О хронологии славяно-финских лексических отношений // Scando-Slavica. 1958. Vol. IV. P. С. 127–136.
- Кулешов В.С.* Вокализм ранних славянских заимствований в прибалтийско-финских языках и реконструкция вокалической системы северно-словенского диалекта // Gedenkschrift für Eugen A. Helinski / V. Ju. Gusev, A. Widmer, A. Klein (eds.). (= Finnisch-Ugrische Mitteilungen, Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009). Hamburg, 2010. С. 345–354.
- Лыткин В.И.* Выступление в дискуссии // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 447–448.
- Ниеминен Э.* К вопросу о влиянии праславянского языка на прибалтийско-финские языки // Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15–21, IX 1955). Beograd, 1957. S. 497–502.
- Николаев С.Л.* Новые данные о рефлексах *о и *ъ в русских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 17: Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015. С. 90–188.
- Ойнас Ф.* Взаимоотношения между русским и прибалтийско-финскими языками // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 475–477.
- Стадникова Е.В.* Материалы к изучению двух фонем «типа о» в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 135–174.
- Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства / За ред. І. К. Білодіда. Київ, 1970–1980.
- Тер-Аванесова А.В.* Отклонения от правила распределения двух фонем «типа о» в восточнорусском говоре Пустошей // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6: Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 60–93.
- Тоньшин Ф.М.* Материалы по Рязанской губернии и у., Новосельской в., село Новоселки // Русский филологический вестник. 1912. Т. 68. № 3. С. 1–22.
- Тростянский В.И., Гришкин И.С. и др.* Диалектологические материалы, собранные В.И. Тростянским, И.С. Гришкиным и др. // Сборник ОРЯС. 1916. Т. 95. № 1. С. 1–65, 125–158.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. I–IV.
- Шевельов Ю.* Исторична фонологія української мови. Переклад з англійської. Харків, 2002. 1054 с.

- Шахматов А.А. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. // Известия ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4. С. 173–220.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919. XVI. 265 с.

Elena A. Galinskaya

ON THE HISTORY OF OLD RUSSIAN SOUNDS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

At some moment in the history of the Great Russian part of Old Russian, a new closed [ô] vowel emerged. It was caused by the development of the original [o] in syllables with the so-called autonomous stress. Andrey A. Zaliznyak assumed that two types of stress, autonomous stress and automatic stress, persisted in Old Russian or at least in some of its dialects until the 14th century. Taking this fact into account, it is interesting to find out when the [ô] vowel came into being — before the fall of yers or after it. In syllables with autonomous stress not only the original [o], but also [ъ] in strong position could occur, e.g., *pólzati* ('to crawl'). In manuscripts and contemporary Russian dialects reflecting the opposition /ô/ ~ /ɔ/ of the Great Russian type, any *o* from [ъ] including [ъ] under autonomous stress is mainly reflected as /ɔ/. This is to suggest that there is no substantial difference between the reflexes of [ъ] in the syllables with autonomous stress and [ъ] in other positions. Thus, [ô] must have originated before the transformation of strong reduced vowels into full vowels. Otherwise, if the strong [ъ] had merged with [ɔ] before the formation of [ô], the reflexes of that [ъ] would have been different depending on its accentological position—whether it had an autonomous stress or not.

Old Russian had the vowel [ô] of the Great Russian type and the vowel [ô] of the Ukrainian type. The latter appeared in newly closed syllables, which were followed by a syllable with a weak yer, which subsequently disappeared. That [ô] vowel also emerged before the transformation of strong yers into full vowels, because [o] from [ъ] in Ukrainian normally does not turn into [ô], while all the seeming exceptions can be explained away.

Therefore, the rise of the [ô] vowel (both of the Ukrainian type and of the Great Russian type) can be dated before the transformation of strong yers into full vowels, which means that this is a very archaic dialectal feature distinguishing the south-western part of the old East Slavic dialect continuum from its central and northern parts.

Key words: fall of yers; autonomous and automatic accent; opposition of two types of [o]; closed [ô] of the Ukrainian and the Great Russian types; relative chronology.

About the author: *Elena A. Galinskaya* — PhD, Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: egalinsk@mail.ru).

References

- Brok O. *Opisaniye odnogo govora iz yugo-zapadnoy chasti Totemskogo uyezda* [The description of a dialect of the South-Western part of the Totemsky district]. St. Petersburg. 1907. 151 p. (In Russ.)
- Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (Centr evropejskoj chasti SSSR). Karty. Vypusk I. Fonetika [Dialectological atlas of the Russian Language (Center of the European part of the USSR). Maps. Issue I. Phonetics]. Moscow, 1985. (In Russ.)
- Dybo V.A., Zamyatina G.I., Nikolayev S.L. *Osnovy slavyanskoy aktsentologii. Slovar. Neproiizvodnyye osnovy muzhskogo roda* [Basics of Slavic accentology. Dictionary. Non-derived masculine stems]. Issue 1. Moscow, 1994. 284 p. (In Russ.)
- Zaliznyak A.A. K izucheniyu yazyka berestyanykh gramot [On the language of birchbark letters]. Yanin V.L., Zaliznyak A.A. *Novgorodskiy gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)* [Novgorodian birchbark letters (from the excavations of 1984–1989)]. Moscow, 1993, p. 191–343. (In Russ.)
- Zaliznyak A.A. Ot praslavyanskoy aktsentuatsii k russkoy [From Proto-Slavic stress to Russian]. Zaliznyak A.A. *Trudy po aktsentologii* [Writings on accentology], vol. I. Moscow, 2010a, pp. 1–428. (In Russ.)
- Zaliznyak A.A. «Merilo Pravednoye» XIV veka kak aktsentologicheskij istochnik [“Merilo Pravednoye” from the 14th century as an accentological source]. A.A. Zaliznyak. *Trudy po aktsentologii* [Writings on accentology]. Vol. I. Moscow, 2010b, pp. 531–708. (In Russ.)
- Zaliznyak A.A. *Drevnerusskoye udareniye. Obshchiye svedeniya i slovar* [Old Russian stress: An overview and dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2014. 728 p. (In Russ.)
- Kiparskiy V. O khronologii slavyano-finskikh leksicheskikh otnosheniy [On the chronology of Slavo-Finnish lexical relationships]. *Scando-Slavica*. 1958. Vol. IV, pp. 127–136. (In Russ.)
- Kuleshov V.S. Vokalizm rannikh slavyanskikh zaimstvovaniy v pribaltiysko-finskikh yazykakh i rekonstruktsiya vokalicheskoy sistemy severno-slovenskogo dialekta [Vowel system of the earliest Slavic loanwords in Baltic Finnic and a reconstruction of ‘North Slovene’ vocalism]. *Gedenkschrift für Eugen A. Helimski*. Eds. V. Ju. Gusev, A. Widmer, A. Klein (= *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*, Bd. 32/33, Jahrgang 2008/2009). Hamburg, 2010, pp. 345–354. (In Russ.)
- Lytkin V.I. Vystupleniye v diskussii [Discussion talk]. IV Mezhdunarodnyy syezd slavistov: Materialy diskussii. T. 2. Problemy slavyanskogo yazykoz-

- naniya [4th *International Congress of Slavists: Proceedings of the discussion. Vol. 2. Problems of Slavic linguistics*]. Moscow, 1962, pp. 447–448. (In Russ.)
- Niyeminen E. K voprosu o vliyanii praslavyanskogo yazyka na pribaltiysko-finskiye yazyki [More on the influence of Common Slavic on Baltic Finnic]. Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15–21, IX 1955). Beograd, 1957, pp. 497–502. (In Russ.)
- Nikolayev S.L. Novyye dannyye o refleksakh *o i *ъ v russkikh dialektakh [New data on the reflexes of *o and *ъ in Russian dialects]. Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 17. Sudba slavyanskikh dialektov i perspektivy slavyanskoy dialektologii v XXI veke [Studies in Slavic dialectology. Issue 17. History of Slavic dialects and the future of Slavic dialectology]. Moscow, 2015, pp. 90–188. (In Russ.)
- Oynas F. Vzaimootnosheniya mezhdru russkim i pribaltiysko-finskimi yazykami [Relationships between Russian and the Baltic Finnic languages]. IV Mezhdunarodnyy syezd slavistov: Materialy diskussii. T. 2. Problemy slavyanskogo yazykoznaniya [4th *International Congress of Slavists: Proceedings of the discussion. Vol. 2. Problems of Slavic linguistics*]. Moscow, 1962, pp. 475–477. (In Russ.)
- Stadnikova E.V. Materialy k izucheniyu dvukh fonem «tipa o» v starovelikorusskom [Data for the study of two “o-like” phonemes in Old Great Russian]. Istoricheskaya aktsentologiya i sravnitelno-istoricheskii metod [Historical accentology and comparative-historical method]. Moscow, 1989, pp. 135–174. (In Russ.)
- Slovník ukraíns’koï movi: v 11 tt. / AN URSR. Institut movoznavstva. Za red. I. K. Bilodida [Dictionary of the Ukrainian language in 11 vols. Academy of Sciences of the USSR. Ed. I.K. Bilodid]. Kiev, *Naukova dumka Publ.*, 1970–1980. (In Ukrainian)
- Ter-Avanesova A.V. Otkloneniya ot pravila raspredeleniya dvukh fonem «tipa o» v vostochnoruskom govore Pustoshey [Exceptions to the rule of the distribution of two “o-like” phonemes in an Eastern Russian dialect of Pustosha]. Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 6. Slavyanskaya dialektologiya i istoriya yazyka [Studies in Slavic dialectology. Issue 6. Slavic dialectology and historical linguistics]. Moscow, 2005, pp. 60–93. (In Russ.)
- Tonshin F.M. Materialy po Ryazanskoj gubernii i u., Novoselskoj v., selo Novoselki [Data on a dialect of Ryazan province and district of Novoselskaya volost, Novoselki village]. *Russkiy filologicheskij vestnik* [Russian philological bulletin]. 1912. Vol. 68. № 3, pp. 1–22. (In Russ.)
- Trostyanskiy V.I., Grishkin I.S. et al. Dialektologicheskiye materialy, sobrannyye V.I. Trostyanskim, I.S. Grishkinym et al. [Dialectological data collected by V.I. Trostyanskiy, I.S. Grishkin et al.]. *Sbornik ORYaS* [Transactions of the Department of Russian language and philology]. 1916. Vol. 95. № 1, pp. 1–65. 125–158. (In Russ.)

- Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Russian etymological dictionary]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987. Vol. I–IV. (In Russ.)
- Shevelov Yu. *Istorichna fonologiya ukrainskoï movi* (Pereklad z angliyskoï) [A historical phonology of the Ukrainian language (Translation from English)]. Kharkiv, Acta Publ., 2002, 1054 p. (In Ukrainian)
- Shakhmatov A.A. Opisaniye Lekinskogo govora Egoryevskogo uyezda Ryazanskoy gub. [A description of the dialect of Leka village in Egoryevski district of Ryazan province]. *Izvestiya ORYaS* [Proceedings of the Department of Russian language and philology], 1913. Vol. 18. Issue 4, pp. 173–220. (In Russ.)
- Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki, Société Finno-Ougrienne, 1919. XVI, 265 p.

А.Б. Летучий

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ?¹

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, Мясницкая ул., 11*

В статье мы разбираем вопрос о том, можно ли говорить для русского языка о сентенциальных подлежащих, т.е. о подлежащих, представляющих собой целую клаузу (*Меня удивило, что никто не пришёл*). Проблема рассматривается на материале конструкций с глаголом *понравиться* и некоторых других эмоциональных предикатов. Чтобы определить степень «подлежащности» (синтаксического приоритета) сентенциального актанта, его поведение сопоставляется с поведением именного подлежащего в именительном падеже. Для сопоставления используются два признака: (1) контроль глагольного согласования сочиненной группой (раздел 2) и (2) способность занимать вторую позицию после глагола-темы в конструкциях с выносом глагола и интонирование таких конструкций (раздел 3).

Как выясняется, поведение сентенциальных актантов отличается от поведения именных. Сочиненные группы с конъюнктами-СА не контролируют согласование (хотя контроль иногда возможен, если сентенциальным является только один из конъюнктов). Сентенциальные актанты модального глагола стандартно не занимают позицию после глагола-Темы, тогда как именные подлежащие к этому способны. Если же вынос допускается, сентенциальный актант интонируется вместе с глаголом, как это происходит с прямым дополнением подчиненного глагола.

Тем самым мы приходим к выводу, что рассмотренные свойства отличают сентенциальные подлежащие от стандартных именных. Наш анализ показывает, что сентенциальные актанты можно считать неканоническими подлежащими. При этом среди неканонических подлежащих следует выделять (1) те, которые не каноничны по структуре (сентенциальные актанты) и (2) по позиции в актантной структуре / падежному маркированию (например, дативные актанты безличных глаголов).

Однако оказывается, что противопоставление не всегда проходит собственно по границе между именными и сентенциальными актантами. По

Летучий Александр Борисович — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: alexander.letuchiy@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09154.

критерию согласования неканонически ведут себя не только сочиненные конструкции с СА, но и сочиненные конструкции, где конъюнкты — это именные актанты с вершиной *то* и относительным придаточным (типа *то, что Вася принёс*). Следовательно, согласование регулируется не типом актанга, а скорее типом вершины (лексическая именная / нелексическая, грамматикализованная или не именная). А значит, все аспекты нестандартного поведения сентенциальных актантов требуют сопоставления не только со стандартными именными группами, но и с сочинением конструкций с *то*. Возможно, именно тип вершины иногда влияет на нестандартное поведение.

Ключевые слова: подлежащее; сложное предложение; сентенциальный актант; согласование; линейная позиция; интонация; неканоническое подлежащее.

1. Введение

Данная статья посвящена подлежащему в русском языке — а точнее, подлежащим свойствам сентенциальных актантов (далее — также СА) в предложениях типа *Меня удивило, что никто не приехал*. Мы покажем, что однозначного ответа этот вопрос не имеет — в зависимости от того, какие критерии мы используем для определения подлежащего, ответы будут разные.

Дискуссия о подлежащем в русском языке имеет давнюю историю. В традиционной русистике синтаксические позиции (в частности, позиция подлежащего) обсуждались в применении к зависимым предложениям, однако единого решения принято не было. Например, В.В. Виноградов [1955] отмечает, что части сложного (в данном случае — сложносочиненного, но то же верно и для сложноподчиненного) предложения тесно связаны друг с другом: «...традиционные представления о независимости и самостоятельности предложений, объединенных в структуре сложносочиненного предложения, очень условны и произвольны. Не только содержание, но и структурные своеобразия каждого из предложений в составе сложного предложения взаимообусловлены и взаимосвязаны» [Виноградов, 1955: 431]. Далее принимается гипотеза о том, что подлежащим может быть целое предложение, но существующие классификации критикуются за их грубость — прежде всего за то, что они слишком уподобляют друг другу структуру простого и сложного предложения.

Довольно давно к данным русского языка применяются признаковые подходы к подлежащему. И.Ш. Козинский [1983] первым продемонстрировал как применимость к вопросу о подлежащем многофакторного подхода, заданного в работе Э. Кинэна [1976],

так и его ограниченность: оказывается, что при последовательном применении этого подхода понятие подлежащего в крайней степени размыто. По сути, любые признаки, явно связанные с грамматическим приоритетом, могут служить мерой «подлежащности» актанта. Определенные признаки грамматического приоритета имеют, например, прямое дополнение и агентивное дополнение в творительном падеже при пассиве.

А.В. Циммерлинг [2011], отчасти ориентируясь на методику Х. Сигурдссона [2002], показывает, что возможен и менее радикальный подход. Можно рассматривать стандартным способом канонические номинативные подлежащие, однако для безличных конструкций (например, конструкций с предикативами типа *Тебе будет холодно там стоять*) требуется подробный признаковый анализ свойств датива *тебе* и синтаксического актанта *там стоять*.

В статье мы придерживаемся именно многофакторного подхода. Иначе говоря, мы предполагаем, что нет одного признака, отсутствие или наличие которого раз и навсегда решает вопрос о том, является ли некоторая единица подлежащим или нет. Наиболее продуктивный подход к единицам, не являющимся подлежащими в каноническом смысле, — это учет разных факторов и измерение степени «подлежащности», синтаксического приоритета. В этой статье мы измеряем по двум критериям меру соответствия свойств синтаксического подлежащего стандартному именованному: эти критерии — контроль глагольного согласования и возможность одного из типов выноса темы. Тем самым мы принимаем признаковый подход, аналогичный выбранному И.Ш. Козинским [1983].

При этом в качестве канонических подлежащих выбираются именно именные группы в именительном падеже. Возможно, сходство с синтаксическим актантом стало бы больше, возьми мы для сравнения, например кванторные группы (*много яблок*). Однако мы считаем, что эти группы сами по себе вызывают много вопросов, в том числе касающихся их синтаксического статуса, и не анализируем их.

Нужно также сказать, что мы обходим весьма тонкий и большой вопрос о том, как выделить среди признаков синтаксического приоритета именно признаки, релевантные для определения подлежащего. От ответа на него зависит, в частности, наше решение о том, в любом ли предложении, содержащем актанта, мы допускаем нахождение подлежащего (ср., например, безличные конструкции типа *Ваме стыдно*, где оно обычно не выделяется). Понятно, что если мы отождествляем признаки приоритета и подлежащие свойства, получается, что любая конструкция, где есть актанта с хотя

бы некоторыми признаками приоритета, уже имеет подлежащее. Мы считаем, что такой крайний подход, несомненно, неприемлем. Однако выбор ядра признаковой системы, которое мы будем рассматривать именно как критерии подлежащего, сильно зависит от теории. За пределами основных признаков подлежащего, таких как именительный падеж и глагольное согласование, ситуация становится сильно размытой и зависит от степени нашего доверия к результатам таких тестов, как рефлексивизация или контроль PRO при целевом обороте. Больше того, как мы покажем ниже, даже данные согласования нередко не дают однозначного ответа на вопрос, является ли актант подлежащим.

Сентенциальные подлежащие (ср., например, *Серёжу злит, что все его игнорируют*) составляют особую проблему. Дело в том, что сентенциальные актанты не имеют категории падежа и не контролируют глагольное согласование. Тем самым у них по определению отсутствуют ключевые признаки подлежащего.

Именно поэтому некоторые исследователи считают, что сентенциальные подлежащие просто невозможны. Так, например, именно такая крайняя точка зрения принимается в работах [Emonds, 1972] и [Koster, 1978]. В то же время Делаханты [1983] оспаривает эту точку зрения и считает, что сентенциальные субъекты существуют. Наконец, В. Дэвис и С. Дубински [2009] вводят в рассмотрение прагматику: они считают, что сентенциальных субъектов в полном смысле слова действительно не бывает, однако это вызвано не чисто синтаксическими причинами — роль играет прагматика, а именно большая длина и синтаксическая сложность сентенциальных актантов.

Для русского языка В.В. Виноградов показывает, что инфинитивные и клаузальные подлежащие отличаются по свойствам от именных. Проблема получила освещение и в современных исследованиях [см.: Летучий, 2012, 2014; Князев, 2017], и было показано, что свойства сентенциальных актантов по одним аспектам похожи на свойства именных, а по другим отличаются. В данной статье мы рассмотрим несколько свойств сентенциальных актантов и покажем, что а) сентенциальные актанты не обладают всем набором подлежащих свойств и б) различие иногда нужно проводить не между сентенциальными и именными актантами, а на других основаниях.

Отметим, что в работе мы рассматриваем не все сентенциальные актанты. В частности, не рассматриваются сентенциальные зависимые в связочных конструкциях с предикативами типа *Учиться — весело*. Зависимые типа *учиться* в таких конструкциях не раз становились объектом исследований [см.: Гвоздев, 1973; Летучий,

2014; Циммерлинг, Трубицина, 2014]. Однако мы считаем, что синтаксис предикативов в русском языке существенно отличается от синтаксиса глаголов — а значит, было бы неверно рассматривать их в рамках одной работы, хотя проблема подлежащего встает для конструкций с обоими типами предикатов.

Из глагольных конструкций мы берем в качестве конкретного объекта эмотивные глаголы и глаголы отношения — преимущественно рассматривается глагол отношения (*по*)*нравиться*. Мы считаем, что наши выводы можно распространить и на другие группы синтаксических «подлежащих». Выбранные группы удобнее для анализа, чем многие другие, потому что свободно допускают и именные, и синтаксические актанты, часто синонимичные или квази-синонимичные друг другу (*Мне нравится, что ты пунктуален / твоя пунктуальность*). Например, глаголы знания и мнения допускают синтаксические актанты свободнее, чем именные (*Я понимаю, что Петя опоздал / *Петино опоздание / *о Петиним опоздании*).

1.1. Проблема аналогии

За всеми подходами, отстаивающими возможность синтаксических подлежащих, стоит имплицитное предположение:

Синтаксические роли синтаксических актантов могут быть установлены по аналогии с синтаксическими ролями именных актантов (если они возможны при этом предикате), заполняющим аналогичные валентности.

Например, мы предполагаем, что синтаксический актант глагола *удивить* (*Меня удивило, что Петя не приехал*) может быть подлежащим, потому что у того же глагола есть модель с именным подлежащим (*Сегодня ты меня удивил*). Однако, как будет показано ниже, эта логика несколько ущербна, хотя основывается на вполне ясных теоретических предпосылках. Можно назвать исходную гипотезу, стоящую в основе аналогии, **гипотезой об автономности синтаксических ролей**:

Гипотеза об автономности синтаксических ролей

Синтаксические роли — автономный уровень языковой структуры и классификации единиц. Он не затрагивается непосредственно внутренними свойствами слова или составляющей — в частности, его грамматическим маркированием и частеречными свойствами.

Альтернативный подход, представленный во многих англоязычных работах, заключается в том, что внутренние (морфологические,

частеречные) свойства составляющих и их вершин могут быть релевантны для определения синтаксической позиции.

1.2. Синтаксические роли и внутренние свойства

В действительности, помимо конструкций с сентенциальными актантами, существуют и другие подтверждения того факта, что внешние свойства (синтаксические роли, поведение с внешним контекстом) зависимы от внутренних. Хорошей иллюстрацией является поведение кванторных слов.

Кванторные слова действительно способны употребляться в позициях прямого дополнения и подлежащего, где допустимы и именные группы. Например, они тоже способны выступать в качестве подлежащего и прямого дополнения:

- (1) *Он много сделал;*
- (2) *Много было сделано.*

Однако в то же время эти актанты отличаются по своей дистрибуции от именных групп. Например, они могут маркироваться именительным падежом и быть каноническим подлежащим даже в тех случаях, где в норме такой позиции нет. Например, при глаголе *хватать / хватить* только кванторные (с вершиной-числительным), но не именные группы могут выступать в именительном падеже²:

(3) *Сколько тебе дать? Два миллиона хватит?* [Дина Рубина. Монологи (2000)];

- (4) *Ему хватило три часа, чтобы оценить ситуацию;*
- (5) *? Миллион хватит?*
- (6) *?? Ему хватило один час, чтобы оценить ситуацию.*

Некоторые из опрошенных нами носителей считают сомнительными предложения такого рода и с кванторными, и с именными группами. Однако, как кажется, кванторные группы заметно более приемлемы. Разница особенно заметна при формах прошедшего времени, требующих согласования с подлежащим по роду. Приведем данные опроса, где каждый носитель должен был оценить все предложения от 1 балла (абсолютно неприемлемо) до 4 (абсолютно приемлемо). Всего в опросе приняли участие 57 человек:

- (7) *Мне хватило один час, чтобы оценить ситуацию* — 83 балла;
- (8) *Мне хватило одного часа, чтобы оценить ситуацию* — 220;
- (9) *Мне хватило два часа, чтобы оценить ситуацию* — 149;
- (10) *Мне хватило двух часов, чтобы оценить ситуацию* — 212.

² Группы типа *один час* — это обычные именные группы, поскольку числительное *один* там не является вершиной. Оно ведет себя как прилагательное, модификатор вершинного имени.

Ответы доступны по адресу: URL: <https://docs.google.com/forms/d/1rAVWexPsrNXH-LYcsZ7SF2rajnWmGwEsNNCaiUUUZMs/edit?c=0&w=1#responses>.

Как видно, если примеры с генитивом именной группы и числительного *два* примерно одинаково приемлемы (соответственно 3,86 и 3,72 балла в среднем на человека), то примеры с номинативом различаются в среднем более чем на балл (пример (7) получает в среднем 1,46 балла, а (9) — 2,61). Следовательно, в позиции номинативного подлежащего при *хватать* гораздо приемлемее кванторные группы, чем именные.

Ниже мы рассмотрим ряд свойств сентенциальных актантов: согласовательные свойства, возможность одного из типов линейного перемещения и некоторые другие — и сделаем выводы о том, как сентенциальные «подлежащие» соотносятся со стандартными типами подлежащих.

2. Согласование

Одним из ключевых признаков подлежащего является контроль глагольного согласования. К нему способны и именные, и кванторные группы. Впрочем, если подойти к проблеме глубже, то, на наш взгляд, стоит принять подход Е.А. Лютиковой [2010]: это способ анализа, при котором принимается, что отсутствие / наличие согласования глагола с кванторными группами — это не свободные варианты, а показатель того, содержит ли группа проекцию DP:

- (11) *Пришли (эти) пять человек;*
- (12) *Пришло (*эти) пять человек.*

2.1. Запрет на согласование с сентенциальными актантами

Сентенциальные актанты не способны к контролю согласования. Это касается и финитных зависимых клауз, и инфинитивных оборотов. Понятно, что в стандартном контексте типа *Меня удивило, что никто не пришёл*, вопрос о согласовании лишен смысла: нельзя выяснить, наблюдаем мы «дефолтную» форму среднего рода единственного числа / третьего лица единственного числа или согласование с сентенциальным актантом. Однако рассмотрение сочинительных конструкций проясняет ситуацию. С именными актантами согласование в таких случаях возможно:

Пришли Маша и Даша.

Напротив, для сентенциальных актантов оно запрещено:

(13) *Ее удивляло, что брань слышалась непрерывно и что громче и дольше всех бранились старики, которым пора уже умирать* [А.П. Чехов. Мужики (1897)];

(13') **Её удивляли, что брань слышалась непрерывно и что громче и дольше всех бранились старики;*

(14) *Мне вначале просто нравилось гулять по улицам и разглядывать рекламы* [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976];

(14') **Мне вначале просто нравились гулять по улицам и разглядывать рекламы.*

Отметим, что согласование невозможно даже для сентенциальных актантов с местоимением *то*, которые во многих других отношениях близки к именным актантам:

(15) **Меня удивили то, что на улице мало машин, и то, что в метро почти никто не ездит.*

Тем самым согласование с сочиненной группой из двух сентенциальных актантов показывает отличия СА от стандартных подлежащих. Согласование с сочиненной группой в норме возможно, если конъюнкты именные (хотя вариант без согласования часто также допустим, а иногда является главным) и невозможно, если они сентенциальные.

2.2. Сентенциальные актанты и относительные придаточные с *то*

Казалось бы, наши данные показывают, что сентенциальные актанты по признаку согласования ведут себя не «подлежащно», не согласуются по множественному числу. Однако похоже, что некоторые различия объясняются не различием между сентенциальными и именными актантами, а чем-то другим.

Чтобы ввести эти случаи, напомним, что некоторые актанты, содержащие клаузу, сентенциальными тем не менее не являются. Речь идет о группах, модифицированных придаточными относительными:

(16) *Человек, которого мы вчера видели, весь день вертелся около нашего дома.*

Хотя актант [*человек, которого мы вчера видели*] содержит в структуре клаузу, сам по себе он клаузой не является. Вершина *человек* модифицируется относительным придаточным *которого мы вчера видели*. Актант при этом ведет себя, конечно, как именной: это ясно хотя бы из того, что при глаголе *вертеться* подлежащим никак не может быть ситуация.

Наряду с примером (16), где вершина — это стандартное существительное, есть и другие случаи. В примерах типа (17) и (18) относительное придаточное модифицирует местоименную вершину: например, *всё, то* и т.д.:

(17) *Всё, что ты купил, уже успело испортиться;*

(18) *То, что принёс Вася, я сразу переложил в шкаф.*

Примеры (17) и (18) семантически отличаются от предложений типа (16). В (17) и (18) мы ничего не знаем об описываемом предмете, кроме его описания, выраженного придаточным относительным. Однако в любом случае синтаксически актанта в примерах (17) и (18) тоже является именным и обозначает предмет. В частности, данный актанта сочетается с такими глаголами (*испортиться, переложить*), при которых сентенциальные актанта невозможны.

Тем не менее выясняется, что некоторые актанта с относительными придаточными тоже не могут контролировать согласование. Сравним хотя бы поведение актанта с вершиной *тот* (одушевленных) и с вершиной *то* (неодушевленных):

(19) *То, что он видел, и то, что слышал, рождало привычное ощущение неясной, но несомненной игры* [Леонид Зорин. Глас народа (2007–2008) // Знамя, 2008;

(20) **То, что он видел, и то, что слышал, рождали ощущение игры;*

(21) *Мне больше всего понравились тот, кто выступал первым и тот, кто выступал последним.*

Чем же вызвано различие между этими типами примеров? Ясно, что напрямую объяснить их одушевленностью нельзя: в нормальной ситуации неодушевленные подлежащие контролируют согласование. Другая линия объяснения могла бы задействовать противопоставление предметов и ситуаций. Однако и она, видимо, непродуктивна. Согласование с конструкциями с *то* невозможно даже в том случае, когда речь идет, например, о подарке или сумке продуктов — параллельные примеры с обычными именными группами допускают согласование:

(22) **То, что купил Вася, и то, что купил Петя, лежат на столе;*

(23) *Петин подарок и Васина книжка лежат на столе.*

Скорее речь идет о степени близости вершины к стандартной именной группе / существительному. Вершина *тот* в целом похожа по свойствам на именную группу — например, она может изменяться по числу:

(24) *Мне больше всех понравились те, кто выступал в конце.*

Итак, правило можно сформулировать так: **согласование глагола не контролируют те сочиненные группы, в которых конъюнкты не имеют вершины со свойствами лексического существительного (в частности,**

с набором именных категорий, таких как число, и с референцией к конкретному объекту действительности). Под эту формулировку попадают конструкции с *тот* (их референтом является человек), но не конструкции с *то*. Этим же объясняется поведение сентенциальных актантов с комбинацией *тот факт, что*: группа *тот факт* имеет смешанные свойства (*факт* нельзя назвать в полной мере грамматическим маркером, однако, например, по числу в этой конструкции оно уже не изменяется). Именно поэтому предложения типа (25), видимо, возможны, но выглядят нестандартно:

(25) *Меня удивляют тот факт, что Петя не приехал, и тот факт, что он нас не предупредил.*

2.3. Дополнительные данные: сочинение именных групп и сентенциальных актантов

Особым и проблемным случаем являются конструкции, где в позиции подлежащего сочиняются именная группа и сентенциальный актант³. Приведем некоторые примеры:

(26) *Также важны цена и то, не будет ли он слишком греться* (acerfans.ru >... >);

(27) *Оно лаконичное, поэтому крайне важны качество и то, как оно сидит на конкретной девушке.* (wap.bbcru.forum24.ru);

(28) *Главными тому причинами стали его неоправданно высокая цена и то, что автомобиль вышел на рынок со скудным выбором комплектаций ...* (Газета РБК)

Данная конструкция является исключением в том смысле, что здесь придаточное с *то, что* участвует в согласовании. Это возможно, только если другой конъюнкт — является именной группой. Если в примере типа (26) заменить слово *цена* на придаточное, согласование станет невозможно:

(29) **Также важны то, сколько он стоит и то, не будет ли он слишком греться.*

Хотя примеры типа (26)–(28) редки, они показывают, что маргинально сентенциальные актанты (хотя не все, а только с местоимением *то*) могут участвовать в согласовании. Естественно, подобных примеров с согласованием мы не найдем с теми типами неканонических подлежащих, которые занимают «неправильную» позицию в актантной структуре глагола или маркируются «неподлежащим» падежом — например, для дативных актантов:

(30) **Машу и Васю знобили.*

³ В целом, конечно, сочинение этих двух типов групп встречается редко и в некоторых случаях полностью неграмматично: ср. **Я знаю, что Серёжа заболел и его адрес.*

На сегодняшний день мы не имеем формальной трактовки примеров с согласованием типа (26)–(28). Однако следует предположить, что сам механизм согласования запускается именным конъюнктом с лексической вершиной. При этом далее просто подсчитывается количество групп — и, поскольку в примерах (26)–(28) их по две, глагол может оформляться множественным числом.

3. Просодические характеристики и линейная позиция

Перейдем теперь к другому критерию — возможности одного из типов линейного перемещения. Нужно сказать, что хотя в русском предложении наблюдается довольно большая свобода порядка слов (русский принадлежит к языкам, для которых в порождающей грамматике используется механизм скрэмблинга, перемешивания составляющих, см. [Bailyn, 2001], в полной мере назвать его свободным нельзя (см., например, [Bailyn, 2001, 2003], где показано, что перемещение актанта придаточного предложения в начальную позицию довольно строго ограничено, и эти ограничения в некоторых аспектах сходны с ограничениями на вынос вопросительного слова). Наш материал отличается от материала работ Бейлина о скрэмблинге, но подтверждает, что свобода порядка слов в русском языке является неполной.

Мы рассматриваем конструкции с матричным модальным глаголом, зависимым инфинитивом и подлежащим при модальном глаголе — сентенциальным или именным. Базовый порядок слов в этих конструкциях — один из следующих:

(31) *Эта песня могла понравиться только идиоту / жить здесь могло понравиться только идиоту;*

(32) *Только идиоту могла понравиться эта песня / здесь жить.*

Передвижение, о котором мы говорим, устроено следующим образом: зависимый инфинитивный предикат перемещается в абсолютное начало предложения и становится ортотонической темой. За ним следует подлежащее главного предложения, которое является атонической темой. Тем самым сильный акцент темы (часто — контрастной) находится на одном (инфинитивном) актанте матричного модального глагола, а атонической темой является другой (субъект возможности).

(33) *Понравиться эта песня / здесь жить могло только идиоту.*

Если принять инвентарь линейно-акцентных преобразований, принятых в [Циммерлинг, 2008; Янко, 2001] о других вариантах исчисления таких преобразований), то это перемещение относится к типу 3 “Verb topicalization” и описывается следующим образом:

Verb Topicalization (Перемещение глагола влево в начало фразы в позицию основной Темы).

(34) [_T ÌВася] [_Fхорошо [_{FR}Объясняет] → # [_T Ì Объясняет]_i ₀Вася t_i [_F [_{FR}хорошо]]. [Циммерлинг, 2008: 181, примеры (18аб)]⁴.

Автор указывает, что основная тема — в данном случае глагол — несет восходящий акцент с ранним таймингом. В работе Е.А. Брызгуновой для таких случаев предлагается ИК-3 — восходящий тон с последующим падением.

Для нас будут существенны как собственно возможность передвижения синтаксических единиц в начало предложения, так и интонация, которой может оформляться передвинутая часть.

3.1. Ограничение на перемещение сентенциального актанта в позицию атонической темы

Итак, рассмотрим полипредикативные конструкции, где от матричного глагола зависит инфинитивный оборот⁵:

(35) *Только идиоту могла понравиться эта песня.*

Мы действуем точно так же, как в разделе 2: а именно сопоставляем поведение именного актанта (*эта песня*) с сентенциальным (*здесь жить*, см. пример (31)). Чтобы избежать путаницы, сразу скажем, что мы рассматриваем соответственно, именной и сентенциальный актанта **вложенного глагола в инфинитиве** и сопоставляем их синтаксическое поведение:

(36) [*могла* [*понравиться* [*эта песня*]]];

(37) [*могло* [*понравиться* [*там жить*]]].

Нулевой гипотезой будет предположение о том, что структуры в (36) и (37) аналогичны (независимо от того, задают ли модальный глагол и глагол, подчиненный ему, каноническую полипредикацию). Исходной по отношению к (36) и (37) структурой будет предложение, где актантом глагола *понравиться* является ИГ или СА:

(38) *Ему понравилась эта песня;*

⁴ В этой работе мы не используем нотацию А.В. Циммерлинга (в целом очень удобную), а просто ставим на месте нисходящего акцента символ √, а на месте восходящего символ ∩. Это решение не обусловлено никакими теоретическими предпосылками, а связано только с тем, что мы используем данные интонации лишь фрагментарно и только в той мере, в какой она может дать информацию о синтаксической структуре.

⁵ Как справедливо замечает анонимный рецензент, для многих русских конструкций с инфинитивом, в том числе и для модальных, не очевидно, являются ли они полипредикативными. Однако для нас в данном случае важно не соотношение конструкций типа (31) с прототипами поли- и монопредикации. Существенно только то, что в (26) глагол, подчиненный модальному, имеет именную актанта (*эта песня*), а в (31) — сентенциальный (*там жить*). Именно эти два типа актантов мы и сопоставляем друг с другом.

(39) *Ему понравилось там жить.*

Затем глагол *понравиться* с именным или сентенциальным актантом, в свою очередь, подчиняется модальному глаголу *мочь*, и возникает структура типа (36) или (37).

Возможен порядок, где инфинитив занимает первую позицию, а подлежащее главного предложения *эта песня* — вторую:

(40) *Понравиться эта песня могла только идиоту;*

(41) *Понравиться эта повесть могла только тем людям, которые не представляют себе в молодости счастья без несчастной любви* (URL: [https://books.google.ru/books? isbn=5457163172](https://books.google.ru/books?isbn=5457163172));

(42) *Симпатизировать россияне могут кому угодно, но голосовать будут в основном за них* [Игнатов Владимир. У ДУТЫХ ПАРТИЙ ВЕК НЕДОЛОГ // Труд-7, 2003.11.05] (URL: https://royallib.com/read/bushkov_aleksandr/strana_o_kotoroy_znali_vse.html).

В этой конструкции инфинитив в начальной позиции — это вынесенная тема. Нередко она является контрастной: в примере (42) противопоставлены глаголы *симпатизировать* и *голосовать*. Т.Е. Янко [2004] отмечает, что контрастные темы часто помещаются в начало предложения или клаузы (ср., например, *Готовила пирога мама, а резал Вася*).

Как показано выше (примеры (36) и (37)), у модального глагола может быть сентенциальное подлежащее, если его может иметь подчиненный предикат. Например, глагол *понравиться* может иметь подлежащие обоих типов, а значит, оба типа подлежащих возможны в конструкции с модальным глаголом и *понравиться*:

(43) *Только идиоту могло понравиться там жить;*

(44) *Только идиоту могло быть приятно, что городом правят бандиты.*

Однако в конструкции с топикализацией глагола возникают проблемы с выносом во вторую позицию сентенциального актанта (ср. примеры (40)–(42), где показано, что такой вынос возможен для именного подлежащего модального глагола. Согласно нашей интуиции, инфинитивные подлежащие с трудом допускают вынос, а финитные, по-видимому, не допускают вообще⁶:

(43') ?? *Понравиться там жить / жить там могло только идиоту;*

(44') **Понравиться, что городом правят бандиты, могло только идиоту.*

Возможно, что сомнительность примера типа (44') связана с «тяжестью» — длиной и синтаксической сложностью — финитного сентенциального актанта. Однако, если сопоставить сентенциаль-

⁶ Впрочем, надежных суждений от информантов на сегодняшний день получить не удалось — в первую очередь потому, что интонационное оформление фразы с выносом глагола сильно варьирует по информантам.

ный актант с именной группой, содержащей относительное придаточное, окажется, что дело всё-таки не в тяжести. Пример (45'') кажется хотя и тяжеловесным, но вполне допустимым:

(45'') *Понравиться новость, которую вчера сообщил Петя, могла только идиоту, (но смириться с ней нам всем когда-нибудь придётся)*⁷.

3.2. Данные интонации

Существенны ещё и интонационные различия. Как было показано Е. Брызгуновой [1980], Т.Е. Янко [2001] и многими другими, ортотоническая тема в утвердительных предложениях в стандартном случае имеет восходящую интонацию [см. также Циммерлинг, 2008]⁸. Тем самым инфинитив несет восходящую интонацию. Следующее за ним слово (*эта песня* в примере (40)) является, по-видимому, атоналической темой, которая не подвергается контрастному выделению и может произноситься несколько по-разному: либо полностью слитно с остальным материалом главной клаузы, либо с некоторой паузой.

(46) *Понравиться ↑ эта песня могла только идиоту*↓

(47) *Понравиться ↑ эта песня / могла только идиоту*↓

(косой чертой мы обозначаем паузу).

Однако еще более важно то, какая интонация **невозможна** при именном подлежащем. По-видимому, нельзя произнести это предложение, как в (48): распространить восходящую интонацию на всю группу типа *понравиться* эта песня:

(48) **Понравиться эта песня ↑ / могла только идиоту*⁹

По-видимому, это отражает общепризнанный факт, что подлежащее главного модального глагола (*песня* в (48)), конечно, не формирует составляющую с подчиненным глаголом (последовательность *понравиться эта песня* не является составляющей). Больше того, как обычно считается, инфинитивные обороты вообще не имеют своего выраженного подлежащего. В структурах типа (40) существительное

⁷ Приемлемость такого рода предложения повышается, если восходящая интонация на контрастной теме *понравиться* выражена сильно и отчетливо отделяет глагол от следующего, не контрастного, материала *новость, которую вчера сообщил Петя*.

⁸ См. в [Янко, 2010]: «... при теме, для которой характерно ... **повышение частоты основного тона на ударном слоге акцентоносителя**, конечная точка набора высоты располагается существенно выше, чем при неконтрастных реализациях» [Янко, 2010: 139].

⁹ Использование звездочки для невозможной интонации довольно экзотично, однако в этом случае представляется оправданным: как будет показано ниже, тот факт, что интонация типа (48) «неправильная», отражает именно грамматическую структуру предложения.

песня синтаксически относится не к вложенной клаузе, а к главной — а значит, было бы крайне неестественно, если бы оно интонировалось вместе с клаузой, к которой не принадлежит.

Наши рассуждения подтверждает тот факт, что как раз сочетание из инфинитивной формы подчиненного глагола и его прямого дополнения допускают интонирование, как в (49):

(49) *Полюбить эту песню ↑ / мог только идиот↓*

Прямое дополнение, естественно, входит в инфинитивную клаузу. Можно считать, что в (49) выносится не инфинитив, а затем отдельно дополнение, а вся клауза в целом. Естественно, она целиком получает интонацию ортотонической темы.

Перейдем теперь к сентенциальным актантам. СА в позиции подлежащего (если носитель вообще считает возможным его вынос) интонируется по-другому. Вариант (50) невозможен: СА не произносится вместе с главной клаузой.

(50) *Понравиться ↑ жить здесь (здесь жить) могло только идиоту↓*

Напротив, согласно проведенному нами небольшому опросу носителей, возможна интонация, как в (51):

(51) *Понравиться здесь жить ↑ / могло только идиоту↓*

Тем самым если вообще считать возможным вынос СА, он произносится скорее вместе с подчиненной клаузой, чем с главной. В этом смысле сентенциальный актант сближается с дополнением подчиненной клаузы и отделяется от именного подлежащего модального глагола.

Конечно, некоторая тонкость состоит в том, что мы анализировали конструкцию с модальным предикатом *мочь*, т.е. включающую, кроме сентенциального актанта, еще две глагольных группы (с глаголом *мочь* и с вложенным предикатом типа *понравиться*). Однако это не должно помешать нашему анализу. Действительно, выше мы показали, что именные актанты в рассмотренной конструкции ведут себя как подлежащие глагола *мочь*, а сентенциальные — похоже на дополнения зависимой клаузы. Выше мы приняли точку зрения, что конструкции с модальным глаголом всегда производны от конструкций без него.

В частности, поскольку подлежащее модального глагола всегда совпадает с подлежащим вложенного, мы должны считать, что если именная группа типа *эта песня* в рассматриваемой конструкции ведет себя как подлежащие глагола *мочь*, то она связывает PRO при инфинитиве *понравиться* (*мочь* — предикат субъектного **контроля**). А значит, в базовой конструкции *эта песня* является подлежащим *понравиться* (*Мне понравилась эта песня*). И наоборот, поскольку сентенциальный актант не ведет себя как подлежащее глагола *мочь*, это, скорее всего,

означает, что тот же сентенциальный актант не был (полноценным) подлежащим и в исходной конструкции с *понравиться*.

Впрочем, мы не рассматриваем другую возможность. Если считать, что русские модальные глаголы представляют из себя предикаты подъема, то можно думать, что в конструкции с *мочь* и с именным, и с сентенциальным актантом изначально содержат подлежащее при вложенном глаголе типа *понравиться*. Тогда разница между конструкциями с именным и с сентенциальным актантом заключается в том, что именное подлежащее вложенного предиката поднимается в позицию подлежащего при глаголе *мочь*, а сентенциальное подлежащее остается при вложенном предикате. Эта возможность также заслуживает внимания. Она не отменяет того факта, что сентенциальные и именные подлежащие ведут себя по-разному, но скорее подрывает аналогию между сентенциальным актантом и дополнением вложенного предиката — тогда сентенциальный актант следует рассматривать просто как не поднятое подлежащее при инфинитиве.

3.3. Данные сочинения

Представим теперь еще один, дополнительный, критерий, показывающий, что сентенциальное подлежащее ведет себя отлично от именного. Данный критерий связан с эллипсисом вложенного глагола при совпадении с вложенным предикатом предыдущего предложения:

(52) — *Может ли Серёже понравиться рыбалка? — Рыбалка может понравиться, а вот охота вряд ли.*

В вопросе в (52) вложенный глагол *понравиться* выражен, а в ответе подвергается эллипсису.

Данный критерий изложен в той же части, что критерий, связанный с выносом и интонацией, просто потому, что тоже задействует материал конструкций с модальным предикатом.

Сентенциальное подлежащее несколько хуже, чем именное, выступает в сочинительных конструкциях с эллипсисом инфинитива вложенного глагола. Если пример (52), где остается только глагол *может* и его подлежащее *рыбалка*, приемлем, то (53), где с тем же глаголом выступает сентенциальное подлежащее *работать на раскопе*, сомнителен:

(53) — *Может ли подростку понравиться работать на раскопе? — Рыбачить может понравиться, а вот охотиться вряд ли.*

Опрос 163 носителей показывает довольно сильную разницу в оценках: пример (52) получил 602 балла, а пример (53) — 466. Каждый из носителей должен был оценить примеры от 1 балла (абсолютно

непримлемо) до 4 (абсолютно приемлемо). Первый пример в среднем на носителя набирал 3,69 балла, а второй — 2,86.

Ответы доступны по адресу: URL: <https://docs.google.com/forms/d/1s88XMGFoKvV-eBPOWh76hUh0P7LkWC9R-9T0pGx5u0Y/edit?c=0&w=1#responses>

В русле наших предыдущих рассуждений нужно предположить, что (53) менее приемлемо из-за синтаксических свойств сентенциальных актантов. В (52) оставленный при эллипсисе актант *рыбалка* и глагол *может* принадлежат к одной (главной) клаузе. Однако, как мы поняли раньше, сентенциальный актант не в полной мере ведет себя как подлежащее главной клаузы. В связи с этим, видимо, (40) и выглядит сомнительно: эллипсис здесь привел к тому, что выражены матричный глагол *может* и инфинитив *рыбачить*, для которой неясно, находится ли она в той же клаузе, что *может*¹⁰.

3.4. Выводы

Итак, в сложных предложениях с инфинитивной конструкцией сентенциальный актант ведёт себя не совсем так, как именной. Если именная группа подлежащего, безусловно, принадлежит к главной клаузе, то сентенциальный актант в определённом смысле является членом инфинитивной клаузы. Этим он напоминает прямое дополнение.

Однако эти данные надо интерпретировать осторожно. Вполне возможно, что особое поведение сентенциального актанта связано с тем, что длинные СА не склонны занимать левую позицию. Впрочем, данные русского языка (и типологии, см. [Schmidtke-Bode & Diessel, 2017]) показывают, что такого строгого ограничения нет: инфинитивные актанты легко двигаются по предложению, в том числе появляются в левой позиции.

Заключение и перспективы

Итак, как выясняется, сентенциальные актанты, выступающие вроде бы в позиции подлежащего, не имеют многих свойств стандартного подлежащего. Объясняться это может разными свойствами: например:

отсутствием категории падежа;

¹⁰ Отметим крайне интересное замечание анонимного рецензента о предложениях типа — *Может ли подросток пить вино? — Вино может, а вот водку вряд ли.* Действительно, в этом предложении оставленный при эллипсисе фрагмент *вино может* содержит главный глагол и объект подчиненного глагола. Резонным кажется вопрос, верно ли, что подлежащие и дополнения различаются по данному принципу. Однако сейчас мы не имеем достаточно данных, чтобы на него ответить.

отсутствием лексической, не грамматикализованной вершины; большой длиной и синтаксической сложностью.

Например, ограничение на позицию, которую может занимать сентенциальный актанта, вероятно, связано и с длиной, и, возможно, с отсутствием именной вершины. Невозможность согласования связана просто со свойствами вершины, но вряд ли с длиной составляющей.

Возникает вопрос, как анализировать тот факт, что при одном и том же глаголе в одной и той же семантической роли могут быть актанта с разными синтаксическими свойствами: «полноценные» подлежащие и «неполноценные». Один из возможных подходов мог бы заключаться в том, чтобы считать такие глаголы аналогами безличных предикатов.

В целом переход от личной к безличной модели засвидетельствован в русской грамматике: именно так соотносятся предложения типа *Лодку унесло течением* со стандартным типом *Лодку унесло течение*. Однако для конструкций с сентенциальными актантами такая интерпретация интуитивно сомнительна. Действительно, в предложениях типа *Меня удивило, что Вася не позвонил* стимул эмоции слишком явно аналогичен именной группе в случаях типа *Меня удивило Васино поведение*, чтобы усматривать здесь коренную перестройку синтаксической структуры. Аналогия заключается не только в том, что и именной, и сентенциальный актанта имеют семантическую роль Стимула. Важно еще то, что стимул, выраженный сентенциальным и именным актантами, практически во всех контекстах взаимозаменяемы. Синтаксически, за исключением согласования, сентенциальный и именной актанта тоже во многом параллельны. Например, при вопросе обоим типам актанта соответствует именование *что* в именительном падеже:

(54) — *Что тебя удивило? — Что Вася не позвонил;*

(55) — *Что тебя удивило? — Васино поведение.*

Напротив, конструкция *Лодку унесло течением* — это действительно результат перестройки исходной структуры, вызванный тем, что *течение* понимается здесь как некоторая причина изменений, подчеркиваются спонтанность события и неагентивность участника (следовательно, нельзя говорить о взаимозаменяемости стандартного номинативного и инструментального выражения актанта).

И вполне естественно, что при перестройке меняется и падеж местоимения, соответствующего отодвинутой на периферию группе:

(56) — *Чем / *что унесло лодку? — Течением;*

(57) — *Что / *чем унесло лодку? — Течение.*

Другой подход заключается в том, чтобы на более общем уровне противопоставить сентенциальные актанта именным. В этом случае

мы должны считать, что если актант выражен предложением, то он не укладывается в общепринятую иерархию синтаксических позиций типа $S > DO > IO$. В принципе данные о линейной позиции синтаксического актанта поддерживают такой подход, однако некоторые свойства всё-таки противопоставляют синтаксические актанты с разными позициями.

Наконец, изложим тот подход, который мы выбираем. Мы считаем, что свойства актанта объясняются конкуренцией двух факторов: его свойств по отношению к внешнему контексту (позиции в валентной структуре глагола) и внутренних свойств (длины, типа вершины и т.д.). В случае с именными актантами два фактора не конфликтуют, а поддерживают друг друга: в позиции подлежащего (свойство по отношению к внешнему контексту) находится актант, который соответствует ей по падежу и частеречной принадлежности (внутреннее свойство).

В случае с синтаксическими актантами самый сильный фактор — это внутренние свойства. Синтаксические актанты ведут себя особым образом, поскольку не содержат «нормальной» для актанта глагола (именной) вершины, категории падежа, а также потому, что они слишком сложны синтаксически.

Если это так, то можно предположить, что неканонические подлежащие делятся на два класса. Одни являются «не совсем подлежащими» в силу внутренних свойств, а другие — в силу синтаксической позиции и конкуренции с каноническими подлежащими. К первым относятся синтаксические актанты, ко вторым — неканонические подлежащие в дативе, исследуемые А.В. Циммерлингом.

При этом «неканоничность» обоих типов составляющих выражается примерно в одном и том же: в сомнительности контроля рефлексива, в невозможности согласования. Зато основания считать их хотя бы отчасти подлежащими — разные. Для синтаксических актантов они парадигматические (аналогия с именными актантами в альтернативной модели управления того же глагола), а для дативных и подобных актантов — синтагматические (отсутствие конкурирующего актанта в той же модели управления или победа над конкурентом по части критериев).

Еще одно различие заключается в конкретном поведении по критериям подлежащего. Например, по критериям согласования оба типа — синтаксические актанты и именные актанты с неканоническим падежным маркированием (например, дативные) — не являются подлежащими, однако, как показано выше (раздел 2.3), только для синтаксических, но не для дативных, актантов существуют случаи, где согласование всё-таки маргинально допустимо. Для дативных актантов не может быть никаких сомнительных случаев —

они вообще не контролируют согласование. Это связано с тем, что согласование — критерий, завязанный прежде всего на позицию актанта по отношению к внешнему контексту, а у синтаксических актантов она «правильная».

Напротив, рефлексивизация и контроль деепричастия, не рассмотренные здесь, скорее могут давать полуприемлемые предложения или даже приемлемые для дативных актантов (ср. нормальное *Мне стыдно за своё поведение*). Это говорит о том, что они (особенно рефлексивизация) связаны прежде всего с **приоритетом** именной группы, а не с канонической субъектной позицией в актантной структуре глагола или падежным маркированием. Деепричастие в современном (разговорном) языке тоже постепенно переориентируется с номинативного актанта на любой приоритетный, например дативный. Однако такие полуприемлемые предложения не могут порождаться синтаксическими актантами. Дело в том, что для контроля анафорических единиц, таких как рефлексив, или деепричастия какая-нибудь именная группа (хотя бы не номинативная) все-таки необходима.

В то же время для контроля PRO именная группа не обязательна. Синтаксические актанты могут контролировать PRO (ср., например, *Ему может понравиться, что его поздравят все вместе*).

Исследуя свойства синтаксических актантов, мы пришли к выводу, что водораздел не всегда проходит по границе между синтаксическими и именными актантами. В части случаев (а именно, при анализе глагольного согласования) важно то, имеет ли актант лексическую (не грамматикализованную) вершину, и синтаксические актанты объединяются с конструкциями с придаточным относительным типа *то, что Вася принёс*. Следовательно, на самом деле недостаточно сказать, что поведение неканонических подлежащих объясняется их внутренними свойствами: релевантные внутренние свойства могут быть разными — играть роль может как противопоставление «синтаксический / именной», так и «с лексической / с грамматикализованной вершиной». Тем самым важной перспективой исследования является скорее не выделение новых поведенческих тестов на подлежащее, а выяснение того, какие из существующих тестов регулируются какими признаками подлежащего. Как оказывается, эти признаки могут быть весьма нетривиальными и не ограничиваться противопоставлением между именными и синтаксическими актантами.

Список литературы

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1 / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. С. 96–122.

- Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 389–436.
- Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. М., 1973.
- Летучий А.Б.* О некоторых свойствах синтаксических актантов в русском языке // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 57–87.
- Лютикова Е.А.* К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 36–76.
- Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Циммерлинг А.В.* Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2008». Вып. 8 (15). М., 2008. С. 551–562.
- Циммерлинг А.В.* Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению, от значения к форме: Сборник статей в честь 80-летия А.В. Бондарко. М., 2011. С. 568–590.
- Циммерлинг А.В., Трубицина М.В.* Дативные и синтаксические подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2014. № 4. С. 71–104.
- Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Bailyn J.* On scrambling: A reply to Bošković and Takahashi // Linguistic Inquiry. 2001. 32. P. 635–658.
- Bailyn J.* Does Russian scrambling exist? // Word order and scrambling / Simin Kariri (ed.). Blackwell, 2003. P. 156–176.
- Davies W. and Dubinsky S.* On the existence (and distribution) of sentential subjects // Hypothesis A/hypothesis B: Linguistic explorations in honor of David M. Perlmutter / D.B. Gerdts, J.C. Moore, and M. Polinsky (eds.). Cambridge, MA, 2009. P. 111–128.
- Delahunty G.P.* But sentential subjects do exist // Linguistic Analysis. Vol. 12. 1983. P. 379–398.
- Emonds J.* A reformulation of certain syntactic transformations // Goals of linguistic theory / S. Peters (ed.). Englewood Cliffs, 1972. P. 21–62.
- Keenan E.L.* Towards a universal definition of “subject” // Subject and topic / Ch. Li (ed.). N.Y., 1976. P. 303–333. = Кинэн Э. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11. С. 236–276.
- Koster J.* 1978. Why subject sentences don't exist // Recent transformational studies in European languages / S.J. Keyser (ed.). Cambridge, MA, 1978. P. 53–64.
- Schmidke-Bode K. and Diessel H.* Cross-linguistic patterns in the structure, function, and position of (object) complement clauses // Linguistics. 55(1), 2017. P. 1–38.
- Sigurðsson H.Á.* To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic // Natural Language and Linguistic Theory. 2002. 20.

Alexandr B. Letuchiy

IS THERE A SENTENTIAL SUBJECT IN RUSSIAN?

*National Research University Higher School of Economics
11 Myasnitckaya Str., Moscow, 101000*

In the article, I analyze Russian constructions where the subject position is occupied by a (finite or infinitive) clause, such as ‘It pleases me to live there’ (lit. ‘Me pleases **to live there**’). The question is whether complement clauses really act as subjects in these examples.

To find the answer, two diagnostics are used: (1) plural agreement with coordinate constructions and (2) possibility constructions with modal verbs where the subject of the modal verb occupies the position after the embedded verb which is situated in the very beginning of the sentence.

In both respects, clausal ‘subjects’ differ from subject NPs. First, they do not control agreement (some rare cases of plural agreement occur when one of conjuncts is a complement clause, and the other one is NP). Second, they cannot generally occupy the position after the left-extraposed verb. If, however, this is possible, these constructions differ intonationally from their analogues with NPs. Both diagnostics seem to show that complement clauses do not act as subjects (the ordering data shows that their intonation rather brings them together with direct objects that form a constituent with the verb).

However, the syntactic properties do not always distinguish NPs from complement clauses. Interestingly, nominal subjects with the pronominal head *to* plus a relative clause (e.g., in sentences like ‘(That) what Petja bought surprised me’) are similar to complement clauses in that they do not control plural agreement either. Thus, the borderline is here not between NPs and CCs, but rather between arguments with a lexical nominal head vs. those with a not nominal or not lexical (grammaticalized) ones.

Another conclusion is that behavioral properties of subject do not form a homogenous head. Some of them are linked to properties of the argument with respect to external context (e.g., case marking), while some are dependent upon the internal type of the NP (e.g., nominal vs. not nominal head).

Key words: subject; complex sentence; complement clause; agreement; linear position; intonation; non-canonical subject.

About the author: *Alexandr B. Letuchiy* — PhD (Philology), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (e-mail: alexander.letuchiy@gmail.com).

References

- Bryzgunova E.A. Intonatsiya [Intonation]. *Russkaya grammatika*, t. 1, pod red N. Yu. Shvedovoi, Moscow, 1980, pp. 96–122.
- Vinogradov V.V. Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya [Main issues of syntax of the sentence], Vinogradov V.V. *Voprosy grammaticheskogo stroya*, Moscow, 1955, pp. 389–436.
- Gvozdev A.N. *Sovremennyyi russkii literaturnyyi yazyk* [Modern literary Russian]. Moscow, 1973.
- Letuchii A.B. O nekotorykh svoistvakh sententsial'nykh aktantov v russkom yazyke [On some properties of complement clauses in Russian], *Voprosy yazykoznaniiya*. 2012. № 5. С. 57–87.
- Lyutikova E.A. K voprosu o kategorial'nom statuse imennykh grupp v russkom yazyke [On categorial status of nominal phrases in Russian], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya*, 2010, pp. 36–76.
- Testeleys Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax], Moscow, 2001.
- Tsimmerling A.V. Nekanonicheskie podlezhashchie v russkom yazyke [Non-canonical subjects in Russian], *Ot formy k znacheniyu, ot znacheniya k forme. Sbornik statei v chest' 80-letiya A.V. Bondarko*. Moscow, 2011, pp. 568–590.
- Tsimmerling A.V. *Lokal'nye i global'nye pravila v sintaksise, Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog 2008”, vyp. 8 (15), 2008, Moscow, 2008, pp. 551–562.
- Tsimmerling A.V., Trubitsina M.V. Dativnye i sententsial'nye podlezhashchie v russkom yazyke: ot vnutrennikh sostoyanii k obshchim suzhdeniyam [Dative and sentential subjects in Russian: from internal states to general judgments], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Seriya Filologicheskie nauki*. 2014, № 4, pp. 71–104.
- Yanko T.E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of the Russian speech], Moscow, 2001.
- Bailyn J. On scrambling: A reply to Bošković and Takahashi, *Linguistic Inquiry*, 2001, 32, pp. 635–658.
- Bailyn J. Does Russian scrambling exist? *Word order and scrambling*, Simin Kariri (ed.). Blackwell, 2003, pp. 156–176.
- Davies W. and Dubinsky S. *On the existence (and distribution) of sentential subjects*, Hypothesis A/hypothesis B: Linguistic explorations in honor of David M. Perlmutter, D.B. Gerdts, J.C. Moore, and M. Polinsky (eds.). Cambridge, MA, 2009, pp. 111–128.
- Delahunty G.P. But sentential subjects do exist, *Linguistic Analysis*, vol. 12, 1983, pp. 379–398.
- Emonds J. A reformulation of certain syntactic transformations, *Goals of linguistic theory*, S. Peters (ed.). Englewood Cliffs, 1972, pp. 21–62.

- Keenan E.L. Towards a universal definition of “subject”, *Subject and*, Ch. Li (ed.). New York, 1976, pp. 303–333. = Kinen E. K universal’nomu opredeleniyu podlezhashchego, *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, Moscow, 1982, vyp. 11, 236–276.
- Koster J. Why subject sentences don’t exist, *Recent transformational studies in European languages*, S.J. Keyser (ed.). Cambridge, MA, 1978, pp. 53–64.
- Schmidtke-Bode K. and Diessel H. Cross-linguistic patterns in the structure, function, and position of (object) complement clauses, *Linguistics*, 55(1), 2017, pp. 1–38.
- Sigurðsson H.Á. To be an Oblique Subject: Russian vs. Icelandic, *Natural Language and Linguistic Theory*, 20, 2002.

Д.В. Антошина

**ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕРМИНОВ
В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ,
СВЯЗАННЫХ С ПОНЯТИЕМ ИМПЛИКАЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В данной статье представлен опыт систематизации употребления термина *импликация* и его аналогов — терминов *имплицатура*, *инференция* и *следствие*, основанный на кратком аналитическом обзоре работ в области отечественной лексической семантики, в которых используются эти термины. Основными целями данной работы является демонстрация многозначности указанных терминов и отсутствия единой системы именования явлений, описанных с их помощью, а также предложения способа упорядочения терминов в рамках заданной группы. В разделе 1 рассмотрено употребление логической связки 'импликация', стандартно обозначаемой как '→', в рамках формально-логического подхода, в разделе 2 предлагается обзор применения отношения импликации между предложениями для установления парадигматических отношений между лексическими единицами, например, синонимии, гиперонимии и т.д. Раздел 3 представляет собой обзор центральных и периферийных компонентов толкования слова, обозначенных терминами *импликация*, *инференция*, *имплицатура* или *следствие*. Употребление импликации в качестве семантического элемента толкования, в частности, характерологических предикатов, рассмотрено в разделе 4. В заключении представлены выводы, полученные в результате обзорного анализа употребления указанных терминов. Так, использование импликации в рамках формального подхода, а также для установления парадигматических отношений, признается закономерным, при этом использование данного термина для обозначения явлений, слабо связанных с импликацией, в частности, ассоциаций, предлагается по возможности избегать. Одним из результатов данной работы является представление возможных вариантов замены терминов *импликация* и *следование* на менее многозначные термины в тех случаях, где это возможно.

Ключевые слова: лексическая семантика; импликация; имплицатура; инференция; терминология.

Антошина Диана Владимировна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dia1214@yandex.ru).

Термин «импликация», пришедший в лингвистику из логики, получил широкое распространение в работах отечественных и зарубежных лингвистов. Например, данный термин и его аналоги (**имплицатура**, **следствие**, **имплицитура**) активно используется в работах, посвященных имплицитной информации, содержащейся в высказывании, в частности, в работах П. Грайса, нео-грайсианцев К. Баха, С. Левинсона, Л. Хорна и др., а также в теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон. Кроме того, термин **импликация** используется для обозначения смыслового отношения между предложениями, наряду с терминами **следование** (см., например [Кобозева, 2012: 217]) и **вынуждение** (**necessitation**, см. [Van Fraassen, 1968]). Наша статья посвящена употреблению понятия «импликация» и его аналогов **следствие** и **имплицатура** в лексической семантике, где они активно используются начиная со второй половины XX в. Основные цели нашего аналитического обзора работ, в которых содержится термин «импликация» и его аналоги, — обнаружение задач, при решении которых авторы используют данные понятия, сравнение по значению совпадающих по форме терминов в работах разных авторов, а также описание явления синонимии и полисемии в данной группе. Результат данного анализа — это предложенные нами различные варианты приведения данной группы неоднозначных терминов в систему.

1. Импликация как средство моделирования лексического значения в рамках формально-логического подхода к языку

Формально-логический подход к языку основан на применении формальной логики к естественному языку, в рамках данного подхода для репрезентации значения высказывания используется некоторый формальный язык и правила вывода. Одним из элементов логического языка, применяемого при формальном моделировании процесса логического вывода, является логическая связка **импликация**, обозначаемая при помощи знаков ' \rightarrow ' или ' \supset ' (реже ' \Rightarrow '). Импликация — аналог языковой конструкции «Если..., то...», при этом часть имплицитивной конструкции, следующую за *если*, принято называть **антецедентом** или **посылкой** импликации, а часть после *то* — **консеквентом** или **заклчением**.

Импликация используется в том числе для формального описания правильных умозаключений, в сокращенном виде (в виде энтимемы) представленных в высказываниях типа *Если Джек холостяк, то он не женат*. В [Carnap, 1956] для этой цели вводятся так называемые **постулаты значения**, позволяющие раскрыть семантическую структуру слова, при помощи преобразования простого суждения типа

Джек холостяк в «большую посылку» умозаключения. Так, предложение «Если Джек холостяк, то он не женат» [Карнап, 1956, цит. по Карнап, 1959: 321] может быть представлено на формальном языке как « $Bb \rightarrow \sim Mb$ », при этом В служит для обозначения предиката «холостяк», М — для «женат», а b — переменная для подстановки в эти предикаты. На основе этого предложения может быть построен следующий постулат значения: « $(x) (Bx) \rightarrow \sim Mx$ » (для x, холостяк (x) влечет НЕ женат (x)), расширив данный постулат мы получаем набор необходимых компонентов значения для термина **холостяк**: [bachelor (x) \rightarrow ('male'(x) & 'adult'(x) & 'notmarried'(x))], или, в переводе на русский, [холостяк (x) \rightarrow (ЧЕЛОВЕК (x) & МУЖСКОГО ПОЛА (x) & ВЗРОСЛЫЙ (x) & \neg ЖЕНАТ (x))] [Кобозева, 2012: 125]. Знак импликации в постулатах значения используется для обозначения необходимости данных компонентов в значении слова, выступающего предикатом антецедента в большой посылке умозаключения, однако значение слова определяется указанными компонентами не полностью. В случае, если значение слова целиком определяется данными признаками, необходимо использовать знак эквивалентности, а значит, из конъюнкции компонентов должна следовать истинность предиката. В рассмотренном примере из компонентов 'мужского пола'(x) & 'взрослый'(x) & 'неженатый'(x) не следует тот факт, что x — холостяк (например, x — Папа Римский). Итак, в описанном ранее случае термин «импликация» употреблен в его исходном, логическом смысле, соответственно данное употребление следует признать корректным.

2. Смысловое отношение импликации между высказываниями как инструмент определения и установления парадигматических отношений в лексике

Термин «импликация» также используется для описания парадигматических отношений, в которые вступают лексические единицы. Например, Лайонз во «Введении в теоретическую лингвистику» предлагает определять синонимию, антонимию, гипонимию и дополнительность между лексическими единицами при помощи установления отношения **импликации** между предложениями, содержащими данные лексические единицы. Данное отношение Лайонз определяет следующим образом: «одно предложение — S_1 имплицитно утверждает другое — S_2 (символически $S_1 \supset S_2$), если, по мнению носителей языка, нельзя эксплицитно утверждать S_1 и эксплицитно отрицать S_2 . А S_1 имплицитно отрицает S_2 (S_1 имплицитно утверждает *не* S_2 : $S_1 \supset \sim S_2$), если, по мнению говорящих, эксплицитное утверждение S_1 делает невозможным (без противоречия) эксплицитное утверждение S_2 »

[Лайонз, 1978: 469–470]. При этом Лайонз отмечает, что речь идёт не о строгой **материальной импликации**, так как устанавливаемое отношение между предложениями основано на мнении носителей языка, то есть в ряде случаев может не находить подтверждения.

Для установления отношения **синонимии** между лексическими единицами X и Y необходимо, чтобы предложения A (X) и A (Y), содержащие данные лексические единицы и различающиеся только ими, находились в отношении **эквивалентности**. Два предложения A (X) и A (Y) признаются эквивалентными, если из A (X) по мнению носителей языка следует A (Y) и при этом из A (Y) по мнению носителей языка следует A (X). Итак, если $(A(X) \supset A(Y) \ \& \ A(Y) \supset A(X))$, то X и Y — синонимы. Символ ‘ \supset ’ используется нами для обозначения нестрогой импликации, введенной Лайонзом.

Для установления отношения **гипонимии** между лексическими единицами X и Y предлагается следующий критерий: если предложение A (X) с высокой вероятностью влечет A (Y), но при этом из A (Y) не следует A (X), то X является гиперонимом Y. Более формально: Если $(A(X) \supset A(Y) \ \& \ \sim(A(Y) \supset A(X)))$, то X — гипероним Y, Y — гипоним X.

Итак, в работе Лайонза установление парадигматических отношений между лексическими единицами предлагается осуществлять при помощи установления следственных отношений между предложениями, их содержащими. Необходимо отметить, что в данном случае речь идёт не о материальной, строгой импликации, так как данная импликация устанавливается на основе мнения носителей языка, поэтому мы рекомендуем в таких случаях использовать термин «вероятностная импликация», т.е. S_1 с **высокой вероятностью** имплицирует S_2 , если большинство носителей языка считают, что истинность S_1 влечет истинность S_2 .

На основе отношения **импликации**, устанавливаемого между предложениями, также построен так называемый **импликативный тест**, предложенный Дж.Н. Личем в статье «К теории и практике семантического эксперимента» [Лич, 1983]. Данный тест содержит **энтимемы** со скрытой большой посылкой, предлагаемые носителю языка на оценку, например, предлагается вопрос следующего вида: при условии, что высказывание X истинно, является ли истинным высказывание Y? Если большинство носителей языка отвечает на данный вопрос утвердительно, то импликация $X \rightarrow Y$, лежащая в основе импликативного теста, признается истинной.

Например, Дж. Лич предлагает следующий импликативный тест для установления отношения гиперонимии между лексическими единицами *брат* и *единокровный брат*. Испытуемому предъявляются

следующие высказывания: (А) Джордж — мой единокровный брат; (Б) Джордж — мой брат. Испытуемому предлагается ответить на вопрос, верно ли, что при условии, что высказывание А истинно, высказывание Б также истинно. Если большинство носителей языка на данный вопрос отвечают ДА, то гипотеза о том, что лексическая единица *брат* является гиперонимом для *единокровный брат*, получает подтверждение. Данный случай употребления термина «импликация» аналогичен описанному ранее, мы также предлагаем в данном случае использовать термин «вероятностная импликация».

Однако термин «импликация» не всегда используется корректно для обозначения парадигматических отношений, в которые вступает слово. Например, в переводе известной работы Макса Блэка [Black, 1962], посвященной метафоре, имя **импликация** используется для обозначения общепринятых, стандартных ассоциаций, связанных с определенным словом: «Эти импликации обычно есть не что иное, как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом, но в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации, установленные автором *ad hoc*» [Блэк, 1990: 167]. Так, по мнению М. Блэка, у слова «волк» есть некоторые общепринятые ассоциации, при стандартном употреблении данного слова слушающий строит соответствующую систему импликаций: волк — свирепый, злой и т.д. При этом в ситуации, когда слово «волк» метафорически употребляется по отношению к человеку, а не к животному, у слушающего возникают **импликации**, которые характерны для слова «волк», а не для слова «человек».

Слово «импликация», имеющее в русском языке только терминологическое употребление, в английском языке имеет также нетерминологические значения ‘следствие’, ‘последствия’. Кроме того, как дериват нетерминологического глагола *implicate* ‘подразумевать’, **implication** обозначает также ‘то, что подразумевается’. Очевидно, что в данном случае русский термин «импликация» сыграл роль «ложного друга переводчика», что и привело его к ошибке, к которой можно отнести слова, сказанные по другому поводу Е.В. Падучевой: «Термин “импликация” не вполне удачен, поскольку имеет другое общепринятое значение» [Падучева, 2004: 170]. По нашему мнению, слово **implications** в контекстах, аналогичных приведенному ранее, лучше было бы переводить при помощи нетерминологического словосочетания **подразумеваемые представления**.

Если же говорить о терминах, необходимых для объяснения механизма метафоры, то следует использовать пару противопоставленных терминов: **стандартная (общепринятая) ассоциация**, для наиболее частотных ассоциаций (так называемых ассоциативных норм),

вызываемых словом, употребленным в своем прямом значении, и служащих базой переносных, метафорических значений этого слова и **нестандартная ассоциация** для ассоциаций, намеренно устанавливаемых автором при метафорическом употреблении слова.

3. Импликация (следствие, импликатура) как периферийный компонент семантики слова, объясняющий его производные значения

В ряде работ предлагается включать в толкование лексических единиц компонент под названием «импликация», «импликатура» или «следствие», однако содержание данного компонента различается в различных работах. Для примера рассмотрим толкования, предложенные в работах Г.И. Кустовой, М.А. Кронгауза и Е.В. Падучевой, посвященных моделированию лексической полисемии.

В книге Г.И. Кустовой «Типы производных значений и механизмы языкового расширения» термин «импликация» предлагается использовать для обозначения компонента значения слова, который содержит следствие действия, обозначенного данным словом, и не включается в традиционные толкования. В данном случае слово *следствие* выступает синонимом к *последствие*, *результат*. Как отмечает сама Г.И. Кустова: «В качестве синонимов «результата» будут использоваться «следствие» и «импликация» (разумеется, не в логическом смысле)» [Кустова, 2004: 70]. Выбор данного термина, по признанию самого автора, во многом является условным и вызван тем, что от понятия «результат» образуется слишком многозначное прилагательное *результативный*, а от термина «следствие» нетерминологическое прилагательное *следственный*.

Итак, в компонент лексемы, называемый «импликацией», попадают последствия, результаты некоторого действия, при этом данный компонент во многом обуславливает производные значения лексемы, а также ее семантические связи. Например, у глагола *разрезать* присутствует **импликация (результат)** «существуют части (или часть) объекта» [Кустова, 2004: 116], так как если разрезать объект X, то возникнут части X-а. В компоненте **импликация** заключен семантический потенциал лексемы — в производных значениях компонент зачастую перестает быть периферийным и становится центральным, на основе этого в работе делается вывод о том, что «семантическая деривация во многих случаях есть АКТИВАЦИЯ ИМПЛИКАЦИЙ» [Кустова, 2004: 119]. Таким образом, данные компоненты значения в производных единицах берутся из плана

содержания исходной лексемы, включающего не только ее языковое значение, но и ассоциируемые с ним фоновые знания.

В книге Г.И. Кустовой также использован термин «импликатура», который стоит в одном ряду с термином «коннотация», например, выделяются «импликации и коннотации неконтролируемости процесса» [Кустова, 2004: 161]. Оба термина используются для обозначения периферийных компонентов значения слова, при этом определение **импликации** в работе не дается, присутствует только отсылка к работе М.А. Кронгауза, которую мы рассмотрим далее. Например, у слова *бросать* в его прямом номинативном значении присутствуют импликация ненужности бросаемого предмета, а также импликация отсутствия у него ценности для субъекта. Необходимо отметить, что разница между **импликациями** и **коннотациями** лексемы в работе проведена недостаточно явно.

Рассмотрим подробнее термин «импликация» в применении к толкованию лексических единиц. Данный термин (**implicature**) впервые был введен Грайсом [Grice, 1975, пер. Грайс, 1985] для обозначения неэксплицитной информации, заложенной в высказывание говорящим, в передаче которой главную роль играет Принцип сотрудничества (Cooperative Principle). Впоследствии данное понятие нашло широкое применение не только в лингвистической прагматике, но и в семантике, так как использование данного термина позволяло сделать более экономным семантическое описание ряда слов, в частности, слов, соответствующих логическим связкам, например *или* и *если*. На данный момент термин «импликация» также зачастую используется в лексической семантике для обозначения скрытых, неявных компонентов значения лексемы, проявляющихся в определенном контексте. При этом не приводится никаких оснований для такого переосмысления термина и не объясняется, какова связь этих компонентов с Принципом сотрудничества. Например, в работах М.А. Кронгауза [Кронгауз, 1997, 1998] термин «импликация» используется для описания значения приставок и приставочных глаголов, при этом термин «следствие» выступает его синонимом. Если из компонента А центрального компонента значения лексемы в определенном контексте **следует В**, В получает название «импликация» (**следствие**). Например, у глаголов с приставкой *про-* (например, *пробЕгать*) присутствует компонент значения «промежуток времени занят некоторым действием» (в случае *пробЕгать* — бегом). Из данного компонента, имеющего форму пропозиции, обычно следует тот факт, что данный промежуток времени не может быть занят каким-либо другим действием. Эта импликация становится центральным компонентом (ассерцией) в

контексте *пробЕгать обед* — заниматься бегом вместо обеда. Как и в работе [Кустова, 2004] периферийный, необязательный компонент, представляющий собой следствие другого компонента, является одним из источников образования новых значений — компонент толкования переходит из статуса **импликатуры** (в работе Кустовой из статуса импликации) в статус **ассерции**. При этом в работе Падучевой компонент, названный у Кронгауза «импликатурой», получает название «инференция»: «О глаголах с приставкой *про-* в Кронгауз 1998: 165 говорится, что им свойствен семантический сдвиг, при котором “импликатура переходит в ассерцию”. Точнее будет, однако, сказать, что в производном значении этих глаголов <...> компонент «отсутствие контакта» одновременно а) переходит из потенциальной **инференции** (выделено мной. — Д.А.) в ординарный компонент значения, переосмысляясь как “несостоявшийся контакт”, и б) получает статус ассерции» [Падучева, 2004: 109].

В книге Е.В. Падучевой «Динамические модели в семантике лексики» термин «импликация» служит для обозначения двух различных явлений. Этот термин используется в первом значении (условно обозначим как **импликация 1**) для обозначения ассертивного статуса компонента, обозначающего следствие из ассерции (**импликатив**), во втором значении (**импликация 2**) для обозначения стандартных ассоциаций (**инференций**). Термин «импликатив» используется для обозначения компонента значения лексической единицы, который следует из ассертивного компонента и при этом сохраняется при его утверждении и отрицается при его отрицании. Название «импликатив» представляется нам удачным, так как обозначает узкий круг явлений и не считается многозначным. Однако в ряде случаев Падучева использует термин «импликация» в качестве синонима термина «импликатив»: «Глагол относится к генитивному классу, если его толкование включает экзистенциальный или перцептивный компонент, причем в таком коммуникативном статусе, что при отрицании предложения он подвергнется отрицанию: этот компонент может быть ассерцией или **импликацией**, но не может быть пресуппозицией» [Падучева, 2004: 444] (выделено мной. — Д.А.).

Необходимо отметить, что в данном употреблении слово «*импликация*» обозначает не отношение между антецедентом и консеквентом, а только консеквент, как и во многих других работах, рассмотренных в данной статье (например, у Г.И. Кустовой наблюдается именно такое употребление). При строгом подходе к обозначению, термин «импликация» необходимо употреблять только для обозначения отношения между антецедентом и консеквентом. В таком случае из ассерции, выступающий антецедентом, мы получаем некоторое

заключение, **консеквент**, при этом среди консеквентов выделяются **имплицативы** — консеквенты, входящие в центральное значение лексемы, и **следствия (имплицатуры, инференции)** — периферийные, необязательные консеквенты.

Заключения, не входящие в центральное значение лексемы, действительно получают у Падучевой название «следствие». При этом если в работах Г.И. Кустовой компоненты значения **импликация (=следствие) и результат** совпадают («Импликация (результат): существуют части (или часть) объекта» [Кустова, 2004: 116]), у Е.В. Падучевой компонент **результат** представлен отдельно. Например, у глагола *разрЕзать*, по Падучевой, присутствует **результат**: «наступило и в момент наблюдения имеет место состояние: существует W — отдельные части Y-а» [Падучева, 2004: 36]. У глагола *разрЕзать* Е.В. Падучева также выделяет следующее **следствие**: «тем самым Y не существует как единый предмет» [Падучева, 2004: 36]. Синонимом слова «*следствие*» в работе выступает термин «инференция», который мы уже приводили ранее при обсуждении термина «имплицатура» в работе М.А. Кронгауза.

В работе Е.В. Падучевой также присутствуют различные разновидности **следствия**, в частности, понятие **логическое следствие**, которое применяется для обозначения явления, при котором из А с **необходимостью следует В**. Например, смысл *видеть* с необходимостью влечет нахождение стимула и экспериментера в одном месте. Кроме того, вводится термин **инцидентное следствие**, служащий для обозначения менее строгих выводов, сделанных на основе расхожих представлений о действительности: «При употреблении слова в тексте его значение может пополняться за счет разного рода проходных (не входящих в толкование, неконвенциональных) — **инцидентных** — следствий каких-то компонентов толкования; усиленные контекстом, они могут стать актуальными компонентами смысла предложения» [Падучева, 2004: 131]. Экстралингвистические данные, влияющие на расширение значения, могут быть описаны при помощи аксиом, например, «Человеку свойственно стремиться избежать того, что ему неприятно» (Аксиома I), «Человек должен испытывать угрызения совести по поводу своего дурного поступка» (Аксиома II) [Падучева, 2004: 131]. Например, инцидентным следствием слова *вина*, в ассертивный компонент которого входит «X совершил некоторый поступок и этот поступок — дурной», может быть признан компонент значения «X находится в плохом психическом состоянии» [Падучева, 2004: 131], проявляющийся в контексте **чувствовать вину**.

Итак, для обозначения компонента семантики слова употребляются следующие термины.

Импликация как компонент толкования

Термин	Синоним	Автор	Значение термина
Импликация, Следствие	Результат Последствие	Г.И. Кустова	Последствие, итог действия, обозначенного глаголом
Импликатура		Г.И. Кустова	Периферийный компонент значения глагола, следующий не в строгом логическом смысле из центрального компонента значения
Импликатура	<u>Следствие</u>	М.А. Кронгауз	
Импликация	Импликатив	Е.В. Падучева	Центральный компонент значения, строго следующий из ассерции
Импликация	Инференция Ассоциация <u>Следствие</u>	Е.В. Падучева	1) Периферийный компонент значения; 2) Выводы, которые слушающий делает на основе высказывания говорящего
Результат		Е.В. Падучева	Компонент значения, обозначающий итог действия, обозначенного предикатом
Инцидентное следствие		Е.В. Падучева	Вывод из центрального компонента значения, полученный на основе расхожих представлений о действительности.
Логическое следствие		Е.В. Падучева	Из А с необходимостью следует В.

Как мы видим из таблицы, для обозначения схожих компонентов значения слова в работах лингвистов используются различные термины, например, для обозначения периферийного компонента значения, выведенного из центрального компонента, используются термины «**импликация**» (Г.И. Кустова, Е.В. Падучева), «**импликатура**» (Г.И. Кустова, М.А. Кронгауз), **следствие** (М.А. Кронгауз, Е.В. Падучева), **инференция** (Е.В. Падучева). При этом **импликацией** в лингвистических работах по-прежнему называется также отношение между антецедентом и консеквентом.

У Е.В. Падучевой понятия **следствие**, **импликатура** и **импликация** в значении периферийное заключение из центральных компонентов лексемы заменяются понятием **инференция**, в ее работе «Динамические модели в семантике лексики» предлагается использовать именно этот термин для выводов, которые слушающий делает на основе информации, полученной от говорящего. По нашему мнению, такое обобщение является слишком широким, мы предлагаем следующую систему терминов:

А) термин «импликация» для обозначения отношения между пропозициями: посылкой и заключением, в строгом и нестрогом смысле. Если импликация употребляется не в строгом смысле, необходимо это отмечать в работе;

Б) термин «консеквент» (синоним: **следствие**) для обозначения любого пропозиитивного компонента значения лексемы, следующего из другого компонента. В пользу термина «консеквент» выступает его дериват *консеквентный*, не имеющий, в отличие от термина *следственный*, нетерминологических употреблений. Так как при помощи термина «импликация» сейчас обозначается не только отношение, но и его **консеквент**, наряду с терминами «следствие/консеквент» допустимо также использование термина «импликация», при этом рекомендуется снабдить его необходимыми пояснениями.

Мы предлагаем выделять следующие разновидности **консеквентов** (синонимы: **следствие, импликация, вывод**):

- 1) **логическое следствие**;
- 2) **имплицитив** (центральный компонент значения лексемы, следующий из ассерции);
- 3) **инференция** (периферийный компонент значения лексемы, следующий из центрального компонента);
- 4) **инцидентное следствие** (вывод, полученный на основе расхожих представлений о действительности);
- 5) **результат**.

Возможно, впоследствии для других целей окажутся необходимыми также иные разновидности следствий.

Термин «имплицатура», пришедший из прагматики, не вполне, на наш взгляд, удачный применительно к области представления лексического значения слова. Введенные в работе Грайса [Грайс, 1985] имплицатуры подразделяются на конвенциональные и неконвенциональные, при этом конвенциональная имплицатура — это имплицитная информация, закодированная языковыми средствами (например, союзами), а неконвенциональная имплицатура — это имплицитная информация, передаваемая говорящим, который руководствуется Принципом Кооперации. В свою очередь, слушающий при выведении данной имплицитной информации также руководствуется Принципом Кооперации и вытекающими из него постулатами (Максимами) (подробнее см., например, [Падучева, 2004: 101–104]). Наибольшее распространение получили неконвенциональные имплицатуры, в дальнейшем сокращенный термин «имплицатура» закрепился именно за ними. Использование данного термина для обозначения некоторого компонента лексического значения, т.е. информации, привязанной к слову независимо от общих

принципов коммуникации, размывает границу между лексической семантикой и прагматикой речевого общения.

В связи с этим мы предлагаем отказаться от его использования применительно к периферийным компонентам значения, заменив его другими, более однозначными терминами, введенными выше. Эти термины, в частности, «инференция» (3) и «инцидентное следствие» (4), предложенные Е.В. Падучевой позволяют снизить содержательную нагрузку на уже существующие термины (ср. **следствие**), а также явно очертить круг обозначаемых им явлений и процессов.

4. Импликация и ее аналоги как семантические элементы в толкованиях некоторых семантических групп лексики

Логическая связка **импликация** в естественном языке примерно соответствует условному союзу *if A (then) B* — в русском языке *если A, (то) B*. Необходимо отметить, что такие союзы зачастую неоднозначные, однако в основу их значения с некоторыми оговорками можно положить логическую импликацию. Отечественные и зарубежные лингвисты расходятся во мнении о том, является ли смысл условного союза *если* (а значит, и импликации в целом) семантическим примитивом — неразложимой, элементарной семой. Так, А. Вежбицка считает, что *если* необходимо считать семантическим примитивом, поэтому в её Естественный семантический метаязык входит сема *if* ‘если’ (см., например, [Wierzbicka, 1992: 223–224, 1997; Вежбицка, 2005]). Существуют и противоположные точки зрения на данный вопрос, так, Е.В. Урысон в [Урысон, 2011] доказывает, что толкование союза *если* может быть разложено на семантические примитивы. Несмотря на имеющиеся разногласия в вопросе семантической примитивности союза *если*, в целом ряде работ **импликация** ('→') выступает как элемент метаязыка толкования значений.

Графическое обозначение импликации '→' используется, например, в толковании предикатов долженствования в работе И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер для обозначения каузального отношения: $D(P) = N(Q \rightarrow R)$ [Кобозева, Лауфер, 1991: 69]. В данной формуле D обозначает некоторый предикат долженствования (например, **должен**), P служит для обозначения сентенциального дополнения при D , а N используется для обозначения модального оператора необходимости. R вводится для обозначения ситуации, выражаемой P , Q обозначает некоторую ситуацию, служащую антецедентом каузального отношения, которое приводит к R . В работе вводятся такие разновидности каузального отношения, как строгая импликация, причинная каузация, эпистемическая необходимость.

Импликация как элемент семантического метаязыка особенно широко используется в работах Мартемьянова и его последователей. Например, в его написанной совместно с Г.В. Дорофеевым статье, посвященной восстановлению имплицитных каузальных отношений в тексте, для данной цели предлагается использовать так называемые **шаблоны поведения**, представляющие собой полуформальную репрезентацию толкования слова, состоящую из определяемых и неопределяемых понятий и логических связей — конъюнкции, дизъюнкции, **импликации** и т.д. Например, импликацию предлагается использовать в шаблонах поведения, обозначающих черты характера личности. В частности, для слова «жадный» предлагается следующее определение:

$\forall A \text{ жадный} = \forall D \forall V \{(\text{Возм.: } V \text{ пользуется } D \text{ или НЕ: } \text{Возм.: } A \text{ пользуется } D) \rightarrow (A \text{ желает: } V \text{ не пользоваться } D \ \& \ A \text{ желает: } A \text{ пользоваться } D)\}$ [Мартемьянов, Дорофеев, 1969: 43].

Данный шаблон расшифровывается следующим образом: для жадного А верно, что для каждого ресурса D и для каждого человека В, если В пользуется D и А не пользуется D, то А желает, чтобы В не пользовался D, а А пользовался D.

Подход, используемый Мартемьяновым и Дорофеевым, нашел применение в работах, посвященных описанию лексики, обозначающей черты характера (см., например, [Лукашевич, 2002, 2004; Федосеева, 2016]). В [Федосеева, 2016] мы представляем толкование лексики, обозначающей черты характера, в виде **импликации**, антецедентом (А) которой является краткое описание свойств человека, получивших закрепление в значении характерологического предиката (*скупой, жадный, щедрый* и др.), а также ситуация, в которой проявляется соответствующая черта характера. В консеквент (В) импликации помещается описание действий человека в данной ситуации. Необходимо отметить, что в данном случае мы используем не строгую, **материальную импликацию**, а **вероятностную импликацию**, которую следует интерпретировать следующим образом: антецедент А с **высокой вероятностью имплицитирует** консеквент В.

Например, **щедрый** человек описывается следующим образом (А — человек, R — ресурс, E — событие):

Antecedent: (A₁ — щедрый) AND (A₁ обладает R) AND (A₂ желает/нуждается в том, чтобы E произошло OR A₂ желает/нуждается в R)

Consequent: (A₁ тратит R для E для A₂ OR A₁ отдает часть/весь R A₂) AND (A₁ не требует от A₂ возмещения R).

Таким образом, для описания значения ряда слов, в частности, характерологических предикатов, использование термина «импликация», пришедшего в лингвистику из формальной логики и ис-

пользуемого прежде всего в формальных подходах, закономерно и более того необходимо, так как в этом случае толкование становится эксплицитным, приближенным реальным когнитивным механизмом, определяющим выбор правильной интерпретации лексических единиц в контексте, а также выбор подходящих лексических единиц применительно к конкретной ситуации, и, кроме того, позволяет использовать данные толкования в прикладных целях, в частности, для извлечения имплицитных связей в тексте. Однако в том случае, если речь идет не о строгом выводе и А влечет **В с высокой вероятностью**, необходимо уточнять, что речь идет не о материальной, а о **вероятностной импликации**.

5. Заключение

В статье мы рассмотрели использование термина «импликация» и его аналогов в работах, посвященных лексической семантике, в частности, для выявления парадигматических отношений между лексическими единицами, а также для обозначения центральных и периферийных компонентов толкования. Нами было констатировано отсутствие единообразия в понимании терминов «импликация», «импликатура» и «следствие».

В целях систематизации лингвистических терминов, тесно связанных с центральным термином «импликация», в случае использования данного термина для обозначения ассоциаций мы рекомендуем использовать термин «ассоциация», для ее разновидностей соответственно **стандартная (общепринятая) ассоциация** или **метафорическая ассоциация (инференция)**.

Термин «импликация» мы предлагаем использовать для обозначения отношения между компонентами значения лексемы, в том случае если компонент А влечет компонент В. При этом А является **антецедентом** импликации, а В — ее **консеквентом** или **следствием**. Все компоненты, полученные из А путем **импликации**, мы предлагаем называть **консеквентами**, среди которых выделяем несколько разновидностей, например, **имплицитив** (центральный компонент толкования, который представляет собой заключение из ассерции и отрицается при ее отрицании), **результат**, **инференция** (периферийный компонент толкования), **инцидентное следствие**, **логическое следствие**.

Список литературы

Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М., 1990. С. 153–172.

- Вежбицка А.* Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // *Жанры речи.* 2005. № 4. Жанр и концепт. С. 156–182.
- Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М., 1959.
- Кобозева И.М.* Лексическая семантика. М., 2012.
- Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Семантика предикатов долженствования в русском языке // *Russistik.* 1991. № 1. С. 68–76.
- Кронгауз М.А.* Глаголы и приставки в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Кронгауз М.А.* Опыт словарного описания приставки ОТ- // *Глагольная префиксация в русском языке* / Под ред. М.А. Кронгауза, Д. Пайара. М., 1997. С. 62–86.
- Кустова Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику / Под ред. В.А. Звегинцева. М., 1978.
- Лич Д.* К теории и практике семантического эксперимента // *Новое в зарубежной лингвистике.* 1983. № 14. Проблемы и методы лексикографии. С. 108–132.
- Лукашевич Н.Ю.* Когнитивно-семантический анализ предикатов, обозначающих черты характера человека: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- Лукашевич Н.Ю.* Характерологические предикаты и шаблоны поведения // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 2002. № 5. С. 131–140.
- Мартемьянов Ю.С., Дорофеев Г.В.* Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте // *Машинный перевод и прикладная лингвистика.* 1969. № 12. С. 36–60.
- Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Урысон Е.В.* Опыт описания семантики союзов. М., 2011.
- Федосеева Д.В.* Когнитивно-семантический анализ лексики, обозначающей отношение человека к собственности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* М., 2016. № 6. С. 108–118.
- Black M.* Metaphor // *Black M. Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy.* Ithaca, NY, 1962. С. 25–47.
- Carnap R.* Meaning and necessity. A study in semantics and modal logic. Chicago, 1956.
- Grice P.* Logic and conversation // *Syntax and Semantics.* 1975. № 3. С. 41–58.
- Leech G.N.* On the theory and practice of semantic testing // *Lingua.* 1970. № 24. С. 343–364.
- Lyons J.* Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1968.
- Van Fraassen B.C.* Presupposition, implication and self-reference // *Journal of Philosophy.* 1968. № 65. С. 136–153.

Wierzbicka A. The search for universal semantic primitives // Thirty years of linguistic evolution. Amsterdam, 1992. C. 215–242.

Wierzbicka A. Conditionals and counterfactuals: conceptual primitives and linguistic universals / A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). Philadelphia, 1997. C. 15–59.

Diana V. Antoshina

AN EXPERIENCE IN SYSTEMATIZING IMPLICATION-RELATED TERMS IN LEXICAL SEMANTICS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper presents an analytical review of Russian research papers on lexical semantics that employ the terms implication and its analogues inference and implicature. The paper aims to demonstrate the polysemy of the terms and to reveal the absence of a common system in naming the processes to which these terms refer. Sections 1–4 of the article present a review of papers that employ the terms implication and its analogues within the framework of formal logical approach, to establish paradigmatic relations or to name central or peripheral components of word meanings. In addition, implication, that is normally denoted by the sign '→', is also often used as an element of semantic metalanguage, e.g. in predicate definitions, which describe human character traits. An attempt is made to systematize the terms implication, implicature, inference and their synonyms in lexical semantics. The proposed naming system aims to replace the terms by their less polysemantic synonyms or, if possible, by more appropriate terms. As a result, the following conclusion was obtained: the use of implication within the formal approach and for establishing paradigmatic relations is appropriate, while in cases that are weakly related to implication (e.g. associations) the use of this term should be avoided, if possible.

Key words: lexical semantics; implication; implicature; inference; terminology.

About the author: *Diana V. Antoshina* — Postgraduate, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, Department of Theoretical and Applied Linguistics (e-mail: dial214@yandex.ru).

References

Black M. Metafora [Metaphor]. *Theory of metaphor* [Teoriya metafory]. N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya (eds.). M., 1990, pp. 153–172. (In Russ.)

- Wierzbicka A. Universal'nye semanticheskie primitivy kak klyuch k leksicheskoj semantike (sfera ehmitsij) [Universal semantic primitives as the key to lexical semantics (the sphere of emotions)]. *Speech genres* [Zhanry rechi]. 2005. Vol. 4. Genre and concept, pp. 156–182. (In Russ.)
- Carnap R. *Znachenie i neobhodimost'*. *Issledovanie po semantike i modal'noj logike* [Meaning and necessity. A study in semantics and modal logic]. Moscow, 1959. 384 p. (In Russ.)
- Kobozeva I.M. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow, 2012. 352 p. (In Russ.)
- Kobozeva I.M., Laufer N.I. Semantika predikatov dolzhenstvovaniya v russkom yazyke [The semantics of obligation predicates in Russian]. *Russistik*. 1991. № 1, pp. 68–76. (In Russ.)
- Krongauz M.A. *Glagoly i pristavki v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Verbs and prefixes in Russian: semantic grammar]. Moscow, 1998. 220 p. (In Russ.)
- Krongauz M.A. Opyt slovarnogo opisaniya pristavki OT- [Experience in the dictionary description of the prefix OT-]. *Verb prefixation in Russian* [Glagol'naya prefiksaciya v russkom yazyke]. Krongauz M.A., D. Pajar (eds.). 1997, pp. 62–86. (In Russ.)
- Kustova G.I. *Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of language extensions]. Moscow, 2011. 472 p. (In Russ.)
- Layons D. *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* [Introduction to Theoretical Linguistics]. Moscow, 1978. 544 p. (In Russ.)
- Lich G.N. K teorii i praktike semanticheskogo ehksperimenta [On the theory and practice of semantic testing]. *New in foreign linguistics* [Novoe v zarubezhnoj lingvistike]. 1983. № 14. C. 108–132. (In Russ.)
- Lukashevich N. Ju. *Kognitivno-semanticheskii analiz predikatov, oboznachaiushchikh cherty kharaktera cheloveka* [Cognitive semantic analysis of predicates denoting human character traits], PhD thesis, Moscow, 2004. 208 p. (In Russ.)
- Lukashevich N. Ju. Kharakterologicheskie predikaty i shablony povedeniia [Predicates describing character traits and behaviour patterns], *Journal of MSU, Philology series* [Vestnik MGU, ser. Filologiya], Moscow, 2002. № 5, pp. 131–141. (In Russ.)
- Martemianov Ju.S., Dorofeyev G.V. Logicheskii vyvod i vyjavlenie svyazei mezhdru predlozheniiami v tekste [Logical inferences and eliciting relations between sentences in the text], *Machine translation and applied linguistics* [Mashinnyi perevod i prikladnaia lingvistika], Moscow, 1969, № 12, pp. 36–60. (In Russ.)
- Paducheva E.V. *Dinamicheskie Modeli v Semantike Leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, 2004. 609 p. (In Russ.)
- Uryson E.V. *Opyt opisaniya semantiki soyuzov* [Experience in describing of conjunctions' semantics]. Moscow, 2011. (In Russ.) 336 p.

- Fedoseeva D.V. *Kognitivno-semanticheskij analiz leksiki, oboznachayushchej otnoshenie cheloveka k sobstvennosti* [Cognitive-semantic analysis of lexemes, which denote a person by his relation to property]. *Journal of MSU, Philology series* [Vestnik MGU, ser. 9. Filologiya], Moscow, 2016. № 6, pp. 108–118. (In Russ.)
- Black M. Metaphor. *Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy*. Ithaca, NY, 1962, pp. 25–47.
- Carnap R. *Meaning and necessity. A study in semantics and modal logic*. Chicago, 1956. 266 p.
- Grice P. Logic and conversation. *Syntax and Semantics*. 1975. № 3, pp. 41–58.
- Leech G.N. On the theory and practice of semantic testing. *Lingua*. 1970. № 24, pp. 343–364.
- Lyons J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge, 1968, 519 p.
- Van Fraassen B.C. Presupposition, implication and self-reference. *Journal of Philosophy*. 1968. № 65, pp. 136–153.
- Wierzbicka A. The search for universal semantic primitives. *Thirty years of linguistic evolution*. Amsterdam, 1992, pp. 215–242.
- Wierzbicka A. Conditionals and counterfactuals: conceptual primitives and linguistic universals. *On conditionals again*. A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). Philadelphia, 1997, pp. 15–59.

Ма Мэнфэй

**ГЛАГОЛЫ ПОДТРУНИВАТЬ, ПОДШУЧИВАТЬ,
ПОДСМЕИВАТЬСЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматриваются семантические особенности глаголов *подтрунивать*, *подшучивать*, разг. *подсмеиваться*, входящих в синонимический ряд, указывающий на наименьшую, по сравнению с другими рядами данного семантического поля, интенсивность осмеяния. Выделяется и описывается семь признаков, различающих семантику этих глаголов: 1) тип субъекта действия (*подшучивать* <*подсмеиваться*> часто употребляется с существительными, указывающими на коллективного субъекта действия; *подтрунивать* — заметно реже); 2) тип объекта действия (значительно разнообразнее для *подшучивать* <*подсмеиваться*>); 3) то, от чего субъект получает удовольствие (в случае *подтрунивать* это в первую очередь реакция того, над кем смеются); 4) отсутствие того, над кем смеются (возможно для *подшучивать* <*подсмеиваться*>); 5) наличие у субъекта негативной эмоции по отношению к объекту (возможно для *подшучивать* <*подсмеиваться*>); 6) указание на устный или письменный речевой акт (обе возможности — для *подшучивать* <*подтрунивать*>; преимущественно устные высказывания — в случае *подсмеиваться*); 7) способность допускать отсутствие речевого акта (существует у глагола *подсмеиваться*).

Ключевые слова: синонимия; семантический анализ; речевые акты; глаголы со значением осмеяния.

Данная статья является продолжением темы, начатой в работе [Ма Мэнфэй, 2018: 398–400], где речь шла о семантических отличиях, противопоставляющих синонимический ряд *подтрунивать*, *подшучивать*, разг. *подсмеиваться* другим рядам глаголов со значением осмеяния (эти ряды перечисляются, например, в работе [Санников, 2004: 206]: 1) высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять; 2) насмеяться, смеяться 2, посмеяться 2, насмеяться 2; 3) потешаться, шутить 2, насмешничать; 4) издеваться, измываться, глумиться).

Ма Мэнфэй — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mfeyfey@mail.ru).

В настоящей статье на материале Национального корпуса русского языка¹ рассматриваются семантические особенности каждого из членов описываемого ряда, отличающие его от других членов этого ряда. Таким образом, в данной статье обсуждаются не общие признаки, присущие всем трем глаголам, а смысловые отличия их друг от друга.

Рассматриваемый синонимический ряд объединяет глаголы, указывающие, «меньшую (по сравнению с прочими рядами. — М.М.) интенсивность действия и мягкую, дружескую манеру речи. Синонимы этого ряда не только не предполагают желания субъекта уязвить или унижить адресата, но напротив, указывают на то, что в дружелюбное смехе проявляется доброе отношение к адресату». [Санников 2003: 4]. Надо заметить, что процитированное описание А.В. Санникова, предложенное им в разделе «Преамбула» в статье, посвященной синонимическому ряду *высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять*, не включает глагола *подсмеиваться*, а касается только *подтрунивать* и *подшучивать*. Однако данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что глагол *подсмеиваться* семантически очень близок двум другим членам ряда и весьма частотен: в настоящий момент на соответствующий запрос выдается 673² вхождения, причем находятся как тексты из художественной (классической XIX в. и современной) литературы, так и употребления на разного рода интернет-форумах (см. ниже примеры). Представляется целесообразным включить этот глагол в состав данного ряда, снабдив его, однако, стилистической пометой *разг.*

Прежде чем перейти к описанию семантических различий глаголов, нужно сделать одну важную оговорку, касающуюся форм совершенного вида *подтрунить, подшутить, подсмеяться*³.

Все члены рассматриваемого ряда в форме НЕСОВ указывают на речевые акты; СОВ *подтрунить* выражает то же значение, однако в подавляющем большинстве случаев фиксируется в произведениях XIX — начала XX в.; ср. Какая трогательная история Ореста и Пиллада или двух попугайчиков из породы *inseparables* <...> — попробовала было подтрунить над нею Валя Лер (Л. Чарская); Это в тебе, Конон, нечистая сила действует, — подтрунит кто-нибудь над ним (М.Е. Салтыков-Щедрин). Аналогичные употребления встречаются и у современных авторов; ср. Кривицкий радовался случаю подтрунить над раздражавшей его добросовестностью Усольцева (Д. Гра-

¹ URL: www.ruscorpora.ru

² Ср. с его синонимами: *подшучивать* — 607 вхождений; *подтрунивать* — 534 вхождения.

³ По данным Корпуса, *подтрунить* имеет 85 вхождений; *подшутить* — 389 вхождений; *подсмеяться* — 43 вхождения.

нин) — однако в целом образование данной формы в современном языке нужно признать несколько затруднительным. В связи с этим кажется целесообразным присвоить *подтрунить* стилистическую помету *уходящ*.

СОВ подшутить, наряду с указанием на речевой акт, чаще используется в другом значении — для описания неречевых действий (и в этом случае не входит в рассматриваемый синонимический ряд). Ср., с одной стороны, Этот невысокий курносый человек вечно стремился чем-то меня поддеть, подшутить, сказать какую-нибудь колкость (Ю. Андреева); *В тот день на съёмочной площадке она (актриса Л. Орлова. — М.М.) была в ударе и даже подшутила сама над собой, заметив: «Да, сзади — пионерка, а спереди — пенсионерка» («Вечерняя Москва», 2002.02.07) [речевое действие]; с другой стороны, Местный житель Порки Биклар решил подшутить над соседями: он свалил около кратера несколько сотен автомобильных покрышек и поджег («Русский репортер», 2012); Но Кича не знал, что в скором будущем сама *судьба подшутилит* над ним еще более жестоко (М. Тырин); Женщины удивительно некрасивы, как будто *природа* над ними зло *подшутила* (С. Аверичева) [неречевые действия].*

Форма СОВ *подсмеяться*, как и *подшутить*, может использоваться в обоих значениях, однако, как и в случае с *подтрунить*, в Корпусе встречаются в основном примеры из авторов XIX в., при этом значение речевого акта передается крайне редко; ср. Так что, с одной стороны, ругают сотрудники, а с другой — угрожает начальство? — подсмеялся Алексей Степаныч (М.Е. Салтыков-Щедрин). Применительно к современному языку данная форма в этом значении должна быть снабжена пометой *устар*.

Приведем общее толкование, предложенное для слов данного ряда в [Ма Мэнфэй, 2018: 398–400]: ‘Считая действия или свойства какого-то человека забавными и относясь с симпатией к этому человеку, говорить о них или о самом этом человеке так, чтобы адресат тоже стал считать их забавными, с целью получить удовольствие от сказанного и доставить удовольствие адресату’.

В большом числе случаев все три глагола оказываются взаимозаменяемыми; ср. контексты, где подстановка разных членов ряда, безусловно, допустима в равной мере без сколько-нибудь существенного изменения смысла: *Подтрунивая* над ним, она говорила, красиво откидывая голову: «Ты так же прост, как твое имя, — и как я раньше не обратила на это внимания?» (В. Распутин); Солдатики беззлобно *подшучивали*: допоздна, дескать, принимал библиотеку, устал, укатался, бедняга (В. Астафьев); Старенький становишься? — ласково *подсмеивается* она (В. Маканин).

И тем не менее в значительном числе контекстов такая взаимозамена невозможна.

Рассмотрим признаки, по которым различаются синонимы внутри данного ряда. Следует назвать пять таких отличий: 1) тип субъекта (*подшучивать* <*подсмеиваться*> часто употребляется с существительными, указывающими на коллективного субъекта действия; в случае *подтрунивать* использование таких существительных нехарактерно); 2) тип объекта осмеяния (а) в случае *подшучивать* <*подсмеиваться*>, в отличие от *подтрунивать*, объектом могут выступать конкретные предметы, каким-либо образом связанные с человеком и отражающие особенности его личности; б) эти же два действия допускают в качестве объекта те свойства, которые человек не в состоянии контролировать; в) *подшучивать* <*подсмеиваться*> допускают объекты, не связанные с конкретным человеком; г) эти же два глагола допускают совпадение субъекта и объекта действия; *подтрунивать*, по данным Корпуса, также вполне свободно допускает такое употребление, но оно, на наш взгляд, находится на границе нормы); 3) то, от чего субъект получает удовольствие (в случае *подтрунивать* это в первую очередь реакция того, над кем смеются); 4) возможность / невозможность осмеяния в отсутствие того, над кем смеются (*подшучивать* и *подсмеиваться* легко допускают такую возможность; *подтрунивать* — в значительно меньшей степени); 5) наличие/отсутствие негативной эмоции (глаголы *подшучивать* и *подсмеиваться* могут сочетаться с наречиями типа зло, жестоко, которые не сочетаются с *подтрунивать*); б) способность указывать на устный или письменный речевой акт (*подшучивать* <*подтрунивать*> могут указывать и на устный, и на письменный речевой акт; *подсмеиваться* обычно указывает на устную форму); 7) способность допускать отсутствие речевого акта (существует у глагола *подтрунивать*).

Рассмотрим подробно каждый из признаков.

1. Тип субъекта.

При глаголах *подшучивать* и *подсмеиваться*, в отличие от *подтрунивать*, часто употребляются существительные, указывающие на коллективного субъекта, типа публика, (вся) группа и под. Ср. Вся семья уже стала над ней смеяться и *подшучивать* (С. Гончаров); Даже в этом она была полной противоположностью своей подруге, над чьей акающей московской скороговоркой *подсмеивался* весь класс (Ю. Слепухин).

Ср. несколько сомнительное: ? Вся семья *подтрунивает* над ней; ? Класс *подтрунивал* над ней (при том, что вполне нормально Одноклассники *подтрунивали* над новеньким; Мы всей семьей *подтрунивали* над бабушкой).

2. Тип объекта.

Объектом действия, на которое указывают рассматриваемые глаголы, обычно является или непосредственно какой-либо человек, или те или иные проявления его личности — свойства характера; эмоциональные состояния; привычки; поведение; внешние атрибуты; то, что он говорит; продукты его творчества и т. д. Ср. *подшучивать* <*подтрунивать, подсмеиваться*> над приятелем; *подшучивать* <*подтрунивать, подсмеиваться*> над чьей-л. растерянностью <над нерешительностью, над наивностью>; Я часто *подшучиваю* над твоей привычкой оснащать цитатами из классиков каждый твой рассказ (С. Спивакова); Петр в ответных письмах *подтрунивает* над своей немощной старостью и над ветреностью «невинных дочек» (Д. Гранин); Чем меньше оставалось до Тверского бульвара, тем чаще Колян *подтрунивал* над моими водительскими навыками (Е. Прошкин); Я видел, как ему радостно открывать мне неведомое, верховодить, *подтрунивать* над моим невежеством (Б. Окуджава); Надо еще прибавить, что я был необычайно серьезен (актер Сашин, известный в свое время комик, прозвал меня маленьким старичком), над серьезностью этой *подтрунивали* (В. Ходасевич); Крыся над его страхами *подсмеивалась* (Н. Дежнев); Ты больше не *подсмеиваешься* над моей писаниной, почему? (Д. Донцова).

Однако в случае *подшучивать* и *подсмеиваться* типы объектов осмеяния более разнообразны.

Во-первых, это могут быть конкретные предметы (украшения, одежда, мебель и под.), так или иначе отражающие особенности личности связанного с ними человека; ср.: *подшучивать* <*подсмеиваться*> над старомодными ботинками <над мешанским сервантом с фарфоровыми чашками; над безвкусными золотыми кольцами>; Они могли *подсмеиваться* над политическими лидерами, над их походкой, выговором или дурацким пенсне (А. Скандис); «Ну что, всю Жорж Санд уже прочли с подружкой?» — *подсмеивался* отец над книгами Розы (Э. Лимонов). Замена на *подтрунивать* во всех подобных случаях затруднительна или невозможна; единственный тип конкретных существительных, легко сочетающихся с данным глаголом, — это, как отмечалось ранее, существительные, указывающие на человека.

Во-вторых, *подшучивать* и *подсмеиваться* могут, в частности, употребляться применительно к таким аспектам, которые человек не в состоянии контролировать; ср.: *подшучивать* <*подсмеиваться*> над кривыми ногами <над маленьким ростом>; Он еще стеснялся своей полноты, <...> *подшучивал* над ней, называл корпулентностью и утверждал, что в его новой должности <...> быть худым несолидно

(Е. Чижов); Она может *подсмеиваться* как над цветом своей кожи, так и над своим возрастом (Г. Брандес); Это была его любимая тема — *подшучивать* над своим невысоким ростом (А. Валентинов). Использование *подтрунивать* в подобных контекстах кажется затруднительным — или, по крайней мере, гораздо более затруднительным, чем в контекстах типа *подтрунивать* над нелепой прической <над слишком ярко накрашенными губами>. (Правда, следует еще раз повторить, что данный глагол в принципе гораздо активнее сочетается с абстрактными существительными.)

Сказанное относится как к сочетаемости с существительными, указывающими на внешность, так и к любым словам, описывающим проявления человеческой личности; ср., с одной стороны: Им доставляло удовольствие *подтрунивать* над другом за его неопрятный внешний вид, и упрекать в том что он малоумный (М. Римша); и, с другой стороны: Она редкое вместилище всех добродетелей, хотя он подчас и *подтрунивает* над ее экономностью или болтливостью (Б. Портновская). Все качества, подвергающиеся здесь осмеянию, контролируемы человеком, поэтому *подтрунивать* допустимо в подобных случаях наравне с другими синонимами ряда.

В-третьих, *подшучивать* и *подсмеиваться* допускают объекты, не связанные с конкретным человеком; ср.: *подшучивать* <*подсмеиваться*> *над английским укладом жизни*; *Ежегодно он выпускает по одной кинокартине, которая доказывает и нам, да и самому режиссеру-актеру, что даже в свои 77 он не теряет остроумия, подшучивает и над окружающей действительностью, и над самим собой* (У. Малышева). Замена на *подтрунивать* здесь невозможна.

В-четвертых, *подшучивать* и *подсмеиваться* легко допускают совпадение субъекта и объекта действия: *И вот она все время подшучивала над собой, даже над своей веселостью* (А. Трушкин); *Она над собой подшучивала: боевой критик, цепной пес партийной прессы и должен именоваться «Ав»* (А. Ласкин); *Он сам подсмеивался над собой и даже придумал подходящий афоризм: «Никогда не откладывай на завтра то, что можно отложить на послезавтра...»* (Ф. Кнорре). Ср. также примеры выше.

Что же касается глагола *подтрунивать*, то в Корпусе нашлось 17 примеров употребления его в сочетании с конструкцией *над (самим) собой* — как из источников XIX в., так и из современных авторов; ср.: *Сами докладчики подтрунивали над собой больше всех* (Д. Гранин); *Подтрунивая над самим собой и ночным своим бредом, я оглянулся в глупом намерении — еще раз убедиться, что все выглядит так, как выглядит и должно* (В. Войнович); *Он просил у Нехлюдова защиты, а между тем подтрунивал и над собой, и над судьями, и над*

тюрьмой, и над всеми законами, не только уголовными, но и божескими (Л.Н. Толстой).

Эти употребления, как кажется, находятся на границе современной нормы; три приведенных примера — наиболее «гладкие» из всех — показывают, что удачнее всего данный глагол используется в том случае, когда контекст задает однородный ряд субъектов или объектов действия. Так, в примере из Д. Гранина, кроме подтрунивающих над собой докладчиков, подразумеваются и какие-то другие субъекты (видимо, из числа слушателей), также подтрунивающие над докладчиками; в двух других примерах говорящие подтрунивают не только над собой, но и над другими объектами, физическими или абстрактными. В связи с этим семантика глагола оказывается несколько размытой и употребление *подтрунивать* становится вполне допустимым.

В прочих же случаях использование данного глагола кажется, на наш вкус, менее приемлемым; ср.:? *Попутчик он оказался веселый — подтрунивал над собой* (В. Песков, Б. Стрельников);? *Нормальные люди не чураются самоиронии, способны подтрунивать над собой* (Б. Грищенко). Впрочем, вполне вероятно, что многие носители русского языка оценят приведенные примеры как нормативные.

3. То, от чего субъект получает удовольствие.

По этому признаку маркирован глагол *подтрунивать*: данное действие предполагает, что субъект хочет добиться ответной реакции того, над кем он смеется, и получает удовольствие именно от этой реакции — вербальной или невербальной. При этом *подтрунивать*, отчасти сближаясь с глаголами *дразнить* и особенно *поддразнивать*, предполагает, что адресат должен быть слегка раздосадован или чуть-чуть задет (хотя и не обижен всерьез). Ср. пример, описывающий недостижение цели вследствие отсутствия такой реакции со стороны объекта-адресата: *В такси я немного подтруниваю над ним, но он молчит и как-то отчужденно улыбается* (В. Аксенов). Замена на *подшучивать* и *подсмеиваться* в этом контексте представляется допустимой, но несколько меняет смысл: субъект не достигает цели оттого, что адресат не получает удовольствия от его шутки.

4. Возможность/невозможность осмеяния в отсутствие того, над кем смеются.

Как и в предыдущих случаях, *подшучивать* и *подсмеиваться* объединяются еще одной особенностью: эти глаголы способны указывать на действие, осуществляемое в отсутствие человека — объекта осмеяния; ср. Он [генерал Апанасенко] меня немного удивлял своим поведением, и мы с Ватутиным за глаза подшучивали над ним (Н. Хрущев); Управляющего, несмотря даже на некоторый страх

перед ним, все любили, за глаза *подсмеиваясь*, конечно, но в глаза чуть-чуть улыбаясь, даже покровительственно, и относились к нему с уважением (Ю. Юркун).

Замена на *подтрунивать* в этих сочетаниях, по нашему мнению, невозможна — именно потому, что подтрунивание всегда предполагает непосредственным адресатом того человека, над которым говорящий смеется, и имеет целью добиться его ответной реакции. Однако в Корпусе находится несколько подобных случаев, из чего следует, что интуиция носителей языка в этой точке может расходиться; ср.: Кнопы считались одними из самых богатых людей в Москве, имели большое деловое влияние на московское купечество, хотя оно за глаза над ними *подтрунивало*, называя их «клопами» (Н. Варенцов); За глаза *подтрунивала* над ним, но в глаза, упаси бог, жалела, была с ним ласкова и внимательна (А. Рыбаков) — отметим для этого последнего случая, что глагол *подтрунивать* употреблен здесь в значении, очень близком значению глагола *иронизировать* и выбран, вероятно, в силу более «мягкой» семантики.

5. Наличие/отсутствие негативной эмоции.

Несмотря на то, что все синонимы данного ряда обычно указывают на беззлобное отношение к объекту осмеяния, в некоторых случаях *подсмеиваться* и особенно *подишучивать* все же могут предполагать наличие у субъекта негативной эмоции, что невозможно для *подтрунивать*. *Подишучивать* и *подсмеиваться* могут указывать на негативную эмоцию в сочетании с наречиями типа зло, жестоко, едко, ядовито и т.п., в то время как сочетание этих наречий с *подтрунивать* кажется крайне затруднительным. Ср.: Того, кто грозит, зло подишучивает и высмеивает, можно обескуражить неожиданным высказыванием, которое поставит в тупик и отобьет желание вредничать (Е. Чеповецкий); У казахов в обычае *подишучивать* над сверстниками, и жестоко, порой без всякой жалости (Т. Ахтанов); Теперь из-за кулис подсматривает и едко подсмеивается над зрителями-недотепами (Б. Евсеев).

6. Указание на устный/письменный речевой акт.

Подишучивать и *подтрунивать* в равной степени могут быть употреблены применительно как к устной, так и к письменной речи; ср.: В путешествиях, на биостанциях, удивляя сотрудников и студентов знанием названий диких культур, он *подишучивал*: «Это делает честь вашей наивности» (Ж. Василенко, Э. Кушнир); Свободнее становился стиль, непринужденнее авторский голос. Он начал *подишучивать* над читателем (Л. Залесова-Докторова); Тем не менее Василек начал по временам *подтрунивать* над Лидой, говоря, что она курсистка, девчонка и пигалица, которой впору сопливых ребят учить, а не его,

профессора и довольно видного ученого своего времени (М. Зощенко); Вообще с читателем Смуул в своих письмах обходится очень непринужденно — и откровенничает, и *подтрунивает*, и соболезнует, а то и прикрикнет (Ю. Суровцев).

Глагол *подсмеиваться* обычно указывает на устную речь; ср.: Высказалась? — спросила Маруська, не переставая *подсмеиваться*. — Эй-эх, вот что (В. Личутин); Над Ильей *подсмеиваться* стали: — Ты в уме ли, парень! (П. Бажов) — при затруднительности?? В своих письмах отец всегда *подсмеивался* над ней. Это связано с влиянием отчетливо ощущаемой в данном глаголе внутренней формы, которая отсылает к мимическим движениям и звукам, сопровождающим смех, и предполагает, что говорящий находится в непосредственном контакте с адресатом.

Способность допускать отсутствие непосредственного речевого акта.

Этой способностью обладает глагол *подсмеиваться*; ср.: *подсмеиваться про себя, подсмеиваться в душе; Я над ним [отцом] тихонько подсмеивалась, слегка копировала и передразнивала* (Л. Гурченко); *Яковлев подсмеивался про себя над людьми, не верящими в противоположное чудо* (Е. Радов). Легко видеть, что во всех случаях предполагается, так сказать, внутренний, или (как в примере из Л. Гурченко), очень тихий смех, скрываемый от адресата насмешки и, возможно, сопровождаемый внутренней речью.

В дополнение укажем, что в синтаксическом отношении *подшучивать* имеет одно важное отличие от *подтрунивать* и *подсмеиваться*: только этот глагол из всех членов ряда способен подчинять себе изъяснительные придаточные, вводимые союзом что: Он действительно с трудом различал братьев и всегда *подшучивал*, что один из братьев немного умнее, а другой немного красивее, но он всегда забывает, кто именно (Л. Улицкая).

В целом, как видно из предложенного описания, глаголы *подшучивать* и *подсмеиваться* весьма близки друг другу в семантическом отношении, отличаясь только тем, что последний предполагает более тесную связь с мимикой и звуками, сопровождающими смех; *подтрунивать* же противопоставлен им по целому ряду существенных признаков.

В завершение отметим, что в одном из наиболее авторитетных лексикографических источников — в Словаре русского языка в 4 т. под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) самодостаточным образом толкуется только первый из описанных глаголов — *подшутить*⁴ ‘сделать кого-л. предметом шутки, забавы, посмеяться над кем-, чем-л.’;

⁴ В качестве основной формы МАС выбирает форму СОВ.

другие члены синонимического ряда толкуются через *подшутить*: *подтрунить*⁵ ‘*подшутить*, слегка посмеяться над кем-, чем-л.’; *подсмеиваться* ‘высмеивая, *подшучивать* над кем-, чем-л.’ Это решение ввиду обсужденных различий между синонимами кажется не самым удачным как минимум в случае с глаголом *подтрунить*. Кроме того, нельзя не отметить, что в толковании центрального при таком способе описания глагола *подшутить* слиты два значения — речевое и неречевое — а в толковании *подсмеиваться* использован глагол *высмеивать*, семантика которого, в отличие от толкуемого слова, не предполагает в современном русском непосредственной отсылки к смеху.

Список литературы

- Ма Мэнфэй. Глаголы *подтрунивать*, *подшучивать*, *подсмеиваться*: краткий семантический анализ // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 398–400.
- Санников А.В. Словарная статья ВЫСМЕИВАТЬ. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2004.
- Санников А.В. Смех и насмешка в русской наивной этике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Сборник трудов международной конференции «Диалог-2003». М., 2003.

Ma Mengfei

SEMANTIC DIFFERENCES BETWEEN THE VERBS *PODTRUNIVAT*, *PODSHUCHIVAT*, *PODSMEIVATSYA* IN CONTEMPORARY RUSSIAN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Based on the material of Russian National Corpus, the article presents semantic specifics of synonymous verbs *podtrunivat*, *podshuchivat*, *podsmeyivatsya*, indicating the lowest intensity of teasing in comparison with other similar series. Seven characteristics which differ the semantics of these verbs are distinguished and described: 1) subject of the speech act (verbs *podshuchivat* <*podsmeyivatsya*> are often used with nouns, indicating the collective subject of act, as for *podtrunivat* — it is much less so); 2) object of the act (appreciably more diverse

⁵ Как и в случае с *подшутить*, основной для данного глагола МАС также выбирает форму СОВ.

for *podshuchivat* <*podsmеivatsya*>); 3) the point which derives pleasure of a subject (in case of *podshuchivat*, the first thing is the reaction of a subject being laughed at); 4) absence of a subject being laughed at (possible for *podshuchivat* <*podsmеivatsya*>); 5) representation of a negative attitude to the object (possible for verbs *podshuchivat* <*podsmеivatsya*>); 6) indicating oral or written speech forms (both of them are possible for verbs *podshuchivat* <*podsmеivatsya*>, using oral speech form predominates as for *podsmеivatsya*); 7) indicating the absence of speech act (in case of *podsmеivatsya*).

Key words: synonymy; semantic analysis; speech acts; verbs with meaning of ridicule.

About the author: *Ma Mengfei* — Postgraduate, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mfeyfey@mail.ru).

References

- Ma Mengfei. Glagoly podtrunivat', podshuchivat', podsmеivat'sya: kratkij semanticheskij analiz [The verbs podtrunivat', podshuchivat', podsmеivat's'a: a brief semantic analysis]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, 1, № 1 (68), pp. 398–400. (In Russ.)
- Sannikov A.V. Slovarnaya stat'ya VYSMEIVAT' [The dictionary entry of vysmeivat']. *Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* / Pod red. YU.D. Apresyana. [New explanatory dictionary of Russian synonyms / Ed. by Y.D. Apresian], Moscow, 2004. 1488 p. (In Russ.).
- Sannikov A.V. Smekh i nasmeshka v russkoj naivnoj etike [Laugh and mockery in Russian naive ethic]. *Kompjuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sbornik trudov mezhdunarodnoj konferencii "Dialog-2003"*, Moscow, 2003. (In Russ.)

Чжао Цзяи

ФОРМАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируется формальная адаптация заимствований в русском и китайском языках. Целью настоящей статьи является описание формальных процессов, сопровождающих освоение заимствований. В ней проанализирован один из видов формальной адаптации заимствованных слов: графическая адаптация. В статье проводится сопоставление этого вида адаптации в русском и китайском языках. Проанализированы четыре группы графических заимствований по степени освоения в русском языке и два способа графической адаптации для русского языка — транслитерация и транскрипция. Материалом для исследования послужили графические заимствования, зафиксированные в словаре под редакцией Г.Н. Скляревской и в двух словарях неологизмов XXI в., составленных Е.Н. Шагаловой. В китайском языке графическая адаптация тесно связана с семантикой, поэтому в статье изучены три способа передачи: передача означаемого, передача значения, одновременная передача и того и другого. Для уточнения значения иероглифов использованы три словаря китайского языка. Проводимый анализ показывает, что, несмотря на очевидные отличия, но в обоих языках действуют сходные механизмы приспособления слова к нормам заимствующего языка что графическая адаптация является важным условием вхождения заимствованной лексики в язык. В сопоставительном плане рассмотрен вопрос об орфографии в русском и китайском языках. Таким образом, заимствованная лексика является очень важной частью в любом языке, поэтому изучение результатов формальной адаптации одних и тех же заимствований в разных языках помогает лучше понять как специфику этих языков, так и то общее, что их объединяет.

Ключевые слова: заимствования; адаптация; графическое заимствование; русский язык; китайский язык; сопоставление.

Иностранные слова для того, чтобы остаться в «чужом» языке, должны пройти определенную формальную адаптацию — графическую, фонетическую и грамматическую. Особенности этой адаптации непосредственно связаны с типом заимствующего языка, поэтому особый интерес представляет сравнение механизма заим-

Чжао Цзяи — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: zhaojiayi@mail.ru).

ствований в языках разного строя. В данной статье мы сравним механизмы формальной адаптации заимствований в таких типологически разных языках, как русский и китайский.

Формальная адаптация заимствования в письменном языке обычно начинается с перевода его написания на «родную» графику. Однако **графической** адаптации, т.е. приданию единице письменного вида, соответствующего графическим нормам заимствующего языка, часто предшествует этап, когда слово пишется так же, как в языке-источнике. В этом случае имеет место графическое заимствование (ГЗ). В русском языке широко представлены ГЗ, использующие латинскую графику и взятые из англоязычных текстов (см: [Маринова, 2012; Клобуков, 2015а; 2015б] и др.). Это, например, такие ГЗ, как *bluetooth*, *CD*, *DVD-ROM / DVD-Rom*, *PR*, *SMS*, *Web* и др. При использовании ГЗ можно говорить о том, что единица находится еще на нулевой стадии формальной адаптации.

Русский и китайский языки существенно отличаются по тому, насколько широко используются графические заимствования. Для китайского языка использование графических заимствований — явление гораздо менее распространенное, чем для русского, и при этом достаточно новое. Так, Н.А. Ночвина пишет о нем следующее: «в настоящее время мы можем говорить о появлении абсолютно нового способа заимствования в китайском языке, это **буквенные вкрапления в иероглифическом** тексте. Преимущественно при этом способе заимствования применяются буквы латинского алфавита (из английского языка или же из китайского фонетического письма — *пиньинь*). Это могут быть аббревиатуры, сокращения, а также целые слова на английском языке или записанные при помощи пиньинь» [Ночвина, 2012].

Это подтверждается, например, поведением такой новой лексической единицы, как *blockchain / block chain* («цепочка блоков»). Она пока сохраняется как ГЗ не только в русском, но и в китайском языке, соседствуя с адаптированными вариантами. Тем не менее можно говорить о том, что данное ГЗ используется в китайском языке в гораздо меньшей степени, чем в русском, и что графическая адаптация проходит в китайском значительно быстрее. Более быстрая и обязательная графическая адаптация обусловлена принципиальным различием между иероглифическими и буквенными графическими системами. В иероглифическом тексте буквенные вкрапления выглядят гораздо более чужеродными, чем латиница в кириллическом тексте, в связи с различием иероглифической и буквенной графических систем и принципов словоделения. Ср., например, русское высказывание: *Как подключить наушники к ноутбуку по **bluetooth*** (объявление в Интернете) и китайские высказывания — с ГЗ и с его

иероглифическим вариантом 蓝牙 [lán-yá]: (1) 请问, 在哪里可以买到 **Bluetooth** 耳机。 (2) 请问, 在哪里可以买到 **蓝牙** 耳机。 ‘Скажите, пожалуйста, где можно купить блютуз наушники’.

Тем не менее есть такой тип заимствований, где существует большая потребность в ГЗ — это имена собственные (онимы). Как показали наши наблюдения, именно при их передаче графические заимствования наиболее активно используются в китайском языке. Одной из главных причин отсутствия их графической адаптации можно считать невозможность точной передачи звучания с помощью иероглифов. «Приблизительная» передача звучания осложняет понимание и возможность точной идентификации референта, а для онимов идентифицирующая функция является главной. В некоторых случаях, если не удается подобрать подходящие по звучанию иероглифы, от графической адаптации приходится отказываться. Этим, например, можно, отчасти, объяснить то, что название «Google» передается с помощью иероглифов: 谷歌 [gǔ-gē], а Yandex остается графическим заимствованием. Ср.: 谷歌是全球最大的搜索引擎。

‘Гугл является крупнейшей поисковой системой во всем мире’; **Yandex** 是欧洲十大流行搜索引擎之。 — ‘Яндекс представляет собой одну из десяти популярных поисковых систем в Европе’. Здесь, правда, большую роль играет и то, что Яндекс распространен преимущественно среди китайских пользователей Интернета, знающих русский язык.

При графической адаптации заимствования возникает проблема выбора между *транслитерацией* и *транскрипцией*. В первом случае передается буквенный состав, и слово начинает произноситься в соответствии с ним (ср. передачу в русском языке *VIP* [vi: ai 'pi:] как *ВИП*, а не *виайпи*). Во втором, напротив, имеет место ориентация на реальный звуковой состав заимствуемой единицы. Ср., например, передачу английской торговой марки *Minton China* в виде русифицированного коррелята «*Минтон Чайна*» (пример из [Маринова, 2012: 164]).

Факторы, влияющие на выбор способа передачи заимствования, могут и должны быть отдельным объектом исследования. Большую роль здесь должен играть характер источника заимствования (звучащая или письменная речь), а также требование близости к звучанию оригинала. Как уже отмечалось, это особенно важно для имен собственных. Это касается прежде всего тех онимов, которые активно используются и в устной речи. Сильное расхождение между звучанием языка-источника и его коррелятом в случае имен собственных очень затрудняет идентификацию референта и поэтому может рассматриваться как негативный фактор. Не случайно, как

отмечает Е.В. Маринова, с помощью транскрипции передаются «названия периодических изданий, учреждений, предприятий, компаний и т.п.» [Маринова, 2012: 164].

Хотя ГЗ достаточно активно используются в русском языке на первом этапе заимствования, они держатся довольно недолго и быстро приобретают кириллические варианты. В результате анализа собранного нами словарного языкового материала¹ нам удалось выделить в русском языке начала XXI в. четыре группы ГЗ по тому, насколько далеко зашла их графическая адаптация. Различия между этими группами ГЗ основываются на двух признаках:

- наличие-отсутствие у ГЗ словарной фиксации русифицированных коррелятов;
- количество русифицированных коррелятов, отмеченных словарями.

С учетом этих двух признаков можно выделить следующие группы ГЗ:

1) ГЗ, не имеющие в исследованных словарях русифицированных коррелятов (типа *Apple*, см. [Шагалова, 2010: 911]);

2) ГЗ, имеющие по одному русифицированному корреляту (типа *Bluetooth* > *блютуз* [Шагалова, 2011: 51]);

3) ГЗ, имеющие по два русифицированных коррелята (типа *iPad* > *айпэд*, *айпэд* [Шагалова, 2011: 22]);

4) ГЗ, имеющие по три русифицированных коррелята (типа *Windows* > *виндоус*, *виндоуз*, *уйндоуз* [Шагалова, 2010: 145]).

Процесс графической адаптации заимствований идет в языке постоянно, поэтому в словарях невозможно зафиксировать все варианты и русские корреляты. Так, они не даются для сокращений типа *WWW* [АЛ: 1132]. Однако важно подчеркнуть, что и слова типа *WWW* в разговорной речи могут иметь русифицированные соответствия. Ср., например, вариант *вэ-вэ-вэ*, представленный в Интернет-распечатке текста песни «Ленинград СПб точка ру» подгруппы «Ленинград».

Таким образом, отсутствие в словаре русифицированного коррелята может говорить не о его отсутствии в письменном языке, а лишь о том, что этот вариант не прошел еще лексикографической кодификации (о явлении лексикографической кодификации заимствований см. подробнее [Клобуков, 2015а: 201]). Однако если ГЗ имеет один

¹ Исследовался материал следующих источников: АЛ — «Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика. Около 8500 слов и устойчивых словосочетаний» (под редакцией Г.Н. Складневской), а также два словаря неологизмов XXI в., составленные Е.Н. Шагаловой (см. информацию о них в библиографии данной статьи).

или несколько словарно зафиксированных кириллических коррелятов, то можно уверенно говорить о том, что процесс графической адаптации уже идет. При этом нельзя утверждать, что ГЗ, имеющие по одному корреляту, графически освоены русским языком хуже, чем ГЗ, имеющие по два или по три коррелята. Колебания в написании русифицированных коррелятов могут свидетельствовать о наличии зоны вариативности, конкуренции между разными способами адаптации, но не об отсутствии самой адаптации.

В китайском языке графическая адаптация осуществляется гораздо сложнее, чем в русском. Этот процесс тесно связан с семантикой, поскольку иероглифы, в отличие от букв, двусторонние единицы — они обладают и звучанием, и значением. Поэтому здесь выработка формы письменного представления заимствования может идти следующими основными путями: передача означаемого, передача значения, одновременная передача и того и другого.

При передаче означаемого подбирается тот иероглиф, который лучше передает буквенный или звуковой состав заимствуемого слова. При этом возникает проблема одновременной фонетической адаптации. Она связана с тем, что иероглифы обычно передают открытые слоги. Исключение составляет финаль с носовыми согласными [ŋ] и [ŋg]: [mǎ-shén] (*машина*); [shā-lóng] (от франц. *salon* <итал. *salotto*). Так как «...в китайском языке согласный ограниченно появляется в окончании слова, в окончании возможны только два носовых звука — переднеязычный [ŋ] и заднеязычный [ŋg]», большинство закрытых слогов и сочетаний согласных не могут передаваться иероглифически. В результате означаемое, имеющее закрытые слоги, удастся передать иероглифами лишь частично и очень приблизительно [Цзян Ин, Шипановская, 2016: 146]. В данной работе Цзян Ина и Л.М. Шипановской в связи со сказанным выделяются случаи полной и частичной «транслитерации». В качестве примеров транслитерации целого слова приводятся следующие случаи:

ведро [в'идро́] — 喂得罗 [wèi-dé-luó];

газ [гас] — 嘎斯 [gā-sī];

квас [квас] — 格瓦斯 [gé-wǎ-sī] и т.п.

Передачу начальной части означаемого («частичная транслитерация») авторы иллюстрируют такими, например, заимствованиями, как *копейка* — 戈比 [gē-bǐ], *рубль* — 卢布 [lú-bù] и т.д. [там же: 148].

Передача означаемого используется в китайском языке прежде всего при наличии тесных устных языковых контактов. Так, в Харбинском диалекте китайского языка среди заимствований из рус-

ского языка есть достаточное количество случаев, ориентированных на передачу звучания. Ср., например:

八雜市兒 [bā-zá-shìr] — базар,
布拉吉 [bù-lā-jí] — платье,
瑪達木兒 [mǎ-dá-mùr] — мадам,
馬神 [mǎ-shén] — машина,
孛木兒 [nāo-mùr] — номер,
塞一克 [sài-yī-kè] — сайка и др. [Ли Жун, Инь Шичао, 1997].

Передача означающего регулярно совмещается в китайском языке с процессом семантического осмысления. К иероглифам, передающим означающее (полностью или частично), может прибавляться иероглиф — эквивалент семантической морфемы (суффикса), категоризирующий называемый предмет. Например: *tango* [ʼtɑŋgəʊ] (танго) — 探戈舞. Здесь имеет место полная транслитерация корня: 探戈 [tàn-gē], дополненная семантической морфемой 舞 [wǔ], используемой и в других единицах, называющих вид танца (например, при передаче слова *балет*). Аналогичное явление имеет место при передаче слова *jeep* [dʒi:p] (джип) — 吉普车. Транслитерированный корень 吉普 [jí-pǔ] дополнен семантической морфемой 车 [chē] (машина), используемой и в других единицах, называющих транспортные средства (например, *автобус*) [Болсуновская и др., 2015: 1100].

Иногда удается подобрать иероглифы так, чтобы они одновременно передавали как звучание, так и смысл. При этом немотивированное слово может приобретать мотивированность. Примером такой формально-смысловой адаптации с повышением мотивированности можно считать один из вариантов передачи заимствования *халва* с помощью трех иероглифов: 哈尔娃. Они передают звучание [ха + эр + ва]. Но первый и последний передают также значение ‘радоваться’ и ‘дети’. В результате слово *халва* при разложении его семантики на значение отдельных иероглифов приобретает значение ‘то, чему радуются дети’, что отражает распространение халвы именно среди детей: 娃 ‘ребенок, дети’, 哈 ‘радоваться’ (т.е. ребенок испытывает радость, получая халву) [Цзян Ин, Шипановская, 2016: 149]. Сюда же относится передача заимствования *hacker* [ʼhakə] (хакер) с помощью двух иероглифов: 黑客, которые имеют звучание [хэй + кэ] и значение ‘черный + гость’ (пример из [Болсуновская и др., 2015: 1100]). К примерам такого рода можно отнести также обнаруженное нами заимствование из хинди, передающееся с помощью сочетания двух иероглифов: 苦力, которое имеет звучание [ку + ли] и передает значение ‘тяжелый, бедный + работник, носильщик, слуга’.

Таким образом, в результате подбора иероглифов заимствованное непроизводное слово может становиться семантически мотивированным, производным. Это явление можно назвать **семантизацией непроизводной единицы в ходе иероглифической адаптации**. Подобная семантизация является результатом этимологического калькирования (см. ниже).

При «переводе» ГЗ на иероглифы означающее последних регулярно вообще игнорируется и передается только их семантика. Производные и составные заимствованные единицы в китайском языке регулярно калькируются, т.е. выступают как семантические заимствования. Этот тип заимствований можно считать основным для китайского языка. «Семантическое адаптирование» играет в нем гораздо большую роль, чем формальное. Это приводит к тому, что осмысленный, мотивированный вариант передачи заимствования может вытеснять исходный «фонетический». Как пишет А.Ю. Косинцева, «иногда с появлением таких «осмысленных» заимствований чуждая фонетическая калька полностью вытесняется из активного словарного запаса языка. Так, довольно схожий по звучанию, однако абсолютно неадаптированный по значению 德律风 [délǜfēng] — *телефон*, в настоящее время полностью вытеснен семантическим 电话 [diànhuà] («электричество + слова»)» [Косинцева, 2013].

Анализируя процессы калькирования в китайском языке, В.И. Горелов отмечает целесообразность выделения здесь двух видов калек: структурных и этимологических. Под **структурными калками** понимаются, как пишет В.И. Горелов, случаи, когда «заимствуется семантико-морфологическая структура иностранного слова или номинативного словосочетания» [Горелов, 1984: 147]. В современном китайском языке появляется много структурных калек. В качестве примера В.И. Горелов приводит передачу на китайский понятия *лошадиная сила*: 馬力 [mǎ-lì] — первый иероглиф здесь обозначает ‘лошадь’, второй иероглиф имеет значение ‘сила’ [там же: 147].

При **калькировании этимологии**, по словам В.И. Горелова, «раскрывается смысловое содержание иностранного слова. Оно подвергается этимологизации посредством объяснительного перевода. Возникающее при этом этимологическое значение иногда отражает, а иногда не отражает смысловую структуру (внутреннюю форму) иноязычного слова». В качестве примера В.И. Горелов приводит китайский эквивалент слова *зажигалка*, *выглядящий следующим образом*: 打火机 [dǎ-huǒ-jī]. Здесь первый иероглиф передает зна-

чение глагола *выбивать*, второй иероглиф значит *огонь*, а третий обозначает *аппарат*, т.е. оказывается выраженным смысл *'аппарат для выбивания огня'* [там же: 148].

В основу номинации и объяснения значения предметов и явлений могут быть положены разные мотивирующие признаки. Это создает большие возможности для вариативности результатов адаптации. Так, например, недавно возникшее название технологии *blockchain / block chain* (букв. 'цепочка блоков') передается на китайский следующими двумя способами, чаще других используемыми в Интернете:

1) 块环链 [kuài-huán-liàn], где первый иероглиф обозначает 'кусок', второй иероглиф значит 'круг, кольцо', а третий иероглиф имеет значение 'цепочка'.

2) 区块链 [qū-kuài-liàn], где первый иероглиф имеет значение 'зона, район', второй иероглиф обозначает 'кусок', а третий иероглиф имеет значение 'цепочка'. Сочетание 区块 в китайском языке передает значение 'блок'.

Говоря о графической адаптации, нельзя не затронуть вопрос об орфографии. Она устанавливает, какой из вариантов написания является правильным. Главные орфографические проблемы при передаче заимствований в русском языке возникают из-за возможности слитного, дефисного и раздельного написания составных единиц (ср.: *блок чейн* и *блокчейн*; *ди-джей* и *диджей* и т.п.), конкуренции между буквами *e* и *э* (ср.: *флэшка* и *флешка*; *кэш* и *кеш* и т.п.) и написания заимствования с одной/двумя согласными не на морфемном шве (ср.: *диггер* и *дигер*).

В русской орфографии действуют некоторые особые правила написания заимствованных слов, но они не позволяют единообразно оформлять новые заимствования. При этом нужно отметить, что русская орфографическая традиция негативно относится к орфографическим вариантам и стремится кодифицировать лишь один из них, смотреть написание заимствованного слова во многих случаях приходится в орфографических словарях. Попадание слова в такой словарь можно считать завершающей стадией графической адаптации. Однако кодификация одного из вариантов происходит далеко не сразу, и заимствование может длительное время по-разному передаваться в письменном языке.

В китайском языке графическая адаптация тоже порождает варианты. Эти варианты могут быть следствием разной ориентации — на написание или на звучание; они также являются следствием возможности передачи как формы, так и значения слова разными

иероглифами. Так, например, название аэропорта «Шереметьево» передается в китайском языке двумя вариантами: 谢列梅捷沃 [xiè-liè-méi-jié-wò] — ориентация на написание, 谢列蔑契娃 [xiè-liè-miè-qì-wá] — ориентация на звучание. Варианты иероглифической передачи слова даются в китайских словарях вместе с правилами написания иероглифов.

При подборе иероглифического варианта для заимствования в китайском языке часто возникает проблема привнесения иероглифами дополнительных смыслов. Как справедливо пишут в интернете-издании о Китае «Магазета»², «в китайском языке очень много иероглифов, звучащих одинаково (или почти одинаково), но имеющих разный смысл. Поэтому, когда китайцы подбирают для создания нового слова подходяще звучащие (по крайней мере, с их точки зрения) иероглифы, то имеется большой выбор, позволяющий передать дополнительную информацию». Эту дополнительную информацию особенно важно учитывать при передаче таких, например, единиц, как наименования стран. Между страной и ее названием, если оно значимо, неизбежно возникают ассоциативные связи, и приписываемое названием свойство вольно или невольно в какой-то мере переносится на страну и ее представителей. Эту проблему затронул Б. Акунин, который писал об истории подбора иероглифов для названия России в китайском и японском языках.

В китайском языке названия «Россия» может передаваться двумя способами: 1) 俄罗斯 [é-luó-sī] или 2) 俄国 [é-guó]. Первый вариант восходит к звучанию монгольского слова OROCCIA, передававшего, в свою очередь, звучание слова *Россия* на монгольском. Это заимствование в китайском языке трансформировалось в 斡罗斯 [wò-luó-sī], а затем в 鄂罗斯 [è-luó-sī]. Второй вариант является более семантизированным, — в нем только первый иероглиф передает звучание начальной гласной, а второй имеет категоризирующее значение — ‘государство’. Но этот вариант ранее использовался при передаче названия «Российская империя», и для современного китайского языка он является историзмом. Что касается первого варианта, то его первый иероглиф 俄 [é], взятый вне сочетания, имеет значение ‘внезапно’, данное в «Большом словаре (Синьхуа)», а также значение ‘мгновение’, данное в «Большом словаре китайского языка». Возможно, именно это дало Б. Акунину основание полагать, что китайский способ передачи названия России содержит характеристику ‘внезапная’. Писатель пишет об этом следующее: «жители Срединной

² URL: <http://magazeta.com/2008/09/e-russian/> (Дата обращения: 27.12.2017).

империи узнали про нас от монголов, называвших Россию «Орос», и переделали эту неудобную для китайского уха фонему в «Э-ло-сы» (俄羅斯). Главная смысловая нагрузка лежит на первом иероглифе, поэтому в сокращенном виде Россия называлась «Страна Э» (俄國), что можно перевести как «Страна Внезапностей». Мне кажется, китайцы эпохи Мин проявили удивительную прозорливость, предугадав одну из самых характерных черт России [Б. Акунин, URL: http://readme.club/books/89_istoriya-rossiyskogo....pdf]. Нужно отметить, однако, что современные носители китайского языка не воспринимают данное наименование как мотивированное.

В русском языке графическая адаптация также в отдельных случаях может привносить в слово дополнительные смыслы, что может приводить к неудачам восприятия. Так, например, в компьютерной лингвистике используется заимствование *трибанк*, которое вызывает ложные ассоциации с числительным *три*. На самом деле оно передает термин *treebank* (синтаксически размеченный корпус текстов), где первый компонент имеет значение ‘дерево’ (имеются в виду синтаксические деревья). Однако для специалистов, хорошо знающих значение заимствуемого термина, ложные ассоциации не являются проблемой. Для них важно, что заимствуемый термин позволяет в компрессивной форме передать значение, которое в русском языке можно передать только описательно.

Как показало сопоставление механизма графической адаптации заимствований в таких разных языках, как русский и китайский, при всем различии «техники» адаптации, цель и виды протекающих здесь процессов в целом совпадают. Знание этих процессов помогает лучше понять специфику языков разных типов, а также прогнозировать судьбу в них заимствований. Представляется, что оно может также способствовать выработке оптимальных правил формальной адаптации.

Список литературы

- Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. 2013. URL: http://readme.club/books/89_istoriya-rossiyskogo....pdf (дата обращения: 20.12.2017).
- Болсуновская Ю.А., Матназаров Т.У., Болсуновская Л.М. Русские и английские заимствования в китайском языке. Молодой ученый. Ч. XI. № 8. 2015. С. 1099–1101. URL: <https://moluch.ru/archive/88/17724/> (дата обращения: 14.02.2018).

- Горелов В.И.* Лексикология китайского языка: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2013. М., 1984.
- Клобуков Е.В.* Отражение графических заимствований в словарях, проблемы адаптации и лексикографической кодификации заимствованного слова // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова / Под ред. М.Л. Ремнёвой. М., 2015 (2015а). С. 199–216.
- Клобуков Е.В.* Графические заимствования в системе русского литературного языка // Рациональное и эмоциональное в языке // Сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 20–21 ноября 2015 г.). М., 2015 (2015б). С. 92–99.
- Косинцева А.Ю.* Заимствования в современном китайском языке // Language&Science. Вып. 2013. № 2. URL: <https://lands.utmn.ru/upload/iblock/243/Косинцева.pdf> (дата обращения: 10.01.2018).
- Маринова Е.В.* Иноязычная лексика современного русского языка: Учебное пособие. М., 2012.
- Ночвина Н.А.* Заимствование и способы их адаптации в современном китайском языке. 2012. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2012/06/19/zaimstvovaniya-i-sposoby-ikh-adaptatsii-v-sovremennom> (дата обращения: 10.01.2018).
- Цзян Ин, Шипановская Л.М.* Русские заимствования в китайском языке как результат языковых контактов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. С. 144–152. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/45.html> (дата обращения: 05.03.2018).
- АЛ — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. Около 8500 слов и устойчивых словосочетаний / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2006.
- Шагалова Е.Н.* Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.). Более 3000 слов и словосочетаний. М., 2010.
- Шагалова Е.Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. Около 1500 слов. М., 2011.
- 汉语大词典 «Большой словарь китайского языка»: 普及本 / 汉语大词典编纂处编. 上海: 上海辞书出版社, 2012. 3.
- 李榮, 尹世超. 哈爾濱方言詞典 «Ли Жун, Инь Шичао. Словарь Харбинского диалекта». 南京: 江蘇教育出版社, 1997.
- 新华大字典 «Большой словарь (Синьхуа)»: 双色缩印本 / 《新华大字典》编委会编 - 3版. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2015. 6 (2016. 5 重印).

Интернет-ресурсы

- Магазета — интернет-издание о Китае: URL: <https://magazeta.com>
- Яндекс: URL: <https://yandex.ru/>
- English Oxford Living Dictionaries: URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>

Zhao Jiayi

FORMAL ADAPTATION OF BORROWINGS IN RUSSIAN AND CHINESE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses the graphic type of the word's adaptation in Russian and Chinese. It aims to show how and at what stages borrowings are adapted to the linguistic systems of Russian and Chinese and how they are mastered by native speakers of Russian and Chinese. The Russian words under analysis are fixed in the dictionary under the editorship of G.N. Sklyarevskaya and two dictionaries of neologisms of the 21st century compiled by E.N. Shagalova. The article analyzes four groups of graphic borrowings by degree of mastery. It discusses two ways of graphic adaptation in contemporary Russian, transliteration and transcription. In Chinese, graphic adaptation is closely related to semantics and can be regarded in terms of the transfer of the signified, the transfer of meaning, and simultaneous transmission of both. It is argued that graphic borrowings in Chinese are a newer and far less common phenomenon than in Russian. Three dictionaries of Chinese characters were used in clarifying the meaning of some Chinese characters. The article discusses spelling norms in Russian and Chinese. It is concluded that a word can be borrowed by Russian or Chinese only if it is welcomed by the system of the language and the process of russification or sinicization is an essential sphere of research.

Key words: borrowings; adaptation; graphic borrowing; Russian language; Chinese language; comparison.

About the author: *Zhao Jiayi* — Postgraduate Student of the Russian Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: zha-
ojiayi@mail.ru).

References

- Akunin B. *Chast' Evropy'. Istoriya Rossijskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo nashestviya* [A part of Europe. History of the Russian State. From the Origins to the Mongolian invasion]. URL: http://readme.club/books/89_istoriya-rossijskogo....pdf (accessed: 20.12.2017).
- Bolsunovskaya Yu.A., Matnazarov T.U., Bolsunovskaya L.M. *Russkie i anglijskie zaimstvovaniya v kitajskom yazy'ke* [Russian and English Borrowings in the Chinese Language]. *Molodoj uchyonyj* [Young Scientist], 2015, Part XI, № 8, pp. 1099–1101. URL: <https://moluch.ru/archive/88/17724/> (accessed: 14.02.2018). (In Russ.)

- Gorelov V.I. Leksikologiya kitajskogo yazy'ka: Ucheb. posobie dlya studentov ped. in-tov po specz. № 2013 «Inostr. yaz.» [Lexicology of the Chinese language: Textbook for the students of pedagogical institutes. № 2013 «foreign language»]. Moscow, 1984, 216 p. (In Russ.)
- Jiang Ying, Shipanovskaya L.M. Russkie zaimstvovaniya v kitajskom yazy'ke kak rezul'tat yazy'kovy'x kontaktov [Russian Borrowings in the Chinese language as a result of lingual contacts]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. The questions of theory and practice], 2016, pp. 144–152. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/45.html> (accessed: 05.03.2018). (In Russ.)
- Klobukov E.V. Otrazhenie graficheskix zaimstvovanij v slovaryax, problemy adaptacii i leksikograficheskoj kodifikacii zaimstvovannogo slova [Reflection of graphic borrowings in the dictionaries, the problems of adaptation and lexicographic codification of the borrowed word]. *Pamyati Anatolija Anatol'evicha Polikarpova* [The memory of Anatolij Anatolievich Polikarpov] / Ed. by M.L. Remneva, 2015 (2015a), pp. 199–216. (In Russ.)
- Klobukov E.V. Graficheskie zaimstvovaniya v sisteme russkogo literaturnogo yazy'ka [Graphic borrowings in the system of the Russian literary language]. *Racional'noe i e'mocional'noe v yazy'ke* [Rational and emotional in the language]. Collection of the works of the International scientific conference, 2015 (2015b), pp. 92–99. (In Russ.)
- Kosintseva A. Yu. *Zaimstvovaniya v sovremennom kitajskom yazy'ke* [Borrowings in the Modern Chinese Language]. Language & Science. Issue: 2013. № 2. URL: <https://lands.utmn.ru/upload/iblock/243/Косинцева.pdf> (accessed: 10.01.2018).
- Marinova E.V. *Inoyazy'chnaya leksika sovremennogo russkogo yazy'ka* [Foreign vocabulary of the modern Russian language]. Textbook. Moscow, 2012, 296 p. (In Russ.)
- Nochvina N.A. *Zaimstvovanie i sposoby' ix adaptacii v sovremennom kitajskom yazy'ke* [Borrowing and ways of their adaptation in the Modern Chinese Language]. 2012. URL: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2012/06/19/zaimstvovaniya-i-sposoby-ikh-adaptatsii-v-sovremennom> (accessed: 10.01.2018).
- AL — *Tolkovyj slovar' russkogo yazy'ka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika. Okolo 8500 slov i ustojchivy'x slovosochetanj* [The explanatory dictionary of the Russian language of the beginning of the XXI century. Actual vocabulary. About 8500 words and set phrases]. Ed. by G.N. Sklyarevskaya. Moscow, 2006, 1136 p. (In Russ.)
- Li Rong, Yin Shichao. *Harbin dialect dictionary*. Nanjing, 1997, 516 p.
- Shagalova E.N. *Slovar' novejsix inostranny'x slov (konec XX — nachalo XXI vv.)*. Bolee 3000 slov i slovosochetanj [The dictionary of the newest foreign words (the end of the XXth — the beginning of the XXIst centuries) More than 3000 words and phrases]. Moscow, 2010, 943 p. (In Russ.)

Shagalova E.N. *Samyj novejsnij tolkovyj slovar' russkogo yazy'ka XXI veka. Okolo 1500 slov* [The newest explanatory dictionary of the Russian language of the XX1st century. About 1500 words]. Moscow, 2011, 413 p. (In Russ.).

The big dictionary of the Chinese language: popular edition. Compilation department of the big dictionary of the Chinese Language. *Shanghai*, 2012, 3, 2557 p.

The big dictionary «Xinhua». two-tone miniature. Editorial committee of the big dictionary «Xinhua». — 3rd edition. Beijing, 2015. 6 (2016. 5 reprinted), 1352 p.

Internet resources

English Oxford Living Dictionaries: <https://en.oxforddictionaries.com/>

Magazeta — the online-edition about China: <https://magazeta.com>

Yandex: <https://yandex.ru/>

Г.В. Синило

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ КАК АРХТЕКСТ ПОЭЗИИ АНГЕЛУСА СИЛЕЗИУСА

*Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4*

Одной из насущных проблем современного литературоведения является исследование связей художественной литературы и Библии — «осевого» архтекста европейской культуры и литературы (древнего «текста-в-начале», аксиологически выделенного, выполняющего смысло- и текстопорождающую функцию). Целью настоящего исследования является установление архтекстуальных связей поэзии крупнейшего немецкого поэта-мистика Ангелуса Силезиуса (1624—1677) и Песни Песней — библейской поэмы о любви, понимаемой в христианской традиции как отражение любви Христа и Церкви Христовой, как воплощение в слове *unio mystica* — мистического единения Бога и человеческой души, как символическое отражение таинства Непорочного зачатия и Боговоплощения (мариологическое прочтение). Песнь Песней выступает как архтекст специфического поэтического богословия Ангелуса Силезиуса — и в сборнике афоризмов «Херувимский странник», в котором представлен жанр *Sinn-Gedicht*, и в сборнике «Святое наслаждение души, или Духовные пасторали души, влюбленной в своего Иисуса». Во втором из них Ангелус Силезиус (вслед за Ф. Шпее) развивает жанр мистической пасторали, для которой наряду с античной буколикой Песнь Песней (также являющаяся древней буколикой) становится не только архе-, но и архитектуром, определяющим ее жанровую специфику. Своеобразный «код», связанный с Песнью Песней, проявляется в использовании ее основных топосов: любовное томление, разлука любящих и их единение как выражение *unio mystica*, брачный пир, Царь (Бог), невеста (душа), вино как символ истины Откровения, Роза Саронская как символ Девы Марии и души человека, поцелуй и сладость как символы Откровения и причащения Иисусу Христу. В «Духовных пасторалиях» Песнь Песней определяет их генеральные мотивы: грезы героини (души) о Возлюбленном (Христе) и Его поцелуях, поиски Возлюбленного и расспросы о Нем у всех творений, любовный экстаз как выражение мистического единения.

Ключевые слова: Библия; Песнь Песней; архтекст; архтекстуальность; архитектурекст; немецкая мистика XVII в.; мистическая поэзия; Ангелус Силези-

Синило Галина Вениаминовна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, доцент кафедры зарубежной литературы филологического факультета Белорусского государственного университета (e-mail: sinilo@mail.ru).

ус; поэтическое богословие; афоризм; *Sinn-Gedicht*; мистическая пастораль; *unio mystica*.

Одной из важных проблем современного литературоведения являются взаимоотношения литературы и Книги книг — Библии. Неслучайно в изданном не столь давно коллективном труде немецких литературоведов и культурологов «Книга в книгах: взаимодействия Библии и литературы» («Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur») указано: «Интерес к Библии растет. Соотношение библейского и литературного текстов становится одним из наиболее сложных исследовательских полей литературоведения и культурологии» [Das Buch in den Büchern, 2012: 3]. Солидаризуясь с этим мнением, отметим, что Библия сама является литературным текстом, хотя ее роль не может быть сведена только к этому. Тем не менее подход к библейскому слову как художественному, основанный когда-то И.Г. Гаманом, И.Г. Гердером, И.В. Гёте, является ныне общепризнанным и среди библеистов [Robertson, 1976]. Библия, сформировавшаяся в лоне древнееврейской культуры и вобравшая в себя исторический, духовный и эстетический опыт древнего народа на протяжении двух тысячелетий до новой эры, обрела статус Священного Писания как в еврейской, так и в христианской традиции (Танах, или *Biblia Hebraica* ('Еврейская Библия'), стал Ветхим Заветом христианской Библии). Однако, как справедливо отметил С.С. Аверинцев, «это отнюдь не помешало войти в канон произведениям светских жанров — исторической хронике, скептической афористике житейского опыта, любовно-свадебной песне и т.д. Канон оказался построенным как маленькая литературная “вселенная”, включающая самые разные тексты — однако в прямом или косвенном, изначальном или вторичном соотношении с религиозной идеей» [Аверинцев, 1983: 271].

Безусловно, Библия является «осевым» архетекстом европейской культуры и — шире — всего иудейско-христианского культурного ареала, и она играла и играет эту роль не только в религиозном дискурсе, но и в этике, философии, художественной культуре, в том числе (и прежде всего) в литературе. Под архетекстом мы понимаем древний текст («текст-в-начале»), обладающий повышенной аксиологической значимостью, высокой степенью референтности, реинтерпретируемости, цитируемости, являющийся важным источником интертекстуальности и выполняющий смысло- и текстопорождающую функцию. Мы полагаем, что к той системе интертекстуальных связей, которая наиболее четко описана Ж. Женеттом [Женетт, 1989], необходимо добавить архетекстуальность как связь произведения с древним текстом, обуславливающим все типы межтекстовых отно-

шений. Под «осевым» архетекстом мы понимаем архетекст, являющийся своего рода «осью», вокруг которой вращается та или иная культурная и литературная «вселенная», выполняющий важнейшую для широкого культурного ареала функцию смыслополагания и текстопорождения. Таким текстом для европейской культуры уже 2000 лет является Библия, в которой запечатлены не менее древние и не менее значимые, чем в эллинских и римских текстах, образцы поэзии.

Для ряда эпох европейской культуры, как замечает С.С. Аверинцев, «библейская поэзия стала коррективом и дополнением к античному идеалу красоты и уравновешенной меры» [Аверинцев, 1988: 189]. Уточним, что это в первую очередь касается кризисных, так называемых переходных эпох в европейской культуре, наиболее остро ощущающих разрыв с традицией, таких как эпохи XVII в., романтизма, декаданса и модернизма. Библейская эстетика, покоящаяся в первую очередь на категории возвышенного, на стремлении передать динамику духа, создать ощущение присутствия в обыденности трансцендентного, оказалась чрезвычайно важной для барокко, особенно в мистическом его варианте. Среди библейских книг особенно востребованной в культуре и литературе барокко стала Песнь Песней, которая начиная с эпохи Поздней Античности является «культовым» текстом иудейской и христианской мистики.

Песнь Песней (в оригинале — *šir hašširim*, комплиментарное название, являющееся формой превосходной степени на иврите и означающее «наилучшая песнь», «самая прекрасная песнь») представляет собой лирико-драматическую любовно-эротическую и религиозно-философскую поэму, в центре которой — поэтизация свадебного обряда и самой любви, единения любящих. Кроме того, в Песни Песней есть все приметы буколки, и неслучайно как буколику или Божественную эпиталаму ее определяет Ориген Александрийский (конец II — начало III в.), родоначальник аллегорической и мистической интерпретации Песни Песней в христианской традиции: она толкуется как отражение любви между Богом (Христом) и Церковью Христовой, между Богом и душой человека. При этом Ориген в своем комментарии и гомилиях на Песнь Песней открыто опирается на толкование, сложившееся к тому времени в иудейской традиции. Уже на момент окончательной канонизации текстов Танаха (начало II в. н.э.) Песнь Песней понималась как аллегорическое описание любви между Богом и Общиной Израиля, как символическое описание Синайского Откровения и как текст, в котором скрыты самые сокровенные тайны Богопознания. Неслучайно в дальнейшем Песнь Песней стала «осевым» архетекстом

для Каббалы — еврейской религиозно-мистической традиции, в центре которой — всеединство мира, панentheистическая идея существования Бога в мире и мира в Боге, тайна священного союза любви в самом Боге — единения в Нем мужского и женского начал, являющегося гарантом целостности и возможной гармонизации мира. Эти идеи были восприняты христианской культурой начиная с эпохи Ренессанса (Дж. Пико делла Мирандола и его круг, Дж. Бруно) и оказались востребованными немецкими мистиками XVII в., прежде всего Якобом Бёме, которого справедливо считают основоположником христианской Каббалы. Для панentheистической концепции Я. Бёме крайне важна мистически осмысленная топика Песни Песней, особенно тоpos Сада любви и сокровенного знания. Воздействие Песни Песней на немецкую мистическую поэзию, проявившееся еще в эпоху Средневековья в так называемой женской мистике (прежде всего в сочинении Мехтхильды Магдебургской «Струющийся Свет Божества») и достигшее пика в лирике барокко, объясняется также выдающимися художественными качествами библейского текста, его специфической метафорикой и символикой (см. подробнее: [Синило, 2012]).

В XVII в., после того как в эпоху Реформации М. Лютер создал первый полный перевод Библии с оригинала на живой европейский язык (и сделал это с большой художественной силой, дав первые образцы высокой религиозно-философской поэзии на немецком языке, заложив тем самым фундамент немецкого литературного языка), у немецких поэтов появилась возможность более свободного обращения и творческого соревнования с Книгой книг и в ней — с Песнью Песней. Первое целостное переложение библейской поэмы о любви выполнил основоположник немецкой поэзии Нового времени и ее реформатор Мартин Опиц, ее мотивы пронизывают немецкую поэзию XVII в., как светскую, так и религиозную. Однако нигде диалог с Песнью Песней не репрезентирован так ярко, как в немецкой мистической поэзии этой эпохи, вершиной которой стало творчество Иоганнеса Шеффлера (Johannes Scheffler, 1624–1677), более известного как Ангелус Силезиус (Angelus Silesius).

Наследие Ангелуса Силезиуса, его специфическое поэтическое богословие, его символический и эмблематический язык достаточно изучены в немецкой богословской мысли и немецком литературоведении, которое заново открыло поэтическое наследие великого барочного мистика, как и все барокко в целом, еще на рубеже XIX–XX вв. В это время произведения поэта издал с научными комментариями известный немецкий литературовед Георг Эллингер (Georg Ellinger, 1859–1939), написавший первую монографию об Ангелусе

Силезиусе [Ellinger, 1927]. Затем к его наследию обращались Карл Фиётор [Viëtor, 1928] и Бенно фон Визе [Wiese, 1928]. Несколько раз переиздавалось трехтомное собрание произведений поэта, подготовленное в начале 1920-х гг. немецким писателем и философом-религиоведом Гансом Людвигом Гельдом (H.L. Held, 1885–1954) [Angelus Silesius, 1924, 1952, 2002]. Тексты Ангелуса Силезиуса издавал и комментировал известный протестантский богослов и религиовед Герхард Вер (Gerhard Wehr, 1931–2015) [Angelus Silesius, 1984, 1996, 2011]. На стыке религиоведения и литературоведения интерпретировала творчество Ангелуса Силезиуса швейцарско-немецкая исследовательница немецкой и французской мистики Луиза Гнедингер [Gnädinger, 1966, 1974, 1983], подготовившая критическое издание главного сборника поэта [Angelus Silesius, 1984]. Совершенно очевидно усиление интереса к поэзии немецкого мистика в годы Второй мировой войны и после нее, причем не только в немецком, но и во французском, швейцарском, бельгийском, американском литературоведении [Plard, 1943; Spörri, 1947; Baruzi, 1951; Althaus, 1956; Meier-Lefhalm, 1958; Sammons, 1967; Gorceix, 1977: 97–133; Haas, 1979; и др.]. Интерес к творчеству Ангелуса Силезиуса не только не иссякает, но и усиливается на рубеже XX–XXI вв.: появляются новые исследования как в Германии [Kemper, 1988], так и за ее пределами [Sata, 2006].

Иначе обстоит дело в российском литературоведении и, шире, в советском и постсоветском. На значимость старой немецкой мистики, в том числе мистического наследия Ангелуса Силезиуса, для немецкого романтизма первым указал выдающийся германист В.М. Жирмунский в книге «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) [Жирмунский, 1996], но одно лишь слово «мистика» в заглавии сделало ее запретной с точки зрения советской цензуры. Те же идеологические запреты сказались в книге еще одного выдающегося советского и российского германиста Б.И. Пуришева «Очерки немецкой литературы XV–XVII вв.», где Ангелусу Силезиусу посвящены лишь несколько строк с сугубо негативным смыслом [Пуришев, 1955: 259]. Перемены не коснулись даже академической пятитомной «Истории немецкой литературы» (Т. 4, 1962), где в краткой главе «Литература барокко» (без указания авторства, ибо барокко все еще было под негласным запретом) Ангелусу Силезиусу уделен один краткий абзац. Некоторые сдвиги наметились в 1980-е гг.: в 4-м томе 9-томной «Истории всемирной литературы», посвященном XVII в., в главе о немецкой литературе, написанной Б.И. Пуришевым, есть небольшой раздел «Бёме и другие мистики», но Ангелусу Силезиусу в нем уделены всего два абзаца [Пуришев, 1987: 250–251].

На этом фоне большим достижением стал выход в свет на русском языке знаменитого сборника «Херувимский странник» в переводах Н.О. Гучинской [Ангелус Силезиус, 1999] и с ее предисловием, в котором больше места занимает все же Я. Бёме, а не сам поэт. Российская исследовательница справедливо определяет творчество Ангелуса Силезиуса как «лирическую богословскую поэзию» и отмечает в качестве ее важнейшего истока поэзию библейскую [Гучинская, 1999: 34]. При этом переводы Н.О. Гучинской слишком «церковнославянизированы» и не всегда точно передают сложную диалектику мысли немецкого поэта. Совершенно не изучен и не переведен даже на уровне отдельных стихотворений сборник «Святое наслаждение души».

Таким образом, творчество Ангелуса Силезиуса достаточно слабо исследовано в советском и постсоветском литературоведении, особенно в сравнении с западной наукой. Но и там, и там отсутствуют работы, посвященные библейской архетекстуальности в его поэзии, в том числе связанной с Песнью Песней. В силу этого избранная нами тема исследования представляется нам достаточно актуальной.

Как известно, будущий крупнейший немецкий поэт-мистик родился в Силезии, в Бреслау (Бреславле, нынешнем Вроцлаве), в протестантской семье. Он изучал медицину в Страсбурге, Лейдене, Падуе и уже в студенческие годы увлекся мистическими учениями Майстера Экхарта и особенно Якоба Бёме, оказавшего на него сильное влияние. В 1653 г. И. Шеффлер вернулся в Бреслау и принял католичество, а вместе с ним новое имя — Ангелус (в честь испанского мистика Иоанна Ангелуса). С этого времени он стал подписывать свои сочинения именем *Ангелус Силезиус* — Вестник (Ангел) Силезский. Важно было также то, что анаграммой слова *Silesius* было *Elisius* — «Элизийский». Из сердца Силезии Ангел Силезский возглашал верность человеческого сердца Богу, учению о Царстве Божьем и являл собой образец величайшей стойкости духа: в сплошь протестантском Бреслау во время католических праздников взваливал на плечи крест и шел в одиночестве, совершая крестный ход. Однако генеральные идеи, выраженные Ангелусом Силезиусом в его поэзии, не прикреплены, как практически вся мистика, к определенной конфессиональной почве и многое говорят сердцам людей разных вероисповеданий, опирающихся на библейские смыслы.

С течением времени стало совершенно ясно, что Ангелус Силезиус — не только самый выдающийся немецкий поэт-мистик XVII в., но и крупнейший немецкий религиозный поэт вообще. Его поэзия, отличающаяся высочайшими художественными качествами, востребована и в XX, и в XXI в., ибо она говорит о кардинальных проб-

лемах человеческого духа и своеобразно преломляет, «проявляет» основополагающие идеи Библии, в первую очередь идею о взаимной необходимости Бога и человека, их теснейшем Союзе, основанном на любви и верности. Поэт дерзко утверждает (и эта дерзость только поверхностному взгляду кажется «еретической»):

Бог жив, пока я жив, в себе Его храня.
Я без него ничто, но что́ Он без меня?!

(Перевод Л. Гинзбурга) [Немецкая поэзия, 1976: 146]

В оригинале это изречение носит название «Бог не живет без меня» («Gott lebt nicht ohne mich») и звучит еще более дерзко, почти «еретически»:

Ich weiß das ohne mich Gott nicht ein Nu kan leben,
Werd' ich zu nicht Er muß von Noth den Geist aufgeben.

[Gedichte des Barock, 2005: 200]

(Я знаю, что без меня Бог не может жить ни мгновения; / Если я стану ничем [исчезну], Он должен будет от горя испустить Дух. — *Здесь и далее подстрочный перевод наш.* — Г.С.)

Этот афоризм очень точно и глубоко выражает заветную библейскую идею: не только Бог необходим человеку, но и человек крайне необходим Богу, нуждающемуся для полноты Своего существования в добровольном признании со стороны человека, в его ответной любви и верности. Именно это изречение Ангелуса Силезиуса особо отзовется в «Часослове» Р.М. Рильке: *Was wirst Du tun, Gott, wenn ich sterbe?* («Что будешь Ты делать, Боже, когда я умру?»). В поэзии Ангелуса Силезиуса человек бесконечно «кружит вокруг Бога» (Р.М. Рильке), задает Ему дерзкие вопросы, а душа открывает Бога в самой себе. По словам Майстера Экхарта, человек может ощутить Бога только «в глубинах собственного духа». Генеральным архетекстом для Ангелуса Силезиуса является не только Библия, но метатексты по отношению к ней, созданные великими мистиками, прежде всего Майстером Экхартом и Якобом Бёме. Поэту очень дорога мысль Бёме, почерпнутая им из каббалистических текстов, о бесконечной взаимосвязи всего сущего, которая и есть Бог, стоящий за каждым явлением тварного мира и открывающийся в нем, но прежде всего — в душе человека. Ангелусу Силезиусу, как и Бёме, близко также каббалистическое представление о Боге как абсолютно неисповедимом, непостижимом, неопределимом, о котором можно сказать только то, что Он бесконечен (*Эйн-Соф* ‘Бесконечный’ — определение Бога в Каббале). В афоризме «Бог непостижим» («Gott ergreift man nicht») поэт говорит, что Бог, в сущности, «звучное Ничто» (*ein lauter Nichts*), что Его нельзя ощутить никогда и нигде (*Ihn*

rührt kein Nun noch Hier), и, более того (заветная библейская мысль!), чем больше человек приближается к Богу, чем больше Его познает, тем Он более неисповедим: *Je mehr du nach Ihm greiffst, je mehr entwird Er dir* [Ангелус Силезиус, 1999: 60]. Как и мистики-каббалисты, Ангелус Силезиус полагает, что абсолютно непостижимый трансцендентный Бог перебрасывает мост над бездной, пролегающей между Его сокрытой сущностью и сотворенным Им миром, и вступает в диалог со своими творениями, прежде всего с человеком.

Основным жанром, в котором прославился Ангелус Силезиус, был жанр *Sinn-Gedicht* — краткого изречения, поэтического афоризма (чаще всего из двух строк, так называемый монодистих), написанного шестистопным ямбом с парной рифмовкой — эквивалентом александрийского стиха, разработанным М. Опицем. Архитекстами для этого жанра выступают и античная эпиграмма, и — еще в большей степени — библейские афористические книги (Книга Притчей Соломоновых, Книга Экклесиаста, второканоническая Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова). Изречения Ангелуса Силезиуса собраны в знаменитый сборник, который при жизни автора издавался два раза, — «Херувимский странник» («*Cherubinischer Wandersmann*», 1657¹, 1674). Его название глубоко символично: таинственный странник-херувим — и сам Ангелус Силезиус (ведь херувимы — разряд ангелов), и каждый человек, странствующий через этот мир, ищущий Бога и восходящий к Нему по лестнице духовного восхождения. В плане архетекстуальном для поэта важны Псалмы, где душа человека ведет непрерывный диалог с Богом, жаждет Его помощи, милости и любви, но важна также и Песнь Песней, понимаемая в мистическом смысле именно как поиски душой Бога, обретение Его, соединение с Ним. Ключевая тема, многократно варьируемая в «Херувимском страннике», — *unio mystica*, мистическое единение души с Богом. Например, в афористическом четверостишии «Ты должен быть тем, что есть Бог» («*Du must was Gott ist seyn*»):

Sol ich mein letztes End und ersten Anfang finden,
So muß ich mich in Gott und Gott in mir ergründen.
Und werden daß was Er: Ich muß ein Schein im Schein:
Ich muß ein Wort im Wort: ein Gott im Gotte seyn.

[*Gedichte des Barock*, 2005: 200]

(Если я хочу найти мой последний конец и первое начало, / То я должен утвердить себя в Боге и Бога в себе. / И стать тем, что Он: я должен быть сиянием в Сиянии, / Я должен быть словом в Слове: Богом в Боге.)

¹ В первом издании сборник именовался «Духовные изречения и рифмованные стихи» («*Geistreiche Sinn- und Schlußreime*»), а во втором получил название «Херувимский странник».

Это не мегаломания, но глубинное проникновение в суть отношений между Богом и человеком, не самоутверждение, но утверждение Бога в себе, «впускание» Бога в свою душу. Об этом же говорит и афоризм «Бог — во мне и я — в Нем» («Gott ist in mir und ich in Ihm»). В нем явственно звучит важный топос Песни Песней — огонь, «пламя Божье», которому уподоблена любовь (*Песн 8:6*), а немецкий поэт, варьируя этот образ, уподобляет огню Самого Бога, а сиянию — человека:

Gott ist in mir daß Feuer und ich in Ihm der schein:
Sind wir einander nicht gantz inniglich gemein?

[Gedichte des Barock, 2005: 200]

(Бог — огонь во мне, и я в Нем — сияние: / Разве мы друг с другом не сердечно [задушевно, глубинно, заветно] едины?)

В процитированном двустишии варьируется также топос взаимного обладания, предельно глубокого единения любящих, являющийся одним из важнейших в Песни Песней. В афоризме «Любовь — огонь и вода» звучит аллюзия на тот же знаменитый финал Песни Песней, где о любви сказано: «Божье пламя она — / И не могут многие воды любовь погасить» (*Песн 8:7*; перевод И. Дьяконова) [Ветхий Завет, 1998: 81]. Преображая эту мысль, немецкий поэт превращает воду в символ Божьего гнева (такой смысл она имеет и в сказании о потопе).

В поэзии Ангелуса Силезиуса душа предстает, как и героиня Песни Песней, в образе голубки, страдающей от разлуки со своим Женихом (Супругом) — Богом, а Бог — от разлуки с ней, как, например, в изречении «Бог плачет по своей невесте» («Gott klagt umb seine Braut»):

Die Turtel Taube klagt, daß sie den Mann verlohren,
Und Gott, daß du den Tod, für Ihn dir hast erkohren.

[Ангелус Силезиус, 1999: 82]

О суженом своем голубка плачет, стонет,
А Бог о том, что Он тебя в Себе хоронит.

(Перевод Н. Гучинской) [Ангелус Силезиус, 1999: 83]

В афоризмах Ангелуса Силезиуса одним из основных является ключевой концепт Песни Песней и Библии в целом — любовь, взаимная любовь Бога и человека. В изречении «Я делаю это подобно Богу» («Ich thue es Gott gleich») поэт говорит:

Gott liebt mich über sich: Lieb ich Ihn über mich:
So geb ich Ihm so vil, als Er mir gibt auß sich.

[Gedichte des Barock, 2005: 201]

(Бог любит меня вместо [превыше] Себя: Я люблю Его вместо [превыше] себя: / Итак, я так много Ему даю, как Он дает мне из Себя.)

Любовь понимается как главная сила (и сила, исходящая из Бога, составляющая Его сущность), движущая Богом, миром и человеком. В изречении «Любовь» («Die Liebe») Ангелус Силезиус говорит:

Die Lieb' ist unser Gott, es lebet als durch Liebe:
Wie seelig wär' ein Mensch, der stäts in ihr verliebe!

[Ангелус Силезиус, 1999: 70]

(Любовь — наш Бог, всё живет Любовью: / Как блажен человек, который постоянно живет в ней!)

В этом мире, размышляет Ангелус Силезиус, любовь к Богу — самое лучшее («Die Liebe ist die beste»), а Премудрость Божья — лучшая супруга («Die Weißheit ist daß beste Weib»). Героиня Книги Притчей — Премудрость (иврит. *Хохма*) еще в древности была отождествлена с Духом Божьим (*Рух* 'дух' — слово женского рода на иврите) и с героиней Песни Песней. Человеку же необходимы они обе — Премудрость и Любовь («Die Weißheit und die Liebe»):

Die Weißheit schauet Gott, die Liebe küsset Ihn:
Ach daß ich nicht voll Lieb und voller Weißheit bin!

[Ангелус Силезиус, 1999: 238]

Премудрость Бога зрит, любовь целует Бога:
Ах, кабы мне любви и мудрости немного!

(Перевод Н. Гучинской) [Ангелус Силезиус, 1999: 239]

Любовь, которая «целует Бога», — несомненная аллюзия на знаменитые слова героини Песни Песней в начале поэмы: «Да целует он меня поцелуями уст своих!» (*Песн 1:2; перевод наш. — Г.С.*). «Любовь превыше знания» («Die Lieb' ist übers wissen»), — провозглашает поэт и в одноименном афоризме утверждает, что «быть единым с Богом, наслаждаться Его поцелуем — лучше, чем знать многие вещи и не знать Его любви»:

Mit Gott vereinigt seyn, und seinen Kuß geniessen,
Ist besser als viel Ding ohn seine Liebe wissen.

[Ангелус Силезиус, 1999: 239]

Важен для Ангелуса Силезиуса и топос Сада любви из Песни Песней, которым оказывается сам человек («Der Lustgarten Gottes» — «Божий Сад наслаждения»).

Согласно Ангелусу Силезиусу (и в этом он продолжает идеи Я. Бёме), каждый христианин должен стать подлинным сыном

Божьим (в древних библейских текстах, особенно в Псалмах и пророческих книгах, это определение относится к человеку вообще и к народу Божьему). Для этого помимо действенного добра и любви к ближнему человек должен развить интенсивное чувство присутствия Бога в собственной душе, а себя ощутить живущим в Боге, укоренить Бога в своей душе: «В тебе должен родиться Бог» («In dir muß Gott gebohren werden» [Ангелус Силезиус, 1999: 68]). Под воздействием идей Майстера Экхарта Ангелус Силезиус утверждает, что душа каждого истинного христианина должна стать Богородицей и родить в себе Сына Божьего. В двестишии «Духовная Мария» («Die Geistliche Maria») говорится:

Ich muß MARIA seyn, und Gott auß mir gebähren,
Sol Er mich Ewiglich der Seeligkeit gewehren.

[Ангелус Силезиус, 1999: 60]

(Я должен МАРИЕЙ быть и Бога из себя родить, / Чтобы Он даровал мне вечное блаженство.)

Тот же смысл — в афоризмах «Духовное зачатие» («Die geistliche Schwängerung»), «Мария» («Maria»), «Духовная Матерь Божья» («Die Geistliche Mutter Gottes») и многих других. В связи с этим для поэта важна символика, связанная с мариологическим прочтением Песни Песней, когда героиня понимается как Дева Мария. В символике Ангелуса Силезиуса ее замещает душа человека, сочетающаяся узами любви с Богом, принимающая в себя пламя Его любви. Для него также важна символика розы, генетически связанная с Песнью Песней (неведомый цветок в долине Шарон — *ḥabaṣṣälät haššārōn* — превратился в Розу Саронскую, символизирующую Деву Марию; см. *Песн 2:1*) и опирающаяся на устоявшуюся христианскую символику (белая роза — символ непорочности Девы Марии и Христа, красная роза — символ Иисуса, Его крови, пролитой за людей), но, безусловно, преломленная через более позднюю христианскую мистику, в том числе мистику розенкрейцеров, в которой Роза и Крест выступают как символы Любви и Страстей Христовых. Помимо этого роза у Ангелуса Силезиуса — символ Самого Бога и сотворенного Им прекрасного мира, точнее — того идеального мира, который соответствует Божьему замыслу. В двестишии «Роза» («Die Rose») говорится:

Die Rose, welche hier dein äußers Auge sieht,
Die hat von Ewigkeit in Gott also geblüht.

[Ангелус Силезиус, 1999: 80]

(Роза, которую здесь видит твой внешний взор, / Со времен вечности [превечно] цвела в Боге.)

Роза, постепенно разворачивающая свои лепестки, открывающая себя взгляду человека, становится наглядным символом-эмблемой сердца, открытого Богу («Dich auffthun wie die Rose» — «Раскройся, словно роза»). Душа, окруженная соблазнами этого мира, искушениями собственного тела, прямо уподобляется розе, окруженной шипами, для которой весна — благосклонность Бога для души, а холод и мороз — то же, что Его гнев («Die geheimbe Rose» — «Тайная роза»). Розе, цветущей под терниями, уподобляются и Христос в терновом венце, и христианин, принимающий мучения во имя веры («Auch untern Dornen blühen» — «Цвести и под терниями»). Поэт объясняет, почему он так охотно смотрит на розы, белые и алые: своей белизной и аlostью, своими шипами они напоминают ему Иисуса — Его невинность и Его кровь, Его терновый венец («Von den Rosen» — «О розах»):

Die Rosen seh ich gern: den sie sind weiß und roth
Und voller Dorn, wie mein Blut-Bräutigam mein Gott.

[Ангелус Силезиус, 1999: 213]

Показательно, что Бог определен здесь практически непереводаемым словосочетанием «мой Кровный Жених», или «мой Жених Крови» (*mein Blut-Bräutigam*), и это словоупотребление еще более явно отсылает к мистическому прочтению Песни Песней. Душа, истинно возлюбившая Бога, предстает как невеста, которая поэту милее всех («Die Braut ist doch daß liebste»), а Бога он предпочитает именовать своим Женихом, который «слаще» Господа («Der Bräutigam ist doch süßer» — «Жених все же слаще»). Об этом же — афоризмы «Невеста и Жених» («Braut und Bräutigam»), «Духовная свадьба» («Die geistliche Hochzeit»), «Невеста жаждет Жениха» («Den Bräutigam wünscht die Braut»), «Духовная Суламифь» («Die geistliche Sulamith»), где поэт прямо апеллирует к Песни Песней:

Gott ist mein Salomon, ich seine Sulamith,
Wenn ich ihn hertzlich Lieb', und er sich mir entbiet.

[Ангелус Силезиус, 1999: 210]

Я Богу — Суламифь, а Он мне — Соломон,
Привя мою любовь, мне отдается Он.

(Перевод Н. Гучинской) [Ангелус Силезиус, 1999: 211]

Прямая паратекстуальная отсылка к Песни Песней содержится в *Sinn-Gedicht* «Из Песни Песней» («Auß dem Hohen Lied»):

Der König führt die Braut in Keller selbst hinein,
Daß sie ihr mag erwöhl'n den allerbesten Wein.
So machts Gott auch mit dir, wann du bist seine Braut,
Er hat nichts, in sich selbst, daß Er dir nicht vertraut.

[Ангелус Силезиус, 1999: 280]

Царь в винные ведет невесту закрома,
Чтоб выбрала вино она себе сама.
Невестой Бога став, и ты вкусишь от вин,
Бог все тебе отдаст, чему Он господин.

(Перевод Н. Гучинской) [Ангелус Силезиус, 1999: 281]

Это четверостишие является парафразом и толкованием следующих стихов Песни Песней: *Пока царь за столом веселился, / Мой народ разливал ароматы!* (Песн 1:12); *Он ввел меня в дом пирования, надо мной его знамя — любовь!* (Песн 2:4; перевод И. Дьяконова) [Ветхий Завет, 1998: 69–70]. И в еврейской, и в христианской мистике эти строки толкуются как приобщение души через любовь к сокровенной Тайне Божьей, как постижение истины Откровения.

О поисках Небесного Жениха, истинного Возлюбленного души, о ее тоске по Нему, об их неудержимом взаимном влечении друг к другу, об их блаженном единении (*unio mystica*) говорит еще один знаменитый сборник Ангелуса Силезиуса — «Святое наслаждение [веселье] души, или Духовные пасторали [пастушеские песни] Души [Психеи], влюбленной в своего Иисуса» («Heilige Seelenlust, oder Geistliche Hirtenlieder der in ihren Jesum verliebten Psyche», 1657), в котором поэт плодотворно развивает жанр духовной пасторали, созданный Ф. фон Шпее. Важную архе- и архитекстуальную роль для этого сборника играют греческая буколика и римская (прежде всего вергилиевская) эклога, но еще более важную — Песнь Песней, которую можно рассматривать как библейскую пастораль, причем именно с особым духовным, символическим наполнением.

Главной героиней пастушеских песен (духовных пасторалей) Ангелуса Силезиуса, сливающейся с прекрасной девушкой из Песни Песней, выступает Душа (Психея) — Невеста, влюбленная в своего Жениха — Иисуса, представляющего как пастух и ягненок (агнец), как цветок, источник, голубь, пеликан и т.д. На топику Песни Песней накладывается топика собственно христианского дискурса. Конкретно-чувственные образы Песни Песней многомерно варьируются в сборнике, достигая вершин мистического напряжения. По сути, все ключевые моменты и эпизоды библейской поэмы присутствуют в духовных пасторалях Ангелуса Силезиуса; при этом интертекстуальность проявляется не только на уровне генеральных смыслов, топосов и аллюзий, но и на уровне прямого цитирования.

Так, в стихотворении «Она спрашивает у всех творений о своем Все-любимейшем» («*Sie fraget bey de Creaturen nach ihrem Allerliebsten*») обыгрываются эпизоды из Песни Песней, в которых героиня ищет своего возлюбленного, расспрашивает о нем городскую стражу и своих подруг, а последние в свою очередь расспрашивают ее о нем (см. *Песн 3:1–5; 5:2–16*). Мотив поисков возлюбленного и расспросов о нем становится структурообразующим в стихотворении, открывающемся преобразенной цитатой из библейского текста: «*Wo ist der schönste den ich liebe?*» [*Gedichte des Barock*, 2005: 202] («Где прекраснейший, Которого я люблю?»). В этом вопросе — отголосок слов героини: «Не видели ли вы того, кого любит душа моя?» (*Песн 3:3*) и вопроса к ней ее подруг: «Каков твой возлюбленный среди возлюбленных, прекраснейшая из женщин?» (*Песн 5:9*). Героиня Ангелуса Силезиуса определяет своего Возлюбленного как «Жениха души» (*SeelenBräutigam*). Далее варьируется узнаваемая топика Песни Песней: пастух, лилия, нарцисс, роза, источник, колодец, голубь; она дополняется авторским рядом: ягненок, «дитя лилии» (*LilgenKind*), т.е. Девы Марии, гиацинт, фиалка, ручей, исток, мука, «наслаждение лесов» (*Lust-Wald*), зеленое поле, «верный пеликан» (*treuer Pelican*; пеликан — древний символ Иисуса, Его жертвенности, ибо согласно легенде пеликан разбивает клювом собственную грудь и питает своих птенцов кровью и плотью собственного сердца, чтобы спасти их от голодной смерти). В тексте разворачивается кажущаяся бесконечной цепь образов, ибо душа обращается ко всему миру, во всех созданиях ищет своего Возлюбленного и не находит:

1.

Wo ist der schönste den ich liebe?
Wo ist mein SeelenBräutigam?
Wo ist mein Hirt' und auch mein Lamm?
Umb den ich mich so sehr betrübe?
Sagt an ihr Wiesen und ihr Matten
Ob ich bey euch ihn fiden sol?
Daß ich mich unter seinem schatten
Kan laben und erfrischen wol.
<...>

4.

Wo ist mein Täublein ihr Gefielder?
Wo ist mein teuer Pelican
Der mich lebendig machen kan?
Ach daß ich ihn doch finde wieder!
Ihr Berge wo ist meine Höhe?
Ihr Thäler sagt wo ist mein Thal?
Schaut wie ich hin und wieder gehe
Und ihn gesucht hab überall!

[*Gedichte des Barock*, 2005: 202–203]

Слова в финале первой строфы: «Daß ich mich unter seinem schatten / Kan laben und erfrischen wol» («Чтобы я под его сенью / Смогла подкрепиться и освежиться хорошо») — отсылают к следующему стиху Песни Песней: «Как яблоня среди лесных деревьев — мой милый между друзей! / Под сенью его, наслаждаясь, я сидела, / Его плод был мне сладок на вкус» (*Песн* 2:3) [Ветхий Завет, 1998: 76]. А далее нарастают экстатический восторг и душевное напряжение: невеста-душа именуется Возлюбленного своей путеводной звездой (*Leitstern*), своим солнцем, месяцем и всем небосводом, началом и концом, ликованием и наслаждением, своей жизнью и смертью, своим небом и раем, сердцем, которому она отдана без остатка (строфа пятая). В последней (шестой) строфе звучит мысль, что расспрашивать можно бесконечно, ведь, чтобы найти Возлюбленного, душе нужно выйти за пределы природы, воспарить над миром, подняться над самой собой:

Ach Gott wo sol ich weiter fragen!
Es ist bey keiner Creatur.
Wer führt mich über die Natur?
Wer schafft ein Ende meinem Klagen?
Ich muß mich über alles schwingen,
Muß mich erheben über mich;
Dann hoff' ich wird mirs wol gelingen,
Daß ich O JESu finde dich.

[Gedichte des Barock, 2005: 203]

Показательно, что Ангелус Силезиус избегает чувственно-эротической метафоры Песни Песней, подчеркивая абсолютно спиритуальный характер любовной топикки в своих духовных пасторалах. Исключение составляет лишь топос поцелуя, символизирующего само мистическое единение души с Богом. В пасторали «Она кричит [вопиет] о поцелуе Его уст» («*Sie schreyet nach dem Kusse seines Mundes*») сливаются воедино начало и конец Песни Песней: вступительная тема грез девушки о поцелуях и ласках любимого («Пусть уста его меня поцелуют! / Ибо лучше вина твои ласки, // Дух твоих умягчений прекрасен, / Разлитой елей — твоё имя, / Поэтому тебя девушки любят» — *Песн* 1:2–3 [Ветхий Завет, 1998: 67]) и звучащий в финале апофеоз любви, «сильной, как смерть» (*Песн* 8:6). При этом в тексте звучат прямые цитаты из Песни Песней, а слово *schreyet* («кричит», «вопит») в названии вводит особый библейский контекст: «воплъ» означает самую страстную молитву, в горести и страданиях обращенную к Богу. Контраст долгих и коротких строк придает особую взволнованность и эмоциональную напряженность тексту:

1.

ER küsse mich mit seines Mundes Kuß
 Und tränke mich mit seiner Brüste Fluß,
 Denn sie schmekken über Wein;
 Und sein Mund
 Macht zur Stund
 Eine Seel voll Freuden seyn.

2.

Ach ach die Lieb ist strenge wie der Tod!
 Er küsse mich der süsse Liebes-Gott:
 Denn mein Hertze flammt und brennt
 Dürst und lächtzt,
 Seufftzt und ächtzt,
 Und das Leben naht zum End.

[Gedichte des Barock, 2005: 203–204]

(Да целует Он меня поцелуем Своих уст, / И да напоит меня потоком Своей груди, / Потому что они вкуснее вина; / И Его уста / За одно мгновение / Душу наполнят радостью. / Ах, любовь сильна, как смерть! / Да целует Он меня, сладостный Бог любви, / Ибо мое сердце пылает и горит, / Жаждет и смеется, / Вздыхает и тоскует, / И жизнь близится к концу.)

Перед нами — в предвкушении и уже почти в ощущении — вождельный для мистика момент слияния души человеческой с Богом, момент мистического экстаза — *unio mystica*, когда душа сгорает в пламени Божественной любви, избавляясь от пут этого мира:

4.

O Jesu, ists daß ich dir bin vertraut,
 So komm doch her und küsse deine Braut!
 Denn dein Kuß der ists allein
 Den mein Herz
 Sucht mit Schmerz
 Über Gold und Edelstein.

[Gedichte des Barock, 2005: 204]

(О Иисус, Ты — тот, Кому я верна, / Приди же сюда и поцелуй Твою невесту! / Ведь Твой поцелуй — это единственное, / Чего мое сердце / Ищет с болью / Вместо [больше] золота и драгоценных камней.)

Ангелус Силезиус развивает вслед за Ф. фон Шпее тему «сладостного страдания». Душа жаждет быть израненной любовью Иисуса, «сильнейшего Бога Любви» (*mächtiger Liebes-Gott*). В пасторали «Она жаждет быть израненной своим Возлюбленным» («*Sie begehret verwundet zu seyn von ihrem Geliebten*») поэт, соединяя библейскую топику с топикой античного мифа, заставляет душу, изнемогающую от любви, просить Иисуса пронзить ее сердце стрелой любви,

«вбросить» свое пламя в крик ее полуокоченевшего сердца, воспламенить ее:

1.

Jesu du mächtiger Liebes-Gott
Nah dich zu mir;
Denn ich verschmachte fast biß in Tod
Für Liebs-Begiehr:
Ergreiff die Waffen und in Eil
Durchstich mein Hertz mit deinem Pfeil,
Verwunde mich:/:

2.

Komm meine Sonne, mein Lebens-Licht,
Mein Auffenthalt;
Komm und erwärme mich daß ich nicht
Bleib ewig kalt:
Wirff deine Flammen in den Schrein
Meins halbgefrohrnen Hertzens ein,
Entzünde mich:/:

[Gedichte des Barock, 2005: 204–205]

(Иисус, о сильнейший Бог Любви / Приблизься ко мне: / Потому что я смертельно томлюсь / Из-за любовной жажды: / Возьми оружие и мгновенно / Пронзи мое сердце Твоей стрелой, / Изрань меня:/ // Приди, мое Солнце, Свет моей жизни, / Моя Обитель: / Приди и согрей меня, чтобы я не / Осталась вечно холодной: / Вбрось Твое пламя в сияние / Моего полуокоченевшего сердца, / Воспламени меня:/)

Обращает на себя внимание эффектный и вполне авангардный анжанбеман во второй строфе, на границе третьего и четвертого стихов, когда «не» оставлено в предыдущем стихе, а глагол перенесен в следующую: «...daß ich nicht / Bleib ewig kalt» («...чтобы я не / Осталась вечно холодной»). В первой же строфе совершенно очевидна аллюзия и на мотив любовного томления в Песни Песней (*Песн 2:5*) на мотив близости любви и смерти (*Песн 8:6*). Ключевые топосы — любовь, смерть, сердце, пламя, в финальной строфе — жених — также отсылают к библейскому архетексту. Душа мечтает преобразиться, буквально — «пережить метаморфозу» (*überformen*), растворившись в огне Божественной любви. Это и будет преодолением смерти, за которым наступит слияние в поцелуе с Небесным Женихом:

3.

O allersüsseste Seelen Brunst
Durch glüh mich gantz:
Und überform mich gantz:
In deinen Glantz:
Blaß an das Feuer ohn Verdruß,
Daß dir mein Hertz mit schnellem Fluß
Vereinigt sey:/:

Dann wil ich sagen daß du mich hast
 Erlöst vom Tod
 Und als ein lieblicher Seelen-Gast
 Besucht in Noth:
 Dann wil ich rühmen daß du bist
 Mein Bräutigam, der mich liebt und küst,
 Und nicht verläst:/:

[Gedichte des Barock, 2005: 205]

(О Всесладчайший Жар души, / Охвати меня всю / И преобрази меня милостиво и благосклонно / В Твое сияние: / Подуй на огонь без досады, / Чтобы мое сердце с Тобой быстрым течением / Соединилось:/: // Потом смогу я сказать, что Ты меня / Избавил от смерти / И как милый гость души / Посетил в горе: / Потом буду я прославлять Тебя, / Моего Жениха, Который меня любит и целует, / И не покинет:/:)

Совершенно необычны знаки препинания между строфами: они словно бы предполагают и паузу, чтобы перевести дыхание в потоке экстатической речи, и перетекание одной строфы в другую, и бесконечность объяснения души в любви к своему Возлюбленному.

Присутствует в духовных пасторалях Ангелуса Силезиуса и тоπος цветущего сада любви и Богопознания из Песни Песней. Одновременно в Песни Песней сад символизирует и самоё героиню, и любовное наслаждение. Как невеста в Песни Песней призывает возлюбленного войти в её сад, так взывает к Иисусу душа в пасторали «Она призывает его в свой сад» («Sie ruft ihn in ihren Garten»). При этом немецкий поэт эксплицирует метафору сада как внутреннего духовного пространства, ведь самый прекрасный сад, возделываемый для Бога, — душа человека (эта же метафора, как отмечалось ранее, фигурирует и в «Херувимском страннике»).

Вновь и вновь, опираясь на топику Песни Песней, Ангелус Силезиус варьирует мотив страстной любви души к Иисусу, достигая редкостной интенсивности религиозного чувства. В некоторых пасторалях содержится мотив священного брака (*ieros gamos*) и подготовки к свадебной церемонии (её описание есть и в Песни Песней). В пасторали «Она призывает всех святых, чтобы они помогли подготовить её для Жениха» («Sie ruft alle Heiligen an, daß sie sie ihrem Bräutigam bereiten helfen») душа обращается ко всем стоящим у трона Господа с просьбой помочь ей подготовиться к браку с Сыном Девы ещё здесь, в земном мире. Далее следуют девять строф, содержащих поочередное обращение Души с той же просьбой к Деве Марии, серафимам и херувимам, ангелам и князьям у трона Господа, к патриархам и двенадцати апостолам, к мученикам и девам. В последней строфе душа обращается к Богу Отцу и Святому Духу с просьбой

благословить ее на брак с Богом Сыном, Который предстает как «медово-сладкий Божий агнец» (*honigsüsser Gotteslamm*). Душа мечтает о Его поцелуе и растворении в Его любви.

В сборнике Ангелуса Силезиуса есть большая лирико-драматическая пастораль «Она ликует о Нем с пастухами» («*Sie jubiliert über ihn mit den Hirten*»), которая архе- и архитектурально связана с Песней Песней в оригеновской интерпретации. В этой лирической пасторальной драме 18 сцен, три действующих лица: душа, хор пастухов, Иисус, выступающий на авансцене в самом конце. Душа ведет диалог с пастухами о своей любви к Жениху — Иисусу. Затем варьируется мотив поисков Возлюбленного. В 16-й сцене выступает Сам Иисус со словами надежды и утешения, обращенными к Его Невесте — душе. Он говорит о том, что только вера в Его Любовь и Его пришествие сделают душу готовой принять Божественный Свет в свое лоно. Так Бог навсегда соединится с душой. Лирико-драматическая пастораль Ангелуса Силезиуса является своеобразным парафразом библейской поэмы, повторением ее генерального хода и ключевых эпизодов — от восторгов перед возлюбленным и мечтаний о нем, от его поисков к соединению с ним. Однако эти эпизоды, сохраняющие ключевые топосы Песни Песней, не пересказывают, но преобразуют библейский текст в нужном поэту мистическом ключе.

Впрочем, весь сборник духовных пасторалей Ангелуса Силезиуса можно рассматривать как единое произведение, в котором автор сознательно варьирует не только отдельные мотивы Песни Песней, но и ее жанровую специфику, ее генеральный сюжетный ход: поиски влюбленными друг друга и их единение. И если прежде душа искала своего Возлюбленного и желала обручиться с Ним, то теперь в одноименной пасторали «Иисус, верный Пастух [Пастырь], ищет Душу и обручается с ней» («*Jesus der treue Hirte sucht die Psyche und verlobt sich mit ihr*»). Текст пронизан аллюзиями на *Песн 5–8*. Иисус покидает Свой небесный трон и устремляется через поля и леса, горы и долины, чтобы найти Свою возлюбленную — душу, которую Он хочет расцеловать и прижать к Своему сердцу. Душа обещает любить своего Супруга до самой смерти и даже в смерти. В стихотворении «Она обещает любить Его до смерти [и в смерти]» («*Sie verspricht sich, ihn bis in den Tod zu lieben*») звучит мотив любви, которая «сильна, как смерть» (*Песн 8:6*).

Таким образом, можно утверждать, что для поэзии Ангелуса Силезиуса Песнь Песней является одним из важнейших смысло- и жанрообразующих претекстов, а точнее — архетекстов. Это проявляется в генеральном мотиве его поэтических изречений — мотиве

единения в любви Бога и человека, а также в обыгрывании символики, связанной с Песню Песней (Жених, Невеста, Роза Саронская, вино, поцелуи, любовь). Но если в жанре *Sinn-Gedicht* роль архитекторов играют античная эпиграмматика и Притчи Соломоновы, если в них доминирует прежде всего парадоксальная мысль, то в другом жанре, культивировавшемся Ангелусом Силезиусом, — в духовной пасторали господствует экзальтация религиозного чувства. В сборнике «Святое наслаждение души, или Духовные пасторали Души, влюбленной в своего Иисуса» очевидна архетекстуальная роль античной буколки, но еще важнее в этом плане Песнь Песней. Как отдельные стихотворения, так и весь сборник в целом являются свободными вариациями на темы Песни Песней, подчиненными задаче выражения невыразимого — мистического единения души с Богом. В сборнике фигурируют основные топосы Песни Песней, аллюзии на нее и цитаты из нее, но при этом Ангелус Силезиус избегает чувственно-эротических образов, подчеркивая спиритуальный смысл той любви, о которой идет речь в библейской книге и в его пасторалях. Исключение делается только для темы поцелуев, которые выступают как наглядное осуществление вожеленного *unio mystica*.

Своеобразный «код», связанный с Песнью Песней, пронизывает всю поэзию Ангелуса Силезиуса и проявляется как в следовании ее жанровой структуре (в «Духовных пасторалях»), так и в использовании ее основных топосов: любовное томление, разлука любящих и их единение как выражение *unio mystica*, брачный пир, Царь (Бог), невеста (душа), вино как символ истины Откровения, Роза Саронская как символ Девы Марии и души человека, поцелуи, сладость, вино как символы Откровения и мистического единения души с Богом, причащения Христа, Евхаристии.

Список литературы

- Аверинцев С.С. Арфа царя Давида: у истоков древнейшей лирической традиции / Вступ. ст. и пер. С.С. Аверинцева // Иностранная литература. 1988. № 6. С. 189–195.
- Аверинцев С.С. Древнееврейская литература // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 1. М., 1983. С. 271–302.
- Ангелус Силезиус. Херувимский странник = Cherubinischer Wandersmann / Пер., вступ. ст., примеч. Н.О. Гучинской. СПб, 1999. (На нем. и рус. яз.)
- Ветхий Завет: Плач Иеремии; Эккlesiаст; Песнь Песней / Пер. и комментарий. И.М. Дьяконова, Л.Е. Когана при участии Л.В. Маневича. М., 1998.

- Гучинская Н.О.* Ангел Силезский и немецкая мистика // *Ангелус Силезиус*. Херувимский странник = Cherubinischer Wandersmann / Пер., вступ. ст., примеч. Н.О. Гучинской. СПб, 1999. С. 5–51.
- Женетт Ж.* Палимпсесты: литература во второй степени. М., 1989.
- Жирмунский В.М.* Немецкий романтизм и современная мистика / Предисл. и коммент. А.Г. Аствацатурова. СПб, 1996.
- Немецкая поэзия XVII века / Пер., сост., предисл. и примеч. Л. Гинзбурга. М., 1976.
- Пуришев Б.И.* Немецкая литература // История всемирной литературы: В 9 т. Т. 4. М., 1987. С. 235–265.
- Пуришев Б.И.* Очерки немецкой литературы XV–XVII вв. М., 1955.
- Синило Г.В.* Песнь Песней в контексте мировой культуры: В 2 кн. Кн. 1: Поэтика Песни Песней и ее религиозные интерпретации. Минск, 2012.
- Althaus H.* Johann Schefflers «Cherubinischer Wandersmann»: Mystik und Dichtung: Diss. Giessen, 1956.
- Angelus Silesius.* Der Cherubinische Wandersmann / Hrsg. von G. Wehr. Neukirchen, 1984.
- Angelus Silesius.* Cherubinischer Wandersmann: Kritische Ausgabe / Hrsg. von L. Gnädiger. Stuttgart, 1984.
- Angelus Silesius.* Der Himmel ist in dir / Hrsg. von G. Wehr. Zürich, 1996.
- Angelus Silesius.* Sämtliche Poetische Werke: 1–3 Bd. (in 1 Bd.) / Hrsg. und eingel. von H.L. Held. München, 1924 (Wiederabdr.: München, 1952; Wiesbaden, 2002).
- Angelus Silesius:* Textauswahl und Kommentar von G. Wehr. Wiesbaden, 2011.
- Baruzi J.* Création religieuse et pensée contemplative. 2e part. II: Angelus Silesius. Paris, 1951. P. 99–239.
- Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur / Hrsg. von A. Polaschegg und D. Weidner. München, 2012.
- Ellinger G.* Angelus Silesius. Breslau, 1927.
- Gedichte des Barock / Hrsg. von U. Maché und V. Meid. Stuttgart, 2005.
- Gnädinger L.* Angelus Silesius // Deutsche Dichter des 17. Jahrhundert: Ihr Leben und Werk / Hrsg. von H. Steinhagen und B. von Wiese. Berlin, 1984. S. 553–575.
- Gnädinger L.* Rosenwunden: Des Angelus Silesius «Die Psyche begehrt ein Bienenlein auff de Wunden JESu zu seyn» (Heilige Seelenlust II. 52) // Deutsche Barocklyrik: Gedichtinterpretationen von Spee bis Haller / Hrsg. von M. Bircher und A.M. Haas. Bern; München, 1973. S. 97–133.
- Gnädinger L.* Die spekulative Mystik im Cherubinischen Wandersmann des Johannes Angelus Silesius // Studii germanici. 1966. No. 4. S. 29–59, 145–190.
- Gorceix B.* Flambée et Agonie. Mystiques du XVIIe siècle allemand. Sisteron, 1977.

- Haas A.M.* Angelus Silesius — *Die Welt, ein wunderschönes Nichts* // Sermo mysticus: Studien zur Theologie und Sprache der deutschen Mystik. Freiburg, 1979. S. 378–391.
- Kemper H.G.* Deutsche Lyrik der Frühen Neuzeit: In 3 Bd. Bd. 3: Barock-Mystik. Tübingen, 1987–1988.
- Meier-Lefhalm E.* Das Verhältnis von mystischer Innerlichkeit und rhetorischer Darstellung bei Angelus Silesius: Diss. Heidelberg, 1958.
- Plard H.* La mystique d'Angelus Silesius. Paris, 1943.
- Robertson R.* Literature, the Bible as // The Interpreter's Dictionary of the Bible. Suppl. vol. / Ed. by K. Crim, V.P. Furnish, L.R. Bailey Sr. New York, 1976. P. 547–551.
- Sammons J.L.* Angelus Silesius. New York, 1967.
- Sata L.K.* Mystische Sprachbetrachtung in der deutschen Literatur des 17. Jahrhunderts mit besonderer Berücksichtigung von Johann Schefflers Cherubinischem Wandersmann im Lichte der Theosophie und Sprachphilosophie Jakob Böhmes: Diss. Budapest, 2006.
- Spörri E.* Der Cherubinische Wandersmann als Kunstwerk. Zürich, 1947.
- Viëtor K.* Johann Scheffler // Schlesische Lebensbilder: In 3 Bd. / Hrsg. von F. Andreae. Bd. 3: Schlesier des 17. bis 19. Jahrhunderts. Breslau, 1922–1928. S. 78–89. (2. Aufl. — Sigmaringen, 1985).
- Wiese B. von.* Die Antithetik in den Alexandrinern des Angelus Silesius // Euphorions. 1928. No. 29. S. 503–522. (Wiederabdr. in: Deutsche Barockforschung. Dokumentation einer Epoche / Hrsg. von R. Alewyn. Köln, 1966. S. 260–284.)

Galina V. Sinilo

**THE SONG OF SONGS AS AN ARCHETEXT
OF ANGELUS SILESIUS'S POETRY**

Belarusian State University

4 Independance av., Minsk, Republic of Belarus, 220030

One of the fundamental problems of contemporary literary criticism is research into the interaction of literature and the Bible as an «axial» archetext of European culture and literature (an old «initial text» of axiological importance performing a function of generating senses and texts). The paper seeks to reveal archetextual relations between the poetry of Angelus Silesius (1624–1677), a major German mystic poet, and *The Song of Songs*, a Biblical poem about love which is regarded as a reflection of Christ's love and the Church's love, an incarnation of *unio mystica* — a mystical unity of God and the human soul — through the word, as a symbolic reflection of the Immaculate Conception and the Incarnation (in Mariological interpretation). *The Song of Songs* serves as an archetext for Angelus Silesius's

specific poetic theology both in the collection of aphorisms *The Cherubic Pilgrim* where one can find texts of the so-called *Sinn-Gedicht* genre, and in *The Soul's Holy Desires, or the Spiritual Songs of the Shepherd in your Christ-loving Spirit*. Following Friedrich Spee's example, Angelus Silesius develops the genre of mystic pastoral, and *The Song of Songs*, an example of ancient bucolic poetry, serves both as an arche- and architext determining its genre peculiarity (as well as Greek and Roman *bucolics du*). A specific «code» related to *The Song of Songs* manifests itself through the use of its main topoi: love languor, separation of the beloved and their unity as *unio mystica*, wedding feast, King (God), bride (soul), wine symbolizing the truth of the Revelation, the Rose of Sharon symbolizing the Virgin Mary and the human soul, kisses and delights as symbols of the Revelation and making communion to Jesus Christ. *The Song of Songs* determines key motifs of *The Soul's Holy Desires*: the dreams of the heroine (the Soul) of the Beloved (Christ) and His kisses, her search for the Beloved and questioning all the creatures about Him, the ecstasy of love as an expression of *unio mystica*.

Key words: The Bible; *The Song of Songs*; archetext; archetextuality; architext; German mysticism of the 17th century; mystical poetry; Angelus Silesius; poetic theology; aphorism; *Sinn-Gedicht*; mystic pastoral; *unio mystica*.

About the author: Galina V. Sinilo — PhD (Philology), Professor at the Department of Cultural Studies, Faculty of Social and Cultural Communication, Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Belarusian State University (e-mail: sinilo@mail.ru).

References

- Averintsev S.S. Arfa tsarja Davida: U istokov drevnejshej liricheskoj traditsii. Introd. and trans. by S.S. Averintsev. *Inostrannaja literatura*, 1988, no. 6, pp. 189–191. (In Russ.)
- Averintsev S.S. Drevneevrejskaja literatura. *Istorija vsemirnoj literatury*: In 9 vol. Moscow, 1983, vol. 1, pp. 271–302. (In Russ.)
- Angelus Silesius. *Kheruvimskij strannik = Cherubinischer Wandersmann* [The Cherubic Pilgrim = Cherubinischer Wandersmann]. Trans., introd. and notes by N.O. Guchinskaya. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)
- Vetkhij Zavel: Plach Jeremii; Ekklesiast; Pesn' Pesnej*. Transl. by I.M. Diakonov, L.E. Kogan, L.V. Manevitsh. Moscow, 1998. (In Russ.)
- Guchinskaja N.O. Angel Silezskij I nemetskaja mistika. In Angelus Silesius. *Kheruvimskij strannik = Cherubinischer Wandersmann* [The Cherubic Pilgrim = Cherubinischer Wandersmann]. Trans., introd. and notes by N.O. Guchinskaya]. St. Petersburg, 1999, pp. 5–51. (In Russ.)
- Genette G. *Palimpsests: Literature in the Second Degree*. Moscow, 1989. (In Russ.)
- Zhirmunskij V.M. *Nemetskij romantizm i sovremennaja mistika*. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)
- Nemetskaja poezija XVII veka*. Trans., comp., introd. and notes by L. Ginsburg. Moskow, 1976. (In Russ.)

- Purishev B.I. Nemetskaja literarura. *Istorija vsemirnoj literatury*: In 9 vol. Moscow, 1987, vol. 4, pp. 235–265. (In Russ.)
- Purishev B.I. *Očerki nemetskoj literatury XV–XVII vv.* Moscow, 1955. (In Russ.)
- Sinilo G.V. *Pesn' Pesnej v kontekste mirovoj kultury*: In 2 books. Minsk, 2012. (In Russ.)
- Althaus H. *Johann Schefflers «Cherubinischer Wandersmann»: Mystik und Dichtung: Diss.* Giessen, 1956.
- Angelus Silesius. *Der Cherubinische Wandersmann*. Hrsg. von G. Wehr. Neukirchen, 1984.
- Angelus Silesius. *Cherubinischer Wandersmann: Kritische Ausgabe*. Hrsg. von L. Gnädiger. Stuttgart, 1984.
- Angelus Silesius. *Der Himmel ist in dir*. Hrsg. von G. Wehr. Zürich, 1996.
- Angelus Silesius. *Sämtliche Poetische Werke*: 1–3 Bd. (in 1 Bd.). Hrsg. und eingel. von H. L. Held. München, 1924. (Wiederabdr.: München, 1952; Wiesbaden, 2002.)
- Angelus Silesius: *Textauswahl und Kommentar von G. Wehr*. Wiesbaden, 2011.
- Baruzi J. *Création religieuse et pensée contemplative*. 2e part. Paris, 1951. II: Angelus Silesius, pp. 99–239.
- Ellinger G. *Angelus Silesius*. Breslau, 1927.
- Gedichte des Barock*. Hrsg. von U. Maché und V. Meid. Stuttgart, 2005.
- Gorceix B. *Flambée et Agonie. Mystiques du XVIIe siècle allemand*. Sisteron, 1977.
- Gnädiger L. Angelus Silesius. *Deutsche Dichter des 17. Jahrhundert: Ihr Leben und Werk*. Hrsg. von H. Steinhagen und B. von Wiese. Berlin, 1984, S. 553–575.
- Gnädiger L. Die spekulative Mystik im *Cherubinischen Wandersmann* des Johannes Angelus Silesius. *Studii germanici*, 1966, no. 4, S. 29–59, 145–190.
- Gnädiger L. Rosenwunden: Des Angelus Silesius «Die Psyche begehrt ein Bienelein auff de Wunden JESu zu seyn» (*Heilige Seelenlust* II. 52). *Deutsche Barocklyrik: Gedichtinterpretationen von Spee bis Haller* / Hrsg. von M. Bircher und A.M. Haas. Bern, München, 1973, S. 97–133.
- Haas A.M. Angelus Silesius — *Die Welt, ein wunderschönes Nichts. Sermo mysticus: Studien zur Theologie und Sprache der deutschen Mystik*. Freiburg, 1979, S. 378–391.
- Kemper H.G. *Deutsche Lyrik der Frühen Neuzeit*. In 3 Bd. Tübingen, 1987–1988. Bd. 3: *Barock-Mystik*.
- Meier-Lefhalm E. *Das Verhältnis von mystischer Innerlichkeit und rhetorischer Darstellung bei Angelus Silesius: Diss.* Heidelberg, 1958.
- Plard H. *La mystique d'Angelus Silesius*. Paris, 1943.
- Polaschegg A., Weidner D. (Hrsg.). *Das Buch in den Büchern: Wechselwirkungen von Bibel und Literatur*. München, 2012.

- Robertson R. Literature, the Bible as. *The Interpreter's Dictionary of the Bible, Suppl. vol.* Eds. K. Crim, V.P. Furnish, L.R. Bailey Sr. New York, 1976, pp. 547–551.
- Sammons J.L. *Angelus Silesius*. New York, 1967.
- Sata L.K. *Mystische Sprachbetrachtung in der deutschen Literatur des 17. Jahrhunderts mit besonderer Berücksichtigung von Johann Schefflers «Cherubinischem Wandersmann» im Lichte der Theosophie und Sprachphilosophie Jakob Böhmes: Diss.* Budapest, 2006.
- Spörri E. *Der Cherubinische Wandersmann als Kunstwerk*. Zürich, 1947.
- Viëtor K. Johann Scheffler. *Schlesische Lebensbilder*. In 3 Bd. Hrsg. von F. Andreae u. a. Breslau, 1922–1928. Bd. 3: *Schlesier des 17. bis 19. Jahrhunderts*. S. 78–89. (2. Aufl. — Sigmaringen, 1985).
- Wiese B. von. Die Antithetik in den Alexandrinern des Angelus Silesius. *Euphorions*, 1928, no. 29, S. 503–522. (Wiederabdr.: *Deutsche Barockforschung. Dokumentation einer Epoche*. Hrsg. von R. Alewyn. Köln, 1966, S. 260–284.)

Т.Г. Чеснокова

**«РЕВНИВАЯ ЖЕНА» ДЖ. КОЛМАНА СТАРШЕГО:
ДРАМАТУРГИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА
«ИСТОРИИ ТОМА ДЖОНСА» И ЕЕ МЕСТО
В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ «ВЕСЕЛОЙ» КОМЕДИИ**

*Московский городской педагогический университет
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4*

Предметом анализа в статье являются сюжетная структура, поэтика и система персонажей комедии Дж. Колмана Старшего «Ревнивая жена» (1761), рассматриваемой в сопоставлении с литературным источником и в контексте развития английской комедии середины XVIII в. Основанная на сюжете «Истории Тома Джонса» Г. Филдинга, пьеса в силу своей формальной подражательности не получила заслуженного внимания исследователей. Между тем, как отмечал еще в начале XIX столетия английский критик Уильям Хэзлитт, заимствованные у Г. Филдинга мотивы и образы подверглись в ней видимой трансформации, что привело к удалению драматической версии от романного образца. Почвой подобных трансформаций стало влияние жанровых канонов и норм современной Дж. Колману комедии нравов. Сравнительный анализ проводится с учетом межжанровых и внутрижанровых связей романа и пьесы, что позволяет точнее определить методы и направление переработки источника Дж. Колманом. Как основной материал исследования тексты обоих произведений рассматриваются на фоне устойчивых сюжетных мотивов, типов персонажей и методов сюжетно-композиционного строения комедии нравов XVII–XVIII вв.

В ходе анализа, опирающегося на методологические принципы исторической поэтики, автор приходит к выводу, что колмановская адаптация «Истории Тома Джонса» может считаться самостоятельным произведением, укорененным в традициях национальной драмы и воплощающим основные черты «веселой» комедии середины XVIII в. Как органическая часть истории английского театра пьеса Дж. Колмана стала вехой в развитии названной разновидности комедийного жанра и необходимым звеном в эволюции характеров и мотивов, представленных также в творчестве Г. Филдинга и Р.Б. Шеридана.

Ключевые слова: сопоставительный анализ; историческая поэтика; Дж. Колман; Г. Филдинг; Р.Б. Шеридан; «История Тома Джонса»; «Ревни-

Чеснокова Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета (e-mail: tchesno@bk.ru).

вая жена»; «Школа злословия»; сценическая адаптация; жанровая структура; комедия нравов; «веселая» комедия; роман; система персонажей; характер; мотив; типология; эволюция; «добросердечный повеса»; «супружеская война».

Комедия Дж. Колмана и ее литературный источник: к проблеме взаимодействия повествовательных и драматических жанров

В творческой эволюции Генри Филдинга драматургия предшествовала повествовательной прозе, и этот факт, как было давно отмечено историками литературы [Елистратова, 1966: 219–220], не прошел бесследно для автора «Тома Джонса», оказав влияние на жанровую структуру романов писателя. Создавая «Историю», Г. Филдинг не ограничился формальным усвоением уроков драматической композиции и открытым признанием «иллюзорного» — вымышленного характера повествования, но сознательно выстроил «здание романа с оглядкой на многие ключевые понятия театрального искусства» [Ватченко, 2008: 299]. Напоминанием об этих понятиях может служить большое количество «театральных» метафор и сравнений, рассыпанных по всему тексту книги. Среди них — уподобление повествовательного пространства сцене¹ и самостоятельное развитие классических топосов «жизнь — сцена», «жизнь — театр» в морально-философских рассуждениях автора (в том числе в 1-й главе VII книги), обсуждение театральных событий героями романа (в 5-й главе XVI книги), другие формы присутствия «театральной темы» в повествовании [Аникеева, 2006: 65–68]. Драматургический опыт автора проявляется также в отталкивании от комедийной типологии характеров, лежащей в основе характеристик большинства персонажей. К числу «театральных» элементов, определяющих жанровое своеобразие романа, можно причислить и сам «нарочито театрализованный акт общения» романиста с читателем, структурирующий, по мнению С.А. Ватченко, «метатекстовое пространство» «комической эпопеи» [Ватченко, 2008: 300]. Все это лишний раз свидетельствует о влиянии драматургических приемов и категорий театральной эстетики на зрелую романистику Г. Филдинга. Труднее указать примеры обратного влияния филдинговских романов на театр и драму XVIII в., свидетельствующие о столь же оригинальном и эстетически зрелом восприятии достижений повествовательной прозы комедиографами эпохи.

¹ Ср.: «Нам приходится вывести нашего героя на сцену в гораздо более неприглядном виде, чем нам хотелось бы» («История Тома Джонса», кн. III, гл. 2, пер. А.А. Франковского) [Фильдинг, 1954: 80].

Одно из немногих предполагаемых исключений — хрестоматийная параллель, устанавливаемая историками литературы и критиками (начиная с современников Р.Б. Шеридана) между двумя парами братьев-соперников — Чарлза и Джозефа в «Школе злословия» и Тома и Блайфила в «Истории Тома Джонса». Сходство этих контрастных пар (замеченное еще корреспондентом «The Morning Chronicle», упомянувшим о нем в рецензии на первое представление «Школы злословия» [Loftis, 1976: 96]) для многих — образец если не конгениального, то во всяком случае максимально эстетически близкого воплощения созданных (или заметно усовершенствованных) Г. Филдингом типов на почве комедии. Но это, кажется, единственный «говорящий» пример такого рода. В большинстве случаев заимствования и переклички лишь подчеркивают различие между романским источником и драматической обработкой, обнажая несовпадение типологической структуры характеров, сочетание фабульных элементов и в итоге — несоответствие художественного уровня сценической версии повествовательному оригиналу.

Помимо общих проблем драматургической адаптации романного повествования мы сталкиваемся здесь с действием актуальных для середины XVIII в. литературно-сценических канонов комедийного жанра. В целом комедиографы XVIII в. охотно брались за драматическую обработку сюжетов современной им повествовательной прозы. Однако в своем диалоге с ней они оставались зависимыми от «образцовых» моделей и жанровых норм, влиявших на способ их обращения с повествовательным материалом. Пьесы, восходившие к недраматическим сочинениям, в своей поэтике часто имели с последними меньше сходства, нежели со своим непосредственным жанровым окружением. Комедии-переделки не только «автоматически» включались в литературные связи с оригинальными произведениями этого жанра, но и актуализировали комедийные элементы, в «снятом» виде присутствовавшие в структуре повествовательного источника. Несомненный интерес в этом смысле представляет комедия Джорджа Колмана Старшего (George Colman the Elder, 1732–1794)² «Ревнивая жена» (*The Jealous Wife*, 1761), частично основанная на сюжете «Истории Тома Джонса».

«Ревнивая жена» в литературном контексте и в восприятии критики и литературоведения

Отталкиваясь от сюжетных перипетий знаменитого филдинговского романа, пьеса имеет все признаки сходства с популярными

² Именуется Старшим в отличие от сына — Джорджа Колмана Младшего (George Colman the Younger, 1762–1736).

образцами английской «веселой» комедии 1750–1770-х гг., являясь одним из ее примечательных образцов. Следует, впрочем, отметить, что колмановская обработка появилась за несколько лет до того, как с легкой руки О. Голдсмита («Эссе о театре»³, 1772) традиционная комедия нравов, противопоставляемая сентиментальной комедии, получила название «веселой» (laughing). Это не помешало Дж. Колману воплотить в своей пьесе черты направления, еще не получившего устойчивого наименования. Добавим также, что в общем контексте голдсмитовских идей понятие «laughing» соотносилось скорее с сатирической насмешкой над пороками, чем с самодостаточным «весельем» [British Dramatists from Dryden to Sheridan, 1976: 751–753]. Насмешливость в отношении слабостей персонажей (в том числе положительных) свойственна и «Ревнивой жене» (как ранее — роману Г. Филдинга⁴), что вписывает комедию в русло указанной литературной традиции.

Рассматривая комедию на фоне источника (почтительно упомянутого драматургом в предисловии к первому изданию пьесы), Уильям Хэзлитт предположил в свое время, что если бы создатель «Ревнивой жены» не признал своего долга творцу «Тома Джонса», то зритель мог бы и вовсе не обратить внимания на сходство между комедией и романом: «Общий контур сюжета и ряд характеров, без сомнения, те же, но их содержательная «начинка» разрушает подобие. В романе есть все, что есть в пьесе, но в дополнение к этому в нем есть много такого, чего в ней нет, поэтому она производит совершенно иное впечатление, утрачивая тень сходства с оригиналом. <...> Колман мог бы легко сохранить свой секрет, и о нем бы никто не догадался» (перевод наш. — Т.Ч.) [Colman, 1818: VII].

Для того чтобы понять причины подобного феномена, следует подробнее рассмотреть поэтику и структуру комедии Дж. Колмана в сопоставлении с романом Г. Филдинга и в контексте театральнo-драматургических традиций эпохи. Историки литературы, упоминая о пьесе, как правило, ограничиваются характеристикой ее наиболее очевидных сближений и расхождений с романом, не углубляясь в суть осуществленной драматургом сценической адаптации и в содержание реализованных им жанровых установок. Ценные замечания относительно театральной истории и литературных связей «Ревнивой жены» можно найти в работах А. Николла [Nicoll, 1955: 167–168], Дж. Лофтиса [Loftis, 1976: 28–29], Р. Бевиса [Bevis, 1980:

³ Оригинальное название — *An Essay on Theatre; or, A Comparison Between Laughing and Sentimental Comedy*.

⁴ О несоответствии филдинговского «положительного» героя критериям героя «идеального» см.: [Соколянский, 1975: 99].

176–177] и в предисловии Э.Р. Вуда к сборнику пьес Д. Гаррика и Дж. Колмана Старшего [Garrick, Colman, 1982: 13–16]. Однако по большей части упоминания о комедии в исследовательской литературе носят обзорный характер и не содержат целостного анализа ее жанровой структуры на фоне ведущих литературных тенденций эпохи. Восполнение этого пробела позволит полнее представить картину развития английской «веселой» комедии до О. Голдсмита и Р.Б. Шеридана, выявив формы взаимодействия повествовательных и драматических жанров и определив конкретные способы переработки литературного материала в «Ревнивой жене».

Сюжетная структура комедии в сопоставлении с «Историей Тома Джонса»

Развивая мотивы «Истории Тома Джонса», Дж. Колман в основном ограничивает свой интерес к роману рамками любовной интриги, дополняя последнюю фоном, развернуто представляющим «супружескую войну»⁵ в семье одного из второстепенных героев. Название пьесы устойчиво связывает ее с традициями комедии нравов, нередко уступавшей функции заглавного персонажа комическим лицам на периферии сюжета. Примерами могут служить отдельные комедии Дж. Драйдена («Испанский священник»), Дж. Этериджа («Раб моды»), С. Сентливр («Хлопотун») или Г. Филдинга («Всеобщий любезник»). С романом последнего введенный Дж. Колманом комический фон (или вторая, побочная, линия действия) имеет лишь слабые тематические переклички. Семейные «войны» (в том числе между супругами Блайфил) и деспотично-ревнивые жены (такие как миссис Партридж) выводятся и на страницах «Истории», однако как в фабульном отношении, так и с точки зрения типологии характеров семейные сцены и образы комедии-переделки сохраняют формальную и содержательную независимость от названных образцов. Колмановская «ревнивая жена» (миссис Оукли) — не сельская кумушка (как жена Партриджа) и не провинциальная дама (как степенная супруга капитана Блайфила), но жительница столицы, состоящая в браке с почтенным лондонским джентльменом, — типичная героиня «столичной» комедии нравов — «морализованной», подобно пьесам К. Сиббера («Последняя ставка женщины», 1707), или «веселой», как пьесы А. Мерфи («Все неправы», 1761), в которых также встречались насмешливо отстраненные образы ревнивых

⁵ См. подробнее об истоках и эволюции этого мотива в английской комедии XVII–XVIII вв.: [Чеснокова, 2013].

жен (леди Ронглав или леди Рестлесс). Принадлежность заглавной героини к светскому обществу подчеркивается и главным упреком, звучащим в ее адрес, — в нанесении урона репутации мужа (аргумент, обладающий весом лишь для людей, дорожащих высоким общественным статусом и мнением света).

В наиболее близкой к первоисточнику — любовно-романической — части действия на первый план выдвигаются перипетии отношений двух влюбленных — Чарлза (Тома) и Хэрриет (Софьи), счастью которых препятствует воля отца героини (Рассета/Вестерна) наряду с легкомысленным поведением самого героя. Незавидное положение главного персонажа, отвергаемого семейством возлюбленной, усугубляется, как и в романе, утратой расположения покровителя-дяди (Олверти/Оукли), а демонстрируемый юношей порок невоздержанности приводит к длительному разладу между влюбленными. Фабульные переключки между романом и пьесой включают наличие у героя двух соперников — деревенского (Блайфила / Гарри Бигля) и городского (лорда Фелламара / лорда Тринкета), первый из которых пользуется поддержкой потенциального тестя, а второй вступает в сговор с лондонской родственницей героини (леди Белластон / леди Фрилав). Дж. Колман воспроизводит направление пространственных перемещений героев филдинговской «Истории» (из деревни в город) и такие опорные моменты развития сюжета, как бегство героини от ненавистного брака (с Блайфилом/Биглем), поиски девушки разгневанным отцом (с эпизодом на постоялом дворе), счастливое избавление Софьи/Хэрриет от опасности насилия и благополучное распутывание сюжетных узлов с разоблачением козней и свадебным финалом. Острота романских конфликтов, впрочем, смягчается в пьесе отсутствием социального неравенства, разделяющего влюбленных, вследствие чего отпадает необходимость и в традиционном узнавании, повышающем статус героя-найденныша.

Герой любовной интриги: типология и литературные связи

Характер молодого героя (Чарлза Оукли), заметно упрощенный в сравнении с образом Тома Джонса, является, тем не менее, разновидностью того же типа — «добросердечного повесы» (good-natured rake), восходящего к системе персонажей комедии Реставрации. Неумный темперамент героя и его неспособность удерживаться в границах приличий проявляются, однако, не в череде галантных походов (как в «Истории Тома Джонса»), а в склонности к пьянству. Отправной точкой здесь мог послужить эпизод с возлиянием Тома по случаю выздоровления Олверти (в 5-й книге романа), од-

нако у Дж. Колмана частная ситуация обобщается, в результате чего нездоровое пристрастие персонажа грозит превратиться в пагубную привычку или характерный порок (сродни женолюбию Тома). За поверхностной трансформацией образа можно, однако, увидеть и более общую тенденцию, определяемую как сценической нормой пристойности, так и универсальными принципами изображения характера в английской комедии 1760–1770-х гг.

В первую очередь стоит отметить, что с развенчанием галантного кодекса, возведенного в культ драматургами Реставрации и отвергнутого творцами «морализованной» комедии рубежа XVII–XVIII вв., изображение нероманической любовной связи на сцене сводилось к ограниченному набору драматических ситуаций, тяготея при этом к двум модусам — фарсово-юмористическому и сатирически-разоблачительному. Рамки обоих, однако, не вмещали обаятельно-искреннего и комически-рыцарственного беспутства Джонса, смяченного юностью, пылкостью, неискушенностью и почти дон-кихотской приверженностью галантному правилу — принимать всякий «вызов на любовь» (a challenge to love) с той же готовностью, что и «вызов на дуэль» (a challenge to fight) (кн. XIII, гл. VII, пер. А.А. Франковского) [Фильдинг, 1954: 561–562; Fielding, 1977: 633].

Границы комедийных характеров в драматургии эпохи были не менее жесткими, поэтому здесь можно чаще встретить механическое наложение разных моделей образа (например, легкомысленного повесы и кающегося грешника), чем органическое совмещение противоположных свойств человеческой природы. Том Джонс между тем отличался не только от кающихся распутников морализованной комедии (подобных сибберовскому Лавлессу в «Последней уловке любви»), но и от иронически противопоставленных им «неисправимых» повес поздней драматургии Реставрации (подобных Лавлессу Ванбру в «Неисправимом»). Во многих отношениях он ближе к бесшабашным гулякам Дж. Фаркера (Роубаку, Эймуэllu, Арчеру и капитану Плюму), чьи похождения также отчасти оправдывал пылкий темперамент, но персонажу «Истории» чужды эгоцентризм, склонность к интриге и ношению масок, унаследованные этими героями от либертенов классической комедии Реставрации. Вдобавок он лишен свойственной большинству из них «антибрачной установки» [Андреев, 2011: 128], являвшейся неотъемлемой частью либертинского кодекса.

Лишенный (по меркам позднейшей литературы) особой внутренней глубины, Том Джонс при этом не был всего лишь перенесенным в повествовательное пространство «театральным» героем-

марионеткой, механически приводимым в движение с помощью нехитрых приемов, применяемых автором-кукловодом. Над этими приемами Г. Филдинг иронизировал, вспоминая тех персонажей «современных комедий», которые, оставаясь «в течение четырех действий отъявленными мерзавцами», в финале вдруг превращаются в «благороднейших джентльменов», «точно негодяю столь же естественно раскаяться в последнем действии пьесы, как в последнем акте своей жизни» (кн. VIII, гл. I, пер. А.А. Франковского) [Фильдинг, 1954: 310].

Сочетание добродетели и порока в характере Джонса не подчинялось одним лишь законам развития литературной интриги, а переходы от фабульной детерминации к детерминации характерологической оставались здесь более гибкими, чем в популярных моделях образа «неисправимого», «бесшабашного» или «кающегося» повесы. В самом деле, при всем своем «неизбывном», по выражению С.С. Аверинцева, «беспутстве» [Аверинцев, 1996: 160] герой «Истории Тома Джонса» — не либертен и гуляка, а «естественный человек», наделенный как добрыми, так и дурными наклонностями, и его моральные «срывы» призваны не столько закрепить за ним характеристику беспутного малого, сколько, напротив, «парализовать» применение к этому персонажу «готовых силлогизмов, саботировать старые правила характерологической классификации» [Аверинцев, 1996: 160]. В сюжетном пространстве романа герой получает возможность не только продемонстрировать несовпадение с воображаемой нормой, но и на собственном опыте узнать истинную цену пороку и добродетели, «научиться обуздывать свою импульсивную натуру и осознавать свою ответственность за совершаемые им поступки» [Зыкова, 2011: 14]. В этой связи запрограммированный переход от череды грехопадений к финальному раскаянию смягчается наметившейся (пока еще слабой) тенденцией к нравственной эволюции главного персонажа, которая косвенно проявляется даже в цепочке его однообразных (по видимости) любовных увлечений: от сексуальной инициации с мнимо девственной Молли до последней добрачной связи (с леди Белластон), становящейся самым серьезным препятствием к примирению с Софьей и в то же время уроком, позволяющим Джонсу успешнее справиться с новым искушением — в лице тщеславной и ветреной миссис Фитцпатрик (замужней кузины и близкой подруги мисс Вестерн).

Движение внешних обстоятельств и накопление опыта «воспитания чувств» дублируются, проясняются и уточняются с помощью поучительно-остроумного авторского комментария, не поддающегося переносу на сцену. В итоге, показывая противоположные

реакции Джонса на любовные «вызовы» леди Белластон и Хэрриет Фитцпатрик, писатель может не сомневаться, что неожиданно благоразумное (во втором случае) поведение Тома уже не покажется публике столь же немотивированным, как исправление завязтого негодяя или распутника в развязке комедии. В театральном пространстве опасность превращения примитивной, но не лишенной внутренней закономерности эволюции персонажа в стереотипный набор механических реакций возрастала бы многократно — вкупе с иллюзией преобладания в его характере порочных наклонностей.

Эту опасность Дж. Колман как театральный писатель (и как знаток творчества Г. Филдинга, сознающий различие в степени дарования между ним и собой), вероятно, осознавал, предвидя те трудности, с которыми ему пришлось бы столкнуться, попытаться он воспроизвести все нюансы неоднозначных поступков и побуждений Джонса в характере героя комедии. Драматург предпочел радикально избавить своего Чарлза Оукли от основного порока филдинговского героя, заменив слабость к женщинам слабостью к вину, таящей в себе опасность не столько для нравственной нормы, сколько для нормы светских приличий. Этот способ, наименее затратный в свете задач морального очищения главного персонажа, был благосклонно воспринят публикой и даже стал своеобразным образцом для Р.Б. Шеридана, который, красочно изобразив разгульную расточительность Чарлза Серфэса в «Школе злословия», позаботился отвести от героя все обвинения в сомнительных любовных интригах.

Литературный потомок Джонса и предшественник Серфэса⁶, молодой Оукли в своих недостатках представляется заслуживающим наибольшего снисхождения, но в то же время и наименее самобытным персонажем из всех троих. В противоположность Г. Филдингу, который подробно изображал каждое новое увлечение Тома, Дж. Колман не рискнул дважды выводить героя на сцену пьяным, что, однако, не устраняет общего впечатления механического однообразия его «падений». И дело не только в том, что из отзывов других персонажей мы узнаем о подобных же рецидивах пристрастия юноши в прошлом (послуживших причиной его размолвки с возлюбленной). Дело в самом характере выбранного порока, не оставляющем места для варьирования его проявлений. Такое ограничение невольно привязывает героя к автоматизму однообразных поступков, в дальнейшем снимаемых сентиментальным раскаянием. Именно этот автоматизм лишает юного Оукли значительной доли обаяния, присущего Тому Джонсу, а впоследствии — Чарлзу Серфэсу.

⁶ О сходстве некоторых черт Чарлза Оукли и Чарлза Серфэса и близости их обоих к Тому Джонсу как общему литературному прототипу см.: [Loftis, 1976: 29].

В самом деле, колмановский герой лишен одного из наиболее заметных качеств предшественника — неотразимой привлекательности, скрытой в самих недостатках. Пороки Тома (как не устают повторять сам автор) настолько тесно переплетены с его достоинствами, что в финале, приветствуя добродетельное намерение Джонса исправиться, читатель не испытывает желания заглядывать далеко в будущее ради того, чтобы подвергнуть эту решимость проверке. Настрой любого поклонника книги скорее напоминает при этом душевное состояние возлюбленной Тома, которая, прощая герою его измены, по видимости уступает дочернему долгу («Таково ваше приказание, сэ, <...> и я не смею вас ослушаться», кн. XVIII, гл. 12, пер. А.А. Франковского [Фильдинг, 1754: 784]), однако в действительности только и ждет подходящего повода, чтобы осчастливить юношу своим согласием на брак. Аналогичным образом обаятельный мот Чарлз Серфэс, заслужив благосклонность богатого дяди то ли памятью о полученных от него дарах, то ли сходством с чертами покойного брата, сохраняет и впредь все права на симпатию «бедного Нолля», получая в итоге прощение не только за распродажу семейной коллекции, но и за попытку спустить своего благодетеля с лестницы. Между тем, как и в филдинговском романе, перспектива окончательного исправления героя-повесы лишена в комедии Р.Б. Шеридана не только практических очертаний, но и неоспоримой ценности в глазах и автора, и читателя, поскольку великодушные жесты Чарлза так же трудно отделить от эксцессов беспечного легкомыслия, как деятельную доброту Тома — от его неустанной готовности доказывать всем встречным дамам свое галантное расположение к женскому полу.

На этом фоне нетрезвые выходки Чарлза Оукли, не лишая героя симпатии зрителя, все же не добавляют существенных плюсов в копилку его обаяния. Для юноши путь к счастливой развязке лежит исключительно через разумное осознание пагубных следствий злосчастной привычки, едва не лишившей его возможности защищать любимую девушку от опасности. Рассудочность этого поворота к более трезвому (во всех отношениях) образу жизни, вероятно, не укрылась от автора, который, как ранее Г. Фильдинг, а впоследствии Р.Б. Шеридан, предпринял попытку сгладить эффект моралистической заданности финального исправления. Однако уйти от рассудочного шаблона ему удалось лишь частично и не столько благодаря юмористическим обертонам самой ситуации исправления/покаяния, сколько посредством переключения зрительского внимания на развязку конфликта побочной линии — линии подкаблучника-мужа и его «ревнивой жены».

Второстепенные персонажи любовной интриги и побочная линия действия

Если образ героини любовной линии настолько прочно сливается с сюжетной функцией, что говорить о своеобразии характера здесь можно лишь с большой натяжкой, то характеры второстепенных персонажей меняются под влиянием устойчивых комедийных амплуа, представленных в пьесе как в чистом виде, так и во взаимном наложении. Так, лицемер Блайфил преобразуется в пьесе в охотника и лошадирика Гарри Бигля, который в итоге уступает невесту столичному сопернику (лорду Тринкету) за скаковую лошадь. Для старого Рассета страсть к охоте, напротив, уже не является преобладающей чертой. Деревенская бесцеремонность, унаследованная этим героем от филдинговского Вестерна, смягчается простоватой наивностью, а привязанность к дочери приобретает взвинченно-истеричный, почти маниакальный характер, превращая добродушного в общем-то сквайра в слепого и мелочного домашнего тирана. Предубеждение Рассета против Чарлза приобретает на этом фоне оттенок ревнивой подозрительности, сближая героя с персонажами-гуморами⁷ джонсоновского типа, по-прежнему весьма популярными на английской сцене.

Лорд Тринкет — еще один персонаж, характер которого перерабатывается по аналогии с готовым сценическим типом. Как и его романский прототип (Фелламар), Тринкет — столичный аристократ, не отягощенный избытком морали, о чем свидетельствует его намерение обесчестить невинную девушку, устранив соперника с помощью головорезов-наемников. Однако за сходством сюжетных функций, социальных и нравственных характеристик скрываются разные «моральные личности», заключенные в оболочку единого типа. В романе Г. Филдинга образ Фелламара не одномерен, сочетая пороки и добродетели в не менее ярком контрасте, чем характер самого Тома Джонса. «Гнусность» намерений знатной особы в отношении Софьи отчасти оправдывается страстью и готовностью заглазить свое преступление женитьбой, а в отношении Джонса — искренним заблуждением в оценке соперника, представленного милорду бродягой и проходимцем. Не лишенный благородных задатков и не без оснований гордящийся «незапятнанным» именем (кн. XV, гл. 2, пер. А.А. Франковского) [Фильдинг, 1954: 626]⁸, Фелламар

⁷ «Гумор» (от *англ.* *humour* — 'нрав') — термин, восходящий к комедийной теории Б. Джонсона (1572–1637) и обозначающий преобладающую страсть или манию персонажа. Впоследствии теория «гумора», претерпев изменения, стала основой теории юмора как формы комического.

⁸ Или «безупречно чистой» (*extremely clear*) репутацией [Fielding, 1977: 700].

совершает свои худшие поступки под влиянием сообщницы — леди Белластон, но находит в себе достаточно благородства, чтобы признать поражение и загладить вину перед Томом.

В противоположность Фелламару Тринкет — персонаж, целиком вписывающийся в театральное амплуа порочного аристократа — коварного соблазнителя и светского шута-галломана. К героине его влечет банальная похоть пополам с задетым самолюбием, и жениться на юной провинциалке он вовсе не собирается (о чем откровенно заявляет в монологе первой сцены III действия). Сказка о будущей свадьбе в его устах — приманка для честолюбивой родственницы «невесты» — леди Фрилав, соединившей в себе черты утонченно-коварной Белластон, представительницы высшего света, и глуповато-тщеславной тетки Вестерн — провинциалки, кичащейся мнимым знанием его законов. Соотношение ведущего и ведомого в тандеме Тринкета и леди Фрилав тем самым меняется «в пользу» героя, который успешно превращает приятельницу в орудие собственных целей. Коварство этого персонажа сказывается и в способах, применяемых им против Чарлза. Так, если Фелламар стремился только насильственно завербовать Тома Джонса в матросы, то Тринкет без тени сомнений подсылает к Чарлзу Оукли бестрепетного морского волка О'Каттера, фактически — наемного убийцу.

В сюжете и расстановке персонажей происходят при этом новые сдвиги: сгущение отрицательных качеств в образе Тринкета ведет к «присвоению» этим героем сюжетных функций Блайфила, все действия которого накануне развязки направлены на то, чтобы отправить единоутробного брата на виселицу. В системе персонажей указанное смещение компенсирует слабость фигуры деревенского соперника Чарлза — Гарри Бигля, не представляющего для героя серьезной угрозы и играющего по преимуществу комически-развлекательную роль.

Смещение и совмещение функций персонажей-прототипов уравниваются в комедии раздвоением взятых за основу романских характеров, что можно заметить на примере преобразования «вседостойного» Олверти. Характеристики названного героя распределяются между двумя дядюшками юного Чарлза — майором Оукли (деревенским жителем) и мистером Оукли (лондонским джентльменом). Первому достаются склонность Олверти к сельскому уединению, старомодная добродетель и многолетнее безбрачие, второму — мягкость и добросердечие, граничащие с неоправданной снисходительностью к тем, кто с корыстными целями эксплуатирует эти прекрасные качества. Расщепление образа сопровождается

сгущением юмористического гротеска на обоих образовавшихся полюсах в силу того, что Дж. Колман наделяет своих братьев Оукли противоположными «гуморами» — женоненавистника и подкаблучника.

«Гумористическая» окраска присутствует также в характере главного персонажа комедии — миссис Оукли, чья болезненная мнительность, обладая всеми признаками комической «мании», сближает ее носительницу с еще одним популярным сценическим типом — капризной и властной супруги-тиранки. В системе персонажей пьесы «ревнивая жена» становится женской параллелью к другому домашнему тирану — старому Рассету, такому же капризному ревнивцу, но только по отношению к собственной дочери. На сходство их характеров намекает и злосчастный супруг — мистер Оукли, который находит свалившегося ему на голову сельского гостя весьма подходящей парой для собственной жены (III.II) [Garrick, Colman, 1982: 88].

Гротеск, таким образом, преобладает в характеристиках персонажей побочной линии — линии «супружеской войны», наиболее самостоятельной по отношению к источнику и оказавшей влияние на семейную тему в «Школе злословия» и ряде других популярных комедий эпохи. Более подробный анализ этого важного компонента сюжетной структуры и связанных с ним образов требует самостоятельного подхода и не входит в задачи настоящей статьи.

«Ревнивая жена» в истории английской комедии XVIII в.

Подводя итоги, отметим: заимствованные Дж. Колманом характеры и повествовательные мотивы заметно трансформированы и втиснуты в рамки канонов сценической драмы, что подчеркивается (в отношении персонажей) обращением к комедийной традиции «говорящих» имен. Это, в частности, Russet (от *англ.* ‘домотканый, сельский, простой’), Freelove (‘свободная любовь’), Trinket (‘безделушка, брелок’), Beagle (‘бигль’ — порода английских гончих) и O’Cutter (от *англ.* cut — ‘резать’: имя драчливого капитана, подосланного Тринкетом к Чарлзу). Уподобление дубу (*oak*), заложенное в говорящей фамилии братьев Оукли, реализуется в одном случае буквально (как намек на непробиваемую твердость привычек и убеждений), а в другом — от противного (как отражение непростительной мягкости, проявляемой снисходительным мужем в его отношениях с прекраснейшей половиной).

При общей схематизации сюжета и образов «Тома Джонса» «Ревнивая жена» Дж. Колмана стала значительной вехой во взаи-

модействии повествовательных и драматических жанров английской литературы XVIII столетия, в развитии мотива «супружеской войны» и эволюции типа «добросердечного повесы», получившего одно из классических воплощений в романистике Г. Филдинга. Не будучи единственным драматургом, стремившимся возродить этот образ на сцене и адаптировать его к текущей культурной ситуации, Дж. Колман внес несомненный вклад в его сохранение и неизбежную трансформацию, распространившуюся впоследствии на образы Р.Б. Шеридана. С не меньшей вероятностью на автора «Школы злословия» могли повлиять ситуации, мотивы и реплики, связанные с линией семейной «войны», подарившие драматургу несколько выразительных деталей, позднее украсивших диалоги сэра Питера и леди Тизл.

Перечисленного достаточно, чтобы с уважением отнестись к фигуре Дж. Колмана Старшего и к роли его комедии «Ревнивая жена» в истории английского театра, в развитии образов и мотивов, занимавших важное место в литературе эпохи и в творчестве таких выдающихся авторов, как Г. Филдинг и Р.Б. Шеридан.

Список литературы

- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Андреев М.Л.* Классическая европейская комедия: структура и формы. М., 2011.
- Аникеева Н.А.* Поэтика «комических эпопей» Генри Филдинга: Дисс. ... канд. филол. наук. Балашов, 2006.
- Ватченко С.А.* Художественное время и пространство в *Томе Джонсе* Г. Филдинга (об отдельных аспектах темы) // XVIII век: мужское/женское в культуре эпохи. М., 2008. С. 297–302.
- Елистратова А.А.* Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966.
- Зыкова Е.П.* Генри Филдинг как моралист // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. М., 2011. № 5. С. 3–17.
- Зыкова Е.* Спор о человеческой природе в английском романе XVIII века // XVIII век: литература как философия и философия как литература. М., 2010. С. 275–285.
- Соколянский М.Г.* Творчество Генри Филдинга. Киев, 1975.
- Фильдинг Г.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1954.
- Чеснокова Т.Г.* Мотив «супружеской войны» в английской комедии от Шекспира до Шеридана // Вестник МГПУ. Сер. Филологическое образование. 2013. № 1 (10). С. 83–90.
- Bevis R.* The laughing tradition. Stage comedy in Garrick's day. Athens, 1980.

- British dramatists from Dryden to Sheridan. Carbondale, 1976.
- Colman G. *The Jealous wife / With the Remarks by W[illiam] H[azlitt]*. London, 1818.
- Fielding H. *The history of Tom Jones*. Hammondsworth, 1977.
- Garrick D., Colman the Elder G. *Plays*. Cambridge, 1982.
- Loftis J. *Sheridan and the drama of Georgian England*. Oxford, 1976.
- Nicoll A. *A history of English drama 1660–1900*. Vol. III. Late Eighteenth century drama. 1750–1800. Cambridge, 1955.

Tatiana G. Chesnokova

***THE JEALOUS WIFE BY GEORGE COLMAN THE ELDER:
THE DRAMATIC ADAPTATION
OF THE HISTORY TOM JONES AND ITS PLACE
IN THE HISTORY OF ENGLISH ‘LAUGHING’ COMEDY***

Moscow City University

4, 2nd Selskohoziajstvenny proezd, Moscow, 129226

The article discusses the plot structure, character system and poetics of J. Colman's comedy *The Jealous Wife* (1761) in contrast to its literary source and regards the play in the perspective of the development of English mid-18th-century comedy of manners. Based on H. Fielding's *The History of Tom Jones*, Colman's play has not received the critical attention it deserves because of its formally imitative nature. Yet, as 19th-century English critic William Hazlitt pointed out, Colman transformed motifs of Fielding's novel, which produced a marked discrepancy between the dramatic version and its narrative model. These transformations were largely determined by the influence of the genre patterns and scenic rules of the 18th-century comedy. Thereby the aim of the comparative study is to expose principal methods of Colman's tackling his source in the perspective of inter- and intra-genre links of the works under discussion. The article thus seeks to outline popular 18th-century patterns of plot composition and character typology with special attention to their influence upon the structure and poetics of *The Jealous Wife*. The study uses methods of historical poetics. The novel and the play as the chief material of study are regarded against the background of the development of English comedy from the Restoration to R.B. Sheridan. It is concluded that Colman's adaptation of *The History of Tom Jones* may be justly described as an original piece of literary work, which is rooted in the national dramatic tradition and has features of the mid-eighteenth-century «laughing» comedy. As an integral part in the history of drama the play was a milestone in the development of English comedy of manners and in the evolution of comic types and motifs typical of Fielding and Sheridan.

Key words: comparative study; historical poetics; J. Colman the Elder; H. Fielding; R.B. Sheridan; *The History of Tom Jones*; *The Jealous Wife*; *The School for Scandal*; dramatic adaptation; genre structure; comedy of manners; «laughing» comedy; novel; character-system; character / personage; motif; typology; evolution; «good-natured rake»; «conjugal war».

About the author: *Tatiana G. Chesnokova* — Associate Professor, Department of Foreign Philology, Institute for Humanities and Management, Moscow City University, PhD in Philology (e-mail: tchesno@bk.ru).

References

- Averincev S.S. *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii* [Rhetoric and the origins of European literary tradition]. Moscow, 1996. (In Russ.)
- Andreev M.L. *Klassicheskaya evropejskaya komediya: struktura i formy* [The classical European comedy: Its structure and forms]. Moscow, 2011. (In Russ.)
- Anikeeva N.A. *Poe'tika «komicheskix e'popej» Genri Fildinga: Diss.* [The poetics of «comic epic poems in prose» by Henry Fielding: Diss.]. Balashov, 2006. (In Russ.)
- Vatchenko S.A. *Xudozhestvennoe vremya i prostranstvo v Tome Dzhonse G. Fildinga (ob otdel'nyx aspektax temy)* [Fictional time and space in *Tom Jones* by H. Fielding (A study of some aspects of the issue)]. *XVIII vek: muzhskoe/zhenskoe v kul'ture e'poxi* [XVIII century: The masculine / the feminine in the culture of the age]. Moscow, 2008, pp. 297–302. (In Russ.)
- Elistratova A.A. *Anglijskij roman e'poxi Prosveshheniya* [The English novel of the age of Enlightenment]. Moscow, 1966. (In Russ.)
- Zykova E.P. *Genri Filding kak moralist* [Henry Fielding as a moralist]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2011, vol. 70, no. 5, pp. 3–17. (In Russ.)
- Zykova E. *Spor o chelovecheskoj prirode v anglijskom romane XVIII veka* [The controversy on human nature in the English 18th-century novel]. *XVIII vek: literatura kak filosofiya i filosofiya kak literatura* [XVIII century: Literature as philosophy and philosophy as literature]. Moscow, 2010, pp. 275–285. (In Russ.)
- Sokolyanskij M.G. *Tvorchestvo Genri Fildinga* [Henry Fielding's work]. Kiev, 1975. (In Russ.)
- Fil'ding G. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Vol. 2. Moscow, 1954. (In Russ.)
- Chesnokova T.G. *Motiv «supruzheskoj vojny» v anglijskoj komedii ot Shekspira do Sheridana* [The motif of the «conjugal war» in the English comedy from Shakespeare to Sheridan]. *Vestnik MGPU. Seriya Filologicheskoe obrazovanie*, 2013, no. 1 (10), pp. 83–90. (In Russ.)

- Bevis R. *The laughing tradition. Stage comedy in Garrick's day*. Athens, 1980.
British dramatists from Dryden to Sheridan. Carbondale, 1976.
- Colman G. *The Jealous wife / With the Remarks by W[illiam] H[azlitt]*. London, 1818.
- Fielding H. *The history of Tom Jones*. Hammondsworth, 1977.
- Garrick D., Colman the Elder G. *Plays*. Cambridge, 1982.
- Loftis J. *Sheridan and the drama of Georgian England*. Oxford, 1976.
- Nicoll A. *A history of English drama 1660–1900. Vol. III. Late Eighteenth century drama. 1750–1800*. Cambridge, 1955.

К. В. Давыдова

**ПОВЕСТЬ О ХУДОЖНИКЕ В РОМАНЕ
Н. И. ГРЕЧА «ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА»**

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4*

Цель статьи — анализ образа художника в романе Н. И. Греча «Черная женщина». Рассмотрение героя в контексте повестей о художнике демонстрирует происходящее в этом романе переосмысление литературного типа. Оппозиция «отверженный художник» — «художник-ремесленник» — ключевая для повествования об искусстве в русской прозе 1830-х годов, но образ художника у Н. И. Греча не вписывается в эту оппозицию, он эклектичен. Герой «Черной женщины» не принадлежит к роду отверженных творцов, его поведение в обществе отличается от романтического канона. Роль картин в романе также отличается от принятой в прозе 1830-х, где полотна были символом отчаянного одиночества гения или способом вмешательства демонических сил. Картины в «Черной женщине» — это знаки интуитивно угадываемого родства: работая над пейзажем и портретом, Берилов «вспоминает» детство и прозревает кровную связь с Кемским. Сиротство счастливо преодолевается, герой обретает брата и умирает в гармонии с миром («романтические» живописцы уходят из него отверженными). Однако такое расхождение не дает оснований встроить Берилова в ряд счастливых художников из произведений В. И. Карлгофа и К. П. Масальского. Препятствие для этого — мистическая интуиция, которая ведет героя на протяжении романа. Именно она становится точкой слияния двух традиций осмысления образа: немецкой раннеромантической и определенной бидермейером. Н. И. Греч наделяет героя-художника типическими чертами, но отказывается от некоторых ключевых маркеров.

Ключевые слова: повесть о художнике; художник; портрет; картина; Н. И. Греч; «Черная женщина».

Роман Н. И. Греча «Черная женщина» (1834) получал различные жанровые обозначения: метафизический, фантастический, готический, философско-мистический, философско-фантастический и др. Причиной подобной неопределенности послужила сложная жанровая структура. Ее главная особенность — совмещение в тексте матриц или рефлексов исторической, нравоописательной, готической и фантастической прозы 1820–1830-х годов.

Давыдова Кристина Владимировна — аспирант школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики» (e-mail: davydova.kr@gmail.com).

Стремясь предложить оригинальный текст, Н.И. Греч соединил устойчивые элементы (мотивы, типы героев, сюжетные ситуации, нарративные решения) разных жанров. Так, фантастическое в «Черной женщине», контрастируя с нравоописательными фрагментами, дополнительно подчеркивает их. В романе потусторонний мир и его тайны открываются только «существам нравственным», способным опознать и осмыслить знаки Провидения. Переосмысление канонов наблюдается не только в рамках повествовательного целого, но и на примере одной из составляющих романа — инкорпорированной в текст «повести о художнике».

Выход в свет «Черной женщины» пришелся на время чрезвычайной популярности сюжетов о художниках (музыкантах, поэтах и иных «артистах»). Следуя романтическому канону, писатели наделяли художников следующими чертами: презрение к материальному миру, готовность противостоять обществу; служение Музе; сиротство; сумасшествие, демонизм (мотив продажи души дьяволу). Подобно героям немецких произведений, художники в русской прозе 1830-х годов отвергали прагматическое отношение к искусству. Писать портреты на заказ — значит предавать дар, которым художника наделил Бог. «Низким» трудом вынужден заниматься герой повести Н.А. Полевого «Живописец»: «Не надобно картин — не хочу писать их; пишу портреты, рожи людские, и пишу как ремесленник!» [Полевой, 1989: 145]. «Пусть черт пишет портреты, а не я! — заключает Иван, герой повести А.В. Тимофеева «Художник». — Лучше умереть с голода, лучше утопиться в Неве, лучше головою о стену!..» [Тимофеев, 1989: 278].

Художник и общество (не только публика, но и собратья по кисти, «аматеры») расходятся в понимании искусства. Для героев А.В. Тимофеева, Н.А. Полевого, К.П. Масальского, В.Ф. Одоевского искусство — область божественного, для их окружения — сфера подражания, цель которого — материальное благополучие и/или мирская слава. Беседы рассказчиков с героями-художниками обнаруживают в последних пылких ораторов, отстаивающих истину.

Истоком творчества истинного художника является непостижимый идеал: обожествляемая возлюбленная, Муза, библейский или мифологический герой. Так, Иван («Художник» А.В. Тимофеева) обращается к сюжету прощания Гектора с Андромахой, пишет «Прометея, терзаемого орлом». В очищающем свете искусства предстают герою женщины: «Я любил их, как своих идеалов, как самое лучшее создание природы, как образец изящного. Любовь моя была самая чистая, духовная — любовь художника к своему искусству».

В рассказе В.И. Карлгофа «Портрет» Люстрин пишет на заказ портрет умершей жены «непомерно богатого человека». Он ни-

когда не видел оригинала, и заказчик предлагает ему дождаться вдохновения:

...создайте ее образ! Вдохновения Поэта и Живописца — священные! Им, в часы их торжественных мечтаний, объясняется темное прошедшее и открываются тайны будущего, с тем, чтобы они в картинах, исполненных высокого, пророчествовали в наставление человечеству [Карлгоф, 1832: 5].

Именно в такие минуты Люстрин принимается за работу, но по окончании видит, что изобразил свою возлюбленную. Провидение обратило художника к его вечной Музе.

Картины Аркадия («Живописец» Н.А. Полевого) также исполнены любви к женщине — обожествляемой героем Вериньке: незаконченный ее профиль рассказчик обнаруживает на стенах комнаты Аркадия. На картине «Спаситель благословляет детей» живописец изображает Вериньку малюткой. Ее черты «возведены к идеалу невинности первых лет детского возраста» [Полевой, 1989: 235]. Несчастливая любовь — импульс создания многих его полотен: «Чтение в семействе», «Прометей» (боль Прометея символизирует сердечные муки героя), «Прощание рыцаря».

Многие художники из повестей 1830-х годов причастны к иконописи. Аркадий пишет икону Ахтырской Богоматери. Первым опытом героя повести К.П. Масальского «Черный ящик» также была иконопись. Художники наделяют предметы изображения сакральным смыслом. Примечателен в этом плане эпизод повести К.П. Масальского — посещение живописца Петром Великим. Придя к Никитину, государь обращает внимание на картину — копию полотна Корреджо «Ночь» («Поклонение пастухов»). Петр рассматривает работу Никитина и комментирует:

Вот где родился *Спаситель мира, Царь царствующих* [здесь и далее в цитатах курсив наш. — К.Д.!] — сказал он вполголоса про себя, преданный размышлениям. — *Не в золотых палатах*, воздвигаемых суетностию и гордостию человеческою, а в хлеве, *посреди пастырей смиренных!* Не блещет вокруг него земное величие, а сам Он сияет величием небесным. Одни пастыри и мудрецы пришли поклониться Ему. Не раздаются поздравления льстецов, притворно радующихся, а уста ангелов возвещают Его славу небу, мир земле и благоволение человекам.

Думается, высказанные вполголоса размышления являются рефлексией: Петр говорит и о себе тоже, ассоциирует себя с Христом. «Спаситель мира <...> посреди пастырей смиренных» — это Петр, пересоздавший русский мир и не гнушавшийся «простой» работой рука об руку с подданными. Петр предстает в ипостаси спасителя, когда помогает сироте Марии и ее благодетелю старику Воробьеву, а также способствует успеху Никитина — устраивает при дворе

аукцион, на котором распродают все картины (копию Корреджо покупает сам царь).

Напомним, что изначально Никитин — иконописец, а трудом его последних лет (счастливая старость с Марией и детьми) становится портрет Петра. Автор замечает: «...каждый раз, принимаясь за кисть, благословлял в душе державного покровителя искусств и просвещения» [Полевой, 1989: 202]. Так иконописец молит Бога о напутствии и благословении перед началом работы. Искусство для Никитина становится знаком верности Петру, а образ императора им сакрализуется.

Часто в повестях о художниках возникает мотив сиротства. Сиротство проявляется как метафорически (непонимание близких в «Черной немочи» М.П. Погодина, «Живописце» В.Ф. Одоевского, «Живописце» Н.А. Полевого), так и прямо. Истории счастливого обретения семьи редки. Укажем, однако, два нетипичных случая «преодоления» сиротства.

Герой повести А.В. Тимофеева «Художник» — незаконнорожденный сын помещика. Он вырос в доме отца, не зная ни собственного имени, ни происхождения. С детства герой ощущал свою принадлежность иному миру: «...мне до сих пор кажется, что я не рожден, а брошен в здешний свет из какого-то духовного мира» [Тимофеев, 1989: 244]. Еще ребенком он увидел копию «Сикстинской Мадонны», которая пробудила в мальчике инстинкт художника. Повесть заканчивается полным разладом художника и окружения, он сходит с ума. Его главный труд — изображение Прометея — не приняли, посчитав заурядной поделкой. Это был первый толчок героя к сумасшествию. Вторым стала его встреча с нищенкой, рассказавшей, как когда-то родила от барина сына и подкинула священнику. Герой открыл тайну своего рождения, но потрясения заставили его отказаться от себя:

Боже мой, Боже мой! Куда мне скрыться от самого себя, от этого дикого, ненасытного, грозного «я»?.. Если бы оно могло уместиться во мне одном! Нет, ему этого мало; ему надобно вечную, непрерывную деятельность, силу и могущество!.. К чему эти кости, это тело — это слабое, немощное тело?! [Тимофеев, 1989: 313]

Сиротство здесь преодолевается лишь формально, встреча с матерью и обретение имени не приближают художника к гармонии, а лишь подчеркивают его фатальную инаковость.

Аркадий, герой повести Н.А. Полевого «Живописец», чувствует тот же разлад: «...судьба уводила меня в волшебный мир воображения и ссорила с миром действительным» [Полевой, 1989: 169]. Отец художника просит рассказчика, собирающегося в Петербург, отыскать там сына и сообщить о его состоянии; рассказчик знакомится с Аркадием и узнает историю его трагической любви и прочих

злосчастий. В конце повести Аркадий умирает от чахотки, но перед смертью просит рассказчика передать отцу одну из своих картин — «Спасителя, благословляющего детей»:

Вознося благословляющую руку над головою сего дитяти, другую обращал Спаситель к двум ученикам своим и, казалось, говорил им: «*Не возбраняйте детям приходить ко мне; для таких предназначил я царство небесное; только будучи невинен душою, как младенец, будешь со мною во славе отца моего на небесах!*» В стороне, отворотясь от детей, *стоял какой-то человек*. Его бледное лицо, его включенные волосы, морщины, прорезанные пылкими страстями на лице его, показывали, что это был не простой пастырь галилейский, но *страдалец, много испытанный*, прошедший бурную жизнь [Полевой, 1989: 234].

Передав картину отцу, рассказчик не сообщает о смерти сына. Полотно с изображением самого Аркадия в образе страдальца призвано заместить художника, довершить вечный сюжет о блудном сыне — в семью возвращается не он сам, а его картина.

Обретение семьи (и/или счастья) — весьма редкий для повести о художнике финал. Между тем в «Черной женщине» дело обстоит именно так. Прежде чем перейти к анализу «истории художника» у Н.И. Греча, укажем на еще один важный текст — рассказ В.И. Карлгофа «Живописец», воплотивший на русской почве поэтику бидермейера с его культом домашнего уюта и радостей повседневности. Герой говорит о себе:

Я живописец — это мое звание в обществе; я семьянин — это почетное достоинство в облагороженном человечестве; работа, любовь жены и счастье детей — мои требования, мои желания в будущем... [Карлгоф, 1989: 45]

Счастье Волхов обрел благодаря занятиям живописью. Отец его будущей жены дал благословение с условием, что Волхов станет художником. Волхов «в продолжение полугода беспрестанно упражнялся в живописи, надеясь приобрести некоторое право сделать предложение» [Карлгоф, 1989: 51] и, доказав свое мастерство искусно написанным портретом, получил руку любимой.

Текстами В.И. Карлгофа и Н.А. Полевого в русской прозе открывается серия повестей о художниках. Авторам удалось наметить одну из сильных оппозиций: «отверженный художник» — «художник-ремесленник». Образ художника в романе Н.И. Греча не вписывается в эту оппозицию, он ощутимо эклектичен. Андрей Федорович Бериллов — брат главного героя, князя Алексея Кемского. Они были разлучены в детстве, когда шайка Пугачева вторглась в имение и потребовала расправы над господами. Алексея спасли, а его брата унесла в лес кормилица. Однако, испугавшись преследования, женщина оставила ребенка в кустах. Попытки найти Андрея успе-

хом не увенчались, братья потеряли друг друга, казалось, навсегда. Священник села Берилова (от этого топонима происходит фамилия художника) обнаружил ребенка в овраге и принял в свою семью. Герой, с детства охваченный страстью к рисованию, поступил в Академию художеств. Спустя годы братья встретились (разумеется, не догадываясь о родстве) у капитана Вышатины и подружились.

Как помним, сиротство художника — устойчивый мотив жанра. Берилов не раз вспоминал о своей безродности: «Я вырос в свете круглым сиротою. Меня отдали в академию на седьмом году: как это было, что происходило прежде того, не знаю. Помню только, что чувство сиротства терзало меня с самых нежных лет» [Греч, 1990: 282]. Далее мы покажем, как Н.И. Греч работает с привычным клише, а пока остановимся на других типовых приметах художника, получивших в «Черной женщине» своеобразную трактовку.

Берилов — не отверженный творец, он окружен преданными друзьями; быт Берилова был расстроен, но друзья нашли экономку, которая «вымыла, выскребла, вычистила приют гения; одела его самого в благопристойный сюртук, научила пить чай и кофе в надлежащее время, кормила сытным обедом и прятала лишние его деньги» [Греч, 1990: 86]. Вместо непонимания света в романе Н.И. Греча — недовольство квартального и экономки, но и она «привыкла к странностям своего хозяина и бранилась с ним только тогда, когда он на картинах своих изображал не одетых женщин и сиделся на извозчиков без ряды» [Греч, 1990: 86].

Поведение Берилова в обществе также отлично от «канона»: «...он был скромн, тих, покорен, даже слишком учтив пред людьми знатными и богатыми, доколе речь шла о чем-нибудь, кроме искусства» [Греч, 1990: 85]. Неистовствовал художник лишь в разговорах о живописи.

В оценке повествователя Берилов — человек с «ограниченными <...> познаниями и образованием, бесхарактерный и бестолковый» [Греч, 1990: 86]. Наивный простак и неистовый защитник чистого искусства — вот концептуальный каркас, по которому Н.И. Греч создает своего героя, скрепляя уже выработанные концепции «романтического гения». Однако в «Черной женщине» назначение художника принципиально отличается от избранного героями романтических повестей. Отрешенность, стремление в идеальный мир в Бериллове практически редуцированы. Главные черты героя — острое чувство справедливости, простота (свойства эти не чужды и героям романтическим, однако акценты в «Черной женщине» расставлены иначе, чем в повестях о художниках В.Ф. Одоевского, Н.А. Полевого, А.В. Тимофеева, К.П. Масальского и др.).

Роль картин в «Черной женщине» существенно отличается от обычной для прозы 1830-х гг., где полотна были знаками отчаянного одиночества гения (В.Ф. Одоевский, Н.А. Полевой, А.В. Тимофеев) или способом вмешательства демонических сил («Портрет» Н.В. Гоголя, «Штосс» М.Ю. Лермонтова). Н.И. Греч описывает два полотна. Первое — пейзаж, начатый Кемским по воспоминаниям из детства. Берилов берется дописать его и делает это с невероятной точностью. Увидев законченную картину, Кемский словно переносится «в то незабвенное место», где прошло детство его и брата (тайна происхождения Берилова открывается героям позднее).

Другая картина — портрет дочери Берилова Надежды в младенчестве. Как выясняется, Надежда — не дочь Берилова (за которую он девушку выдает) и не приемыш неведомого происхождения (как сам он думает), но племянница художника, дочь Кемского. Всякий раз, глядя на портрет, Кемский испытывает необъяснимые чувства:

Князь неподвижно сидел в креслах, оставив глаза на портрет дочери Берилова. В глазах его выразалось внутреннее брение, мускулы лица иногда приходили в движение, но дыхание его было свободно, и ни один вздох не вырывался из груди [Греч, 1990: 281].

Экфрасис в романе сведен к минимуму, описания картин заменены свидетельствами об их предчувствии: «...этот ландшафт, который я вижу на бумаге! Вижу, сударь, вижу! — вскричал он, оборотясь к Кемскому. — Вижу его в моей душе, и вы вскоре увидите его на деле! Вскоре, то есть... ну, все равно! Только увидите!» [Греч, 1990: 88].

Картины в «Черной женщине» — это знаки интуитивно угадываемого кровного родства. Берилов «по внушению неизвестного ему тайного чувства» [Греч, 1990: 298] спасает дочь Кемского, пишет с нее чудесный портрет и называет своей дочерью.

В повествовании о художнике в романе Н.И. Греча нет музыки, Берилов служит искусству вообще, идеальному миру, который позволяет достичь счастья и гармонии в жизни действительной. Таким образом, искусство в романе «Черная женщина» — это не столько пристанище одинокого живописца, сколько способ *обретения* (прежде всего семьи), утверждения в посюстороннем мире. Такая трактовка образа живописца связана со стремлением преодолеть шаблоны романтической повести. На фоне прозы о художниках история Берилова выглядит почти исключительной. Вместо фатального разрыва с действительностью — счастливое обретение семьи и спокойная смерть. Заметим, что именно перед смертью Берилору дано видение:

— Вижу, — говорил он протяжно, — вижу берег, конец. Вижу *эту* картину, не я писал ее, но я ее помню. Вот они — бегут за нами, злодеи!

Нянюшка, спаси меня! Не бросай — ах! Страшно, страшно! Падаю, лечу! — Он умолк, зажмурил глаза. Через минуту открыл их, увидел, узнал князя [Кемского. — *К.Д.*] и сказал тихо: — Ах! Это ты, друг мой! Приди ко мне в последний раз! — Он протянул к нему руки. Князь обнял его. — Как я рад, что еще раз тебя увидел, — слабым голосом произнес Бериллов, — теперь все кончено! Прости! — Он покотился на изголовье. Послышалась хрипота предсмертная. Бледность покрыла его лицо [Греч, 1990: 285].

Эта ненаписанная картина — эпизод из детства, когда шайка Пугачева напала на имение Кемских и братья-младенцы были разлучены. Таким образом, граница искусства, которое на протяжении всего романа было мистическим проявлением связи героев, и действительности окончательно размывается в тот момент, когда Бериллов умирает, понимая, что Кемский — его брат.

Итак, в характере Берилова Н.И. Греч сводит две концепции художника. С одной стороны, это герой, преданный чистому искусству, чужак, презирающий любое «вознаграждение» за работу, с другой — Бериллову не свойственны отрешенность, творческое пребывание в «ином» мире высоких образов, куда других художников увлекают музы и мифологические/библейские/исторические герои. Его сиротство счастливо преодолевается, он обретает брата и умирает в спокойствии и гармонии с миром («романтические» живописцы покидают мир отверженными). Однако такое расхождение не дает оснований встроить Берилова в ряд счастливых художников В.И. Карлгофа («Живописец») или К.П. Масальского («Черный ящик»). Препятствие для этого — мистическая «интуиция», которая ведет героя на протяжении романа. Угадывание родства — важный рефлекс фантастической прозы (романа тайн, или готического романа XVIII в.), и Бериллов обладает этим даром.

В заключение укажем на еще одну специфическую черту повестей о художнике — демонизм. Его источником становится портрет («Портрет», «Штосс») или таинственный помощник, в сделку с которым вступает герой («Импровизатор»). Подобное вмешательство потусторонних сил связано с желанием заполучить душу художника. В романе Н.И. Греча мистическое играет иную роль. Призрак черной женщины нагружен обратной семантикой — это «милый призрак» (так называет его Кемский), он является князю и как предостережение, и как знак будущего счастья (предсказывает встречу с братом). При этом Бериллов не видит призрака, черная женщина является только Кемскому, что вполне закономерно: если для Кемского посланником Провидения становится черная женщина, то для Берилова — его инстинкт, артистическая чуткость, благодаря которой он воссоздает *картины* прошлого.

Экспериментируя с жанровой структурой «Черной женщины», Н.И. Греч предлагает свой извод образа художника. Автор лишь отчасти следует традиции повестей 1830-х годов и корректирует характер в соответствии с общей повествовательной установкой. Нравописательские тенденции проявлены в «Черной женщине» с большей силой, нежели фантастические. Художник в романе Н.И. Греча — второстепенный герой, ввиду чего его романтический ореол несколько приглушен. Развиться в полноправного героя романа художнику было суждено позднее (самый яркий пример — «Обрыв» И.А. Гончарова). При этом уже в 1830-е годы В.К. Кюхельбекер работал над романом о художнике, но его «Последний Колонна» опубликован лишь в 1937 г.

Список литературы

- Борзова Л.П.* Повесть о художнике в русской прозе 30-х годов XIX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999.
- Ботникова А.Б.* Романтическая традиция и формы ее художественного переосмысления (Гофман и Гоголь) // Вопросы поэтики литературы и фольклора. Воронеж, 1976. С. 88–105.
- Греч Н.И.* Черная женщина // Три старинных романа: В 2 кн. Кн. 2. М., 1990.
- Карлгоф В.И.* Живописец // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века. Л., 1989.
- Карлгоф В.И.* Портрет // Повести и рассказы. СПб, 1832.
- Маркович В.М.* Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: Сб. произведений. М.; Л., 1989.
- Масальский К.П.* Черный ящик. СПб, 1853.
- Полевой Н.А.* Живописец // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века. Л., 1989.
- Тимофеев А.В.* Художник // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века. Л., 1989.

Kristina V. Davydova

THE STORY OF AN ARTIST IN N. GRECH'S *THE BLACK WOMAN*

*National Research University «Higher School of Economics»
21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066*

This article aims to analyze the image of an artist in the novel *Chernaja Zhenshnina* by N.I. Gretsche. Studying a character in the context of novels about

the artist enables to comprehend this literary type better. The opposition «outcast artist» — «artist-craftsman» is crucial for the narration about art in the Russian prose of the 1830s. The image of artist in Gretsč's novel does not fall into this opposition, it is eclectic. The main character of the novel, artist Berilov, does not belong to outcast creators, his social behaviour differs from the romantic canon. The main role of paintings in the novel is also in conflict with the prose of the 1830s, where canvases were the symbol of desperate solitude in a genius, or they were the manner of demonic intervention. The paintings in «Chernaja Zhenshhina» are symbols of intuitively guessed kinship: Berilov «recalls» his childhood while painting the landscape and still life and he sees the light and discovers his blood relation with Kems kij. Having overcome orphanhood, the main character finds his brother and peacefully passes away, whereas «romantic» painters expire outcasted. However, this discrepancy has no ground for setting Berilov in a row of happy painters depicted by V.I. Karl'gof and K.P. Masal'skij. The main obstacle for that is mystical intuition which guides the character in the course of the novel. This insight has become a merger of two traditions to comprehend the image: the early period of German Romanticism and the Biedermeier period. Gretsč provides his artist with typical features but he rejects some key points.

Key words: novella about the artist; artist; portrait; painting; N.I. Gretsč; «Chernaja zhenshhina».

About the author: *Kristina V. Davydova* — Graduate Student at the Higher School of Economics, Department of Humanities, School of Philology (e-mail: davydova.kr@gmail.com).

References

- Borzova L.P. *Povest' o hudozhnike v russkoj proze 30-h godov XIX veka: Avtoref. diss.* Saratov, 1999. (In Russ.)
- Botnikova A.B. Romanticheskaja tradicija i formy ee hudozhestvennogo pereosmyslenija (Gofman i Gogol'). *Voprosy poetiki literatury i fol'klora.* Voronezh, 1976, pp. 88–105. (In Russ.)
- Grech N.I. Chernaja zhenshhina. *Tri starinnyh romana.* In 2 vol. Moscow, 1990, vol. 2. (In Russ.)
- Karl'gof V.I. Zhivopisec. *Iskusstvo i hudozhnik v russkoj proze pervoj poloviny XIX veka.* Leningrad, 1989. (In Russ.)
- Karl'gof V.I. Portret. *Povesti i rasskazy.* SPb, 1832. (In Russ.)
- Markovich V.M. Tema iskusstva v russkoj proze jepohi romantizma. *Iskusstvo i hudozhnik v russkoj proze pervoj poloviny XIX veka: Sb. proizvedenij.* Moscow; Leningrad, 1989. (In Russ.)
- Masal'skij K.P. *Chernyj jashhik.* SPb, 1853. (In Russ.)
- Polevoj N.A. Zhivopisec. *Iskusstvo i hudozhnik v russkoj proze pervoj poloviny XIX veka.* Leningrad, 1989. (In Russ.)
- Timofeev A.V. Hudozhnik. *Iskusstvo i hudozhnik v russkoj proze pervoj poloviny XIX veka.* Leningrad, 1989. (In Russ.)

О.А. Воробьева

**Л.А. МЕЙ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
«РУССКОЕ СЛОВО»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В настоящей статье предпринята попытка восстановить историю сотрудничества поэта Л.А. Мея с журналом «Русское слово», который принадлежал графу Г.А. Кушелеву-Безбородко. Особое внимание уделено спорному вопросу о том, какие задачи Л.А. Мей выполнял в этом издании: принимал ли он участие в редактировании книжек журнала или был рядовым сотрудником? На основании воспоминаний современников и материалов, относящихся к редакции, выявлены доказательства, которые указывают на то, что, несмотря на близкие отношения с главой журнала, поэт никогда не занимал руководящую позицию в нем и не предпринимал усилий для того, чтобы занять. Также проводится мысль, что поэт в силу своих привычек и характера не годился на роль редактора печатного предприятия, это подтверждается репутацией, которую он имел в литературных кругах. В статье перечислены материалы Л.А. Мея, вышедшие на страницах «Русского слова»; обозначена его литературная позиция; отдельно обращено внимание на посмертную публикацию поэта в журнале («Энни Лехроэн» (1863 г.) — перевод шотландской легенды), когда владельцем его был уже Г.Е. Благодетель, изменивший редакционную программу не в пользу «чистого искусства». Наличие этой публикации в «Русском слове» позволяет предполагать, что несмотря на программные и кадровые изменения в журнале дальнейшее участие Л.А. Мея в нем могло быть возможным. Кроме этого, в статье представлено доказательство, что автором анонимной статьи «Стихотворения Л. Мея», напечатанной в первой книжке «Русского слова», был Я.П. Полонский.

Ключевые слова: Л.А. Мей; «Русское слово»; граф Г.А. Кушелев-Безбородко; Я.П. Полонский; А.А. Григорьев; Г.Е. Благодетель; история сотрудничества; российская журналистика; атрибуция текста.

1

Журнал «Русское слово» вошел в историю прежде всего как леворадикальное издание, редактором которого был Г.Е. Благодетель.

Воробьева Оксана Александровна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: erhalten@inbox.ru).

При нем с середины 1860 г. редакция стала пополняться видными сотрудниками, среди которых оказались Д.И. Писарев и В.А. Зайцев. Эти авторы прославили журнал не только отдельными хлесткими статьями, но и участием в громкой полемике с журналом «Современник». Публичный спор 1863—1865 гг. получил название «раскол в нигилистах» и стал ярким эпизодом в истории обеих редакций, но особенно — молодого «Русского слова». Этим обусловлен интерес, проявленный исследователями к благосветловскому периоду существования журнала. Однако успех «Русского слова» под руководством Г.Е. Благодетельова вряд ли мог быть возможен, если бы в этот журнал не были вложены средства и силы основателя и первых сотрудников, роль которых до сих пор мало изучена.

Напомним, что журнал «Русское слово» основал петербургский меценат граф Г.А. Кушелев-Безбородко. Запрос о дозволении издавать новый журнал в Санкт-Петербургский цензурный комитет он направил 2 ноября 1856 г. В тот же день комитет уведомил, что со своей стороны не видит препятствий к осуществлению издательского проекта. Окончательно вопрос решился 24 декабря того же года, когда разрешение было подписано в Министерстве народного просвещения [см.: РГИА. Ф. 777. Оп. 2. 1856 г. Д. 112]. Однако первая книжка журнала вышла гораздо позже — только в январе 1859 г. До прихода Г.Е. Благодетельова в «Русское слово» редактировать журнал графу помогали Я.П. Полонский, А.А. Григорьев, А.И. Хмельницкий. В числе тех, кто не входил в состав управления редакцией, но принимал активное участие в отборе сотрудников и материалов, были Е.Ф. Моллер (фельетонист «Русского слова») и поэт А.Н. Майков. Неоднозначное мнение представлено в отношении Л.А. Мея (этот вопрос мы подробно осветим в основной части статьи). Кем он был — рядовым сотрудником или редактором? Разногласие в этом вопросе свидетельствует о том, что история сотрудничества Л.А. Мея с «Русским словом» нуждается в подробном освещении. До сих пор этого не было сделано. Исчерпывающих сведений об участии Л.А. Мея в «Русском слове» нет в монографиях, посвященных журналу: Л.Э. Варустин пишет о нем мимоходом [Варустин, 1966: 13], а Ф.Ф. Кузнецов и вовсе не упоминает [Кузнецов, 1990]. В недавней статье о редакции Л.А. Мею отведен небольшой фрагмент, который нуждается в дополнительных уточнениях [Корнацкий, 2016: 25—27]. Такое положение дел дает нам повод утверждать, что за информацией об этом периоде жизни поэта необходимо обращаться к материалам, написанным еще современниками: П.В. Быковым [Быков, 1911], В.Р. Зотовым [Зотов, 1887], С.В. Максимовым [Мак-

симов, 1989], А.П. Милоковым [Милоков, 1883], Я.П. Полонским [Полонский, 1896], А.Г. Полянской [Полянская, 1911а; Полянская, 1911б], Е.А. Штакеншнейдер [Штакеншнейдер, 1934] и др.

2

До «Русского слова» Л.А. Мей сотрудничал со многими журналами. В их числе отметим крупные: «Москвитянин», «Библиотека для чтения», «Сын Отечества», «Отечественные записки», «Современник».

В 1853 г. из Москвы поэт отправился ненадолго в Санкт-Петербург, но обстоятельства сложились так, что столица стала постоянным местом его жительства [подробнее см.: Полянская, 1911а: 351–352]. Л.А. Мей довольно быстро вошел в литературные круги Петербурга. Укреплению деловых связей способствовало знакомство поэта с семьей архитектора А.И. Штакеншнейдера и графиней Е.Ф. Юнге (урожденной Толстой)¹. Позже известные лица стали собираться и в квартире поэта: «Тургенев, Гончаров, Михайлов, Крестовский, Максимов, Пыпин, Чернышевский, поэты — Майков, братья Курочкины, Щербина, будущий известный художник Микешин» [Сергиевский, 1913: 18]. Не прошло бесследно и москвитянинское прошлое: поэт продолжал поддерживать связь с А.А. Григорьевым, А.Н. Островским, Е.Н. Эдельсоном, которые тоже стали публиковаться в столичных журналах.

Большой круг общения с литераторами не предоставляет сведений о том, когда именно и через кого Л.А. Мей был отрекомендован Г.А. Кушелеву-Безбородко. Сохранившиеся воспоминания указывают лишь на то, что после переезда в столицу поэт довольно быстро стал постоянным участником графских вечеров, описание которых встречается у современников. Мы намеренно не будем углубляться в обстановку этих вечеров, перечислим только литературу, где в красках передано происходившее в доме у графа [Боборыкин, 1965: 232; Григорович, 1987: 142–143; Лейкин, 1907: 133–134, 194; Тютчев, 1914–1917: 201–202; Фет, 1992: 132–133²].

¹ Л.П. Шелгунова вспоминала: «В Петербурге в это время, то есть в 1855/56 году, были две дамы, любительницы литературы. Одна из них графиня Толстая, а другая — Марья Федоровна Штакеншнейдер, жена придворного архитектора. Эти обе дамы собирали в своих салонах не только выдающихся литераторов, но и вообще всех людей, чем-нибудь прославившихся» [Шелгунова, 1967: 61]. Среди постоянных гостей упоминается и Л.А. Мей.

² В мемуарах А.А. Фета есть фрагменты, касающиеся графа Г.А. Кушелева-Безбородко. В них встречаются неточности, этому посвящена наша статья [Воробьева, 2018а]. Однако описание беспорядков, происходивших в доме графа, сходится со свидетельствами других современников.

У Мея и Кушелева-Безбородко было много общего. Помимо одного круга общения и интереса к изящной литературе поэта и мецената связывало место учебы — оба они окончили Царскосельский лицей [Полянская, 1911а: 354]. Интересы будущих приятелей сошлись и на игре в шахматы. Г.А. Кушелев-Безбородко был профессиональным игроком — об этом свидетельствует его статус почетного члена шахматных клубов Вены, Парижа и Рима. Он устраивал в своем доме на Гагаринской набережной шахматные собрания, а в 1853 г. стал сооснователем «Общества любителей шахмат» [Шахматы, 1990: 189]. Позже туда вступил и Л.А. Мей. О том, что для графа шахматы не были просто развлечением, говорит и тот факт, что в журнале «Русское слово» в конце каждой книжки он помещал «Шахматный листок», в котором освещались турниры, анализировались разыгранные партии, предлагались задачи. Л.А. Мей не был столь влиятельной фигурой в шахматном мире, однако в коротких отрывках из его дневника неоднократно упоминается это увлечение: «Играл в шахматы по 50 к., разошлись вничью. У графа было двумя играми больше; но — кажется — я лучше его играю» [Зотов, 1887: XXXIV]. Р.В. Зотов вспоминал о поэте как об одном из лучших игроков своего времени, который даже разработал целый курс игры по шахматам, так и оставшийся неопубликованным [Зотов, 1887: X].

Дружеские отношения поэта с графом со временем только укреплялись, о чем свидетельствуют взаимные посвящения. Г.А. Кушелев-Безбородко посвятил Л.А. Мею «Рассказ моего соседа», опубликованный под псевдонимом Грицко Григоренко, и сочинил музыку на стихотворение Л.А. Мея «Ты печальна» [см. примечание: Полянская, 1911а: 352]. А поэт посвятил графу следующие произведения: «Цветы» (1855), «Церера» (1858), «С картины Ораса в Верне» (1861). М.Л. Гаспаров и А.Л. Осповат отмечают, что в шутовском стихотворении «Арашка» (1858) есть сходства с родословной графа [Русские писатели, 1800–1917, Т. 3: 567]. Кроме этого о Г.А. Кушелеве-Безбородко и его отце — Александре Григорьевиче — Л.А. Мей написал биографические справки, предназначенные для сборника по истории Лицея князя Безбородко [см.: Мей, 1859: 47–62]. Именем Л.А. Мея подписана статья о Григории Александровиче, опубликованная в похожем сборнике за 1881 г. Статья кем-то дорабатывалась, так как заканчивается она словами о смерти Г.А. Кушелева-Безбородко, который скончался в 1870 г. [см.: Мей, 1881: 178], пережив на восемь лет автора этого материала, — Л.А. Мей умер в 1862 г.

В скудных фрагментах из дневника Л.А. Мея можно почерпнуть информацию о журнале «Русское слово». Так, 15 ноября 1856 г. поэт записал: «Был у Кушелева. Его журнал откладывается до следующего года» [Зотов, 1887: XXXIII]. Неудивительно, что ход подготовки издания Г.А. Кушелева-Безбородко был известен Л.А. Мею. Судя по записям поэта, в ноябре 1856 г. он был у графа почти каждый день, а летом 1857 г. вместе с супругой он жил в Кораллове — на подмосковной графской даче. Материальное положение, в котором находились Меи, не позволяло отказываться от предложений временно пожить у друзей. С.В. Максимов вспоминал, что поэт после переезда в Санкт-Петербург «присоединился прямо к этому журнальному органу [«Библиотеке для чтения». — *О.В.*] и на первых порах даже поселился в квартире радушного редактора, выехавшего на лето на дачу» [Максимов, 1989: 346]. Когда Л.А. Мей съехал, его ждали «почти пустая квартира и пустой полуштоф на покачнувшемся столе. <...> продырявленный диван, пустой шкаф и этот стол с полуштофом на нем, больше ничего» [Штакеншнейдер, 1934: 129]. Н.Н. Сергиевский тоже писал, что Л.А. Мей «часто испытывал острую денежную нужду» [Сергиевский, 1913: 25]. Я.П. Полонский вспоминал, что Л.А. Мею приходилось работать за кухонным столом по ночам: «Это был единственный писатель, у которого не было ни кабинета, ни уютного уголка для работы» [Полонский, 1896: 106]. Доходило до того, что «не имея на что купить дров, он, в присутствии двух приятелей, принес из кухни топор и изрубил на поленья шкаф орехового дерева — приданое жены³» [Зотов, 1887: XXVIII].

Выбраться из бедности поэту помогал Г.А. Кушелев-Безбородко: «Из всех окружавших и посещавших гр. Григория Александровича он больше всех любил Льва Александровича и делал для него все, что от него зависело» [Полянская, 1911а: 355]. Возможности графа позволяли поддерживать поэта в качестве издателя. Весной 1858 г., еще до выхода «Русского слова», Я.П. Полонский писал Л.П. Шелгуновой, что он считает несправедливо большим гонорар за «Псковитянку», которая обошлась Г.А. Кушелеву-Безбородко в 1553 р.: «Мей за каждую строчку своей драмы взял по 50 к., разумеется, пользуясь его [графа. — *О.В.*] отсутствием» [см.: Полонский, 1904: 2]. Позже граф принялся за издание трехтомного собрания сочинений

³ А.Г. Полянская утверждает, что это ложь. Однако информация о готовности изрубить шкаф встречается и у А.П. Милюкова [см.: Милюков 1883: 106–107]. Как родственнице поэта А.Г. Полянской могли быть просто неприятны такие подробности из частной жизни Л.А. Мея, которые выносились на публику [см.: Полянская, 1911а: 78].

поэта (1862–1863). Такая щедрость, однако, была не единичным примером⁴.

Об участии Г.А. Кушелева-Безбородко в судьбе Л.А. Мея есть и противоположное мнение. Постоянные кутежи и легкая жизнь при графе затягивали поэта, хотя он тосковал по независимости и продолжал изыскивать средства, чтобы упрочить свое материальное положение» [Бухмейер, 1985: 8–9]. И еще: «Смена роскошных пиров скромною, будничною обстановкою вредно действовала на натуры, стремившиеся не к одним эстетическим наслаждениям. Излишества губительно влияли на неокрепшие еще организмы молодежи вокруг молодого лицеиста [Г.А. Кушелева-Безбородко. — *О.В.*], и многие из его кружка поплатились безвременною кончиною за свои увлечения. Мей был в этом числе. Крепкая натура его могла выносить лишения, но не вынесла излишеств» [Зотов, 1887: XXVIII].

4

Материалы Л.А. Мея появились уже в первой книжке «Русского слова». В журнале он публиковался с 1859 по 1861 г. За это время на страницах издания вышли следующие его произведения:

- Графиня Монтэваль. Легенда (1859. № 1, отд. I, С. 137–142);
- Песня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую. Посвящается князю Петру Андреевичу Вяземскому (1859. № 3, отд. I, С. 203–220);
- Эндорская прорицательница. Стихотворение (1859. № 4, отд. I, С. 176–178);
- Дома. Из Гейне. «Die Heimkehr» (1859. № 5, отд. III, С. 48–50);
- Испанские Атриды. Из Гейне (1860. № 8, отд. I, С. 270–278);
- Где ты? Стихотворение (1861. № 2, отд. I, С. 44);
- Афинской девушке. Из Байрона (1861. № 5, отд. I, С. 34);
- Скажите, зеленые глазки. Стихотворение (1861. № 6, отд. I, С. 68);
- С картины Ораса Верне. Посвящается графу Григорию Александровичу Кушелеву-Безбородко (1861. № 7, отд. I, С. 1–2);
- Обман. Стихотворение (1861. № 8, отд. I, С. 36–38);
- Солнечный луч. Стихотворение (1861. № 10, отд. I, С. 68–70).

⁴ Богатый граф, не интересуясь издательским рынком, предлагал завышенные гонорары, за что не раз становился объектом упреков и надувательств [см.: Кузнецов, 1990: 92–93; Шелгунова, 1967: 114]. Характерна в этом отношении и история его взаимодействия с Ф.М. Достоевским, который, пользуясь расположением владельца «Русского слова», пытался извлечь из этого сотрудничества наибольшую материальную выгоду [подробнее см.: Воробьева, 2017].

Отдельно стоит отметить перевод шотландской легенды «Энни Лехроэн», опубликованный посмертно (1863. № 1, отд. I, С. 38–42).

Как видно по библиографии, произведения Л.А. Мея в основном публиковались в первом отделе журнала. Туда помещалась словесность: проза и стихотворения отечественных авторов.

Л.А. Мея традиционно относят к сторонникам «чистого искусства», и не без оснований. А.П. Милюков писал, что поэт был равнодушен к тому, что происходило в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в.: «Для него дороже всего было искусство, и в воззрении на него он близко сходилась с покойным Дружининым. Современные общественные вопросы мало занимали его, а политическими событиями он интересовался еще меньше. Когда заходил бывало разговор на подобную тему, он или уклонялся от него, или старался свести его на литературу» [Милюков, 1883: 109]. «Мей не сочувствовал новым идеям и скорее умер бы голодной смертью, чем написал хотя бы одну строчку, противную своим убеждениям», — считала А.Г. Полянская [Полянская, 1911а: 72]. Нужно учесть, что этот биограф писала сквозь призму увиденного ею уже после смерти Л.А. Мея, поэтому она могла несколько преувеличивать, говоря: «Поэзия, как старая мода, казалась уже смешной и не нужной роскошью. Редакторы газет и журналов печатали только современное; каждая бездарность, проводившая известные мысли, возводилась в первоклассные таланты, требовалась *злоба дня* [курсив в тексте. — *О.В.*] и вздохи о младших братьях» [там же]. Нам же представляется, что Л.А. Мей не застал пика, когда поэзия «изгонялась из литературы» [там же]. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что посмертная легенда поэта вышла в «Русском слове» в 1863 г. — уже после того, как журнал окончательно перешел в руки Г.Е. Благодетелю и приобрел радикальную направленность.

5

Из дневника Л.А. Мея становится ясно, что поэту с самого начала было известно о ходе подготовки журнала к изданию. Претендовал ли он на место редактора в «Русском слове»? В критико-биографическом очерке П.В. Быкова к двухтомному полному собранию сочинений Л.А. Мея написано: «Он [граф. — *О.В.*] материально помогал ему [Л.А. Мею. — *О.В.*] и одно время предоставил даже (вместе с А.А. Григорьевым) редактирование «Русского Слова» [Быков, 1911: 31]. В статье С.И. Кормилова встречается похожее мнение: «Вначале М. помогал Григорьеву как соредактору (наряду

с Полонским) журнала, с изменением направления журнала продолжал в нем печататься» [Кормилов, 1990: 25–26]. А.Г. Полянская в воспоминаниях четко прописала, что «Мей никогда не был редактором «Русского Слова», он был только сотрудником и приятелем гр. Кушелева» [Полянская, 1911а: 355]. Мы не можем считать одно из противоположных мнений более достоверным, поскольку в воспоминаниях А.Г. Полянской мы обнаружили некоторые неточности⁵, а П.В. Быков и вовсе имел привычку выдавать многих писателей за своих знакомых [см.: Русские писатели, 1800–1917. Т. 1: 382]. Тем не менее мы не исключаем того, что А.Г. Полянской как родственнице могли быть известны подробности об участии поэта в редакции графа, а П.В. Быкову о Л.А. Мее мог рассказать Г.Е. Благовосветлов. Факт знакомства с этим редактором «Русского слова» подтверждается документально [там же]. В связи с указанными причинами мы видим необходимость представить другие сведения, которые способны поставить точку в этом спорном вопросе.

В февральской Инструкции редакции за 1859 г., в которой граф прописал круг прав и обязанностей ведущих сотрудников, входивших в штат по изданию, о Л.А. Мее не сказано ни слова, хотя конкретные имена там есть: сам главный редактор — Г.А. Кушелев-Безбородко, Я.П. Полонский, А.А. Григорьев, Е.Ф. Моллер, Сидоров (без инициалов в тексте. — *О.В.*), И.Ф. Горбунов⁶, М.Б. Букин [Звенья, 1932: 312]. В объявлениях журнала и в словах «От редакции» Л.А. Мей не фигурировал в качестве редактора. И в книжках «Русского слова» с 1859 по 1861 г. поэт появлялся только в качестве рядового автора.

Можно предположить, что Л.А. Мей был негласным редактором, как, например, Е.Ф. Моллер, который искал сотрудников для журнала в 1857 г. [об этом см.: Воробьева, 2018b]. Однако нет ни одного письма или воспоминания, где было бы сказано, что поэт собрал материалы или пригласил в редакцию кого-нибудь из авторов. Допустимо что Г.А. Кушелев-Безбородко только рассматривал фигуру Л.А. Мее в качестве редактора. Это могло произойти в середине 1859 г., когда конкуренция между Я.П. Полонским и А.А. Григорье-

⁵ А.Г. Полянская оспаривает информацию о том, что Л.А. Мей не был знаком с рядом журналистов, например с Е.Ф. Моллером. Однако в дневнике Штакеншнейдер, в доме которой устраивались театральные постановки, записано: «Была опять репетиция, и Мей опять привезли еще новое лицо; скольких уже навезли нам они! <...> В субботу же на репетицию привезли они также одного, Моллера Егора» [Штакеншнейдер, 1934: 96]. Также см. историю про шкаф, описанную ранее.

⁶ В «Звеньях» напечатано «Н.Ф. Горбунов». Это опечатка, в это время корректором в журнале был И.Ф. Горбунов [Григорьев, 1999: 215].

вым стала приобретать крайние формы [о внутривыпускной борьбе см.: Варустин, 1966: 26–28]. Однако сам граф писал: «... полагал бы еще удобным предложить вам в сообщество с третьим лицом, который бы мог принять в свое ведение чисто ученую часть журнала как в первом отделе, так и в смеси. *Это лицо мною вовсе еще не выбрано* [курсив наш. — О.В.], а потому я ничего не могу положительно сказать об условиях, которые бы я ему предложил и об обязанностях, которые бы ему поручил» [Звенья, 1932: 316]. Третий редактор так и не был принят в журнал: в середине 1859 г. редакцию покинул Я.П. Полонский, его место занял А.И. Хмельницкий, который позже добился ухода из издания А.А. Григорьева.

Примечательно, что уже в начале февраля 1860 г. И.С. Тургенев обсуждал с А.Н. Островским планы Л.А. Мея издавать собственную газету «Мирское слово»: «Он [Л.А. Мей. — О.В.] хочет издавать журнал с помощью денег Демидова — и хочет, чтоб мы присутствовали при свидании» [Тургенев, 1987. Т. 4: 171–172]. Однако А.Г. Полянская написала, что спонсировать этот проект хотел граф: «По расчету, для первоначальных издержек требовалось 3000 рублей, которые гр. Кушелев давал» [Полянская, 1911а: 73]. Вряд ли Г.А. Кушелев-Безбородко стал бы помогать одному из своих ведущих сотрудников издавать собственную газету, когда тот уже редактирует его журнал.

Стоит уделить внимание и репутации Л.А. Мея в литературных кругах. Еще 18 октября 1856 г.⁷ Е.Я. Колбасин передавал И.С. Тургеневу: «Кушелев-Безбородко затевает какой-то критико-литературный журнал. <...> Но так как сюда замешался Мей, то вряд ли что-нибудь тут выйдет» [Колбасин, 1930: 290]. Эта запись тоже свидетельствует о том, что Л.А. Мей стоял у истоков основания журнала, однако из этого письма не следует, что он мог занимать в редакции руководящую роль. В письме зафиксирована характеристика Л.А. Мея — ненадежность. Подобное встречается и в «Соннике современной русской литературы», подготовленном Н.Ф. Щербиной. Он описывал Л.А. Мея как неудачливого литератора: «Мей во сне видеть — предвещает аркадски возыметь упорное и продолжительное намерение без денег издавать журнал политики, словесности, наук, искусств и художеств» [цит. по: Рейсер, 1956: 304]. А.П. Милюков подчеркивал характерную необязательность

⁷ Л.Э. Варустин в качестве первого свидетельства о замысле Г.А. Кушелева-Безбородко издавать журнал упоминает его письмо к Н.Ф. Щербине от 31 октября 1856 г., однако, как видно из содержания письма Е.Я. Колбасина И.С. Тургеневу, уже в середине октября в литературных кругах обсуждали перспективу этого издания и даже его возможных участников.

Л.А. Мея. Однажды поэт должен был прочитать новое стихотворение на сцене, о чем заранее было извещено на афише. Перед публикой он появился в приподнятом из-за вина настроении, не дочитав до конца произведение, стал извиняться: «Не взывайте, господа! Я это стихотворение забыл, а книжки с собой не взял... Все равно: прочту что-нибудь другое» [Милуков, 1883: 108]. Но и новая попытка оказалась провальной: «Дальше не помню! Позвольте... что бы такое взять» [Милуков, 1883: 109]. За этим последовало третье стихотворение, однако и оно не было дочитано до конца. Есть воспоминание и Я.П. Полонского, который писал, что Л.А. Мей осознанно не брался за ответственную работу, выполнить которую «он бы никак не мог, ни по своим роковым для него привычкам, ни по своей неаккуратности» [Полонский, 1896: 107].

Нам представляется, что на роль редактора в «Русском слове» Л.А. Мей сам не претендовал, и вряд ли в таком человеке граф видел редактора своего журнала.

Ответить на вопрос, редактировал ли Л.А. Мей журнал, могли бы два других редактора: Я.П. Полонский и А.А. Григорьев. Ф.Ф. Кузнецов указывал, что у А.А. Григорьева были планы на базе «Русского слова» развить учение журнала «Москвитянин» [Кузнецов, 1990: 19]. Однако вызывает сомнение, что А.А. Григорьев видел в поэте единомышленника и рассчитывал на его поддержку, поскольку после ухода из «Русского слова» в августе 1859 г. он писал М.П. Погодину: «Боже мой! Вспомните, что весь этот год я работал один, работал с врагами, а не с друзьями. Из друзей — Эдельсон разразился маленькой статейкой о “Тысяче душах”» [Григорьев, 1999: 231]. Л.А. Мея А.А. Григорьев не упоминает.

Я.П. Полонский в воспоминаниях о Л.А. Мее почти не затронул его участия в «Русском слове», он упомянул только в своей статье о творчестве поэта⁸, не сказав ни о каком особенном положении Л.А. Мея в редакции [Полонский, 1896: 113].

Описанные обстоятельства исчерпывающе говорят в пользу того, что Л.А. Мей был только автором «Русского слова», а не редактором. Участие в этом журнале приносило заработок и удовлетворяло его потребность в общении. Недолгая жизнь поэта позволяет нам только

⁸ Я.П. Полонский вспоминал: «Еще в журнале “Русское слово”, издававшемся графом Кушелевым-Безбородко, поместил я статью о нем [Л.А. Мее. — *О.В.*]. И эта статья моя не была подписана моим именем; <...> И что же! На меня вознегодовали поклонники Мея, а сам Мей несколько не изменил ко мне своих приятельских отношений» [Полонский 1896: 113]. На основании этого воспоминания мы делаем вывод, что статья «Стихотворения Л. Мея», которая была опубликована в январе 1859 г. без указания автора, и есть та самая статья Я.П. Полонского.

строить догадки о том, мог ли он вписаться в будущую радикальную редакцию «Русского слова». Тот факт, что произведения Л.А. Мея продолжали публиковать в журнале в 1861 г. (когда редактором уже был Г.Е. Благодетель) и в 1863 г. (посмертно), косвенно указывает на то, что шансы у него могли быть. Однако нам представляется, что даже при хороших отношениях с новой редакцией журнала влиять на его идеологическую программу Л.А. Мей бы не смог.

Список литературы

- Боборыкин П.Д.* За полвека. Мои воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1965.
- Бухмейер К.К.* Лев Александрович Мей (1822–1862) // Стихотворения / Сост., вступ. ст. и примеч. К.К. Бухмейер. М., 1985.
- Быков П.В.* Критико-биографический очерк // Мей Л.А. Полное собрание сочинений: С критико-биогр. очерком, библиогр. указ. и портр. и автогр. Л.А. Мея: В 2 т. / Ред. изд. П.В. Быкова; 4-е изд., вновь просм. и доп. Т. 1. СПб, 1911.
- Варустин Л.Э.* Журнал «Русское слово». 1859–1866. Л., 1966.
- Воробьева О.А.* А.А. Фет и журнал «Русское слово» (к вопросу о достоверности фактов, изложенных в воспоминаниях литератора) // Текстология и историко-литературный процесс: VI Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 9–11 марта 2017 г.): Сборник статей. Т. 6. М., 2018а. С. 104–113.
- Воробьева О.А.* «Бесталаный журналист» и «прихлебатель Кушелева-Безбородко»: что еще известно о Е. Моллере? // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Т. 29. Тарту, 2018б. С. 93–101.
- Воробьева О.А.* История сотрудничества Ф.М. Достоевского с журналом «Русское слово» (на материале переписки с современниками) // LITERA. 2017. № 2. С. 36–44.
- Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. М., 1987.
- Григорьев А.А.* Письма. Серия «Литературные памятники» / Изд. подг. Р. Витакер, Б.Ф. Егоров; отв. ред. И.Г. Птушкина. М., 1999.
- Звенья. Вып. 1. М., Л., 1932.
- Зотов В.Р.* Лев Александрович Мей и его значение в русской литературе. Критико-биографический очерк // Мей Л.А. Полное собрание сочинений: с критико-биографическим очерком и портр. авт.: В 5 т. Т. 1. СПб, 1887.
- Колбасин Е.Я.* Письмо к И.С. Тургеневу от 18 октября 1856 г. Из писем к И.С. Тургеневу Е.Я. и Д.Я. Колбасиных. Публ. Е.П. Населенко и М.Н. Мотовиловой // Тургенев и круг «Современника»: Неиздан-

- ные материалы 1847–1861 / Вступ. ст. Н.В. Измайлова. М., Л.: 1930. С. 282–294.
- Кормилов С.И.* Мей Лев Александрович // Русские писатели. Библиографический словарь. В 2 т. Т. 2. М–Я / Под ред. П.А. Николаева. М., 1990. С. 25–28.
- Корнацкий Н.Н.* Журнал «Русское слово» до Д.И. Писарева (1856–1859) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2016. № 3. С. 19–33.
- Кузнецов Ф.Ф.* Круг Д.И. Писарева. М., 1990.
- Максимов С.В.* По Русской земле / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. С.Н. Плеханова; коммент. С.Н. Плеханова, Ю.В. Лебедева. М., 1989.
- Мей Л.А.* Граф А.Г. Кушелев-Безбородко // Лицей князя Безбородко: Сб. исторических и биографических очерков и списки должностных лиц и воспитанников Лицея / Изд. граф Г.А. Кушелев-Безбородко. СПб, 1859. С. 47–60.
- Мей Л.А.* Граф Г.А. Кушелев-Безбородко // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Юбил. сб., 2-е изд., испр. и доп. СПб, 1881. С. 176–178.
- Милюков А.П.* А.А. Григорьев и Л.А. Мей. (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1883. № 1. С. 98–109.
- Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб, 1907.
- Полонский Я.П.* Из переписки Я.П. Полонского // Русская земля. 1904. № 3 (3 января). С. 2.
- Полонский Я.П.* Л.А. Мей как человек и писатель. Из литературных воспоминаний // Русский вестник. 1896. № 9. С. 105–119.
- Полянская А.Г.* К биографии Л.А. Мея // Русская старина. 1911а. Май. С. 346–358.
- Полянская А.Г.* К биографии Л.А. Мея // Русская старина. 1911б. Октябрь. С. 71–79.
- Рейсер С.А.* Мей // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л., 1941–1956. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 2. М.; Л., 1956. С. 302–314.
- Русские писатели 1800–1917 гг.: Биографический словарь: В 4 т. М., 1999.
- Сергиевский Н.Н.* Русский поэт Лев Александрович Мей. Биографический очерк. СПб, 1913.
- Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 4. письма / Отв. ред. Н.П. Генералова, В.А. Лукина; Ин-т рус. литературы РАН (Пушкинский Дом); 2-е изд. М., 1987.
- Тютчев Ф.И.* Письма Ф.И. Тютчева к его второй жене, урожденной баронессе Пфедфель. СПб, 1914–1916.
- Фет А.А.* Воспоминания: В 3 т. Т. 1. Репринт издания 1890 г. М., 1992. С. 130–133.

Шахматы: Энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Е. Карпов. М., 1990.

Шелгунова Л.П. Из далекого прошлого // Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. М., 1967.

Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854–1886) / Ред., ст. и коммент. И.Н. Розанова. М.; Л., 1934.

Oxana A. Vorobyova

L.A. MEI ON THE EDITORIAL BOARD OF THE RUSSKOE SLOVO MAGAZINE

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This article attempts to reconstruct the history of relationship between the poet L.A. Mei and Count G.A. Kushelev-Bezborodko. Special emphasis is laid on the disputable position the poet held in the count's magazine *Russkoe Slovo* (Russian Word). Mei's contemporaries were of two opinions: some believed that Mei was the editor of the magazine, others claimed that he was an ordinary employee in it. Research shows that the poet never held a leading position in the magazine. The materials under analysis clarify the poet's biography and the history of the *Russkoe Slovo* magazine. Evidence was found that Ya.P. Polonsky authored the anonymous article «The Poems by L. Mei».

Key words: L.A. Mei; the *Russkoe Slovo* Magazine; Count G.A. Kushelev-Bezborodko; Ya.P. Polonsky; Grigoryev; G.E. Blagosvetlov; history of cooperation; Russian journalism, text attribution.

About the author: *Oxana A. Vorobyova* — Postgraduate Student at the Department of the History of Russian Literature at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University (e-mail: erhalten@inbox.ru).

References

Boborykin P.D. *Za polveka. Moi vospominaniya*: V 2 t. T. 1 [For half a century. My memoirs: In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 1965. (In Russ.)

Buhmejer K.K. Lev Aleksandrovich Mei (1822–1862). *Stihotvoreniya* [Poems]. Sost., vstup. st. i primech. K.K. Buhmejer. Moscow, 1985. (In Russ.)

Bykov P.V. Kritiko-biograficheskiy ocherk [Critical and biographical essay]. In Mei L.A. *Polnoe sobranie sochinenij: S kritiko-biogr. ocherkom, bibliogr. ukaz. i portr. i avtogr. L.A. Meya*: In 2 vol. Vol. 1. [Complete Works: With a Critical Biography, Bibliographic Index, and Autographed Photos]. Red. izd. P.V. Bykova. 4-e izd., vnov' prosm. i dop. SPb, 1911. (In Russ.)

- Varustin L.E. *Zhurnal «Russkoe slovo». 1859–1866* [The «Russkoe Slovo» magazine. 1859–1866]. Leningrad, 1966. (In Russ.)
- Vorobyova O.A. A.A. Fet i zhurnal «Russkoe slovo» (k voprosu o dostovernosti faktov, izlozhennyh v vospominaniyah literatora) [A.A. Fet and the «Russkoe Slovo» magazine (about the reliability of the facts stated in the memoirs of the writer)]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyj process: VI Mezhduнародnaya konferenciya molodyh issledovatelej* (Moscow, 9–11 marta 2017 g.): Sbornik statej [A Collection of Articles]. Moscow, 2018a, vol. 6, pp. 104–113. (In Russ.)
- Vorobyova O.A. «Bestalannyj zhurnalist» i «prihlebatel' Kusheleva-Bezborodko»: chto eshche izvestno o E. Mollere? [“The mediocre journalist” and “sycophant of Kushelev-Bezborodko”: what else is known about Ye. Moller?]. *Russkaya filologiya. Sbornik nauchnyh rabot molodyh filologov*. T. 29. Tartu, 2018b. S. 93–101.
- Vorobyova O.A. Istoriya sotrudnichestva F.M. Dostoevskogo s zhurnalom «Russkoe slovo» (na materiale perepiski s sovremennikami) [The history of cooperation Dostoevsky with the «Russkoye Slovo» magazine (on the basis of the correspondence with contemporaries)]. *LITERA*, 2017, no. 2. pp. 36–44. (In Russ.)
- Grigorovich D.V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs]. Moscow, 1987. (In Russ.)
- Grigor'ev A.A. *Pis'ma* [The letters]. Seriya «Literaturnye pamyatniki». Izd. podg. R. Vittaker, B.F. Egorov; otv. red. I.G. Ptushkina. Moscow, 1999. (In Russ.)
- Zven'ya*. Vyp. 1. Moscow; Leningrad, 1932. (In Russ.)
- Zotov R.V. Lev Aleksandrovich Mei i ego znachenie v russkoj literature. Kritiko-biograficheskij ocherk [Lev Alexandrovich Mei and his significance in Russian literature. Critical and biographical essay]. In Mei L.A. *Polnoe sobranie sochinenij: s kritiko-biograficheskimi ocherkami i portretami*. V 5 t. T. 1 [Complete works with critical and biographical essay: In 5 vol. Vol. 1]. SPb, 1887. (In Russ.)
- Kolbasin E. Ya. Pis'mo k I.S. Turgenevu ot 18 oktyabrya 1856 g. Iz pisem k I.S. Turgenevu E. Ya. i D. Ya. Kolbasinyh. Publ. E.P. Naselenko i M.N. Motovilovoi [The letters to I.S. Turgenev from I. Ya. and D. Ya. Kolbasins. Published by E.P. Naselenko and M.N. Mostovilova]. *Turgenev i krug «Sovremennika»: Neizdannyye materialy 1847–1861* [Turgenev and the circle of «Sovremennik»: Unpublished materials 1847–1861. With the introductory article by N.V. Izmailov]. Moscow; Leningrad, 1930, pp. 282–294. (In Russ.)
- Kormilov S.I. Mei Lev Aleksandrovich. *Russkie pisateli. Biobibliograficheskij slovar'*. In 2 vol. Vol. 2. M–Ya. Pod red. P.A. Nikolaeva. Moscow, 1990, pp. 25–28. (In Russ.)

- Kornackii N.N. Zhurnal «Russkoe slovo» do D.I. Pisareva (1856–1859) [The «Russkoe Slovo» magazine before D.I. Pisarev]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 8. Istoriya*, 2016, no. 3, pp. 19–33. (In Russ.)
- Kuznetsov F.F. *Krug D.I. Pisareva* [D.I. Pisarev's circle]. Moscow, 1990. (In Russ.)
- Maksimov S.V. *Po russkoi zemle* [On the Russian land]. Sost., podgot. tekstov, vstup. st. S.N. Plekhanova; komment. S.N. Plekhanova, U.V. Lebedeva. Moscow, 1989. (In Russ.)
- Mei L.A. Graf A.G. Kushelev-Bezborodko. *Licei knyazya Bezborodko* [Lyceum of Prince Bezborodko]. Sb. istoricheskikh i biograficheskikh ocherkov i spiski dolzhnost. lic i vospitannikov Liceya. Izd. graf G.A. Kushelev-Bezborodko. SPb, 1859, pp. 47–62. (In Russ.)
- Mei L.A. Graf G.A. Kushelev-Bezborodko. *Gimnazija vysshih nauk i licei knyazya Bezborodko* [Gymnasium of higher sciences and lyceum of Prince Bezborodko]. Jubil. sb., 2-e izd., ispr. i dop. SPb, 1881, pp. 176–178. (In Russ.)
- Milyukov A.P. A.A. Grigor'ev i L.A. Mei. (Otryvok iz vospominanii) [A.A. Grigoriev and L.A. Mei. (An excerpt from memories)]. *Istoricheskij vestnik*, 1883, no. 1, pp. 98–109. (In Russ.)
- Nikolay Aleksandrovich Leikin v ego vospominaniyah i perepiske* [Nikolay Aleksandrovich Leikin in his memoirs and correspondence]. SPb, 1907. (In Russ.)
- Polonskii Ya.P. Iz perepiski Ya.P. Polonskogo [From the correspondence of Ya.P. Polonsky]. *Russkaia zemlia (magazine)*, 1904, no. 3 (January 3), p. 2. (In Russ.)
- Polonskii Ya.P. Mei kak chelovek i pisatel'. Iz literaturnykh vospominanii [Mei as a person and a writer. From literary memories]. *Russkij vestnik*, 1896, no. 9, pp. 105–119. (In Russ.)
- Polianskaia A.G. K biografii L.A. Meia [To the biography of L.A. Mei]. *Russkaia starina (magazine)*, 1911a, May, pp. 346–358. (In Russ.)
- Polianskaia A.G. K biografii L.A. Meia [To the biography of L.A. Mei]. *Russkaia starina (magazine)*, 1911b, October, pp. 71–79. (In Russ.)
- Reiser S.A. Mei. *Istoriya russkoi literatury: v 10 t.* [The history of Russian literature: In 10 vol.] AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskii Dom). Moscow; Leningrad, 1941–1956. Vol. VIII. Literatura shestidesyatykh godov. Ch. 2 [Literature of the sixties Vol. 8]. Moscow; Leningrad, 1956, pp. 302–314. (In Russ.)
- Russkie pisateli. 1800–1917. Biograf. slovar'*: In 4 vol. Moscow, 1999. (In Russ.)
- Sergievskii N.N. *Russkii poet Lev Aleksandrovich Mei. Biograficheskii ocherk* [The Russian poet Lev Alexandrovich Mei. Biographical essay]. SPb, 1913. (In Russ.)
- Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Pis'ma: V 18 t. T. 4* [Complete works and letters: In 30 vol. Letters: In 18 vol. Vol. 4]. Moscow, 1987. (In Russ.)

- Tyutchev F.I. *Pis'ma F.I. Tyutcheva k ego vtoroj zhene, urozhdennoj baronesse Pfeffel'* [The letters of F.I. Tyutchev to his second wife, nee Baroness Pfeffel]. SPb, 1914–1916. (In Russ.)
- Fet A.A. *Vospominaniya*: V 3 t. T. 1. Reprint izdaniya 1890 goda [Memoirs: In 3 Vol., Vol. 1. The reprint of the edition of 1890]. Moscow, 1992, pp. 130–133. (In Russ.)
- Shakhmaty: Enciklopedicheskii slovar'* [Chess: an Encyclopedic dictionary]. Gl. red. A.E. Karpov. Moscow, 1990. (In Russ.)
- Shelgunova L.P. Iz dalekogo proshlogo [From the distant past]. In Shelgunov N.V., Shelgunova L.P., Mikhailov M.L. *Vospominaniia*: V 2 t. T. 2 [Memoirs: In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1967, pp. 7–254. (In Russ.)
- Shtakenshneider E.A. *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* [The diary and the notes (1854–1886)]. Red., st. i komment. I.N. Rozanova. Moscow; Leningrad, 1934. (In Russ.)

Ю.А. Макартецкая

**ПРОБЛЕМАТИКА ЭСТЕТИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ
У. ПЕЙТЕРА («ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РЕНЕССАНСА»)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Цель статьи — анализ идей У. Пейтера (1839–1894) в контексте эстетизма. Материал исследования — ранее малоизученные в России художественные и эстетические тексты У. Пейтера. В статье рассмотрена основная проблематика эстетизма и показано, что он естественным образом вырастает из общеромантической философии творчества; обозначено влияние И. Канта и Ш. Бодлера на становление и распространение эстетизма. Рассмотрена эволюция эстетизма в Англии XIX в.: первый этап связан с движением романтизма, второй — с теоретическим обоснованием доктрин эстетизма (Дж. Раскин, У. Пейтер), третий — с творчеством О. Уайлда и культурой «желтых девяностых». В заключение делается вывод о том, что У. Пейтер признает онтологический и ценностный приоритет правды прекрасного как такового и тем самым заявляет о полном подчинении в сфере чистой эстетики рационального и морального принципов, определяющих жизнь и познание, врожденному чувству красоты.

Ключевые слова: английский эстетизм; У. Пейтер; романтизм; соотношение искусства и жизни; О. Уайлд.

Культурно-исторический феномен эстетизма второй половины XIX в., как правило, ассоциируется в российском литературоведении преимущественно с английской культурой — движением прерафаэлитов, а также с творческим наследием О. Уайлда [Шестаков, 1999; Саруханян, 2018; Stonyk, 1983]. Отчасти это справедливо. Феномен английского эстетизма заявил о себе в качестве своеобразной реакции на возобладавшее к концу XIX в. в культуре Англии утилитарное отношение к искусству и задачам творчества, на специфически викторианское представление о морали, красоте. Эстетизм подразумевал признание особого, не вполне традиционного понимания красоты, в рамках которого причудливо синтезировались бы христианское (платоническое) и языческое (античное, «ренессансное»), духов-

Макартецкая Юлия Александровна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: juliamauve@gmail.com).

ность и чувственность, индивидуальное и общественное, морализм и нечто внеморальное (так сказать, собственно творческое). Эстетизм, вписываясь в систему общеромантических координат (гениоцентричность творчества, индивидуального артистического восприятия), фактически проповедовал абсолютную свободу творчества и включение в сферу красоты максимально широкого материала, при этом важным оказывался не материал как таковой (сам по себе, возможно, порой и отталкивающий, «неэстетичный»), но его художническое видение и интенсивность трансформации этого видения в подчеркнуто артистичное произведение искусства.

Эстетизм в Англии, если не говорить о его раннеромантической предыстории (по-разному проявившейся в творчестве У. Вордсворта, С.Т. Колриджа, Дж. Байрона, Дж. Китса), утвердился в нескольких главных формах: социально-творческой (дендизм; реформирование общества через творчество у идеологов, художников, декораторов, писателей «Братства прерафаэлитов»; особый эстетизм Дж. Раскина) и собственно творческой (по-разному у А.Ч. Суинберна, О. Уайлда, У. Пейтера). Среди самых влиятельных представителей английского эстетизма, распространившего свое понимание красоты не только на искусство, но и на философию жизни («жизнь как произведение искусства»), традиционно называются Д.Г. Россетти, А.Ч. Суинберн, Э. Бёрн-Джонс, У. Моррис, Дж.М. Уистлер, О. Уайлд [Савельев, 2007; Сурова, 2013].

Однако суть эстетизма, на наш взгляд, трудно свести к рассуждениям прерафаэлитов о современном типе красоты (впервые со всей определенностью: У. Моррис, «Защита Гвеневеры и другие стихотворения», «The Defence of Guenevere and Other Poems», 1858) или к уайлдовской идее формирования жизни через искусство (реализованной в книге эссе «Замыслы», «Intentions», 1891, а также в романе «Портрет Дориана Грея», «The Picture of Dorian Gray», 1891). Мысли, образы, подготавливавшие эстетизм, в том или ином виде встречаются у предтеч романтизма (И. Кант с его апологией индивидуального восприятия), романтических мыслителей (Ф. Шеллинг) и поэтов раннего (Дж. Байрон) и позднего (Т. Готье, Ш. Бодлер) романтизма.

Напомним, что, согласно И. Канту, важнейшим вопросом в сфере эстетики является вопрос о природе того субъективного опыта, который образуется при соприкосновении с прекрасным как таковым. Субъективность — важнейший атрибут индивидуального восприятия. Объектом анализа И. Канта выступает именно тот субъективный опыт, та «способность человеческой души», с помощью которой у нас возникает чувство прекрасного. И. Кант, связав воедино суждения о гении таких мыслителей позднего Просвещения, как Г.Э. Лессинг, Г.И. Гердер, И.В. Гёте, Ф. Шиллер, настаивает на том, что «гений»

должен соответствовать не менее чем четырём критериям: 1) гений — это способность создавать то, для чего не может быть предоставлено никакого правила; 2) созданное им произведение должно быть образцовым для иных и прочих; 3) автор не может объяснить другим, как и по каким причинам возникает его произведение; 4) сфера существования гения — не наука, а искусство.

Важнейшие для понимания зрелого романтизма рассуждения Ф. Шеллинга явным образом заостряют и значительно модифицируют указанную кантовскую позицию. Если И. Кант соотносит прекрасное с природой и находит художника «любимцем природы», то для Ф. Шеллинга статус гения и творимого им произведения искусства определяется через принципиальное различие и столкновение в нем двух начал — идеального и природного. Данное обстоятельство наделяет художника почти божественными правами: «Божественное продуцирование есть вечный, т.е. вообще не имеющий отношения ко времени, акт самоутверждения, в котором есть реальная и идеальная стороны. Через первую он внедряет в конечное свою бесконечность и есть природа, через вторую — вновь возвращает конечное в свою бесконечность. Но как раз это и подразумевается в идее гения, а именно: он, с одной стороны, мыслится как природное, с другой — как идеальное начало» [Шеллинг, 1966: 162].

Независимо от Ф. Шеллинга модификация представления о красоте, а также о художнике, творчестве и поэзии как инстанциях, их формирующих и определяющих, сформулирована у Ш. Бодлера: «Прекрасное всегда необычайно. Я отнюдь не хочу сказать, что необычайность его надумана и хладнокровно предопределена, ибо в этом случае оно оказалось бы чудовищем, стоящим вне русла жизни. Я хочу сказать, что в Прекрасном всегда присутствует странность, необычайность — наивная, невольная, бессознательная, она-то и служит главной приметой Прекрасного» («О современном понимании прогресса применительно к изобразительному искусству», 1868) [цит. по: История красоты, 2007: 331]. Художник «стремится выделить в изменчивом лике повседневности скрытую в нем поэзию, старается извлечь из преходящего элементы вечного» [Бодлер, 1986: 292]. В конце концов, эстетизм — защита стихийности в творчестве, но стихийности, заключенной в определенные рамки, т.е. как бы «классицизированной».

Однако, пожалуй, острее других выразил революционную суть метаморфозы прекрасного в романтической культуре С. Кьеркегор. Неслучайно в монографии П.П. Гайдено «Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века» (1997), часть которой посвящена С. Кьеркегору, встречаются следующие формулировки: «Основные моменты, определяющие <...> феномен эстетизма <...> сводятся к

признанию красоты высшим благом и высшей истиной, а наслаждение красотой — высшим жизненным принципом» [Гайденко, 1997: 128]. Представитель эстетизма определяется, во-первых, тем, чтобы «быть для себя самым интересным человеком»; во-вторых, ему свойственно «стремление к наслаждению, разумеется, не просто чувственному — это низший вид наслаждения, а к духовному, которое достигается при величайшем напряжении всех внутренних способностей субъекта» [Гайденко, 1997: 75–76]. Воплощением духа эстетизма у С. Кьеркегора в книге «Или — или» (1843) стал Дон Жуан: соблазнитель, эротик, ироник и при этом эстетик, — ярчайшее воплощение жизни, понимаемой как музыка, которая в своем существовании определяется тем мгновением, пока звучит. Точно так же для Дон Жуана его собственное существование заключается в мгновении переживаемого им желания, результатом которого оказывается любовь, понимаемая как подлинное художественное произведение. Любовь в силу мгновенности чувства не столько переживается, сколько буквально творится эстетиком «из ничего», оказываясь для него самогó в конце концов чем-то загадочным, внешним и отвлеченным.

Острое переживание индивидуального чувства собственной исключительности и тем самым ответственности художника в отношении как понимания, так и творческого взаимодействия с преобразуемой им в свете идеи абсолютно прекрасного действительности (с одной стороны, подвластной ему, с другой — возбуждающей и тревожащей его чувственность) в значительной степени объединяет традиции романтизма и эстетизма, в рамках которых событие творчества часто оказывается подлинным гносеологическим актом: творя произведение искусства, романтик и эстет одновременно познают и себя, и реальность.

В творчестве Уолтера Пейтера названная проблематика, которая может быть сформулирована в виде тезиса «Жизнь нужно проживать, неумолимо следуя идеалу подлинной и исключительной красоты», находит свое выражение как в его теоретических сочинениях («Оценки. С приложением эссе о стиле», «Appreciations. With an Essay on Style», 1889; «Греческие исследования: Серия эссе», «A Greek Studies: A Series of Essays», 1895; «Разнообразные исследования: Серия эссе», «Miscellaneous Studies: A Series of Essays», 1895), так и в историко-культурных («Ренессанс: Очерки искусства и поэзии», «The Renaissance: Studies in Art and Poetry», 1873; «Платон и платонизм. Серия лекций», «Plato and Platonism. A Series of Lectures», 1893), а также в собственно художественных произведениях («Марий Эпикурец: Его чувства и идеи», «Marius the Epicurean: His Sensations and Ideas», 1885; «Воображаемые портреты: Новая коллекция», «Imaginary Portraits:

A New Collection», 1887; «Гастон де Латур: Незаконченный роман», «Gaston de Latour: An Unfinished Romance», 1896).

У. Пейтер — не только эссеист, культуролог, писатель, критик поздней викторианской эпохи, но и влиятельный преподаватель Брэйсноуз-колледжа в Оксфордском университете (1864—1894). В научной литературе, посвященной общим проблемам европейской культуры и искусства, У. Пейтера принято считать одним из главных идеологов эстетизма. Находясь одно время под влиянием другого оксфордца, Дж. Раскина, основные идеи которого могут быть коротко представлены в двух цитатах: «Искусство как главная продуктивная и образующая сила страны есть точный показатель ее нравственной жизни» и «...функция искусства заключается в нравственном совершенствовании людей» [Рёскин, 2017: 312, 320], У. Пейтер всерьез заинтересовался итальянским искусством эпохи Возрождения и с течением времени опубликовал ряд очерков, посвященных творчеству великих мастеров. Поначалу эти очерки публиковались, начиная с 1869 г., по отдельности в виде статей в журнале «Fortnightly Review». В 1873 г. отредактированный автором текст был издан отдельной книгой под названием «Очерки по истории Ренессанса» («Studies in the History of the Renaissance»). Позднее автором были выпущены, в исправленном и расширенном виде, второе, третье и четвертое издания (1877, 1888, 1893).

Книга состоит из предисловия, девяти очерков, заключения и небольшого приложения. Тема очерков затрагивает вопросы Средневековья («Две раннефранцузские легенды»), Раннего и Позднего Ренессанса («Пико делла Мирандола», «Сандро Боттичелли», «Лука делла Роббиа», «Поэзия Микеланджело», «Леонардо да Винчи», «Школа Джорджоне», «Жоашен Дю Белле») и заканчивается темой искусства XVIII в. («Винкельман»). Для исследователя прекрасные артефакты ценны «своим внутренним качеством» и «способностью рождать приятные ощущения», «единственные в своем роде ощущения удовольствия» [Патер, 2006: 11]. Эстетическая ценность зависит от «эстетической прелести самого произведения». Ее отсутствие может сгладить «художественный порыв», в котором оно создавалось («Две раннефранцузские легенды»). Немаловажной темой для У. Пейтера была возможность примирить христианство с «религией Древней Греции», сферы мысли и чувства, «все философии между собой и церковью» («Пико делла Мирандола»).

Сосредоточенное погружение в область высокого искусства и тщательное изучение живописных картин мастеров итальянского Возрождения способствовали тому, что У. Пейтер пришел к созданию собственной философской теории «потока» (лат. — flux). Внутреннее содержание картины, образа, стиля, а также вдумчивое созерцание

момента «здесь и сейчас» во всей его полноте, а главное — красоте, стремящейся пронести мимолетное впечатление о себе через свое недолгое, но истинное существование, — всё это составляет, с точки зрения У. Пейтера, главный предмет интереса эстетика. Средства, цветопередача, техника нанесения мазков — это не более чем техническая поддержка для осуществления преобразования реальности в узнаваемый артефакт культуры. В предисловии У. Пейтер пишет: «Чтобы видеть предмет таким, каков он в действительности, должно быть восприятие своего собственного впечатления таковым, каково оно есть...» [Патер, 2006: 10].

Обаяние Ренессанса было прочувствовано У. Пейтером в значительной степени благодаря книге швейцарского историка Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии» (1860). Мир Ренессанса, по Я. Буркхардту, — мир рождения индивидуальности, овладевающей как самой собой, так и всей природой. Искусство итальянского Возрождения — это в первую очередь целостность индивидуального чувства, выраженного в творчестве великих мастеров. В продолжение мысли Я. Буркхардта У. Пейтер утверждал, что в творчестве художников Ренессанса, являющегося своеобразной вершиной мирового искусства, материя полностью подчиняется собственной форме, и тем самым каждый отдельный шедевр становится чистой формой как таковой. Образцом и ориентиром для подобного эстетического преобразования является музыка, где форма и содержание явным образом совпадают. Музыка есть парадигма жизненного потока, но не простого и плохо артикулированного, а темперированного, организованного и обработанного, проживаемого и осмысляемого, воплощающегося во вспышке эстетического восторга. Эту идею мы находим в седьмом очерке — «Школа Джорджоне», который, по мнению У. Пейтера, воплощает в себе дух венецианской школы больше, чем любой другой живописец. «Джорджоне <...> становится как бы воплощением самой Венеции, ее идеальным отражением или проекцией» [Патер, 2006: 193]. Джорджоне в своих небольших картинах изображает «фрагменты действительной жизни: игра, музыка или беседа, но облагороженная или утонченная, словно мы созерцаем эту жизнь издалека» [Патер, 2006: 183]. В его картинах («Концерт» из Палаццо Питти (сейчас эту картину часто приписывают Тициану), «Сельский концерт», «Спящая Венера» и др.) У. Пейтер находит стремление материи отождествиться с формой; в своем единстве они создают нечто цельное.

Согласно У. Пейтеру, вся природа вещей состоит из перемежающихся вихрей частиц, их стремительного потока, собирающегося в сплетения и узлы и снова рассеивающегося. Мышление есть также поток, а именно вихрь, причем чрезвычайно быстрый и стреми-

тельный, состоящий из мыслей, ощущений, чувств, эмоций, образов, символов и т.д. Вихри сознания сходятся, образуя фигуры и порождая вспышки прозрений или высокий накал эмоций, а затем рассеиваются вновь. Если мир устроен в согласии с подобным принципом, рассуждает У. Пейтер, то тщетным будет стремление воплотить его многочисленные потоки в виде чего-то неизменного и нормативного. Следует сосредоточиться на наиболее выразительных мгновениях и моментах, не стремясь увековечить или продлить их, но стараться прожить их полноту в максимально насыщенном, интенсивном, хотя и конечном, кратковременном опыте. Человек не должен идти против природы «вихря»; он должен учиться выхватывать в нем наиболее ярко отмеченные красотой экзистенциальные фрагменты: выражения лиц, жесты, детали пейзажа, гармоничные звуки — и максимально открыто и полно пытаться отдаться их естественному обаянию. В автобиографическом рассказе «Ребенок в доме» (опубликован в сборнике: «Воображаемые портреты», «Imaginary Portraits: A New Collection», 1887), задуманном как часть незаконченных мемуаров, главный герой Флориэн Делиль вспоминает годы своего раннего детства, важную роль в котором играет старинный дом. Весь рассказ соткан из «малейших случайностей» и пропитан эстетическими преамбулами. Наиболее важные вещи, которые вплетены в ткань воспоминания героя о счастливом времени детства, реализуются в рамках эстетических характеристик, будь то «особенная свежесть в шорохе листьев высокого тополя при ветре», или «шкаф, где хранится лучший фарфор», или же «гряды клубящихся облаков и дыма, тронутые солнцем или грозой» и многое другое. А книгу о Ренессансе У. Пейтер завершает следующими словами: «Больше всего житейской мудрости именно в поэтической страсти, в стремлении к красоте. В любви к искусству ради искусства. Ибо искусство приходит к нам с простодушным намерением наполнить совершенством мгновения нашей жизни и просто ради самих этих мгновений» [Патер, 2006, 278].

Влияние суждений Пейтера о природе искусства на становление английского эстетизма представляется бесспорным. Среди источников формирования его концепции можно назвать наследие романтизма и кьеркегоровский субъективизм эстетического желания. Рассуждения У. Пейтера произвели сильнейшее впечатление на О. Уайлда. Пафос неистового служения культу подлинной красоты приводит его к парадоксальному утверждению, которое мы находим, например, в диалоге «Упадок лжи» («The Decay of Lying», 1889), где один из участников — Вивиан — заявляет, что искусство не только находится выше действительной жизни, но и творит

действительность в соответствии с прихотями неудержимой фантазии художника и творца. Он полагает, что стремление к правде, к выяснению окончательной сути вещей губительно для художника. Само по себе искусство — это прежде всего искусство лжи. Не искусство должно подражать природе, а, наоборот, — жизнь и природа услужливо держат зеркало истины перед искусством как таковым. У. Пейтер признает онтологический и ценностный приоритет правды прекрасного как такового и тем самым провозглашает полное подчинение врожденному чувству эстетической нормы рационального и морального принципов жизни и познания: «хорошим» и «истинным» может быть названо только то, что по-настоящему прекрасно. Следовательно, искусство, предметом и смыслом которого является красота, с необходимостью представляет собой наиболее полноценную форму жизни.

Список литературы

- Бодлер Ш.* Об искусстве / Пер. с фр. Н.И. Столяровой и Л.Д. Липман. М., 1986.
- Гайденок П.П.* Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М., 1997.
- История красоты / Под ред. У. Эко. М., 2007.
- Патер У.* Ренессанс: Очерки искусства и поэзии / Пер. с англ. В.Д. Дажиной. М., 2006.
- Рёскин Дж.* Лекции об искусстве. СПб, 2017.
- Савельев К.Н.* Литература английского декаданса: истоки, генезис, становление. Магнитогорск, 2007.
- Саруханян А.П.* Эстетическое движение в Англии рубежа веков // Разрыв и связь времен. Проблемы изучения литературы рубежа XIX—XX веков. М., 2017. С. 245—283.
- Сурова О.Ю.* Оскар Уайльд и символизм в Англии // Зарубежная литература конца XIX — начала XX века / Под ред. В.М. Толмачёва; 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 230—246.
- Толмачёв В.М.* Границы творчества в художественных исканиях рубежа веков (опыт понимания символистского романа) // Разрыв и связь времен. Проблемы изучения литературы рубежа XIX—XX веков. М., 2017. С. 734—765.
- Шеллинг Ф.В.* Философия искусства / Пер. с нем. П.С. Попова. М., 1966.
- Шестаков В.П.* Английский акцент. Английское искусство и национальный характер. М., 1999.
- Элман Р.* Оскар Уайльд / Пер. с англ. Л. Мотылева. М., 2015.
- Stonyk M.* Ninetenth-century English literature. London, 1983.

Yuliya A. Makartetskaya

**PROBLEMS OF AESTHETICS IN THE WORKS OF W. PATER
(‘The Renaissance. Studies in Art and Poetry’)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to consideration of the phenomenon of aestheticism in English culture of the nineteenth century, the history of the formation of the key issues of aestheticism, and the critical analysis of some of its aspects. The purpose of the article is to consider the ideas of W. Pater (1839-1894) in the general context of English aesthetics. Research material – previously little studied in Russia artistic and aesthetic texts by W. Pater. The article considers the main positions of aesthetics, shows that it naturally grows from the general romantic aesthetics of creativity. The article describes the influence of I. Kant and Sh. Baudelaire on the formation and spread of aestheticism. The evolution of aesthetics in England nineteenth century: the first stage is connected with the movement of Romanticism, the second-with the theoretical justification of the doctrine of aesthetics (J. Ruskin, W. Pater), and the third with the creativity of O. Wilde and the culture of the «yellow nineties». In conclusion: W. Pater recognizes the ontological and value priority of the truth of the beautiful as such and thus declares a complete submission in the realm of pure aesthetics rational and moral principles that determine life and cognition in relation to the innate sense of beauty.

Key words: The Aesthetic Movement in England; W. Pater; Romanticism; Art and Life; O. Wilde.

About the author: *Yuliya A. Makartetskaya* — Postgraduate Student, Department of the History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University (e-mail: juliamauve@gmail.com).

References

- Baudelaire Ch. *Ob iskusstve* [On art]. Per. s fr. N.I. Stolyarovoy i L.D. Lipman. Moscow, 1986. (In Russ.)
- Gaydenko P.P. *Proryv k transtsendentnomu: Novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the transcendent: The new ontology of the XX century]. Moscow, 1997. (In Russ.)
- Istoriya krasoty*. Pod red. U. Eko. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Pater W. *Renessans: Ocherki iskusstva i poezii* [The Renaissance: Studies in art and poetry]. Per. s angl. V.D. Dazhinoy. Moscow, 2006. (In Russ.)
- Ruskin J. *Lektsii ob iskusstve* [Lectures on art]. Saint Petersburg, 2017. (In Russ.)
- Savel'yev K.N. *Literatura angliyskogo dekadansa: istoki, genezis, stanovleniye* [Literature of English decadence: Origins, genesis, formation]. Magnitogorsk, 2007. (In Russ.)

- Sarukhanyan A.P. Esteticheskoye dvizheniye v Anglii rubezha vekov [Aesthetic movement in England at the turn of the century]. *Razryv i svyaz' vremyon. Problemy izucheniya literatury rubezha XIX–XX vekov* [Problems of Research into Turn of the 20th Century Literature]. Moscow, 2017, pp. 245–283. (In Russ.)
- Surova O. Yu. Oskar Uayl'd i simbolizm v Anglii [Oscar Wilde and symbolism in England]. *Zarubezhnaya literatura kontsa XIX — nachala XX veka* [Foreign Literature at the Turn of the 20th Century]. Pod red. V.M. Tolmachova. 4-ye izd., pererab. i dop. Moscow, 2013, pp. 230–246. (In Russ.)
- Tolmachyov V.M. Granitsy tvorchestva v khudozhestvennykh iskaniyakh rubezha vekov (opyt ponimaniya simbolistskogo romana). *Razryv i svyaz' vremyon. Problemy izucheniya literatury rubezha XIX–XX vekov* [Borders of Creativity in Fiction at the Turn of the 20th Century: An Experience of Understanding Symbolic Novel. A Gap between Times. A Problem of Studying Literature at the Turn of the 20th Century]. Moscow, 2017, pp. 734–765. (In Russ.)
- Schelling F.W. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Per. s nem. P.S. Popova. Moscow, 1966. (In Russ.)
- Shestakov V.P. *Angliyskiy aktsent. Angliyskoye iskusstvo i natsional'nyy kharakter* [English accent. English art and national character]. Moscow, 1999. (In Russ.)
- Ellman R. *Oskar Uayld* [Oscar Wilde]. Per. s angl. Motuleva. Moscow, 2015. (In Russ.)
- Stonyk M. *Nineteenth-century English literature*. London, 1983.

М.А. Родина

МОТИВ УТРАТЫ НЕВИННОСТИ В РОМАНАХ Э. БОУЭН

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируется роль мотива утраты невинности в трех романах Э. Боуэн: *The Hotel*, *The House in Paris* и *The Death of the Heart*. В соответствии с предшествующей англо-американской традицией, которая противопоставляет невинность опыту, утрата невинности понимается как неизбежный и необходимый этап на пути к взрослению и соответственно основополагающий момент эволюции персонажа. Выявляется связь романов Э. Боуэн с жанром романа воспитания; выделяются признаки, сближающие эти произведения с обозначенным жанром, и существенные отличия от него. Так, все исследуемые романы изображают процесс взросления и формирования личности, но далеко не для всех характерна система персонажей, типичная для романа воспитания, когда сюжет концентрируется вокруг главного героя, а другие персонажи играют вспомогательную роль. Акцентируется роль «значимого события» (термин Л.С. Выготского) в качестве катализатора психологических процессов, приводящих к утрате невинности. Романы Э. Боуэн, по мнению автора, иллюстрируют теорию Л.С. Выготского и даже развивают ее, выводя за рамки психологии ребенка. После обращения к содержанию каждого из романов с акцентом на «значимые события» и связь с романом воспитания делается вывод о том, что мотив утраты невинности является ключевым для понимания всего творчества Э. Боуэн. Становится очевидным и то, что писательница изображает утрату невинности как ценный и, несмотря на его болезненность, позитивный опыт. Упоминается и связь с библейской традицией, которую отмечали многие исследователи творчества Э. Боуэн.

Ключевые слова: невинность; мотив; роман воспитания; психология; значимое событие.

Типичная героиня романа англо-ирландской писательницы Элизабет Боуэн (1899–1973) — молодая наивная девушка, которая пытается найти свое место во враждебном мире. Результатом этого поиска оказывается прежде всего утрата невинности героини. Творчество Э. Боуэн в России изучено мало, однако интерес к ней

Родина Мария Алексеевна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: rodina-ma@outlook.com).

за рубежом, особенно в Великобритании, не ослабевает уже много лет. Произведения писательницы достаточно подробно описаны в русле феминистской традиции и «женского письма» (Ф. Ласснер), деконструктивизма (А. Беннет и Н. Ройл), с точки зрения психоанализа (П. Брантлинджер), христианства (Г. Блоджетт); творчество Э. Боуэн представляет интерес для исследователей литературы об Ирландии (Н. Пирсон, Ш. О'Фаолейн) и о Второй мировой войне (А. Хепберн). Практически во всех работах, посвященных этой писательнице, авторы уделяют особое внимание образам «невинных» героинь. Представляется необходимым обобщить идеи, высказанные отдельными литературоведами и критиками, проследить истоки мотива утраты невинности в творчестве Э. Боуэн и определить, каковы его значение и особенности функционирования в ее романах.

Утрата невинности неоднократно выделялась в англо-американской традиции исследователями творчества различных авторов. Большинство критиков и историков литературы сходятся во мнении, что особую актуальность тема невинности и опыта приобрела после романтизма, так как именно романтики перевели ее из области теологии в область психологии личности. Уильям Блейк первым заговорил о грехопадении в масштабе не всего человечества, а отдельно взятого человека. Однако для У. Блейка невинность — это не отсутствие опыта или мудрости, а тотальное доверие по отношению к Богу и близость к Природе, поэтому обретение опыта не связано для него с утратой невинности [Hirsch, 1964]. Романтический герой Дж. Байрона («Каин»), С. Кольриджа («Кристалль»), П. Шелли («Ченчи») идентифицирует себя со змеем, который символизирует дух свободы, избавляющий от оков Райского сада. Утрата невинности понимается этими авторами как необходимое благо, триумф и самоутверждение человеческой личности. В отличие от У. Блейка, который не считал утрату невинности необходимым следствием приобретения опыта, они противопоставляют эти два состояния, и подобная антитеза становится традиционной для всей последующей литературы.

Исследователи английской литературы говорят о теме невинности и опыта в произведениях Л. Кэрролла («Алиса в Стране чудес»), Дж. Конрада («Сердце тьмы»), У. Голдинга («Повелитель мух»), Э. Олби («Кто боится Вирджинии Вулф?») [Otten, 1982], Г. Грина («Сила и слава», «Брайтонский леденец») [Le Cudennec, 2017], И. Макьюэна («Цементный сад», «Невинный») [Энциклопедический словарь английской литературы XX века, 2005]. Множество работ посвящены мотиву утраты невинности в американской романистике. Американские литературоведы проецируют библейский миф о сотворении мира и грехопадении на историю своей страны, говоря о

США как о месте, где история началась заново. Герои произведений американских писателей становятся, таким образом, «новыми Адамами», и утрата их невинности оказывается неизбежным условием развития не только конкретных личностей, но и всего молодого государства [Lewis, 1955]. К теме невинности и опыта обращаются такие американские авторы, как Н. Готорн («Алая буква»), Г. Мелвилл («Моби Дик»), А. Миллер («После грехопадения») и — что подчеркивают большинство исследователей — Генри Джеймс, оказавший огромное влияние на творчество Элизабет Боуэн.

В англо-американской литературной традиции утрата невинности фактически приравнивается к взрослению и приобретению опыта, связана с переоценкой окружающей действительности, поиском себя и своего места в мире, смысла жизни и нравственных ориентиров. Именно в этом аспекте мы и будем рассматривать мотив утраты невинности в романах Э. Боуэн.

Если бы мы попытались составить полный список «невинных» героев Э. Боуэн, то он включал бы все ее романы. В данной статье мы остановились на трех произведениях и трех героинях. Это *The Hotel* (1927), *The House in Paris* (1935), *The Death of the Heart* (1938) и их героини — Сидни Уоррен, Карен Михаэлис и Порция Квейн соответственно. Такой выбор материала обусловлен тем, что именно в этих произведениях и именно в образах этих героинь, как нам кажется, наиболее очевидно присутствует переходный момент, момент взросления. Возраст героинь варьируется (от 16 до 23 лет), однако они все находятся на этом пограничном этапе. Читатель застаёт их тогда, когда они сталкиваются с сильными эмоциональными потрясениями, что становится катализатором для такого перехода, который мы называем утратой невинности.

Героини Э. Боуэн неопытны, не знают жизни и доверчивы. В каждом из рассматриваемых романов происходит процесс формирования личности, присутствует «момент существенного становления человека» (термин М.М. Бахтина), что сближает эти произведения с жанром романа воспитания.

Термин «роман воспитания» (нем. *Bildungsroman*), предложенный филологом Карлом Моргенштерном в середине XIX в. применительно к роману И.-В. Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796), получил дальнейшее развитие и характеристику в книге Вильгельма Дильтея «Поэзия и опыт» (1905). Считается, что классический роман воспитания характерен для эпохи Просвещения. Однако, как отмечает историк литературы Е.А. Краснощекова, «этот жанр преодолел рамки своей эпохи» [Краснощекова, 2008: 10]. В мировом литературоведении термин понимается широко: к жанру романа воспитания относят произведения авторов, между которыми,

на первый взгляд, нет ничего общего (например, М.М. Бахтин включает в список «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле и «Обломова» И.А. Гончарова) [Бахтин, 1979: 198–199]. Роман воспитания обычно изображает жизненный путь протагониста, на котором он проходит через ряд испытаний и встречает «учителей», что в конечном итоге ведет либо к духовному обогащению (как, например, в «Больших надеждах» Ч. Диккенса), либо к отчаянию и самоубийству (как в «Страданиях юного Вертера» И.-В. Гёте).

Кратко остановимся на сюжете каждого из рассматриваемых романов и тех их моментах, которые позволяют говорить о присутствии в них мотива утраты невинности, а также о том, что по отношению к молодым героиням произведения Э. Боуэн являются романами воспитания.

The Hotel, первый роман Элизабет Боуэн, изображает несколько месяцев из жизни одного из отелей итальянской Ривьеры, в котором зимуют обеспеченные англичане. 22-летняя Сидни Уоррен находится под влиянием своей старшей приятельницы — светской красавицы миссис Керр. Когда к последней приезжает сын, Сидни чувствует себя покинутой и преданной, никому не нужной. Это толкает ее на необдуманный поступок — она принимает предложение руки и сердца священника Мильтона, которого не любит. Однако затем Сидни расторгает помолвку, к чему ее подталкивают миссис Керр и страх перед будущим.

Представляется эффективным использовать в анализе романа термин Л.С. Выготского «значимое событие». Ученый обращался к нему при описании психологии ребенка. Однако мы позволим себе применить то, что психолог писал о детях, к нашим героиням, так как происходящее с ними кажется нам иллюстрацией к его теории.

«Значимые события» по Л.С. Выготскому — это те воздействия среды, которые влияют на процессы развития и дальнейшую жизнь, «причина», вызывающая отдаленные последствия [Выготский, 1984: 258]. «Значимым» может оказаться любое событие в зависимости от «переживания» человека — того, как он относится к этому моменту действительности. Для Сидни таким значимым событием является авария, участниками которой она, Милтон, миссис Керр и кузина Сидни Тесса чуть не становятся, когда возвращаются с увеселительной прогулки. В этот момент героиня находится под влиянием миссис Керр, которая во время прогулки все время намекает на то, что жизнь девушки изменится после замужества. Именно переживание неслучившейся аварии дает финальный толчок к тому, чтобы Сидни разорвала помолвку с Мильтоном.

Утрата невинности Сидни в романе *The Hotel* связана с острым осознанием своей смертности. Об этом свидетельствует и другой,

более ранний эпизод в романе, когда Сидни, Мильтон и девочка-подросток Корделия идут осматривать местное кладбище. Сидни здесь впервые по-настоящему задумывается о будущем и конце жизни: «It is all very well to escape to the future and think it will always be there; but this is the end of the future» [Bowen, 1928: 146]. Образ ее будущего жениха также неразрывно связан со смертью, так как Мильтон — священник: «She saw him conducting a funeral; voluminous, fluttering, milkwhite, leaning like one of these angels over the yawn of a grave...» [Bowen, 1928: 147].

The Hotel нельзя в полном смысле этого слова назвать романом воспитания. Для этого жанра характерна моноцентричность: все сюжетные линии в таком романе сходятся на главном герое, второстепенные персонажи существуют лишь для раскрытия его образа. В *The Hotel* система персонажей гораздо более сложная, герои этого романа имеют значение сами по себе, а не только в связи с образом Сидни. Однако по отношению к главной героине это, безусловно, роман воспитания, так как показаны формирование ее личности, эволюция ее образа.

The House in Paris композиционно поделен на три части, в первой и третьей из которых интересующая нас «невинная» героиня вовсе не появляется. Мы знаем о ней лишь то, что она — мать 9-летнего мальчика Леопольда, который ее никогда не видел и ждет встречи с ней в парижском доме некоей мадам Фишер. Тайна рождения Леопольда раскрывается во второй части романа, в которой Карен Михаэлис — так зовут героиню — влюбляется в жениха своей подруги и вступает с ним в любовную связь, отчасти становясь причиной его самоубийства.

В романе Карен невинной называет ее мать: «Because you are more innocent than you realize, and have grown up in a world where people behave well, I think you cannot see how you must have seemed to him [Max]» [Bowen, 1936: 194].

Для всех героинь Э. Боуэн утрата невинности связана с отношениями с мужчинами, с любовной интригой, влюбленностью, однако только для Карен Михаэлис это потеря не только невинности, но и невиновности: вступая в любовную связь с Максом, она предает свою подругу Наоми, а также своего жениха Рэя. Кроме того, вступая в добрачную связь, она нарушает социальные правила.

Центральным для данного исследования является роман *The Death of the Heart*, так как само его название, «Смерть сердца», наводит на мысль об утрате и нуждается в истолковании.

16-летняя Порция Квейн после смерти матери живет в лондонском доме своего единокровного брата Томаса и его жены Анны. Порция ведет дневник, полный безыскусных наивных записей обо

всем, что ее окружает. Двойное предательство — Анны, читающей дневник, и ее протеже Эдди, который играет с юной Порцией в любовь и причиняет ей боль, — заставляет девочку бежать из дома.

Невинность Порции в том, что она существует вне социальных условностей, точнее, она о них даже не знает. Она провела детство, перебираясь из отеля в отель, не имела постоянного дома, не получила ни нормального образования, ни воспитания. Писатель Квентин Миллер объясняет ей, что взрослые люди не ведут себя так открыто, как она. Они пользуются определенным кодом, правилами хорошего тона. Например, Порцию возмущает, что Анна благодарит майора Брута за прекрасные цветы, тогда как на самом деле они ей совсем не нравятся. То, что Квентин Миллер называет «правилами», дипломатия, а порой даже простая вежливость взрослых ей непонятны, кажутся фальшью и лицемерием.

Как понимать смысл названия романа? Очевидно, что имеется в виду смерть сердца главной героини, Порции. Однако также очевидно, что она не становится ни злой, ни черствой — об этом свидетельствует хотя бы то, как искренне она сочувствует майору Бруту, которого в доме Квейнов не воспринимают всерьез.

В английском (как, впрочем, и в русском) языке существует устоявшаяся оппозиция сердце—разум, и в таком случае «смерть сердца» означает «рождение разума». Героиня, которая привыкла «ощущать» мир, полагаться на чувства и действовать в зависимости от эмоций, пройдя через ряд испытаний, по мысли автора, должна начать разумно мыслить, совершать более обдуманные шаги, стать менее доверчивой и наивной. Это означает утрату невинности, но подобная утрата в таком случае лишена трагизма, так как расставание с детством хотя и болезненно, тем не менее неизбежно и необходимо.

The Death of the Heart по форме и содержанию из всех романов Э. Боуэн наиболее близок к жанру романа воспитания. Порция находится в центре внимания повествователя на протяжении всей книги; второстепенные персонажи служат раскрытию ее образа, и становление ее личности (что можно предположить, несмотря на открытый конец) завершится «исккомым итогом — рождением баланса между желаниями сердца и требованиями ума» [Краснощекова, 2008: 16].

Гэрриет Блоджетт, историк литературы, феминистский критик, трактует этот роман как символическое переложение новозаветной истории. Порция духовно растет, переживая страдания и предательство. Г. Блоджетт уверена, что героини романов Э. Боуэн утрачивают невинность так же, как Адам и Ева, и эта утрата, по мысли писательницы, есть единственный путь к спасению.

Произведения Э. Боуэн, хотя и не вписываются целиком в рамки жанра романа воспитания, очень близки к нему в плане постижения «природы взросления человеческого существа» [Краснощекова, 2008: 18]. Утрата невинности в романах Э. Боуэн означает в то же время приобретение некоего опыта, нового знания о мире. Этот опыт может быть положительным или отрицательным и обычно приобретается через испытания и страдания, но он необходим для взросления и завершения важнейшего этапа формирования личности, которое представляет, как мы видим, огромный интерес для Э. Боуэн, а мотив утраты невинности в рамках темы взросления является ключевым для понимания всего ее творчества.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Выготский Л.С.* Проблема возраста // Л.С. Выготский. Собрание сочинений. Т. 4: Детская психология. М., 1984.
- Краснощекова Е.А.* Роман воспитания Bildungsroman на русской почве. СПб, 2008.
- Blodgett H.* Patterns of reality: Elizabeth Bowen's novels. P., 1975.
- Bowen E.* The death of the heart. New York, 1939.
- Bowen E.* The hotel. New York, 1928.
- Bowen E.* The house in Paris. New York, 1936.
- Le Cudennec R.D.* A history of the lie of innocence in literature: Sons who become orphans. Newcastle upon Tyne, 2017.
- Hirsch Jr. E.D.* Innocence and experience: An introduction to Blake. New Haven; London, 1964.
- Lewis R.W.B.* The American Adam. Chicago (Ill.), 1955.
- Otten T.* After innocence: Visions of the fall in modern literature. Pittsburgh (Pa), 1982.

Maria A. Rodina

THE MOTIF OF LOSS OF INNOCENCE IN E. BOWEN'S NOVELS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the motif of loss of innocence in Elizabeth Bowen's three novels: *The Hotel*, *The House in Paris* and *The Death of the Heart*. Anglo-American literary criticism, which opposes virginity and loss of innocence, understands loss of

innocence as an inevitable and essential stage on the character's way to adulthood and the crucial moment in the character's evolution. It is argued that Bowen's novels have features of Bildungsroman as they show the process of growing up and personality formation. However in some respects they are different from this genre. Particularly, when the plot revolves around the main character and other characters play supporting roles. The paper emphasizes the role of the "significant event" (the term coined by the Russian psychologist L.S. Vygotsky) which is the catalyst for psychological processes that lead to the loss of innocence. It appears that Bowen's novels illustrate Vygotsky's theory and even develop it, showing that it can be applied to teenagers and even adults. After a brief description of each novel with an emphasis on "significant events" and the relationship with Bildungsroman it is concluded that the theme of the loss of innocence plays a major part in understanding the entire corpus of works by Bowen. It becomes evident that the writer portrays the loss of innocence as a valuable and positive experience, however painful it may be. Besides, the paper discusses the biblical tradition in regarding to this motif.

Key words: innocence; motif; Bildungsroman; psychology; significant event.

About the author: *Maria A. Rodina* — Postgraduate Student, Department of the History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University (e-mail: rodina-ma@outlook.com).

References

- Bakhtin M.M. Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma [The Bildungsroman and its significance in the history of realism]. In Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetic of verbal creation]. Moscow, 1979. 424p. (In Russ.)
- Vygotsky L.S. Problema vozrasta [The problem of age]. In Vygotsky L.S. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 4. Moscow, 1984. (In Russ.)
- Krasnoshchekova E.A. *Roman vospitaniya Bildungsroman na russkoy pochve* [Bildungsroman in Russia]. Saint Petersburg, 2008. (In Russ.)
- Blodgett H. Patterns of reality: Elizabeth Bowen's novels. Paris, 1975.
- Bowen E. The death of the heart. New York, 1939.
- Bowen E. The hotel. New York, 1928.
- Bowen E. The house in Paris. New York, 1936.
- Le Cudennec R.D. A history of the lie of innocence in literature: Sons who become orphans. Newcastle upon Tyne, 2017.
- Hirsch Jr. E.D. Innocence and experience: An introduction to Blake. New Haven, London, 1964.
- Lewis R.W.B. The American Adam. Chicago (Ill.), 1955.
- Otten T. After innocence: Visions of the fall in modern literature. Pittsburgh (Pa), 1982.

Цзюньжу Би

**ТРАДИЦИОННОЕ И НОВАТОРСКОЕ В ОБРАЗАХ
МАТРЕНЫ ИЗ РАССКАЗА «МАТРЕНИН ДВОР»
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ТАМАРЫ ИВАНОВНЫ
ИЗ ПОВЕСТИ «ДОЧЬ ИВАНА, МАТЬ ИВАНА»
В.Г. РАСПУТИНА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье рассматривается образ Матрены Васильевны, героини рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор», в контексте формирующейся традиции деревенской прозы и ее последующего осмысления и развития. Анализируются разнообразные научные подходы к феномену традиции и новаторства, которые становятся теоретическим фундаментом для сопоставления художественных текстов А.И. Солженицына и В.Г. Распутина. В исследовании показано, как характерные для героини А.И. Солженицына качества, такие как доброта, трудолюбие, отсутствие зависти, бескорыстие, терпение, смирение, естественность, человечность, милосердие, стойкость, сила духа, формируют традицию и становятся базовыми также и для героинь прозы В.Г. Распутина. В статье демонстрируется, какие новые черты привносит в традиционный женский образ В.Г. Распутин, и делается предположение о природе таких изменений. За основу берется теория Ю.М. Лотмана о культуре и взрыве, предполагающая «катастрофическую» природу новаторских решений, которые обуславливают движение литературного процесса, выход его из замкнутого круга, предполагающего самоповтор в обновляющейся форме. Такой социокультурной «катастрофой», вероятно, можно считать гибель деревенской культуры — событиям, связанным с этим процессом, посвящены многие выдающиеся произведения В.Г. Распутина.

На этом фоне оказывается достаточно логичной смена образа праведницы (Матрена из рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор») на персонажа-мстителя (Тамара Ивановна из повести В.Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»). Обновленная культура требует от автора новаторских решений, создания оригинальных характеров, в которых традиционные черты, такие как трудолюбие, доброта, сила воли, диалектически обогащаются принципиально новыми характеристиками личности, в том числе несовместимыми с христианской этикой.

Би Цзюньжу — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: byr1017@mail.ru).

Ключевые слова: традиция; влияние; новаторство; женские образы; Александр Солженицын; Валентин Распутин; деревенская проза; «Матренин двор».

Большой объем исследований, посвященных творчеству А.И. Солженицына, наглядно демонстрирует возможность разнообразных подходов к изучению творческого наследия писателя. Так, исследователей чаще всего привлекают его идеологические и социально-политические воззрения, выраженные в его художественных текстах и публицистических выступлениях. Художественная природа его произведений подвергается анализу значительно реже.

Временная дистанция позволяет сегодня интерпретировать тексты А.И. Солженицына в контексте их включенности в традицию русской литературы. Такой подход дает возможность выявить своеобразие конкретного художественного текста и сделать выводы о генетических аспектах литературного процесса, оценить и подчеркнуть значимость творчества А.И. Солженицына для его младших современников.

Понимание традиции в литературоведении предполагает комплексный историко-литературный подход к конкретному произведению или творчеству писателя, поэтому достаточно удачным кажется определение А.Г. Спиркина, который видит в традиции «определенный тип отношений между последовательными стадиями развивающегося объекта, в том числе и культуры, когда старое переходит в новое и продуктивно “работает” в нем» [Спиркин, 1978: 8].

Соответственно понимание традиции связано с феноменами «старого» и «нового». Традиция, таким образом, соотносится с проблемой художественного новаторства. Новаторство может быть как своеобразным добавлением к уже существующим построениям — художественным или интеллектуальным, не претендующим на переосмысление исходного объекта (такой подход господствовал в эпоху традиционализма), так и основным творческим принципом (например, авангардистский отказ от традиции в определенный момент сам по себе становится традицией в контексте данного направления в искусстве). По этой причине разговор о роли А.И. Солженицына в формировании традиции невозможен без анализа тех новаторских элементов, которые привносят его последователи.

В этом свете резонно обратиться к концепции динамики литературного движения, которую предложил М.М. Бахтин. Исследователь ввел в научный дискурс понятия «малое историческое время» и «большое историческое время», говоря соответственно о современной писателю действительности и об опыте предшествующих эпох [Бахтин, 1975: 23].

Проблема разнонаправленности литературного движения была актуальна для Ю.М. Лотмана. Ученый разрабатывал циркулярную модель («движение вперед есть возвращение к первооснове» [Лотман, 2000: 21]), которая, разворачиваясь в линейном пространстве или времени, обрекает литературный процесс на бесконечный самоповтор в обновляющейся форме. Выходом из этого замкнутого круга для Ю.М. Лотмана был Взрыв — понятие, обозначающее достаточно резкую смену художественной парадигмы, радикальное обновление поэтики или метода. Взрыв, по мнению ученого, всегда является следствием катастрофы.

Можно предположить, что взрывные периоды в русской литературе могут и должны быть обусловлены какими-либо травматическими событиями в социальной или культурной сфере. В этом контексте особый интерес представляют женские характеры, внимание к которым в русской литературе притягивалось, как правило, именно в переломные эпохи, когда трансформациям подвергаются основы восприятия жизни, в том числе роль женщины в социуме, а также соотношение ролей женщины и мужчины. После колоссальных общественно-политических изменений в обществе в XX в. русская женщина начала по-иному восприниматься мужчинами, да и сам мир перестал быть преимущественно «мужским». В результате появился женский персонаж, имеющий новые черты характера в советской, а позже — в российской литературе.

Достаточно интересным кажется сопоставление центрального женского образа из рассказа А.И. Солженицына «Матренин двор» (1959) с литературными типами, созданными В.Г. Распутиным, младшим современником и во многом единомышленником писателя: старухой Анной («Последний срок»), старухой Дарьей («Прощание с Матерой»), Тамарой Ивановной («Дочь Ивана, мать Ивана»). Важно сделать вывод и о том, насколько текст А.И. Солженицына сформировал традицию описания женского характера для деревенской прозы, и соответственно определить, насколько новаторски в данном контексте подошел В.Г. Распутин к задаче создания своих персонажей.

Рассказ «Матренин двор» основан на реальных событиях из жизни А.И. Солженицына. Автор любовно описывает дом Матрены Васильевны, настоящий русский дом «под одной связью», и делает заключение: «Строено было давно и добротнo, на большую семью, а жила теперь одинокая женщина лет шестидесяти» [Солженицын, 2015: 50]. Значимость образа дома, в котором обитает Матрена, показывает Н.В. Ковтун в статье «Иконическая христианская традиция в “Матренином дворе” А. Солженицына и “Избе” В. Распутина: проблема авторского диалога». Так, исследователь отмечает, что

«рассказчик находит тепло в доме Матрены в любую непогоду, хотя само строение, “когда-то могучее”, изгнило и посерело от старости. Тепло Матрениной избы — производное от ее внутренней доброты, тепло души в то время, когда “внешний” мир едва возможен для жизни». Кроме того, по мнению исследователя, «создавая в образе Матрениного двора свою модель “обетованной земли” (утраченной), А. Солженицын опирается на основные характеристики идеальной страны, представляющей собой крестьянскую религиозную мечту о Царстве Божьем на земле» [Ковтун, 2013: 17–25].

А.И. Солженицын очерчивает место христианской веры в представлениях о жизни Матрены: «Не сказать, однако, чтобы Матрена верила как-то истово» [Солженицын, 2015: 163]. Однако автор описывает, как переживала героиня потерю котелка со святой водой: верования Матрены скорее языческие, основанные на суеверии и приметах. В ней сочетаются отсутствие внешних атрибутов веры (Матрена не молится, по крайней мере не делает этого при квартире) и глубинные верования, определенные представления о существовании Бога как данности, как части бытия: «А дело всякое начинала “с Богом!” и мне всякий раз “с Богом!” говорила, когда я шел в школу» [Солженицын, 2015: 163].

В момент описания отношения Матрены к религии впервые в тексте встречается мысль о ее праведничестве. Отдельным абзацем выделяет автор важную для него мысль: «Только грехов у нее было меньше, чем у ее колченогой кошки. Та — мышей душила...» [Солженицын, 2015: 164].

В этом контексте интересным кажется сопоставление Матрены и Тамары Ивановны. Каждая из героинь по-своему связана с Богом, обладает христианской верой, но внешняя атрибутика неважна для них. Только в самый напряженный момент вспоминает о Боге Тамара Ивановна: «Господи! — без страсти, уставшим, тусклым голосом взмолилась Тамара Ивановна и решительно откинулась на спинку стула, покачалась, дав ему поскрипеть» [Распутин, 2005: 85]. Заметим, что не походы в церковь, не ежедневные молитвы, не наличие иконы в избе — признак Бога в образах героинь. Из христианской веры героини А.И. Солженицына и В.Г. Распутина берут не внешнее, а сущностное — достаточно традиционный для русской литературы ход.

Вместе с тем важно помнить, что, совершая убийство, Тамара нарушает христианскую заповедь и не может быть сопоставлена с «праведницей» Матреной, несмотря на сочувственное отношение к своей героине В.Г. Распутина. Такой контраст объясняется ситуацией, в которой находится Тамара Ивановна, и проблемой, которую она вынуждена решать. Можно говорить о том, что традиционный

образ, помещенный в травматическую, «взрывную» (используя термин Ю.М. Лотмана) ситуацию, продуцирует новаторское переосмысление и стимулирует развитие женского характера.

Еще одной чертой, которая позволяет сопоставить образы Матрены и Тамары Ивановны, является способность к состраданию. Писатели показывают, что это качество не делает жизнь проще, наоборот: сострадая, женщины теряют свое имущество (у Матрены нет ничего), свою свободу (Тамара Ивановна убивает насильника и оказывается в тюрьме), даже жизнь (помогая другим, погибает Матрена). Жалость и желание помогать окружающим — не способ отвлечься от собственных страданий и не праздное любопытство к чужой жизни, а глубокое внутреннее чувство, неотъемлемая черта характера.

Матрена Васильевна страдает подруге Матрене, которую бьет муж, даже поросенку («Трижды в день варить ему, жить для него — и потом нарезать и иметь сало» [Солженицын, 2015: 188]) — каждому живому существу. Это сострадание и жалость не уменьшают, а увеличивают душевную силу героини. Сострадание не бездейственное — героиня стремится помочь окружающим, защитить их. О Дарье из «Прощания с Матерой» В.Г. Распутин пишет: «В каждом нашем поселенье всегда были и есть еще одна, а то и две старухи с характером, под защиту которого стягиваются слабые и страдальные» [Распутин, 2016: 382].

Мотив деятельного сострадания связан с другой традиционной чертой, объединяющей персонажей В.Г. Распутина и А.И. Солженицына, — трудолюбием. А.И. Солженицын пишет: «Я заметил: у нее было верное средство вернуть себе доброе расположение духа — работа. Точас же она или хваталась за лопату и копала картовь» [Солженицын, 2015: 156]. Автор не раз подчеркивает, что работает она не только по необходимости — труд приносит удовольствие, даже в старости, когда она сильно болеет. И это качество выступает исконным, характерным для всего русского народа. Не лень, как представляется сегодня некоторым исследователям русского менталитета [Волюнкина, 2006], а трудолюбие, восприятие работы как неотъемлемой части жизни. Для Матрены немислимо потребительское отношение к миру, для нее жизненно необходимо отдавать, а не брать. При этом она прекрасно осознает, как трудна ее жизнь, «густая заботами» [Солженицын, 2015: 161], как несправедлив колхоз, не платящий пенсию, урезавший огород да еще и вызывающий время от времени «помочь». При этом она воспринимает успехи других «без тени зависти» [Солженицын, 2015: 160]. Так, Матрена не способна завидовать соседке, у которой крупнее картошка, или немногим сельчанам, кому удалось выхлопотать пенсию.

Внутренняя стойкость, сила характера — еще одна черта, объединяющая героинь А.И. Солженицына и В.Г. Распутин. Матрена пережила две войны, смерть детей, потерю мужа, она героически борется со страшной болезнью. О Дарье из «Прощания с Матерой» В.Г. Распутин пишет: «Дарья имела характер, который с годами не измяк, не повредился, и при случае умела постоять не только за себя» [Распутин, 2016: 382]. Анна из повести «Последний срок» замечает: «Я давно уж на характере держусь» [Распутин, 2016: 213]. Тамара Ивановна из повести «Дочь Ивана, мать Ивана» вообще нашла в себе силы переступить через божеские и человеческие законы и наказать насильника дочери. Это сила духа, помогающая женщинам идти по жизни, не сломившись под ударами судьбы. Для обоих писателей важно, что носителями жизненной силы являются женщины, на которых, как показано в произведениях, держится земля, благодаря которым «стоят» и город, и село.

Кажется важным тот факт, что Матрена сумела смириться с неудачами своей жизни, не озлобиться и в то же время остаться «борцом» за жизнь, за доброту и духовность, не забывая о человечности и нравственности. Для Тамары Ивановны в свою очередь мотив смирения чужд — она выбирает иную стратегию борьбы. При этом трагический финал обоих произведений акцентирует значимость жизни, борьбы, стремлений. Тамара Ивановна ценой своей свободы и страшных душевных потрясений вершит правосудие; также и Матрена, непрямо, но преображает окружающую ее действительность. Узнав о смерти Матрены, совсем не напоказ рыдает ее подруга Матрена; совершенно искренне убивается воспитанница Кира. Мир еще не может понять, что она была истинным праведником: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село» [Солженицын, 2015: 189]. Но мир уже задумался над этим, а значит, жизнь Матрены была не напрасна.

Стоит отметить, что рассказ «Матренин двор» автобиографичен, и образ героини списан с реально существовавшей женщины. Найти такого человека для А.И. Солженицына, только что вернувшегося в конце 1950-х годов из лагерей, было очень важно, возможно, это укрепило его веру в людей, в силу русского народа, способного пережить любые испытания и сохранить душевную чистоту. Вероятно, нахождение в более «взрывной» ситуации требует от автора поиска другого персонажа, в котором традиционные черты русской женщины обретают другие признаки, более адекватные кризисному состоянию мира.

Таким образом, несмотря на то что и А.И. Солженицын, и В.Г. Распутин работали в одном «малом времени», внутренний конфликт, определяющий своеобразие женских образов, одновре-

менно обуславливает диалог художественных текстов и иллюстрирует динамику литературного процесса. Те совпадения, которые наблюдаются в трактовке обоими писателями женских образов, указывают на верное понимание гендерных особенностей российского общества, ощущение важности женщины в российском цивилизационном поле.

В.Г. Распутин и А.И. Солженицын уделяли особое внимание социокультурным обстоятельствам, которые оказывали влияние на женский характер, исследовали функции женщины в семье и обществе. Героини, которых они изображают, воплощают характерные для русской женщины черты: трудолюбие, готовность помочь, бескорыстие, искренность, силу воли и способность принимать волевые решения.

Показательно, что данные образы, фактически определившие традицию на конкретном этапе литературного процесса, стали чуть ли не последними в галерее настоящих русских женщин. Авторы словно предчувствовали (а скорее всего, действительно предугадывали), что вскоре наступят кардинальные изменения в гендерных ролях, вызванные очередными социокультурными потрясениями, и женские характеры, представленные в анализируемых произведениях, начнут уходить в прошлое.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Проблема материала, содержания и формы в художественном творчестве // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. С. 6–71.
- Волюнкина В.М., Столбов В.А.* Менталитет русского народа. 2006. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300405> (дата обращения: 24.03.2017).
- Ковтун Н.В.* Иконическая христианская традиция в «Матренином дворе» А. Солженицына и «Избе» В. Распутина: проблема авторского диалога // Филологический класс. 2013. № 3 (33). С. 17–25.
- Красовская С.И.* «Матренин двор»: автор, повествователь, герой // «Матренин двор» А.И. Солженицына. Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст: Международный сборник научных трудов / Под ред. А.В. Урманова. Благовещенск, 1999. С. 98–112.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. СПб, 2000.
- Распутин В.Г.* Дочь Ивана, мать Ивана: Повести и рассказы. М., 2005.
- Распутин В.Г.* Прощание с Матерой: Повести. СПб, 2016.
- Сараскина Л.И.* Александр Солженицын. М., 2008.
- Солженицын А.И.* Рассказы. М., 2015.
- Спиркин А.Г.* Традиция в истории культуры. М., 1978.

Junru Bi

**CONVENTIONAL AND INNOVATIVE
IN THE LITERARY IMAGES
OF MATRENA AND TAMARA IVANOVNA
IN ALEKSANDR SOLZHENITSYN'S MATRENA'S PLACE
AND VALENTIN RASPUTIN'S
DAUGHTER OF IVAN, MOTHER OF IVAN**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses Matryona Vasilyevna from A.I. Solzhenitsyn's novella *Matryona's Place*, in the context of the emerging tradition of village prose and its subsequent comprehension and development. It revises approaches to the phenomenon of tradition and innovation, which become a theoretical basis for comparing works by A.I. Solzhenitsyn and V.G. Rasputin. The study shows how typical patterns of Solzhenitsyn's female images, such as kindness, diligence, lack of envy, unselfishness, patience, humility, naturalness, humanity, mercy, fortitude, strength of spirit, form the tradition and become the integral characteristic of female images in Rasputin's prose. The article demonstrates what kind of new distinguishing features has been brought to the traditional Rasputin's female images, and also makes an assumption about the essence of changes. The argumentation is based on Yury Lotman's theory of culture and outburst, which involves a "catastrophic" nature of innovative solutions that help to evolve the literary process which tends to fall into the vicious circle of renewed repetitions. The death of village culture can probably be regarded as a sociocultural "disaster", many outstanding works by Rasputin are devoted to events associated with this process. This may explain why the image of righteous Matryona from Solzhenitsyn's *Matryona's Place* changed into avenging Tamara Ivanovna in Rasputin's novel. The renewed culture demands that the author seek innovative solutions and create original characters whose conventional features such as diligence, kindness, willpower are enriched by fundamentally new characteristics of the individual.

Key words: tradition; influence; innovation; female images; Aleksander Solzhenitsyn; Valentin Rasputin; village prose; "Matrenin Dvor".

About the author: *Junru Bi* — a PhD Student of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: byr1017@mail.ru).

References

Bakhtin M.M. Problema materiala, sodержaniya i formy v hudozhestvennom tvorchestve [The problem of material, content and forms in artistic creativity]. *Questions literature and aesthetics. Research over the years.* Moscow, 1975, pp. 6–71. (In Russ.)

- Volynkina V.M., Stolbov V.A. *Mentalitet russkogo naroda* [The mentality of the Russian people]. 2006. URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300405> (accessed: 24.03.2017). (In Russ.)
- Kovtun N. Ikonicheskaya hristianskaya tradiciya v Matreninom dvore A. Solzhenitsyna i Izbe V. Rasputina: problema avtorskogo dialoga [Iconic Christian tradition in the story “Matryona’s Place” by A. Solzhenitsyn and “The Hut” by V. Rasputin: The problem of copyright dialogue]. *Philological class*, 2013, no. 3 (33), pp. 17–25. (In Russ.)
- Krasovskaya S.I. Matrenin dvor: avtor, povestvovatel, geroy [“Matryona’s Place”: Author, narrator, character]. *A.I. Solzhenitsyn’s “Matryona’s Place”*. *Art world. Poetics. Cultural context: International collection of scientific works*. Blagoveshchensk, 1999, pp. 98–112. (In Russ.)
- Lotman Yu.M. *Kultura i vzryv* [Culture and explosion]. Saint Petersburg, 2000. (In Russ.)
- Rasputin V.G. *Doch’ Ivana, mat’ Ivana: Povesti i rasskazy* [The daughter of Ivan, mother of Ivan: Novels and stories]. Moscow, 2005. (In Russ.)
- Rasputin V.G. *Proshchaniye s Materoj: Povesti* [Farewell to Matyora: A novels]. Saint Petersburg, 2016. (In Russ.)
- Saraskina L.I. *Alexander Solzhenitsyn* [Alexander Solzhenitsyn]. Moscow, 2008. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A.I. *Rasskazy* [Stories]. Moscow, 2015. (In Russ.)
- Spirkin A.G. *Tradiciya v istorii kultury* [Tradition in the history of culture]. Moscow, 1978. (In Russ.)

Е.В. Жуйкова

**НАРОДНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА СОБЫТИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЭПОПЕЕ
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо» представлено многообразие различных взглядов на события Первой мировой войны, среди которых можно выделить точку зрения профессиональных военных, позицию царя и его ближайшего окружения, взгляды социалистов-демократов. В статье рассматривается один из важнейших пластов осмысления Первой мировой войны в эпопее, а именно — народная точка зрения на эти события. Под термином «народ» понимается в первую очередь крестьянское сословие. Анализ указанной точки зрения ведется по трем направлениям: обращение к образу Арсения Благодарёва, который становится «глашатаем от народа»; рассмотрение различных позиций, представленных в семействе Томчаков; обращение к фольклорному материалу (солдатским песням, пословицам, поговорками и шуткам). Кроме того, взгляды солдат на войну показаны в их диалогах и в восприятии некоторых офицеров, чувствующих свою вину перед ними и ответственность за происходящее. Арсений Благодарёв в книге представлен как некий образ «идеального солдата», который выступает в паре с «идеальным офицером» — полковником Воротынцевым. Однако у героя есть и самостоятельная линия, подробно показаны его родная деревня и ближайшее окружение, что также способствует раскрытию темы народных воззрений на Первую мировую войну. В своих публицистических работах и в эпопее «Красное колесо» писатель показывает, что солдаты не были готовы к этой войне и не приняли ее душой. В ней сказались накопленная усталость от предыдущих войн и недоверие к правящему слою, что в ряду многих других обстоятельств и привело к трагедии революции.

Ключевые слова: Первая мировая война; революция 1917 года; литература XX века; А.И. Солженицын; эпопея «Красное колесо».

В эпопее А.И. Солженицына «Красное колесо», посвященной Русской революции, огромное место занимают также и события

Жуйкова Елена Викторовна — магистр, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, учитель литературы Университетской гимназии (школы-интерната) МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: Lany.ru@mail.ru).

Первой мировой войны. Это связано с авторским видением истоков революционного движения в России, одними из которых стали трагедия Второй армии генерала А.В. Самсонова и вся война в целом. Писатель представил целый «калейдоскоп» различных взглядов на Первую мировую войну: это и точка зрения профессиональных военных, и позиция большевиков во главе с В.И. Лениным, и отношение к войне самого царя и его круга. Но особое место в эпосе занимает народная точка зрения на военные события.

Сам термин «народ» в настоящее время имеет лишь приблизительное значение, но в начале XX в. понятие «русский народ» было тождественно понятию «русское крестьянство», которое составляло 90% населения страны. Именно крестьяне составили основную часть армии.

Система народных представлений и взглядов на события Первой мировой войны — отдельный большой пласт «Красного колеса», в котором можно выделить несколько аспектов. В первую очередь крестьянская точка зрения в эпосе представлена своеобразным «глашатаем от народа» — солдатом Арсением Благодарёвым и его ближайшим окружением. Другой ее ракурс определен многообразием позиций, показанных в рамках семьи Томчаков. И третий, не менее важный аспект представляют разнообразные фольклорные элементы, такие как солдатские песни, в которых проявляются народные воззрения на события Первой мировой войны. Этот пласт дополняют разговоры между солдатами, в изобилии представленные на страницах «Красного колеса».

Арсений Благодарёв — самый яркий представитель крестьянской среды, прототипом которого стал, как известно, Борис Можаяев. Этого героя мы можем встретить также на страницах двучастных рассказов, которые базируются на материалах, не вошедших в «Красное колесо» (он упоминается в рассказе «Эго»).

Изначально Благодарёв в «Красном колесе» предстает перед читателем в роли солдата-проводника, крестьянина, приставленного к более образованному, но не всегда превосходящему его опытом офицеру. Арсений выступает в паре с полковником Георгием Воротынцевым, блестяще образованным боевым офицером, сразу заметившим солдата. В эпосе подчеркивается, что Благодарёв — простой солдат, однако войну понимает лучше иных генералов. Благодарёв и Воротынцев оказываются в одном окопе, и полковник обращает внимание на широкое добродушное лицо солдата, а потом его поражает фамилия: «Ловкая подхватистая фамилия, и так же подхватисто он выговорил её, тёплым помелом прошел по сердцу. Благодарёв! — такой, видно, лёгкий на благодарность, вот

уже готовый и Воротынцева чуть ли не благодарить» [Солженицын, 2010а: 234].

Изображая полковника Воротынцева и нижнего чина Благодарёва сидящими в одном окопе под немецким артобстрелом, А.И. Солженицын сопоставляет их видение войны. Полковник оценивает все это с позиции военной науки: Ему, академисту, и то усилием ума надо было внушать и внушать себе, что теоретически из окопа полного профиля даже за час такой работы не могут вырвать более четвертой части защитников, значит, 75% за то, что ты останешься жив [Солженицын, 2010а: 239]. В данной ситуации у профессионального военного есть явное преимущество перед солдатом — он знает из данных статистики, что у него немалые шансы выжить. Но у солдата моральное превосходство: он смел, шутит с полковником и улыбается ему, думая, что может умереть каждую секунду.

Однако в системе персонажей «Красного колеса» этот герой появляется не только в паре с офицером, у него есть самостоятельная романная линия, которая включает семью Арсения, его родную деревню и ближайшее социальное окружение героя, когда он приезжает домой «на побывку». Этот «мирный» пласт в контексте разговора о войне представляется не менее важным: стремясь охватить все возможные интерпретации войны, писатель не обходит вниманием и проблемы «тыла», показывая постепенное оскудение некогда зажиточной деревни.

Речь Арсения Благодарёва очень афористична и напитана народным языком — он буквально разговаривает пословицами и поговорками. Так, показательны его ответы на вопросы «старожилов» деревни о том, как они воюют: «Так и воюем, очень просто: под головы кулак, под бока и так. Ждём, чего хвифебель завтра выдаст, сахарок ли, чаёк. У вас вот нетути, а мы усем обеспечены» [Солженицын, 2010b: 470].

Такое постоянное обращение к пословицам неслучайно: для крестьянского сознания пословицы, поговорки являются источником истины, знаний о мире, именно поэтому они привлекаются в тексте «Красного колеса» на различных уровнях. Гуляя по деревне, на всех застольях, где его спрашивают про войну, Арсений рассказывает о ней примерно следующее: «“Знай службу, плуй в ружьё, да не мочи дула!” Аль: “Не что солдату и без шубы деется, идёт да греется!” Но хотя и ещё такое было присловье — “солдат в отпуску — рубаха из порток”, а сам затянутый ходил, да рядом с таким становитым батькой живот распустить и погорбиться — страм» [Солженицын, 2010с: 123].

Однако писатель не идеализирует народ: он может быть не только источником русской многовековой мудрости, но и проводником

наивных мифических представлений о войне. Первая мировая война в народном сознании уже начинает обрастать мифами: и что вместо французов черти воюют, и что немец стреляет огнем, как сказочный Змей Горыныч. Тот же самый народ-богоносец иногда бывает источником сплетен и слухов, передающихся из уст в уста. Особенно часто это касается императрицы и ее связи с немцами или с Распутиным.

Разговор с зажиточным крестьянином Плужниковым, который приглашает в гости обоих Благодарёвых — отца с сыном, важен для создания некой общей картины народных представлений о войне. Плужников спрашивает у Арсения, о чем говорят и думают солдаты, на что тот отвечает: «Кто где давеча был при обстреле, при газах, как кого цапануло; да про бабу свою — не сбалует ли; да про хозяйство — как его там тянут без работников; да как лошадей немцы куют не по-нашенски; да как белорусы...» [Солженицын, 2010с: 138].

Мы видим, что крестьян волнуют обыденные вопросы, большинство из которых связаны с родным домом. Никаких размышлений о величии своей страны, которое нужно отстоять в сражениях, или исторических судьбах России. Тут же речь заходит об измене и «Гришке» — Григории Распутине. На него очень сердиты и Арсений, и его отец: по их мнению, любой мужик, попав «наверх», должен отстаивать народные интересы, выразить крестьянскую точку зрения, а тот превратился в барина и опустился до разврата.

В характере Арсения Благодарёва А.И. Солженицын создает некий собирательный образ «идеального солдата», подобно тому, как полковник Воротынцев предстает идеальным офицером. Однако герой не лишен человеческих недостатков, слабостей, подобно Василию Тёркину А.Т. Твардовского. При этом солдатская, народная точка зрения на военные события в «Красном колесе» совершенно иная, чем в поэме «Василий Тёркин». Две эти войны, Первая мировая и Великая Отечественная, играли в русской истории совершенно разные роли. Текст «Красного колеса» показывает, что Первую мировую войну народ не принял, не поняв ее целей и смысла. Это особенно остро чувствуют одаренные и чуткие офицеры, такие как Георгий Воротынцев.

Алла Латынина, размышляя о том, что русской литературе не привыкать брать нравственные уроки у мужика, характеризует Арсения Благодарёва следующим образом: «Перед нами — новый тип человека из народа, на которого и рассчитана столыпинская реформа: хороший, умный солдат, дисциплинированный, без заискивания перед начальством, с чувством собственного достоинства, но без панибратства. Благодарев и крестьянин такой же. Энергичный, ловкий, сметливый, он не упустит в хозяйстве ничего, он воспользуется

столыпинской волей, чтоб выйти из общины, построиться, завести хозяйство, — и, конечно, начнет богатеть. В следующей своей фазе, спустя десяток-другой лет, это Захар Томчак, уже не крестьянин даже и не кулак — сельскохозяйственный магнат, образцово поставивший прибыльное дело» [Латынина, 1993].

В самом деле, в первых томах «Красного колеса» писатель создает образ П.А. Столыпина и подробно анализирует его реформы, несмотря на то что хронологически жизнь премьер-министра не укладывается в рамки «повествования в отмеренных сроках». А.И. Солженицын поддерживал политику П.А. Столыпина в отношении русского крестьянства. В очерке о премьер-министре писатель подчеркивает, что дворянин П.А. Столыпин обладал уникальным острым чувством земли, и «русский крестьянин на русской земле» составлял с ранней юности главный «узелок» его судьбы. П.А. Столыпин выступал за частную собственность крестьян на землю и, как следствие, против общины и сменяемости хозяев земельных наделов. По мнению А.И. Солженицына, последний царь, как и большинство его предшественников, неверно строил политику в отношении крестьянства. Не доверяя ему, не видя в нем свободного субъекта экономической и политической деятельности, Николай II настаивал на неприкосновенности общины. Именно из-за отсутствия собственной земли крестьяне не испытывали уважения и к чужой собственности. П.А. Столыпин считал, что чувство частной собственности — это залог государственного порядка, и оно так же естественно, как потребность в пище.

П.А. Столыпин не успел реализовать все задуманное. В концепции революции, представленной на страницах «Красного колеса», убийство премьер-министра и невозможность осуществить его реформенную политику стали одними из ее причин. Невоплощенная в жизнь земельная реформа косвенно повлияла на развитие в крестьянской среде революционных настроений, поскольку крестьянин, довольный своим земельным наделом, не стал бы в ряды революционеров.

Возвращаясь к процитированному высказыванию А. Латыниной, важно обратить внимание на то, что она ставит в один ряд Арсения Благодарёва и Захара Томчака, считая, что Томчак — это следующая ступень развития зажиточного и толкового крестьянина, на которого рассчитана столыпинская реформа. Показывая экономию Томчака, А.И. Солженицын размышляет о путях развития фермерского хозяйства в России. Этот герой, прототипом которого стал дедушка писателя по материнской линии, показан с большой долей авторской симпатии: став хозяином крупной экономии, он сохраняет кровную, родовую связь с миром крестьянства, его породившим.

Его сын Роман, напротив, представляет позицию, более близкую буржуазии, утратившей национальные корни. Писатель создает весьма неприглядный образ Романа Томчака: он труслив, не очень порядочен и делает все, чтобы не идти на фронт. Он может только «играть» в войну, расставляя флажки и помечая границы государств на карте после прочтения новостей в газетах. На его фоне контрастно выглядит позиция жены, Ирины, — она-то как раз готова идти на фронт и воевать вместо слабого и безвольного мужа. В концепции, предложенной В.В. Гуськовым для описания и систематизации персонажей эпопеи [Гуськов, 2010], есть отдельная и очень важная для творчества А.И. Солженицына категория — герои-рыцари. К ним относятся, как правило, герои мужского пола, но и Ирина Томчак по своим взглядам и неукротимому желанию отправиться на войну может быть отчасти отнесена к этой категории. В образе Ори, как зовут ее домашние, писатель показал возможность высокого гражданского чувства в женщине. Она готова отдать всю свою спокойную и комфортную жизнь в экономии за героиню войны, просит мужа пойти на фронт вместе или отпустить ее одну, но его такая активность жены задает и оскорбляет. Роман не может снести двойного позора, поэтому вместо всех героических порывов женщины единственное, что ей позволено, — вступить в Общество Двенадцатого года, которое сначала боролось с немецким засильем в России, потом с немецким же землевладением. Однако соседняя с Томчаком экономия принадлежала барону фон-Штенгелю, да и в целом многое в устройстве собственной экономии Захар перенимал у немцев, поэтому после заступничества за немецких соседей Ирину исключили. А Захар Томчак тоже уважал немцев, многое у них заимствовал для успешного устройства хозяйства. Из-за этого саму войну Томчак называл «бисовой дуростью». Он считал, что русским надо не воевать с немцами, а многому у них поучиться в хозяйственном отношении: «Сейчас, когда годы такие пошли, что Россия соками наливается, не воевать надо было, а по тому Еригерцогу панихиду отслужить да на поминках трём императорам выпить горилки» [Солженицын, 2010а: 71]. Ему чужд героический порыв невестки, он не хочет отпускать на бессмысленную войну ни сына, ни хороших мастеров, ни вольнонаемных казаков, поэтому делает все, чтобы освободить их от воинской службы.

Семья Захара Томчака показывает, сколь многообразны взгляды на войну даже в кругу людей, связанных родственными узами. Томчаки не являются крестьянами в полном смысле слова, но они «плоть от плоти» крестьянства, их волнуют те же проблемы, поэтому народную точку зрения нельзя представить, не учитывая их позицию.

Народные воззрения на Первую мировую войну выражены и в фольклоре. Это не только поговорки (поговорки), но и специфический солдатский фольклор, который А.И. Солженицын собрал, сохранил и включил в текст «Красного колеса».

Среди них — солдатская песня, в которой создается фольклорный образ противника России Вильгельма. Одна из русских солдатских песен 1914 г., сохранившаяся на почтовой открытке, начинается со строк о том, что «немец белены объелся, драться в кулаки полез», а продолжается образом усатого Васьки-кота, в котором нетрудно узнать Вильгельма:

Запевала: А ведёт их войско важно
К нам усатый Васька-кот! [Солженицын, 2010а: 222]

В других образцах солдатского фольклора облик Вильгельма и других немецких офицеров подвергается комическому переосмыслению и шаржируется, например, так:

Ах ты, герман-герман, шельма!
Наплевать нам на Вильгельма!
А уж Франца, дурака,
Раздерём мы до пупка! [Солженицын, 2010а: 341]

Комические призывы к победе над противником можно встретить и в газетных подборках, представленных в «Красном колесе». Например, в газете «Биржевые ведомости» был опубликован такой призыв, вселяющий в солдат патриотический дух:

Собирай-ко-тёшь, ребята,
Кто к военной службе гош!
Зададим мы немцу перцу,
Пропадёт он ни за грош! [Солженицын, 2010с: 152]

Неслучайно одной из самых «народных» черт Благодарёва, симпатичной автору и полковнику Воротынцеву, оказывается «легкость к смеху». Как раз с Арсением связан один из самых комических эпизодов в эпопее — встреча с генералом Франсуа и немецкими солдатами. На войне такие люди особенно нужны: «Видно, лих был смеяться Благодарёв, так и несло его на смех. Ну да и работать, наверно, лих» [Солженицын, 2010а: 237].

Однако комический пафос — это не единственное настроение солдатских песен. Некоторые пронизаны откровенным лиризмом и тоской: одна из них обращена к родной матушке, которая должна посеять песок со дна морского, и только после того, как песок взойдет, вернется ее сын. Понятно, что песня эта — воплощение безысходности.

Как мы видим, комическое и трагическое одновременно уживаются и в солдатских песнях, и в душе каждого воина. Фольклор

как очень чуткая система отражает неуловимые оттенки настроения солдат, раскрывает весь спектр их чувств на войне. Кроме того, песни помогали солдатам абстрагироваться от ужаса и смертей.

А.И. Солженицын не избегает и таких сложных для осмысления тем, как мародерство в ситуации военного времени. Писатель с присущей ему прямоотой правдиво изображает и эту сторону войны, но не берется давать ей однозначную оценку. Первая мировая война вовсе не героизируется. В своих публицистических работах [Солженицын, 1995: 675] писатель отмечал, что в этой войне сказалась накопленная усталость народа от всех прежних русских войн, от побед в которых народ не получал ничего. Это накладывалось на переданное от предыдущих поколений недоверие к правящему классу и стало одной из причин революционного восстания в России. Такая мысль находит художественное воплощение на страницах «Красного колеса».

Список литературы

- Гуськов В.В. Кто раскрутил Красное колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное колесо». Благовещенск, 2010.
- Латынина А. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу? // Новый мир. 1993. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/11/latin.html (дата обращения: 19.04.2018).
- Солженицын А. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Август Четырнадцатого // Собрание сочинений: В 30 т. Т. 7. Кн. 1. М., 2010а.
- Солженицын А. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Октябрь Шестнадцатого // Собрание сочинений: В 30 т. Т. 9. Кн. 1. М., 2010б.
- Солженицын А. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Октябрь Шестнадцатого // Собрание сочинений: В 30 т. Т. 10. Кн. 2. М., 2010с.
- Солженицын А. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995.

Elena V. Zhuykova

THE PEASANT'S STANDPOINT ON WORLD WAR I IN ALEKSANDR SOLZHENITSYN'S RED WHEEL

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses a complex of ordinary people's views on World War I in the epic novel *The Red Wheel* by A. Solzhenitsyn. The views on World War I are

several in the Red Wheel, for instance, by the professional military and the Social Democrats under V. Lenin. But special emphasis in the book is laid on the peasant's viewpoint. This theme in the article is regarded from three sides. First, the image of soldier Arseny Blagodarev and people around him. The second perspective is the variety of positions in the Tomchak family. And the third is expressed through various folklore elements, such as proverbs and soldiers' songs. It is argued that the soldiers were not ready for the war and did not understand its meaning, and this is what might have caused the subsequent tragic events in Russian history.

Key words: World War I; Revolution of 1917; 20th-century literature; A. Solzhenitsyn; the epic “The Red Wheel”.

About the author: *Elena V. Zhuykova* — PhD Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Teacher of Literature at the Boarding School of Lomonosov Moscow State University (e-mail: Lany.ru@mail.ru).

References

- Gus'kov V.V. *Kto raskrutil Krasnoe koleso? Sistema personazhej istoricheskoy epopei A.I. Solzhenitsyna “Krasnoe koleso”* [Who untwisted the Red wheel? System of characters of historical epic by A. Solzhenitsyn “The Red wheel”]. Blagoveshchensk, 2010. (In Russ.)
- Latynina A. “Patent na blagorodstvo”: vydast li ego literatura kapitalu? [“Patent for nobility”: Will this give literature to capital?] *Novyj Mir*, 1993, no. 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/11/latin.html (accessed: 19.04.2018). (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh strokakh. Avgust Chetyrnadcatogo [The Red wheel: August 1914]. *Sobranie sochineniy*: V 30 t. T. 7. Kn. 1 Collected Works. Moscow, 2010a. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh strokakh. Oktjabr' Shestnadcatogo [The Red wheel: October 1916]. *Sobranie sochineniy*: V 30 t. T. 9. Kn. 1 Collected Works. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. Krasnoe koleso: Povestvovan'e v otmerennyh strokakh. Oktjabr' Shestnadcatogo [The Red wheel: October 1916]. *Sobranie sochineniy*: V 30 t. T. 10. Kn. 2 Collected Works. Moscow, 2010c. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. *Publicistika*: V 3 t. T. 1 [Publicism: In 3 vol. Vol. 1]. Jaroslavl', 1995. (In Russ.)

П.Е. Спиваковский

МЕТАМОДЕРНИЗМ: КОНТУРЫ ГЛУБИНЫ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье анализируются новые возможности, связанные с относительно недавним появлением теории метамодернизма как новой дискурсивной практики, новой чувствительности и новой культурной логики. Показано, что исследователи культуры, в том числе историки русской литературы, уже давно высказывают недовольство традиционной постмодернистской теорией, находя ее неадекватной для описания и анализа современных культурных тенденций. Одновременно с этим утверждается непродуктивность попыток увязать новейшие тенденции в культуре с дискурсивными системами прошлого (в том числе с модернизмом), в связи с чем возникает потребность в современной теоретической системе, ориентированной на культурные задачи нашей эпохи. Такой системой может стать метамодернизм, теория которого достаточно активно развивается в последние годы. Метамодернизм, по мнению создателей этой теории, медленно, но неуклонно приходит на смену культурной логике постмодернизма. Не отрицая наличия постмодернистских тенденций в современном мире, теоретики метамодернизма, отталкиваясь от знаменитой статьи (а затем книги) Ф. Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма», утверждают возвращение аффекта, историчности и преодоление безглубинного постмодернистского сознания, видя в этом выход современной культуры за рамки постмодерна. Ключевым элементом нового направления авторы теории метамодернизма называют принцип осцилляции, т.е. «колебания» между постмодернистским, модернистским и, возможно, романтическим типами восприятия. В статье рассмотрены некоторые спорные аспекты метамодернистской теории и предложен вариант решения связанных с ними вопросов. Таким образом, статья предлагает достаточно новую для российского академического литературоведения методологию анализа современной литературы.

Ключевые слова: метамодернизм; современная теория; глубина; осцилляция; аффект; Вермёлен, ван ден Аккер; постмодернизм.

Спиваковский Павел Евсеевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: p.e.spiwakowsky@gmail.com).

Начнем с предыстории. В 1984 г. была опубликована знаменитая статья Фредрика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» [Jameson, 1984], позже ставшая частью книги с тем же названием [Jameson, 1991], где были довольно ясно обозначены черты постмодернизма как культурной практики. Среди прочего там шла речь о том, что постмодернизм характеризуется *ослаблением историчности, угасанием аффекта и отсутствием глубины*, которая «замещается поверхностью или множеством поверхностей (что в случае зачастую даваемого им обозначения интертекстуальности перестает в этом смысле быть содержанием глубины)» [Jameson, 1991: 6, 10]. Концепция Ф. Джеймисона тесно связана с предшествующей постмодернистской теорией и весьма четко обрисовывает ее теоретические рамки.

Возможно ли погружение в культуру без глубины и (почти) без эмоций? Видимо, да. Но какова цена такого погружения в отчетливо обозначенную безглубинность? Ольга Седакова обращает внимание на эмоционально-психологические последствия широкого распространения радикально-постмодернистских теоретических представлений: «В мае 1999 года в Ферраре состоялся представительный международный симпозиум “Современный имагинарий”, в котором и мне довелось участвовать с докладом <...>. Многие участники симпозиума (среди которых были и столпы постмодернизма, его отцы-основатели) высказывали весьма резкое неодобрение современного — постмодернистского — имагинария или просто усталость от него. Тоска по образу, по символу, тоска по этике, по прямому и сильному высказыванию — вот главное, что слышалось за всеми этими словами» [Седакова, 2010: 362]. Неслучайно в наше время все больше исследователей высказывают неудовлетворенность ортодоксальной постмодернистской теорией, находя ее слишком узкой, слишком жесткой и потому недостаточной для описания и анализа современных культурных, в том числе дискурсивных, практик. Говорят и о конце постмодернизма. Это связано, в частности, с тем, что в последние полтора-два десятилетия исследователи все реже употребляют данный термин. Например, лиотаровское недоверие к метанарративам стало куда менее актуальным, хотя и не деактуализировано полностью, а самодовлеющая игра с симулякрами привлекает все меньше внимания. Связано это с тем, что, по словам И.В. Кукулина, «первые значимые признаки перехода культур европейско-американского региона в новое — постмодерное — состояние появились в 1950-х годах. С тех пор миновало несколько десятилетий, и само постмодернистское состояние культуры прошло большую эволюцию. Нынешняя культура по некоторым признакам явно отличается от той, которая описана у классических теоретиков

постмодернизма» [Кукулин, 2003]. Вместе с тем есть, пожалуй, даже слишком много подтверждений того, что мы по-прежнему живем в мире имитаций, и это может быть осмыслено как проявление постмодерности. В самом деле: размах имитационности по сравнению с прежними эпохами и даже с эпохой Ж. Бодрийера кажется невиданным и не сравнимым ни с чем. Имитируется буквально все, причем речь идет не только о СМИ, не только об аудио- и видеозаписях, активнейшим образом имитируется даже наша пища¹. Мир, который нас окружает, все менее походит на «реальный» в прежнем значении этого слова, однако из этого вовсе не следует, что мы не можем воспринимать подобного рода имитационность всерьез. Более того, весомым ответом на экспансию имитационности может быть только глубокое понимание ее собственной природы: верификация невозможна «вслепую». Однако анализ глобальной системы современных имитаций уже не может удовлетворяться стандартными релятивизирующими стратегиями постмодернистской теории и требует нового восприятия сложившейся системы симулятивных практик.

Новые веяния проявляются и в русской литературе. Так, Илья Кукулин еще в 2002 г. в процитированной нами статье высказал мнение о том, что в настоящее время приставка «пост» потеряла свое значение и мы находимся в ситуации, когда вновь актуален оказывается модернизм [Кукулин, 2003]. Михаил Голубков в 2003 г. высказал гипотезу о том, что русский постмодернизм закончился в 2000 г. на романе «Кысь» и что в дальнейшем русские постмодернистские произведения создаются скорее по инерции, как, например, создавалась трилогия Андрея Белого о Москве, но это уже нечто не вполне живое, поскольку эпоха постмодернизма, по мнению исследователя, закончилась [Голубков, 2003]. Однако попытки заменить постмодернизм старыми дискурсивными системами — модернизмом и реализмом — также не слишком удачны. В этом плане обращает на себя внимание концепция А.А. Житенева, который, анализируя русскую поэзию 1960—2000 гг., заговорил о неомодернизме, вообще игнорируя постмодернизм как понятие и вписав поэзию, которую обычно принято считать постмодернистской, в неомодернистскую парадигму [Житенев, 2012]. Эта концепция имела довольно широкий резонанс, в частности, ее обсуждали на страницах 122-го номера журнала «Новое литературное обозрение», где высказывались разные точки зрения. Наиболее убедительной в рамках этой дискуссии

¹ Впрочем, крепнут и антиимитаторские настроения: борьба с фейками становится все актуальнее, как и, например, движение за экологически чистое питание, которое, однако, может быть «вывернуто наизнанку» и служить прикрытием для новых, еще более изощренных имитаций.

представляется позиция Марка Липовецкого, по словам которого А.А. Житенев недостаточно внимателен к постмодернистским тенденциям в поэзии, он фактически игнорирует их, и в том, что он называет неомодернизмом (относя к нему даже поэзию Д.А. Пригова), слишком много отчетливо постмодернистских черт [Липовецкий, 2013]. (Нео)модернистская альтернатива в этом плане рискует оказаться малоосмысленной попыткой «вернуться назад», в уютное и хорошо освоенное прошлое, своеобразным квазисовременным *déjà vu*.

Так или иначе, но перед исследователем русской литературы конца XX — начала XXI в. стоит важная задача: необходимо охарактеризовать множество литературных и культурных явлений, которые не укладываются в рамки ортодоксально понимаемого постмодернизма и в то же время несут в себе постмодернистские черты. Это особенно важно, если учесть, что с точки зрения ортодоксально понимаемого постмодернизма в нем не должно быть ни настоящей серьезности, ни трагизма, ни сильных эмоций, ни искренней, непародийной религиозности. Постмодернистская деконструктивистская игра не столько даже *не предполагает* проникновения вглубь, сколько предполагает именно *непроникновение*, иронически проецируя глубину предмета на «поверхность» [Jameson, 1991: 12]. Но в таком случае возникает вопрос: каких авторов со строго постмодернистской точки зрения мы можем причислить к этой дискурсивной практике? Первый, кто приходит на ум, — это, конечно, Д.А. Пригов, в произведениях которого деконструктивистская ирония почти тотальна: практически в любых «общепринятых» ценностях автор обнаруживает следы конвенциональности, что, по его мнению, обесценивает их, превращая в сомнительные, малоубедительные и малоценные, с точки зрения автора, симулякры. И при всей сложности и эвристической масштабности² творчества Д.А. Пригова его произведения в достаточной степени укладываются в постмодернистскую парадигму и тяготеют к тому типу постмодернизма, который, по словам Александра Скидана, можно охарактеризовать как постмодернизм, близкий к авангарду [Скидан, Платт, 2017]. К постмодернизму в более или менее строгом смысле этого слова можно причислить, например, «Сердца четырех» и «Голубое сало» В.Г. Сорокина, однако многие произведения писателя не укладываются в прокрустово ложе этой теоретической системы.

² Например, Ирина Прохорова назвала Д.А. Пригова современным Данте: «Как в свое время Данте, он описал наш варварский мир и создал новый литературный язык. Все его творчество — это один большой теологический проект. А все мы — персонажи его произведений» [Чачко, 2010]. Вероятно, еще точнее было бы назвать проект Д.А. Пригова антитеологическим.

Более того, проблема заключается в том, что в большом количестве произведений, традиционно относимых к постмодернистским, присутствует, например, трагическое начало, о чем писал, в частности, Марк Липовецкий, стремившийся несколько расширить теоретические рамки постмодернизма, дабы включить в него эти тексты. Так, говоря о трагическом начале в «поэме» Вен.В. Ерофеева «Москва — Петушки», он утверждал: «Пример Ерофеева не единичен: трагические обертоны отчетливо звучат в первых двух романах Саши Соколова, в “новом автобиографизме” Довлатова и в исторических фантазиях В. Шарова, в поэзии Иосифа Бродского, Игоря Холина, Елены Шварц, Виктора Кривулина, Александра Еременко; приглушенно (“апофатически” — сказал бы М. Эпштейн) трагизм прорывается и в “стихах на карточках” Льва Рубинштейна, и даже в детективах Б. Акунина» [Липовецкий, 2008: 24]. Александр Эткинд в связи с этим замечает, что, по мнению автора «Паралогий», «русский постмодернизм в высшей степени трагичен, что делает концепцию Липовецкого существенно отличающейся от принятого понимания постмодернизма» (перевод наш. — П.С.) [Etkind, 2009: 953]. При этом ученый подчеркивает: «Книга Липовецкого представляет собой самый полный научный труд о постсоветской культуре из всего написанного на каком-либо языке» (перевод наш. — П.С.) [там же].

В связи с этим возникает вопрос: так ли уж важны строгие постмодернистские рамки? Ответ неочевиден. В попытке теоретического осмысления данной ситуации можно пойти двумя путями. Можно попытаться трактовать постмодернизм все более расширительно, и тогда многие произведения попадут в его рамки, но определенность самого термина расплывется, а главное — лишится связи со своим весьма мощным теоретическим фундаментом, ставшим в наше время уже классическим. В силу исторически сложившейся теоретической ситуации это весьма нежелательно. Есть и другие пути: существует целый ряд альтернативных «постпостмодернистских» теоретических концепций, предлагающих выход из сложившегося тупика, характерного не только для осмысления путей русской литературы, но и для культуры как таковой. В этом плане привлекают внимание *гипермодерн* Жилия Липовецкого, *цифромодернизм* Алана Кирби, *автомодернизм* Роберта Самуэльса, *альтермодернизм* Николая Буррио³. Однако наиболее серьезно разработанной и, как представляется, наиболее перспективной является теоретическая концепция метамодернизма. Она не предполагает полного разрыва с постмодернистскими тенденциями, поскольку в современной культуре они деактуализированы лишь частично, но при этом на месте привычного для нас и весьма

³ Обзор существующих «постпостмодернистских» концепций культуры содержится, в частности, в сборнике: [Supplanting the Postmodern, 2015].

неудобного прокрустова ложа ортодоксальной постмодернистской теории оказывается новый теоретический комплекс, с помощью которого постепенно все ярче вырисовываются очертания метамодернизма как новой чувствительности, новой культурной логики, медленно, но неуклонно приходящей на смену культурной логике постмодернизма. Это намного более свободная и диалектически неоднозначная теоретическая система.

На сегодняшний день существуют несколько концепций метамодернизма. Одной из первых эту идею предложила Александра Думитреску, исследовательница из Новой Зеландии (Университет Отаго)⁴. Еще одна выразительная фигура в сфере изучения метамодернизма — Ханци Фрайнахт (Hanzi Freinacht), эксплицитный автор портала <https://metamoderna.com> и книги «The listening society: A Metamodern guide to politics». Ханци Фрайнахт предстает перед читателями в облике философа-отшельника, живущего где-то в Альпах и предающегося размышлениям о настоящем и будущем (у него есть даже собственная страница в Фейсбуке), однако на самом деле такой человек вообще не существует, а за его псевдонимом скрываются датские исследователи Эмиль Эйнер Фриис (Emil Ejner Friis) и Даниэль Гёрц (Daniel Görtz) [см., например: Evans, 2017]. Впрочем, несмотря на обилие написанного, серьезного резонанса в научном мире их идеи не получили.

Наиболее влиятельная на сегодняшний день концепция метамодернизма изложена голландскими учеными и философами Тимотеусом Вермёленом⁵ и Робинотом ван ден Аккером в «Заметках о метамодернизме» (2010) [Вермёлен, Аккер, 2015]⁶. Авторы говорят о конце постмодернизма как о практически общем месте в дискурсе о новейшей культуре и утверждают необходимость новой теории: «Эти тенденции и направления невозможно более объяснять в терминах постмодернизма. Они выражают (и часто защищают) оптимизм и (в случае ложных представлений) искренность, которые намекают на другую структуру ощущений, подразумевают другой дискурс. История, очевидно, быстро движется уже после своего поспешно объявленного конца» [Вермёлен, Аккер, 2015]⁷. По мнению

⁴ Ознакомиться с ее концепциями можно в блоге <https://metamodernism.wordpress.com>. Работы исследовательницы также представлены на ее странице: <https://otago.academia.edu/AlexandraDumitrescu>.

⁵ Наиболее распространенная на сегодня русская транслитерация этой фамилии — «Вермюлен» — некорректна, так как базируется на неверном представлении о голландской фонетике.

⁶ Английский текст: [Vermeulen, Akker, 2010]. Безусловно, это не первый случай употребления данного термина, о чем авторы не устают напоминать, однако именно они наполнили его научно актуальным содержанием.

⁷ Очевидно, что имеется в виду знаменитая концепция «конца истории» Ф. Фукуямы.

Т. Вермёлена и Р. ван ден Аккера, в основе современной культуры лежит ощущение раскачивания или, как называют его теоретики, *осцилляции* между различными полюсами: «...метамодернизм раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модерна и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомленностью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью. Конечно, раскачиваясь туда и обратно, вперед и назад, метамодерн пытается преодолеть противоречия между модерном и постмодерном. Важно, однако, не считать это раскачивание балансированием, напротив, это скорее маятник, колеблющийся между 2, 3, 5, 10, бесчисленным количеством разных положений. Всякий раз, как энтузиазм метамодерна качнет в сторону фанатизма, гравитация вытягивает его обратно к насмешке; в миг, когда насмешка качнется в апатию, гравитация вытягивает его обратно в энтузиазм. <...> Эту динамику, пожалуй, лучше всего описать метафорой метаксиса. Буквально, термин метатаксис (μεταξύ) переводится как “между”» [Вермёлен, Аккер, 2015]. Привлекает внимание, в частности, и гибкость этого подхода, поскольку осцилляция предполагает возможность инкорпорирования в данную философскую и эстетическую систему практически любых тенденций, ни одна из которых не может и не должна стать доминирующей, а тем более единственно возможной. Авторы данной концепции избегают жестких формулировок, отказываясь называть метамодернизм философией и настаивая на том, что это не новая утопия или концепция, предписывающая что-либо. В этом плане очень показательны слова британского художника и фотографа Люка Тёрнера, автора работ «Метамодернизм: краткое введение» и «Манифест метамодернизма», которого можно наряду с Т. Вермёленом и Р. ван ден Аккером считать одним из основоположников данной концепции: «Метамодернизм не предлагает утопическое мировоззрение, вопреки тому, что он описывает атмосферу, в которой сильное желание утопий, несмотря на их бесполезную сущность, набирает силу. Таким образом, дискурс метамодернизма имеет скорее описательный, нежели предписывающий характер; включенные средства формулировки предстоящих изменений ассоциируются со структурой чувства, для которой терминология постмодернистской критики стало недостаточным и будущее которой все еще требует построения» [Тёрнер, 2015]⁸.

На протяжении нескольких лет, прошедших с момента опубликования «Заметок о метамодернизме», создатели этой концепции развили исследовательский проект, отчасти представленный на англоязы-

⁸ Английский текст: [Turner, 2015].

зычном сайте «Notes on Metamodernism» (<http://www.metamodernism.com>)⁹. Наиболее значимым академическим достижением в изучении метамодернизма стала вышедшая под редакцией Р. ван ден Аккера, Э. Гиббонс и Т. Вермёлена коллективная монография [Metamodernism, 2017]. О ее теоретическом фундаменте Р. ван ден Аккер рассказал в интервью русскоязычному порталу, посвященному метамодернизму: «Джеймисон в каком-то смысле — это наш методологический инструмент, мы используем его методологию. Наша книга корнями уходит в его анализ постмодернизма. Он говорит о культуре постмодернизма, которая характеризуется убыванием историчности, аффекта, глубины. И в нашей книге есть три части, структурированные соответственно: часть о возвращении историзма или о методе историзма в метамодернизме, затем часть о метамодернистской модальности аффекта и часть о метамодернистской форме глубины, прослеживаемой в современной культуре. Так что Джеймисон для нас как плацдарм, благодаря которому мы видим, что при использовании его же методологии описываемое им, будучи верным для определенного периода времени, оказывается не актуально для нашей эпохи. Это позволяет нам сказать, что мы более не пребываем в постмодернизме, но находимся другом культурном промежутке, который мы называем метамодернизм» [Аккер, 2017]. Редакторы коллективной монографии собрали под одной обложкой работы целого ряда исследователей, в последнее время предлагавших новые концепции культуры после постмодерна, не исключая авторов, не вполне совпадающих с их собственными взглядами (так, Ли Константину, автор главы о постиронии, намеренно избегает употребления приставки «мета», Ирмтрауд Хубер, принявшая участие в коллективной монографии о метамодернизме, в своей книге «Literature after Postmodernism» [Huber, 2014] вообще не дает конкретное терминологическое обозначение новому культурному периоду, а Рауль Эшельман, автор концепции перформатизма, в статье, напечатанной в упомянутом сборнике, подробно описывает расхождения своего аналитического инструментария с инструментарием метамодернизма). Такая концептуальная многовекторность вполне закономерна и является серьезной попыткой обобщения основных тенденций в современной культуре, выходящих за пределы постмодернистской парадигмы.

⁹ В интернете теории метамодернизма посвящены три сайта. Помимо упомянутого, созданного в рамках проекта Т. Вермёлена и Р. ван ден Аккера, это сайт (точнее, блог) Александры Думитреску, разработавшей собственную концепцию метамодернизма и использующей ее в основном применительно к новозеландской литературе (<https://metamodernism.wordpress.com/>), а также упомянутый сайт <http://metamoderna.org>, якобы созданный Hanzi Freinacht.

Впрочем, Т. Вермёлен и Р. ван ден Аккер подчеркивали, что они отнюдь не стремятся к полному разрыву с постмодернизмом: «Мы не утверждаем, что все постмодернистские тенденции завершены и окончены. <...> Но мы полагаем, что большинство из них принимают иную форму и, что более важно, новый *смысл*, новое значение и направление» [Вермёлен, Аккер, 2015]. Однако связь их концепции с постмодернистской теорией породила немало критики. Так, Александра Думитреску полагает, что **«большинство аспектов определения метамодернизма в статье Вермёлена и ван ден Аккера фиксируют последние события в постмодернизме в большей степени, чем постулируют новую чувствительность»** [Dumitrescu, б.г.]. В свою очередь Мартин Пол Ив, профессор Биркбека (Лондонский университет), видит еще большую зависимость теории метамодернизма от постмодернизма, утверждая, что статус метамодернизма — не новое течение или направление, а набор тропов внутри постмодернизма: «...метамодернизм ценен не как обобщающая классификация, но как набор тропов, который определяет регулятивный утопизм через диалектическое изображение искренности, переплетенной с наивностью и подорванной скептицизмом. Эта особенная комбинация может быть названа “метамодернистским аспектом” текста. Метамодернизм как читательская практика предлагает способы для обнаружения латентных этических коннотаций в считающихся нигилистическими постмодернистских текстах, это инструмент для переосмысления поворотной точки миллениума к новой литературной этике» (перевод наш. — П.С.) [Eve, 2012: 22]. Однако при этом не учитывается, что именно отсутствие указания на резкий разрыв метамодернистской культурной парадигмы с культурой постмодерна логично и естественно уже хотя бы потому, что, как уже было отмечено, имитационные тенденции в современной культуре никуда не делись и лишь усиливаются.

Зависимость метамодернизма от постмодернизма можно сопоставить с ситуацией возникновения русского литературного реализма, тесно сопряженной со стремлением сделать романтическую картину мира более «земной» и посюсторонней. Характерный пример — «Герой нашего времени», где романтический герой-индивидуалист переносится в обыденный мир, в котором в свою очередь начинают проявляться конкретно очерченные социальные отношения, куда большая прозаичность, и, таким образом, новая дискурсивная система постепенно выстраивается на основе романтических культурных моделей. Как известно, практически все русские писатели-реалисты XIX в. так или иначе зависимы от романтических идей на уровне постановки вопросов. Разумеется, они дают на них иные ответы,

часто острополюемические по отношению к «ортодоксальному» романтизму, но все они, вплоть до А.П. Чехова, в той или иной мере зависят от романтических культурных моделей. Например, в чеховском рассказе «Тоска» мы видим типично романтическую ситуацию конфликта героя и толпы, только герой — дремуче некультурный и безграмотный извозчик, что переворачивает ситуацию и придает ей существенно иной, неромантический смысл. Лев Толстой часто довольно демонстративно «взрывал» традиционные романтические ситуации, отвечая на «старые» вопросы по-новому и доказывая, что романтики были «кругом неправы». Дело, однако, в том, что полемическое переосмысление ситуации меняет направленность мысли лишь до определенной степени: как известно, «антисоветская» литература отчасти культурно зависима от советской, и точно так же «антиромантическая» литература русского реализма XIX в. зависима от традиционного русского романтизма. Нечто подобное происходит в наше время и с метамодернизмом, который генетически связан с постмодернистской культурной традицией, но выламывается из ее жестких рамок и на вопросы, задаваемые постмодернистами, стремится давать существенно иные ответы.

При этом очень важно понять, какое именно место постмодернизм занимает в метамодернизме, как он сочетается с другими системами, также значимыми для метамодернизма (модернизмом в первую очередь), и к какому результату приводит это взаимодействие.

Как уже было указано, Т. Вермёлен и Р. ван ден Аккер в качестве ключевой черты метамодернизма называют непрекращающуюся осцилляцию между различными полюсами, в частности между модернистскими и постмодернистскими дискурсивными системами. Этот аспект их теории, с точки зрения многих исследователей, выглядит небесспорным. Например, Александра Думитреску, строящая свою теорию метамодернизма на несколько иных основаниях, полемизируя с Т. Вермёленом и Р. ван ден Аккером, пишет: «...ничего не может развиваться или вырасти на земле, которая постоянно движется» (перевод наш. — *Л.С.*) [Dumitrescu, б.г.]. Еще одним критиком концепции осцилляции является Рауль Эшельман, полемизирующий с основоположниками современной теории метамодернизма на страницах уже упомянутой коллективной монографии под их редакцией. Ученый критикует ключевое для Т. Вермёлена и Р. ван ден Аккера понятие осцилляции, пользуясь при этом своей концепцией перформатизма (так он склонен называть современное состояние культуры, хотя термин «метамодернизм» тоже приемлет): «...я предпочитаю старый добрый гегелевский термин “синтез” фигуре “диалектической осцилляции” между модернизмом и постмодернизмом. Хотя

перформатизм и метамодернизм согласуются с тем, что действительно происходит что-то новое, мне кажется, что метамодернизм слишком уклоняется от ответа на этот вопрос. Либо мы имеем дело с диалектическим синтезом, приводящим к новому этапу исторического развития, либо мы имеем дело со статической, неисторической осцилляцией, но не с “диалектической осцилляцией”, которая, как кажется, приспособливается и к тому, и к другому, но при этом не является ни тем, ни другим» [Metamodernism, 2017: 199].

Вероятно, к этим замечаниям стоит прислушаться. Теория осцилляции дает возможность расширить инструментарий для исследований современной культуры, и в этом плане «умеренный релятивизм» [Компаньон, 2001: 295–296], который она способна породить, дает метамодернизму немало преимуществ, поскольку порождает свободную и динамичную систему, не являющуюся при этом релятивистски бессмысленной. Напротив, бесконечная осцилляция грозит обернуться самодовлеюще бессмысленной дурной бесконечностью, постмодернистской по своему характеру. В этой связи, не отрицая эвристической ценности и художественного потенциала осцилляции, вероятно, разумнее увидеть в ней путь к новому диалектическому синтезу, пусть и не прямой (о воскрешении диалектики, которую пытался похоронить постмодернизм, провозгласивший, в частности, конец Истории, писали также Т. Вермёлен и Р. ван ден Аккер [Metamodernism, 2017: 6]). Принципиально важно, что речь идет не о консервативном выборе какой бы то ни было одной из *ранее существовавших* систем, а о смыслопорождающем синтезе различных полюсов, позволяющем воспринять и осмыслить новые явления в современной культуре, которые в принципе не могут быть описаны в терминах постмодернизма, модернизма или какой-либо иной устаревшей культурной парадигмы.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно охватить все аспекты метамодернистской теории, поэтому в заключение мы остановимся только на том, что связано с преодолением постмодернистской поверхностности, безглубинности (*depthlessness*, как называл это явление Ф. Джеймисон).

Метамодернистская теория, критически осмысляя постмодернистскую безглубинность, отнюдь не предполагает возвращения к старому — к модернистски или романтически понимаемой глубине. Для метамодернистских текстов характерна новая форма глубины, которую можно называть «глубиноподобием».

Данный неологизм впервые появился в 2015 г. в статье Т. Вермёлена «The New “Depthiness”» [Vermeulen, 2015], а затем был использован им в вводной статье к третьему разделу коллективной монографии.

Как указывает Т. Вермёлен, он отсылает к термину Ф. Джеймисона «depthlessness», обычно переводимому на русский язык как «отсутствие глубины», и слову «trustiness», введенному в английский язык комиком Стивенем Колбертом. В 2006 г. слово «trustiness», означающее убежденность в правоте, основанной не на фактах, а не инстинктах, было признано в США словом года. Тогда же его перевели на русский язык как «правдоподобие». Соответственно для перевода английского неологизма «depthiness», вероятно, уместно использовать неологизм, основанный на аналогичной словообразовательной модели, — «глубиноподобие».

Т. Вермёлен вводит этот термин для обозначения формы глубины, появившейся в культуре после многих лет доминирования постмодернистского нарочито плоскостного взгляда на мир, являющегося средоточием симулякров — знаков, не отсылающих никуда. Исследователь, опираясь на образы, созданные итальянским писателем А. Барикко, предлагает метафорический образ пловца, использующего маску с трубкой. Этот пловец противопоставляется как глубоководному дайверу (метафорический аналог модерниста, претендующего на постижение максимально возможных глубин бытия), так и серферу, скользящему по поверхности воды (метафорический аналог постмодерниста, сознательно избегающего погружения вглубь). Плавание вблизи поверхности с короткой трубкой не предполагает, что мы *доподлинно знаем* лишь отчасти воспринимаемые нами подводные глубины. Однако мы *чувствуем*, что они есть, мы догадываемся о том, что глубина существует, и в какой-то степени, в меру, доступную нашему восприятию, даже можем ее ощутить. При этом совершенно отсутствуют претензии на *знание* этих глубин, характерные для менталитета модернистов, эпистемологическая позиция метамодернистов намного скромнее и осторожнее. Теперь появляется возможность проплыть между Харибдой («гностическими» претензиями модернистов) и Скиллой (веселым тотальным недоверием постмодернистов) если не комфортно, то относительно беспрепятственно.

Список литературы

- Аккер Р. ван ден. Интервью. 2017. 1 марта. URL: <http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker/> (accessed: 25.05.2018).
- Вермёлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме. 2015. 2 дек. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (accessed: 25.05.2018).
- Голубков М.М. Русский постмодернизм: начала и концы // Литературная учеба. 2003. Кн. 6. С. 87–91.

- Житенев А.А.* Поэзия неомодернизма. М., 2012.
- Компаньон А.* Демон теории / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М., 2001.
- Кукулин И.В.* «Сумрачный лес» как предмет ажиотажного спроса, или Почему приставка «пост» потеряла свое значение // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/kuku.html> (accessed: 25.05.2018).
- Липовецкий М.Н.* Паралогии: трансформации (пост) модернистского дискурса в культуре 1920–2000-х годов. М., 2008.
- Липовецкий М.Н.* Продолжаем разговор // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. URL: <http://nlobooks.ru/node/3797> (accessed: 25.05.2018).
- Седакова О.А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 2010.
- Скидан А., Платт К.* Постмодернизм в России 1990–2010-х годов: «прозрачность текстов» и стратегии критики. 2017. 9 янв. URL: <http://gefeter.ru/archive/20675> (accessed: 25.05.2018).
- Тёрнер Л.* Метамоде́рнизм: краткое введение. 2015. 21 нояб. URL: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (accessed: 25.05.2018).
- Чачко А.* Ирина Прохорова: Пригов — это современный Данте // Сноб. 2010. 3 нояб. URL: <https://snob.ru/selected/entry/26482> (accessed: 25.05.2018).
- Dumitrescu A.* Metamodernism in art: Oscillation vs integration and interconnections. Б.г. URL: <https://metamodernism.wordpress.com/metamodernism-as-paradigm/the-metamodern-zeitgeist/metamodernism-in-art-oscillation-vs-integration-and-interconnections/> (accessed: 25.05.2018).
- Etkind A.* Paraloggii: Transformatsii (post) modernistskogo diskursa v russkoi kul'ture 1920-2000-kh godov by Mark Lipovetskii // Slavic Review. 2009. Vol. 68. No. 4. P. 951–953.
- Evans J.* On Metamodernism and the listening society. 2017. December 26. URL: <http://www.philosophyforlife.org/on-metamodernism-and-the-listening-society/> (accessed: 25.05.2018).
- Eve M.P.* Thomas Pynchon, David Foster Wallace and the problems of “Metamodernism” // C21 Literature: Journal of 21st Century Writings. 2012. Vol. 1. P. 7–25.
- Huber I.* Literature after Postmodernism: Reconstructive fantasies. Basingstoke; New York, 2014.
- Jameson F.* Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism. London; New York, 1991.
- Jameson F.* Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism // New Left Review. 1984. July/August. No. 146. P. 53–92.
- Metamodernism: Historicity, affect and depth after Postmodernism / Ed. by R. van den Akker, A. Gibson, T. Vermeulen. London; New York, 2017.
- Supplanting the Postmodern: An anthology of writing on the arts and culture of the early 21st century / Ed. by D. Rudrum, N. Stavris. New York; London; New Delhi; Sydney, 2015.
- Turner L.* Metamodernism: A brief introduction. 2015. January 12. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/> (accessed: 25.05.2018).

Vermeulen T. The new “depthiness” // E-flux. 2015. No. 61. URL: <http://www.e-flux.com/journal/the-new-depthiness/> (accessed: 25.05.2018).

Vermeulen T., Akker R. van den. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (accessed: 25.05.2018).

Pavel E. Spivakovsky

METAMODERNISM: OUTLINING THE CONTOURS

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

This article discusses the theory of metamodernism as a new discursive practice prompting new sensibility, new cultural logic, and new opportunities for research. Cultural researchers, including historians of Russian literature, have expressed discontent of the traditional postmodernism theory finding it inadequate for describing and analyzing contemporary cultural trends. Equally inefficient has been the attempt to describe the latest cultural trends in terms of the previous discursive paradigm (including modernism). That is why there is a demand for a theory designed to address today’s cultural problems. Metamodernism could become a theory of this kind. According to its creators, metamodernism slowly but surely came to replace cultural logic of postmodernism. Without denying that postmodernism trends are still present in the modern world, metamodernism theoreticians, starting from the well-known article (and, later, the book) “Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism” by F. Jameson, have proclaimed the return of the state of affect, historicity and overcoming of postmodern depthlessness, which means the contemporary culture is going beyond postmodern. The key principle of postmodern for the theoretician is oscillating between postmodern, modern and maybe even romantic modes of perception. The article tackles some arguable issues, proposing solutions to some of them. The significance of the article is that it offers to Russian researchers a new approach to contemporary literature studies.

Key words: metamodernism; modern theory; depth; oscillation; affect; Vermeulen; van den Akker; postmodernism.

About the author: *Pavel E. Spivakovsky* — Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, PhD (e-mail: p.e.spivakowsky@gmail.com).

References

Akker R. van den. *Interv’iu* [Interview]. 2017, March 1. URL: <http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker/> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)

- Vermeulen T., Akker R. van den. *Zametki o metamodernizme* [Notes on Metamodernism]. 2015, December 2. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)
- Golubkov M.M. Russkii postmodernizm: nachala i kontsy [Russian Postmodernism: Beginnings and endings]. *Literaturnaya ucheba*, 2003, no. 6, pp. 87–91. (In Russ.)
- Zhitenev A.A. *Poeziya neomodernizma* [The Neomodernism poetry]. Moscow, 2012. (In Russ.)
- Compagnion A. *Demon teorii* [Demon of theory]. Moscow, 2001. (In Russ.)
- Kukulin I.V. “Sumrachnyi les” kak predmet azhiotazhnogo sprosa, ili Pochemu pristavka “post” poteriala svoe znachenie [The Gloomy Forest as object of an excessive demand, or Why the prefix “post” has lost its meaning]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2003, no. 59. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/kuku.html> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)
- Lipovetsky M.N. *Paralogii: transformatsii (post) modernistskogo diskursa v kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (post) modern discourse in the culture of 1920–2000th]. Moscow, 2008. (In Russ.)
- Lipovetsky M.N. Prodolzhaem razgovor [Keep talking]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2013, no. 122. URL: <http://nlobooks.ru/node/3797> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)
- Sedakova O.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: In 4 vol. Vol. 4. Moscow, 2010. (In Russ.)
- Skidan A., Platt K. *Postmodernizm v Rossii 1990–2010-kh godov: “prozrachnost’ tekstov” i strategii kritiki* [Postmodernism in Russia 1990–2000th: Transparency of texts and the critical strategies]. 2017, January 9. URL: <http://gefter.ru/archive/20675> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)
- Turner L. *Metamodernizm: kratkoe vvedenie* [Metamodernism: A brief introduction]. 2015, November 21. URL: <http://metamodernizm.ru/briefintroduction/> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)
- Chachko A. Irina Prokhorova: Prigov — eto sovremennyi Dante [Irina Prokhorova: Prigov is modern Dante]. *Snob*, 2010, November 3. URL: <https://snob.ru/selected/entry/26482> (accessed: 25.05.2018). (In Russ.)
- Dumitrescu A. *Metamodernism in art: Oscillation vs integration and interconnections* [Without year]. URL: <https://metamodernism.wordpress.com/metamodernism-as-paradigm/the-metamodern-zeitgeist/metamodernism-in-art-oscillation-vs-integration-and-interconnections/> (accessed: 25.05.2018).
- Etkind A. Paralogii: Transformatsii (post) modernistskogo diskursa v russkoi kul'ture 1920–2000-kh godov by Mark Lipovetskii. *Slavic Review*, 2009, vol. 68, no. 4, pp. 951–953.
- Evans J. *On Metamodernism and the listening society*. 2017, December 26. URL: <http://www.philosophyforlife.org/on-metamodernism-and-the-listening-society/> (accessed: 25.05.2018).
- Eve M.P. Thomas Pynchon, David Foster Wallace and the problems of “Metamodernism”. *C21 Literature: Journal of 21st Century Writings*, 2012, no. 1, pp. 7–25.

- Huber I. *Literature after Postmodernism: Reconstructive fantasies*. Basingstoke; New York, 2014.
- Jameson F. Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. *New Left Review*, 1984, July–August, 146, pp. 53–92.
- Jameson F. *Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism*. London; New York, 1991.
- Metamodernism: Historicity, affect and depth after Postmodernism*. Ed. by R. van den Akker, A. Gibson, T. Vermeulen. London; New York, 2017.
- Supplanting the Postmodern: An anthology of writing on the arts and culture of the early 21st century*. Ed. by D. Rudrum, N. Stavris. New York; London; New Delhi; Sydney, 2015.
- Turner L. *Metamodernism: A brief introduction*. 2015, January 12. URL: <http://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction/> (accessed: 25.05.2018).
- Vermeulen T. The new “depthiness”. *E-flux*, 2015, 61. URL: <http://www.e-flux.com/journal/the-new-depthiness/> (accessed: 25.05.2018).
- Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, 2010, no. 2. URL: <http://www.emerymartin.net/FE503/Week10/Notes%20on%20Metamodernism.pdf> (accessed: 25.05.2018).

ЗАПАДНОСИБИРСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНО-КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Названная школа сформировалась в вузах Кемерово и Барнаула в результате естественного слияния двух направлений исследований западносибирских лингвистов — социолингвистического и когнитивного.

Начало **социолингвистическому направлению** положили юрислингвистические исследования, потребность в которых в 2000–2010 гг. была весьма высокой. На этом фоне в Барнауле под руководством проф. Н.Д. Голева сформировался один из первых центров российской юрислингвистики, который постепенно перерос региональный формат и ориентацию исключительно на экспертную деятельность лингвистов. Журнал «Юрислингвистика», выпускаемый центром, объединял исследователей самых разных сторон сложного взаимодействия языка и права. Главная особенность исследований западносибирских юрислингвистов — выявление языковых оснований правовой коммуникации и включение лингвистических презумпций (методов, наработок) в изучение лингво-правовых феноменов, и в первую очередь — в лингвистическую экспертизу.

Предлагаемая ниже статья написана в этом ключе, она представляет собой результат исследований на стыке таких направлений, как юрислингвистика, обыденная семасиология и лексикография. Статья, таким образом, знаменует еще один поворот юридиколингвистической деятельности Школы в сторону «собственно лингвистики».

Одной из областей развития сибирской юрислингвистики стала лингвоконфликтология, в задачи которой входило выявление и изучение исходных оснований, в результате которых речевые конфликты становились предметом юридических споров. Новый импульс развития сибирская лингвоконфликтология получила в результате ее соединения с когнитивным направлением.

Когнитивное направление Школы начиналось с исследований обыденного метаязыкового сознания (ОМЯС) — специфической разновидности языкового сознания, возникающей в ситуации, когда рядовой носитель языка встает на гносеологическую позицию по отношению к языку. Уже первые исследования ОМЯС показали, что метаязыковые рефлексии рядовых носителей русского языка формируют особую когнитивную область со своими внутренними закономерностями, выходящими далеко за рамки когнитивной

лингвистики, в том числе — во многие прикладные области языкознания¹. Главное направление когнитивной лингвистики для Школы связано с лингвистическим интерпретационизмом (В.З. Демьянков). В интерпретационной лингвистике сибирских исследователей интересовала в первую очередь вариативность интерпретации — ее причины и следствия.

Данный предмет исследования вывел Школу в область лингвоперсонологии, понимаемой как изучение индивидуального и коллективного сознания. Сибирская лингвоперсонология была сосредоточена на разработке когнитивной (ментально-психологической) типологии языковых личностей, разрабатываемой на основе выявления особенностей их интерпретационной деятельности, которые в исследованиях школы увязываются со стратегиями интерпретации, например холистической и элементаристской, творческой и формально-воспроизводящей и др.

Лексикографическим результатом деятельности когнитивного направления Школы стала серия словарей и проектов словарей, призванных отразить обыденное сознание рядовых носителей русского языка. Среди них особое место занимает «Словарь обыденных толкований русских слов». Его продолжением и развитием стал проект разноязычного словаря обыденных толкований слов-бионимов, объединяющий данные лингвокогнитивного эксперимента, проведенного с носителями пяти языков. В настоящее время подготовлен к публикации и сдан в печать «Словарь обыденных толкований политических терминов». Интернет-словарь «Викилексия» построен на принципе народной лексикографии, в соответствии с ним сами носители языка создают словарные статьи интересующих их слов, высказывая при этом свои субъективные рефлексии по поводу слова.

Идею синтеза социолингвистического и когнитивного направлений школы, и в частности лингвоконфликтологии и лингвистического интерпретационизма, олицетворяет направление **обыденной лингвополитологии**, которая разрабатывается в Школе на материале народных политических дискуссий в русском Интернете, возникающих при обсуждении политических новостей. Синтезирующая идея здесь — конфликт интерпретаций (П. Рикер). В основе данного направления лежит гипотеза, согласно которой многие речевые (а нередко и не только речевые) конфликты имеют когнитивные основания, заключающиеся в различии интерпретаций как самой обсуждаемой новости, так и текста сообщающего о ней в СМИ.

¹ Очерк данного направления сделан нами в статье: *Голев Н.Д.* Исследование обыденного метаязыкового сознания в современной российской лингвистике // Филологические науки. 2018. № 2. С. 27–33.

К направлению обыденной лингвополитологии примыкает и упомянутый выше словарь обыденных толкований политических терминов, в котором термины трактуются как носители потенциала конфликта интерпретаций.

**Наиболее значимые публикации членов научной школы
«Социально-когнитивное функционирование русского языка»**

Коллективные монографии

- Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: Коллективная монография / Под редакцией Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой. Барнаул; Кемерово: Изд-во БГПУ, 2006. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20699655>
- Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / Под ред. Н.Д. Голева. М.: Ленанд, 2014. 640 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007901054>
- «Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч.2 / Под ред. Н.Д. Голева. М.: Ленанд, 2016. 432 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25121663>
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты Ч. I / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. 532 с. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000487280>
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты Ч. II / Под ред. Н.Д. Голева. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. 457 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19962506><http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000487280>
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты Ч. III / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2010. 460 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20798321>
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты Ч. IV / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2012. 482 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20798585>
- Социально-когнитивное функционирование русского языка: Коллективная монография / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2018. 314 с.

Словари

Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы; в 2 т. Т. 1 (АБРИКОС — МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / Под ред.

- Н.Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2014. 536 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20726927>
- Викилексия. Народный Интернет словарь обыденных толкований русских слов. URL: <http://викилексия.рф>
- Словарь обыденных толкований политических терминов / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2018 (сдан в печать).

Авторские монографии

- Бринев К.И.* Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. М.: Изд-во «Флинта», 2016. 304 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23694621>
- Чернышова Т.В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: ЛКИ, 2007. 296 с.
- Мельник Н.В.* Деривация русского текста: лингвистические и персонологические аспекты. М.: Ленанд, 2014. 280 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22617330>
- Ким Л.Г.* Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. 311 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19970497>
- Голев Н.Д., Воробьева М.Е.* Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: монография. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2017. 117 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30027276>
- Дударева Я.А.* Лингвистическая экспертиза товарных знаков. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2014. 204 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/61413>
- Кишина Е.В.* Лингвокогнитивное исследование обыденной политической коммуникации. Кемерово: Изд-во Кемер. гос. ун-та, 2018. 224 с.

Н.Д. Голев

Н.Д. Голев, А.В. Иркова

**СТАНОВЛЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА
КАК ПРОЦЕСС ЮРИДИЗАЦИИ ОБЩЕНАРОДНОГО
СЛОВА (ДИСКУРСИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЛЕКСЕМ С КОРНЯМИ -ЧЕСТ- И -ДОБР-)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»
650000, Кемеровская область, город Кемерово, Красная улица, 6*

В статье рассматривается процесс юридизации общенародной лексики. Юридизация представляет собой приобретение тем или иным социальным явлением правового статуса. Общеправовое слово получает «юридизированное» положение, когда становится элементом текста закона. Посредством постепенного вхождения в юридический дискурс общенародные языковые единицы врастают в правовую систему, обретают внутри неё собственно юридические смыслы и значимости. Для непосредственного анализа были избраны наиболее сложные проявления юридизации, когда «подготовка» юридического статуса длится веками. Это предполагает обращение исследования к наиболее глубинным стадиям «до- и предюридизации». Представлен анализ эволютивного процесса ее формирования, характеризующегося стихийной трансформацией общенародной лексики в юридический статус. Авторы выделяют дискурсивно-семантические закономерности в механизме терминологизации общенародных слов, оказывающихся единицами официальной юридической коммуникации. Данная проблема решается на материале слов с корнями *-чест-* и *-добр-*, представленном в российских текстах разной функциональной разновидности. На каждом из синхронных срезов анализируемые единицы «честь» и «доброе имя» демонстрируют особенности как в общеправовом языке, так и в юридическом языке. В юридическом дискурсе используются в смысловом комплексе и включены в текст закона о защите «чести, достоинства, доброго имени и деловой репутации личности». Такое «комплексное» функционирование слов подтверждает наличие стихийной конкуренции между ними. Необходимость в их дальнейшей «юридизации» напрямую связана с учетом общеправового шлейфа смыслов, которые названные моральные категории несут за собой. Резуль-

Голев Николай Данилович — академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета (e-mail: ngolevd@mail.ru).

Иркова Анна Валентиновна — магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (e-mail: a.irkova@mail.ru).

таты проведенного исследования на конкретном материале проецируются в терминологическую систему российских юридических текстов, в которых совмещены термины с различной степенью юридизации, от общенародных до сугубо юридических.

Ключевые слова: юридическая лингвистика; общенародная лексика; юридизация; терминологизация; правовой дискурс; концепт; честь; доброе имя.

Статья включена в парадигму юридической лингвистики, образуемую исследованиями процесса юридизации естественного языка, его уровней и планов, отдельных элементов, в том числе лексических [Голев, 2000, 2012]. Юридизация — приобретение тем или иным социальным явлением правового статуса. Для общенародного слова такой статус возникает, если оно становится юридическим термином — компонентом текста закона. Терминологизация — длительный процесс, который не всегда фиксируется достижением определенного результата. Нас интересуют те языковые единицы, которые находятся на стадии процесса.

В «Предисловии» одной из пионерских работ по российской юридической лингвистике «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой коммуникации» была поставлена ключевая проблема названной научной дисциплины: «<...> Буквально в каждом вопросе о содержании понятий, перешедших из обиходного языка в язык юридический документов, является едва ли не определяющим» [Понятия чести..., 2004: 4]. И уже первый вопрос, который ставят авторы данной книги, таков: «Четко ли определены в текстах права основные понятия, такие как «честь», «достоинство», «клевета», «оскорбление», «унижение чести и достоинства» и пр.» [Понятия чести..., 2004: 11], далее в этом ряду называются «репутация», «престиж» и «доброе имя» [Понятия чести..., 2004: 13]. Предлагаемая нами статья представляет результаты исследования данного вопроса. При этом оно выполнено именно на материале, отмеченном авторами названной книги, — предметом нашего исследования стали слово-понятие «честь» и атрибутивная часть словосочетания «доброе имя», которые рассматриваются нами в аспекте их юридизации, точнее — их медленного движения к юридическому статусу, которого они не достигли в полной мере и сейчас.

Главный механизм юридизации лексического корпуса законодательных текстов — конвенциональный, когда правовые институты своими решениями придают юридический статус тем или иным лексическим единицам и тем самым включают их в юридический тезаурус. Таким образом, отсекаются «избыточные» синонимы или «предписываются» определенные значения избранным единицам,

приводимым тем самым в соответствие с юридическими смыслами. Конвенциализация задает юридизированным лексемам и словосочетаниям признак обязательности, касающийся не только исполнения, но и их понимания (толкования) и употребления в «жестко» определенном смысле. Такова специфика формирования и функционирования правовой терминологии. Юридическая конвенциализация такого рода — чаще всего заключительный этап юридизации. Во многих случаях она происходит как единовременный акт, когда можно установить дату принятия термина, субъектов терминотворчества и другие обстоятельства этого акта. Как правило, у большинства новообразованных терминов в российском законодательстве именно такая судьба. Некоторые из них, прежде всего те, что недавно вошли в официальный правовой оборот и еще не обрели устойчивых значений, становятся предметом внимания исследователей, чаще всего это заимствованные слова и жаргонная лексика. Юридизации русской общенародной лексики исследователи правовой терминологии уделяют меньше внимания. Настоящей статьей, посвященной древнейшим славянским и русским лексемам, вошедшим или входящим в правовую сферу, мы намерены частично восполнить эту юридико-лингвистическую лауну.

Конвенциальный способ юридизации лексики далеко не исчерпывает всех ее разновидностей, помимо юридизации-акта существуют и разнообразные типы юридизации-процесса. Один из них — непосредственный предмет исследования в настоящей статье. Ее авторов интересуют ситуации, когда приобретению словом правового статуса предшествуют стихийные процессы, подготавливающие и детерминирующие окончательный итог процесса юридизации и существенным образом влияющие на него. Для непосредственного анализа были избраны наиболее сложные проявления эволютивной юридизации, когда «подготовка» юридического статуса длится даже не годами и десятилетиями, а веками.

Наше исследование — не первое в ряду работ, в которых на конкретном материале рассматривается «вопрос о содержании понятий, перешедших из обывденного языка в язык юридический документов» [Рудкова, 2004: 227]. Так, юристы указывают на процесс нового «нарратива о праве» как части постепенной неологизации языка [Вашенко, 2018]. Появление новых слов, значений и значимостей, в том числе правовых смыслов, характеризует это явление, свидетельствует о размывании границ между различными понятиями и словами. Сказанное касается не только общенародной лексики, но также и лексики правовой. Разного рода слова-термины, например, «свидетель», «налоговая тайна», «коммерческая тайна» и т.п. неоднозначно входят в правовой дискурс и необходимо рассматриваются

юристами в аспекте их истолкования и понимания в плане преодоления неоднозначности.

Лингвисты изучают — чаще всего в стилистическом плане — различные типы слов-терминов, входящих в текст закона, выделяемые по их статусу в естественном языке. Многие из них представляют собой вариации слов естественного языка, например: «беженец», «работник», «благотворитель», «поглощение», «слияние», «злые рейдеры» и т.п. [Механошина, 2016; Белоусова, 2017; Кузнецов, 2012]. Слова-термины такого рода рассматриваются лингвистами в аспекте их бытового, повседневного или профессионального употребления и соответствующим образом интерпретируются [см., например: Сперанская, 1999; Рудкова, 2004]. Такому исследованию подвергаются иногда даже лингвистические слова-понятия. Авторы статьи «Государственный язык Российской Федерации — современный русский литературный язык. Есть ли разница?» [Кропачев, 2016] также отмечают сложности, связанные с отсутствием единого определения таких полутерминов (для юридического дискурса), как, например, «современный русский язык». Ряд таких полутерминов открыт: «социальная группа», «социальная ненависть и вражда», «должная осмотрительность» [Бринёв, 2012; Костикова, 2017] и может быть легко продолжен (см. завершающий абзац настоящей статьи).

К лингвистам-экспертам часто обращаются с запросом анализа юридических слов-терминов в рамках судебной практики в ходе споров по поводу значения того или иного термина. Для правильного истолкования таких слов-терминов в судебных прениях нередко привлекаются их общеупотребительные значения, для чего делаются отсылки к словарным определениям. В зону судебных разбирательств попадают слова и словосочетания, имеющие в естественном языке широкий спектр этических и правовых смыслов: «добросовестный», «добропорядочный», «честный», «выгодная услуга», «ранее судимый», подозреваемый и т.п. Таким образом, анализ исследований юристов, лингвистов-исследователей и лингвистов-экспертов демонстрирует необходимость детального рассмотрения содержания юридических полутерминов и их классификации.

Предметом настоящей статьи является особая разновидность юридизации, которую мы предлагаем обозначить термином «эволютивная юридизация общенародной лексики». Ее главные отличительные признаки — диахроничность как длительность процесса приближения общенародного слова к юридической системе терминов; градуальность изменений; стихийность, предполагающая естественное функционирование слова в разных дискурсах, в том числе юридическом; и постепенное обретение последним статуса общезна-

чимого и общеупотребительного. Это предполагает обращение исследования к наиболее глубинным стадиям «до- и предъюридизации», связанным с начальным этапом стихийного функционирования будущих единиц юридического дискурса.

Авторов статьи интересует, каким образом подготавливается юридическая семантика будущих терминов. При таком подходе к слову и его значению, они (слово и значение) неизбежно будут включены в более широкое смысловое пространство, из которого вычлениются разнообразные смыслы и контексты, в результате возникает их стихийная конкуренция. Логика дальнейшего изложения материала исходит из цели статьи — отразить универсальные закономерности эволютивной юридизации. В качестве иллюстративного материала были выбраны слова с корнями *-чест-* и *-добр-*. Одно из направлений эволюции — концептуализация слов. Слова типа *честь*, *доброе имя* концептуализируются: становятся русскими и/или российскими культурными символами. Для иллюстрации этого направления в настоящей статье, помимо юридического дискурса, привлекаются поэтические, религиозные, летописные контексты, свидетельствующие об активном функционировании таких концептов, как «честь княжеская», «честь дворянская», «честь советского гражданина», «честь, достоинство, деловая репутация личности» и т.п. Все представленные контексты взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) различных подкорпусов. Для верификации смыслов, извлекаемых из контекстов, сочли необходимым обращение к словарям древнерусского и современного русского языков. Расположение дискурсов в хронологическом порядке отражает наиболее крупные этапы процесса юридизации. Для решения нашей задачи предлагается рассмотреть три этапа функционирования указанных лексем. Условно, в рабочем порядке (для целей настоящего исследования), их можно обозначить следующим образом: «Предыстория» становления юридизации (до XIX в.); с двумя подпериодами — XI–XVI вв. и XVII–XVIII вв.; «Новая история» юридизации (XIX–XX вв.); «Новейшая история» юридизации (начало XXI в., эпоха глобализации).

Так, данные лексемы на каждом из синхронных срезов функционируют в юридических контекстах, однако статус полноценных юридических терминов не получили, до настоящего времени они используются в полутерминологическом статусе.

«Предыстория» отражает начало становления и развития предъюридической семантики слов с корнями *-чест-* и *-добр-*. Основной разницей на данном этапе юридизации и последующих является неодинаковая смысловая развертка данных корней: корень *-чест-* более богат по количеству лексем, чем корень *-добр-*. Лексемы «честь», «честность», «честный», «почет», «почести», «чествовать»,

«добрый», «доброта» и т.п. представляют собой базовые категории человеческого сознания, мировой культуры, литературы, связанные с морально-нравственными основами человеческой жизни, с многообразием общенародных смыслов.

XI—XVI вв. В коммуникативных сферах Древней Руси активно функционировали лексемы «честь», «честной», «благочестивый», «благочестие», «честнейший», «нечестивый», «нечестно», «бесчестие», «добрый», «доброта», «добро». Они встречаются в религиозном дискурсе и отражают высокие, сакральные смыслы, связанные с соблюдением правил религиозной морали, см. контексты: «...с честными отроки...» (Житие Андрея Юродивого), «Не до сего же точию единого сташи дивии звѣрие, но и благочестие наше, еже въ пресущную и единосущную Пресвятую Троицу покланяние, превратити въ иже их злочестивое огня покланяние, въсшаташия безумнии» (Из Великих Миней Четых митрополита Макария. 20 сентября. Слово похвальное Филолога черноризца о святых великомучениках черниговских, славном Михаиле великом князе и Феодоре его советнике). «Святой же, взем честный крестъ, течяше тамо, идѣже келиа горяше» (Житие Кирилла Белозерского, 1450—1455). В религиозных контекстах древнерусской словесности данные лексемы приоткрывают глубокие духовно-нравственные ценности честности, добра, правды, истины как категорий, которые влияли на ответственное отношение людей к своим поступкам, действиям, жизни, сказанным словам. Самые частотные контексты связаны с жанрами жития святых, праведников, великих князей.

Летописный дискурс Древней Руси открывает функционирование лексем «добро», «честь», «почет», «почести» и демонстрирует влияние внутренних закономерностей этой сферы, так как на первый план начинает выходить смысловой аспект ценностей материальной культуры, связанной с правящим сословием. Религиозные же контексты, нравственные смыслы остаются, но отходят на периферию см. контексты: «Приемше от князя (...) своего честь ли дары ти мыслять о главъ князя своего на погубленъе. Горыше суть бѣсовъ таковии, якоже Блудъ преда князя своего и примъ от него чѣти многи, се бо бѣс повиненъ крови той» (Повесть временных лет). Отметим как переходный момент в начале формирования правового смыслового комплекса, образуемого словом «честь» и однокоренных ему лексем в летописном дискурсе, ср. контексты: «отпустили его с честью великою, давшѣ ему старейшинство во всей братьи его» (Лаврентьевская летопись). «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати: но не честно одолесте, не честно бо кровь поганую пролиясте» (Слово о полку Игореве), — реализация выделенных лексем также работает на соз-

дание их юридической значимости, ведь поступить «не честно» («без чести») означает здесь неправильным путем преступить границы чужой земли, нарушить закон, развязав войну, а обвинить кого-либо в бесчестии — унижить его в общественном мнении и, как следствие, нанести ему моральный ущерб. Отсюда такие смысловые оттенки этого понятия, как осмысление чести в качестве важной, неотделимой части человеческой личности, которую необходимо защищать. Данные контексты начинают демонстрировать формирование такого понятия, как *честь княжеская*, которая заявляла об особом социальном статусе князя, его положении в обществе. О соотношении понятий «чести» и «славы», их со- и противопоставленности, об их особом статусе в феодальную эпоху пишет в своих работах Ю.М. Лотман [Лотман, 1967а, б]. Автор рассматривает их как разные знаки того времени: данные категории «являются атрибутом социальной категории в определенном социальном контексте и противостоят их отсутствию у других социальных групп» [Лотман, 1967а: 110]. Однако «честь» является не только знаком достоинства, но и знаком определенного социального отношения, требующим материального выражения, дающего право на уважение и общественную ценность [Лотман, 1967а: 123]. Как пишет Ю.М. Лотман, «честь» вбирает в себя такие значения, как «почет», «статус», «репутация» и тем самым максимально приближается к понятию «слава». Неудивительно, что и слова «бесчестие» и «бесславие» используются практически как синонимы [Лотман, 1967б: 125]. Так, в юридическом контексте «Русской Правды» встречается лексема «бесчестие»: «О муже кровавом»: «Аще приидеть кровавь муж на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажа за бесчестие, каков будеть <...> Аще ли пхнеть муж мужа любо к себе любо от себя, ли по лицу ударить, или жрьдию ударить, а без зънамения, а видок будеть, бещестие ему платити; аже будеть болярин великих боляр или менших боляр, или людин городскыи, или селянин, то по его пути платити бесчестие» (Русская Правда). Другая статья из Троицкого IV списка «Русской Правды», носящая собственно название «О бесчестии», дает следующие урегулирования конфликта, связанного с данным понятием: «А за бещестную гривну золота, аже будеть баба была в золоте и мати, взяти ему 50 гривен за гривну золота; оже будеть баба не была в золоте, а по матере ему не взяти золота, взяти гривна серебра, а за гривну серебра пол 8 гривен» («Русская Правда», 1016). В рамках нормативно-правового акта Древней Руси «бесчестие» оказывается связано с определенным кругом действий, которые были довольно конкретно обозначены в тексте данных статей, с указанием иерархии при начислении штрафов за оскорбление, прежде всего поступком. Представленные контексты отражают начало функционирования

лексем с корнем *-чест-* в нормативно-правовой сфере, где выстраиваются отношения между разными сторонами на основе соблюдения правил закона, клятвы. Как отмечает П.С. Стефанович, «благодаря постоянному сближению сначала в религиозных текстах, а затем и в светских, понятий «честь» и «слава», в некоторых случаях исходное значение «почёт» всё более приобретало смысл «репутация», «известность», и тогда слова «честь» и «слава» могли быть взаимозаменяемы» [Стефанович, 2003]. В Киевском летописном своде конца XII в. и в Галицко-Волынской летописи в ряде случаев прослеживается обозначение словом «честь» княжеского сана, достоинства и содержания княжеской власти. Под «честью» понимаются княжеские «стола», владение «волостями» без «обида» со стороны, внешние атрибуты власти. В средневековом сознании власть сливалась в нераздельное целое с ее носителем, и оскорбление княжескому сану расценивалось как личное оскорбление самому князю, и наоборот [Стефанович, 2003]. Здесь видится зародыш системы компенсаций за оскорбления по «бесчестью», которая хорошо известна по документам Московского периода. Однако, как отмечает П.С. Стефанович, нельзя сопоставлять понятие «честь» (или «бесчестье») с той системой возмещения ущерба, которая была принята в Древней Руси, так как согласно нормам Русской Правды: «обида» и «сором» Русской Правды и других юридических памятников до XV в. могут обозначать личное оскорбление, не имеющее никакого отношения к понятиям «честь» и «бесчестия», связанным со статусом, саном, «чином» лица [Стефанович, 2003].

В XVI в. в «Грамоте об утверждении Московского патриархата» (1590) встречаем следующие контексты функционирования лексики «честь» и ее сочетания с лексемами «достоинство», «имя»: «И приняв разум его патриарха поставили на Москве господина Иева именем и благодатию святого Духа и грамоту ему патриаршескую (на полях: златопечать) дали и по той грамоте произволил и оставил да он архиепископ Московский (на полях: господин Иев) властвует пятый патриарх и будет (на полях: иметь) патриаршеское достоинство и честь именоватись и почитатись с ынными патриархи во веки всегда тако там сотворихом по месту (на полях: на сие сотвориша там по мест...)» (Грамота об утверждении Московского патриархата); «И то дарованное патриаршескую честь и имя да не токмо патриарху Московскому господину Иеву дано ноне утверждено непоколебимо произволили но и по нем поставляти Московским собором начальных властей в патриархи да именуется сыскав по правилом зачато от патриарха сего Московского господина Иева о Святом Дусе возлюбленному брату и сослужбнику нашего смиренья и для того ся уложеная грамота утверждена для памяти во веки и укрепена лета

7098-го, месяца мая (Русский перевод с греческого оригинала из Греческого статейного списка № 3). Во многих правовых системах такого рода посягательство на честь и достоинство «юридизируется» в соответствующих законодательных актах. О том, что выделенные комплексы смыслов слова «честь» и однокоренных ему лексем становятся наиболее значимыми, свидетельствует их закрепление в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского. В словарной дефиниции «честь» находим следующий признаковый состав: «честь», «почет», «уважение», «почитание», «чествование», «прославление», «благоговение», «преимущество», «достоинство» [URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>].

XVII–XVIII вв. Продолжение формирования собственно правового «спектра» лексем с корнем -чест- представлено и в документах XVII в., а именно лексема «безчестья»; словосочетание «государственная честь» в «Статьях Богдана Хмельницкого», утвержденных Царем и Боярской думой 21 марта 1654 года» (21.03.1654): «А что с их королевские стороны царского величества отцу, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии самодержцу и многих государств государю и обладателю, и деду его государеву, блаженные памяти великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю московскому и всеа Русии, и великому государю нашему царю и великому князю Алексею Михайловичи всеа Русии самодержцу его царскому величеству учинились многие безчестья и укоризны» (Статьи Богдана Хмельницкого, 21.03.1654). Наиболее полно понятие чести раскрывается в XVIII в. за счет многообразного характера представленности слов с корнем -чест- в контексте различных словосочетаний: «всякого честного человека», «безчестье всенародное», «пристойные правила честности», «честь подданных», «противные чести», а также предикативные конструкции: «бесчестие, в претерпении наказания заключающееся»; «честь зависит от...»; «имение и честь во уважении принимается»; «не отъемлют ни у кого чести» и т.п. в «Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения» 30.07(10.08). Ср. контексты: «2. Полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного кроме сего сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия. Лишение выгод, от всего общества присоединенных к чистоте нравов, денежное наказание, стыд или бесславие, принуждение скрываться от людей, бесчестие всенародное, изгнание из города и из общества, — словом, все наказания, зависящие от

судопроизводства исправительного, довольны укротить дерзость обоего пола. 233. Обиды личные, противные чести, то есть клонящиеся отнять у гражданина ту справедливую часть почтения, которую он имеет право требовать от других. 234. О поединках небесполезно здесь повторить то, что утверждают многие и что другие написали: что самое лучшее средство предупредить сии преступления есть наказывать наступателя, сиречь того, кто подает случай к поединку, а невиноватым объявить принужденного защищать честь свою, не давши к тому никакой причины» (Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения» 30.07(10.08).176). Данные смыслы входят в словарное определение «чести» такими признаковыми комплексами, как «внутреннее», «нравственное», «достоинство человека», «доблесть», «честность», «благородство души», «чистая совесть», «внешнее», «светское», «житейское», «благородство», «высокое звание», «чин», «должность» [Даль, 1998].

«Новый период» (XIX в. — начало XX в.) открывает особую культурную атмосферу XIX в. В коммуникативных сферах того времени активно начинают использоваться такие категории, как *благородство, честь, достоинство, доброе имя*. Лексемы, выражающие данные понятия, активно встречаются в юридическом, художественном и публицистическом дискурсах. Появляются известные устойчивые словосочетания «дело чести», «добрый гражданин», «кодекс дворянской чести», которые несут за собой понимание и признание названных понятий как части семейного достояния, высшей сословной добродетели. Долг любого дворянина — сохранить свою честь, защищать ее и отстаивать при любых посягательствах. Отсюда, и возникновение института дуэли в среде дворян. Гражданская казнь воспринимается как ужасное позорящее человека событие — это публичное лишение социального статуса (= чести). В связи с чем можно говорить о формировании комплексного понятия «чести» как этической и социальной категории, связанной с оценкой таких качеств личности, как верность, справедливость, правдивость, благородство, достоинство. Так, жизнь русского дворянина складывалась под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как подданный государя, он подчинялся законам, но как человек дворянского сословия, которое, одновременно, было и социально господствующей корпорацией, и культурной элитой, он подчинялся законам чести. Запятнать свою репутацию для представителя дворянства означало нарушить моральные устои, установленные своим сословием, выставить на всеобщее обозрение свои недостатки и аморальное поведение [Востриков, 2014: 18]. См. контексты: «Всем, считавшимся до того времени дворянами,

вменялось в обязанность в полуторагодовой срок доказать, когда и от кого пожалована им дворянская честь; те, которые докажут, что их род пользовался дворянством не менее ста лет, получали дворянские гербы» (Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей); «—Вы, мичманенок, дичь несете. А дворянская честь!.. Честь мундира!» (К.М. Станюкович. «Берег» и море); «Вы скажете, что такого человека найти трудно: знаю; но добрый гражданин обязан желать совершенства, по крайней мере возможного, в государе!» (Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 11, 1823); «Описание государственного флага дается, как правило, в конституции страны, и ему, как святыне, отдаются высшие государственные почести» (Протокол, 1999).

В рамках художественной литературы XIX–XX вв. находят свою реализацию как отдельные лексемы «доброта», «добрый», «добро», «честь», «честные», «честолюбие» и т.п., так и устойчивые выражения, к примеру, «читать память», открывающее пиететное отношением к кому-либо, чему-либо см. контексты: «Подумайте, что счастье человека находится в ваших руках; что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут её читать как святыню...» (А.С. Пушкин «Пиковая дама», 1834). Сравнение «читать как святыню» раскрывает в данном контексте дополнительный высокий смысл, связанный с хранением того, что является особо дорогим, любовно оберегаемым. Такое многообразие дискурсивных практик во многом обусловлено тем, что понятия и слова «честь», «добрый» осмысливались, помимо прочих дискурсов, в народной культуре, о чем свидетельствуют многочисленные пословицы, поговорки, сказки и другие произведения устного народного творчества, сохранившиеся до наших дней, см. контексты: «Здравствуй, Честная Масленица... Старые люди так и приговаривают, соблюдая обычай... Честные наши родители!»; «Честность всего дороже», «Честные глаза вбок не глядят»; «В ком честь, в том и правда»; «Доброе дело — правду говорить смело»; «Доброе слово в жемчугах ходит, а злое слово пуще стрелы разит» и т.п. [Даль, 1997].

Документ-проект конституции для России декабриста П.И. Пестеля открывает правовую сферу функционирования лексем «честный», «честная», «честность», «злочестие» и т.п. Появляется словосочетание «честная торговля», представляющая собой торговлю без обмана и фальшивых действий — основанное на законе. «Честной человек» объявляется тем, кто не может без угрызений совести пользоваться различными выгодами, он должен разделять не только государственные выгоды, но и тягости; перед законом равны все; все несут ответственность за свои действия. «Честность человека» и его «следование», «исполнение закона» дают право каждому гражданину

заниматься той отраслью промышленности, которую он изберет, см. контексты: «По причине же большаго их числа не может честная торговля всем доставлять достаточное пропитание; и потому нет тех обманов и фальшивых действий, коих бы они себе не позволяли». Сверх того одно только зловластие может все тягости возлагать на одних а других всеми выгодами осыпывать: Честной Человек без угрызения совести не может пользоваться трудами и пожертвованиями ближних без всякаго с своей стороны возмездия или соучастия. «Из сего явствует что Свобода есть главная Необходимость для Народной Промышленности. Свобода же сия состоит в трех главных предметах: 1) Чтобы каждый Гражданин имел право и позволение заниматься тою или теми отраслями промышленности, которая он за благоразсудит избрать лишь бы честен был и к Законам исполнителен. «Правление, от сего последняго требовать честное исполнение всех Правительственных Действий и распоряжений и с него взыскивать за всякия Упущения. В личной же разбор входить только тогда когда Волостное Правление содействия просить будет. Время, которое всегда наконец Памятники Неправды и Злочестия пожирает, привело равным образом в упадок и сей Порядок или лутче сказать сей Безпорядок Вещей» (Русская Правда, 1824). В «Конституционном проекте Н.М. Муравьева» (1826) встречается устойчивая речевая конструкция «честь имею представить» как выражение вежливости и уважения в обращении к вышестоящему субъекту ср. контекст: «В донесении моем на 16 пункт запроса сделанного мне Генваря 5-го дня я изъяснился уже, что не будучи в состоянии представить писанного мною Проекта Конституции совершенно в том виде, в каком оный был написан, сохраню дух оногo и содержание. В следствие сего имею честь оную здесь представить». Следующий контекст, в котором встречается лексема *честность*, описывает характеристики, которые учитываются при избрании человека в должность судьи: «Совестный Судья может быть избран из всякаго звания, лишь бы он был в совершенных летах, пользовался доверием жителей, имел постоянное пребывание в Уезде, не находился в другой какой-либо службе и владел бы движимым или недвижимым имением не менее 2000 серебряных рублей, полагая умеренную собственность трудом, промышленностью и бережливостью приобретенную, вернейшим залогом честности и бескорыстия Судьи» (Конституционный проект, 1826). В «Высочайшем утвержденном Уставе о цензуре (10(22).06.1826)» встречаем сочетание «честь народная и личная» как тех ценностей человеческой жизни, которые обязана была ограждать цензура от злонамеренного, преступного, а также неумышленного покушения на них: «§ 3. Обязанность Цензуры при рассматривании всех сих произведений состоит в ограждении Святыни, Престола,

постановленных от него властей, законов Отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого, не только злонамеренного и преступного, но и неумышленного на них покушения» (Высочайший утвержденный Устав о цензуре, 1826). Лексема *честь* встречается в смысловом контексте документа «Временные правила о цензуре и печати» из статьи 10 (06.04.1865): «10. За всякое оглашение в печати о частном или должностном лице, или обществе, или установлении такого обстоятельства, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени виновный подвергается денежному взысканию не свыше пятисот рублей и заключению в тюрьме на сроки, назначенные в статье 42 т. XV ч. I, или же, по усмотрению суда, одному из сих наказаний» (Временные правила о цензуре и печати, 1865). В данном контексте акцент сделан на порядке взыскания денежных средств и других наказаниях виновного за раскрытие информации и возможности предоставления доступа к ней широкого круга лиц в печати о частных, должностных субъектах или обществе, которые могут повредить их чести, достоинству или доброму имени.

При характеристике русского языка XX в. для целей исследования можно разграничить два хронологических периода: 1-й период — с октября 1917 г. по апрель 1985 г.; 2-й период — с апреля 1985 г. по настоящее время. Октябрьская революция 1917 г. приводит к ломке всего старого, происходят коренные преобразования в государственном, экономическом устройстве страны. Этим обусловлены два процесса в русском языке. С одной стороны, многие слова, обозначавшие вчера еще значимые, важные понятия, сегодня становятся ненужными, уходят в пассив, поскольку отправляются в небытие, исчезают или становятся неактуальными их денотаты, понятия. Отделение церкви от государства, разрушение храмов, отмена преподавания Закона Божьего в учебных заведениях также приводит к забвению церковной, богослужебной лексики. С другой стороны, появление новых органов власти, создание новых общественных организаций, изменения в экономике, культуре — всё это сопровождается рождением новых слов, активно пополняющих словарный состав русского языка. Отличительной чертой русского языка этого периода часто называют «наводнение казёнными сокращениями слов и словосочетаний» [Русский язык и культура речи..., 2005: 21]. На этом этапе продолжается процесс юридизации слов с корнями *-чест-* и *-добр-*, который, однако, не выкристаллизовывается в собственно юридическое значение «чести» и «доброто имени». В Манифесте от 20 июля (1 августа) 1914 г. находим следующий контекст, в котором реализуется функционирование лексем «честь» в одном ряду с лексемой «достоинство» и с предикатом «оградить»: «Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную,

родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение её среди Великих Держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все верные Наши подданные» (Манифест от 20 июля 1914 г.). Словосочетание «честь героической армии» встречается в смысловом контексте с лексемами «судьба», «Россия», «народ», «будущее» и отражает не только этическую категорию, но и её закрепление в правовом статусе: «Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца» (Акт отречения от престола Николая II). Устойчивое словосочетание «*дело чести*» в значении морально-этического принципа по отношению к труду употребляется в контексте: «Статья 12. Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»» (Конституция СССР 1936 г.). Сочетание слов «относиться честно» в одном контексте с исполнением законов, уважений правил социалистического общежития встречается в следующем контексте: «Статья 130. Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития» (Конституция СССР 1936 г.). Отдельная статья посвящена защите и охране прав и свобод граждан, в рамках которой функционирует «честь» в комплексе с лексемой «достоинство», см. контекст: «Статья 57. Уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц. Граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество» (Конституция СССР 1977 г.). Добросовестный труд как «дело чести», как соблюдение трудовой дисциплины, уклонение от которой несет соответствующие последствия, рассматривается в следующем контексте: «Статья 60. Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР — добросовестный труд в избранной им области общественно полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества». Словосочетание лексемы «честь» с предикатом «должна быть восстановлена» актуализирует правоохранительную функцию государства по отношению к чести каждого гражданина см. контекст: «Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме» (Обращение Государственного комитета по Чрезвычайному положению к советскому народу).

Сказанное позволяет зафиксировать промежуточную стадию юридизации данных языковых единиц, связанную с ослаблением восприятия чести как морально-нравственной категории и с усилением правовых смыслов, входящих в словарную статью «честь» следующими семантическими признаками: «личность», «достоинство» («личное», «профессиональное», «военное» и т.п.), «репутация», «доброе имя», «честное имя», «почет», «уважение»; в качестве отдельного ЛСВ представлено значение «честь» как «право на почёт» [URL: <http://enc-dic.com/academic/Chest-72891.html>].

«Новейший период» (конец XX в. — начало XXI в.) является одной из ступеней эволютивной юридизации. Эта стадия характеризуется сосуществованием различных дискурсивных практик, а также раскрытием современного народного осмысления и интерпретации правовых категорий на просторах интернета. В этот период наблюдается разрушение высокого смысла концепта «честь». Встречаются иронические контексты, выданные поисковиками Интернета на запрос: «Кто такие честные люди?» Ср. на форуме «Недобросовестные партнеры» [URL: <http://fishretail.ru/forum/blacklist/zdravstvuyte-chestnie-lyudipopahivaet-kidalom>], название которого говорит само за себя, находим: «*Здравствуйте честные люди! Попахивает Кидалом!!!!*» употребление в сниженном стиле, прослеживается связь с обманом. Но при этом сохраняется и смысловая значимость честности как искренности, истинности в противовес лжи и обману ср. «*Да я, может быть, самый честный человек в этом мире, полном коварства и лжи...*»

На современном этапе эволютивной юридизации одним из ярких явлений становится активное осмысление словосочетания «доброе имя». В связи с чем в качестве материала подключаются контексты, в которых функционируют лексемы с корнем *-добр-*. Пользователи различных форумов интерпретируют и воплощают в речи те представления и образы, которые входят в круг их переживания «честного человека» и его «доброе имени». Так, на сайте «Большой вопрос» форум с тегами «имя» и «репутация» открывает для людей диалог на тему «*Что для Вас доброе имя?*» [URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1071824-что-для-vas-dobroe-imja.html>]: «Для меня моё доброе имя заключается в том, чтобы, как можно больше людей, которые его будут произносить, вспоминали меня только добром, помнили, как можно больше хорошего, позитивного обо мне. Поэтому важно делать, как можно больше добра, тогда и имя будет добрым. Но это вовсе не значит, что ко всем я так буду относиться, будут исключения, к сожалению» (Ирина Агапова). В данном контексте реализуются представление о «добром имени» как обретении человеком положительного, исключительно доброго

впечатления от общения с ним, имя которого по прошествии времени будет звучать в речи других людей с добром. Отсюда вытекает важный смысловой признак доброго имени — совершения человеком как можно большего количества добрых дел. В едином смысловом пространстве формируется понятийная, образная и ценностная составляющие концепта доброе имя. В контексте: «Доброе имя — степень порядочности, ответственности, чести и добросовестности его носителя. Доброе имя зарабатывается не один месяц или год, это большой стратегический проект человека. И первое правило данной стратегии, никогда не делать свое доброе имя и улучшение своей репутации, за счет того, что разрушается чужая репутация. А по сути жить нужно честно, искренне, с любовью к другим людям и тогда доброе имя родится само собой» (Peresvetik) — открывается концепт «доброе имя» через смежные понятия чести, ответственности, добросовестности носителя имени, которое представляет собой проект человека, создающийся в его реальной действительности. Отсюда «доброе имя» является органической частью жизни человека, обусловленное его душевными, внутренними качествами: честью, ответственностью, любовью, которые обращены не только к нему самому, но и к другим людям.

Сущность и смысловое содержание понятий «честь», «достоинство», «доброе имя» не одинаково. Термин «доброе имя», нашедший свое закрепление в ст. 23 Конституции РФ в непосредственной связи с понятием «честь» и перечисленный наряду с вышеприведенными нематериальными благами в ст. 150 ГК РФ, как отмечает О.Ю. Черников, является категорией общественной оценки поведения индивида, и, если честь используется для оценки морально-этического облика личности в целом, то доброе имя — понятие, используемое для характеристики конкретного поведения человека, его личных, профессиональных и иных качеств, проявляющихся в общественной жизни, формируемое по результатам общественно-доступной, открытой деятельности лица [Черников, 2003]. Мы согласны с мнением исследователя о сложившейся в настоящее время неопределенности в отношении толкования понятия «деловая репутация», а также его отсутствия в Конституции РФ. Целесообразным представляется «восстановить» терминологическую справедливость и придать понятию «доброе имя» предназначенное ему место в качестве определения «чести и достоинства» юридического лица, унифицировав тем самым терминологию, причем понятие «деловая репутация» не должно претерпеть какого-либо сокращения, принимая во внимание его широкое распространение в отраслевом законодательстве [Черников, 2003]. На официальном сайте «Гражданский кодекс РФ. Последняя действующая редакция с Комментариями» [URL: <http://>

stgkrf.ru/152] представлена ст. 152. «*Защита чести, достоинства и деловой репутации*». В ней лексема «честь» реализуется в комплексе «честь, достоинство, деловая репутация», сочетается по преимуществу с предикатами «защита» и с признаковыми словами «порочащие сведения». В комментариях к статье находим следующий контекст: «1. Гражданское законодательство не определяет понятий «честь», «достоинство», «деловая репутация». Эти нематериальные блага защищаются в порядке, установленном ст. 152 ГК РФ, хотя следует иметь в виду, что ст. 150 Кодекса упоминает в числе защищаемых благ также и «доброе имя». В науке принято рассматривать честь как общественную оценку личности, меру духовных и социальных качеств гражданина, достоинство — как самооценку собственных качеств и способностей, а деловую репутацию — как такое качество, которое проявляется в профессиональной деятельности. Вместе с тем в судебной практике перечисленные понятия почти не разделяются, во всяком случае честь и достоинство охраняются фактически как единое нематериальное благо. Деловая репутация рассматривается как свойство, присущее не только гражданам, но и юридическим лицам. Иски о защите деловой репутации юридических лиц весьма распространены (см. информационное письмо Президиума ВАС РФ от 23 сентября 1999 г. № 46 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой деловой репутации») [URL: <http://stgkrf.ru/152>]. Посягательства, унижение чести, достоинства и деловой репутации раскрываются в следующем контексте: «Комментируемая статья рассматривает в качестве посягательства на честь, достоинство и деловую репутацию исключительно распространение определенных сведений, не упоминая о таком правонарушении, как оскорбление. Между тем зачастую в адрес граждан и юридических лиц высказываются оценочные суждения, мнения, убеждения, являющиеся выражением взглядов того, кто высказывается. Такие суждения могут касаться не только профессиональных, но и личностных, морально-нравственных качеств того или иного гражданина. В соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции РФ каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, в связи с чем такие высказывания в принципе не запрещены» [URL: <http://stgkrf.ru/152>].

В современном официально-юридическом дискурсе термин «честь» реализуется в контексте «защита чести, достоинства и доброго имени» как морально-этических качеств, присущих каждому человеку и защищаемых государством. Исследователи в области права отмечают, что понятия честь, достоинство и доброе имя весьма близки друг другу. При этом в текстах права два первых

понятия обычно используются в составе единого словосочетания: «защита чести и достоинства, унижение чести и достоинства». Они возникают не благодаря рождению и существованию человека, а в силу его поведения и отношения к нему в гражданском обществе. Так, юридический статус функционирования того или иного общенародного слова реализует новые смыслы и значимости, продиктованные именно этой сферой языка, поскольку, попадая в нее, любое слово вступает во внутренние отношения и связи, характерные только для нее. Некоторые смысловые аспекты «честь» входят в словарную статью «Большого юридического словаря»: «мораль», «оценка», «человек», «общество», «самооценка», «нематериальное благо», «принадлежность от рождения», «непередаваемое», «ответственность», «распространение», «ложные сведения» [URL: <https://juridical.slovaronline.com/6579-CHEST>].

На каждом из синхронных срезов анализируемые единицы «честь» и «доброе имя» демонстрируют особенности как в общенародном языке, так и в юридическом языке. В юридическом дискурсе используются в тексте закона о защите «честь, достоинства, доброго имени и деловой репутации личности». Такое «комплексное» функционирование слов подтверждает наличие стихийной конкуренции между ними. Частотное возникновение в суде исков с данными понятиями подтверждают этот факт. Конечно, сложность разграничения значения указанных лексем свидетельствует о том, что их стоит «юридизировать», но делать это необходимо в соответствии с общенародным шлейфом смыслов, которые эти моральные категории несут за собой.

Таким образом, исследование показало наличие закономерностей в процессе формирования юридической терминологии, представляющем юридизацию лексических и — шире — номинативных элементов из различных неюридических дискурсов и коммуникативных сфер в юридическую сферу, протекающем на фоне юридизации моральных категорий и понятий. Юридическая терминосистема, как и любая терминосистема, формируется в том числе и из нетерминологической лексики — неюридических сфер коммуникации, экономическая из неэкономической, биологическая из небιологической и т.д.

Итак, факт официального принятия закона с использованием нового термина впервые — вершинная точка юридизации. Но эта точка часто — всего лишь момент на длинном пути становления термина. И до официального принятия термина может происходить долгое, поэтапное вхождение его в правовую сферу, когда следует говорить о «предтерминах», «недотерминах», «полутерминах». После официального принятия может происходить научное, общественное

обсуждение и шлифовка смысла и правил функционирования термина. При определенных условиях может формироваться и энтропический вектор, формирующий предпосылки для деюридизации термина; когда в силу разных причин он постепенно становится общенародным словом. Разумеется, на всех этапах и юридизации, и деюридизации возможен и естественен вариант, при котором слово существует в языке как в статусе правового термина, так и лексемы с неюридическим статусом: специальным, общенародным, жаргонным. Все указанные моменты составляют перспективу развития очерченного направления в изучении темы «взаимодействия естественного и юридического языка на их лексическом уровне», частному случаю которой посвящена настоящая статья.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить ряд моментов, связанных с изучением процесса эволютивной юридизации. На основании проведенного анализа можно сделать вывод об эффективности дискурсивно-семантического подхода к смысловой структуре юридического термина. Расширение лексического материала является одной из перспектив заявляемого в статье направления в исследовании терминологических процессов на стыке естественного языка и права. Значительный интерес в этом плане представляет анализ смыслового расщепления гнезда слов с корнями *-зл-*, *-добр-*, *-истин-*, *-прав-*, *-суд-* и других единиц языка. Предложенный результат дискурсивно-семантического анализа диахронических процессов, приводящих к юридизации общенародной лексики, имеет выход в изучение синхронического состояния юридической лексики, отражающего разные этапы ее юридизации. Любой текст закона — продукт взаимодействия терминологических и общенародных лексических единиц. Покажем это на примере текста ст. 191 Закона, регулирующего права собственности на товарные знаки: «По заявлению юридического или физического лица общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком может быть признан товарный знак, охраняемый на территории Российской Федерации на основании его регистрации, товарный знак, охраняемый на территории Российской Федерации без регистрации в соответствии с международным договором Российской Федерации, а также обозначение, используемое в качестве товарного знака, но не имеющее правовой охраны на территории Российской Федерации, если такие товарные знаки или обозначение в результате их интенсивного использования стали на указанную в заявлении дату в Российской Федерации широко известны среди соответствующих потребителей в отношении товаров этого лица» [URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-23091992-n-3520-1->].

Лексический массив данного текста состоит из таких разрядов лексем и словосочетаний:

Служебные слова: *по, или, на-2, в, без, а также в соответствии с, в отношении, в результате.*

Местоименные слова: *его, их, этого, соответствующих, указанную.*

Модальные слова и связки общенародного употребления: *может быть, стали, имеющие, известные, используемые.*

Связки с элементами юридического содержания: *признан, охраняемый, по заявлению.*

Околоюридические лексемы: *территория, потребители, интенсивное использование, регистрация.*

Юридизированные собственные имена (номенклатурная лексика): *Российская Федерация-3.*

Юридические термины, употребляемые и в общенародном дискурсе: *лицо, товар, (юридизированные), свидетель (деюридизированные).*

Терминологизированные в юриспруденции слова и словосочетания: *товарный знак — 2 юридическое лицо, правовая охрана, международный договор.*

Такие «промежуточные» лексемы требуют повышенного внимания специалистов в юриспруденции и филологии. Так, результаты запроса «Юридические термины» в Научной электронной библиотеке [URL: <https://elibrary.ru/>] показывают значительное число исследований содержания терминов (предтерминов и посттерминов), находящихся на стыке юридической и общенародной сфер бытования:

Укоренившиеся в русском правовом дискурсе лексемы с общеюридическим содержанием: *право, правосудие, вина, насилие.*

Ушедшие лексемы: *урок, правда («Русская Правда»).*

Номенклатурные лексемы: *договор, расчет, платеж.*

Связки и служебные слова: *в виде исключения.*

Лексемы, вышедшие из юридического дискурса и распространившиеся в общенародном дискурсе: *свидетель.*

Входящие в юридический дискурс лексемы и словосочетания: *общественность, коррупция организованная преступность.*

Недавно вошедшие и еще не закрепившиеся лексемы и словосочетания: *непреодолимая сила, коллекторская деятельность, административно-правовая охрана, меры защиты, правовая надстройка.* Назовем некоторые из публикаций на данную тему: [Шарангия, 2013; Царенкова, 2010; Суменков, 2011 и т.д.]. Так, в статье Д.М. Ханнановой обосновывается положение о том, что единицы указанной в названии группы лексики не обнаруживают в

своем значении признаков термина, а функционируют в языке права в качестве семантических дублетов одноименных слов обиходного языка [Ханнанова, 2016: 157].

В заключение отметим, что в работе [Голев, 2000: 42] нами сделана попытка типологии (в очерченном ключе) текстов по степени их юридизированности.

Список литературы

- Белюсова К.А.* «Должная осмотрительность и осторожность» при выборе контрагента как оценочное понятие, не закрепленное нормой закона // Российский судья. 2017. № 4. С. 8–12.
- Бринев К.И.* Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение понятия «социальная группа» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 2 (15). С. 117–123.
- Ващенко Ю.С.* Иноязычная юридическая лексика в законодательных текстах: история появления, современные тенденции и пути развития // Государство и право. 2018. С. 53–64.
- Востриков А.В.* Книга о русской дуэли. М., 2014.
- Голев Н.Д.* Научные термины как единицы стихийного функционирования языка: полемические заметки // Метаязык науки: Материалы Международной научной конференции. Сыктывкар, 2012. С. 5–11.
- Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика. Барнаул, 2000. С. 8–40.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч. М., 1997.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998.
- Киржаева В.П.* Семантика одного юридического термина в контексте эволюции законодательства русского Средневековья // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. № 6–2, 2013. С. 84–88.
- Костикова Е.Н., М.Г. Миргородская* Определение термина «налоговая тайна» в России. Выявлении ее недостатков // Научный Альманах. 2017. № 2–1 (28). С. 149–152.
- Кропачев Н.М.* Государственный язык Российской Федерации — современный русский литературный язык. Есть ли разница? // Материалы V Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) «Динамика языковых и культурных процессов в современной России». Казань, 2016. URL: http://old.spbu.ru/files/upload/ropryal_doklad-2016.
- Кузнецов А.М.* Лингвистические толкования правового смысла «преступления» и «наказания»: Юридическая теория и бытовые стереотипы. М., 2012.

- Лотман Ю.М.* Об оппозиции «честь» — «слава» в светских текстах Киевского периода. // Учен. зап. Тартусского государственного университета. Тарту, 1967а. С. 100–112.
- Лотман Ю.М.* Ещё раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода // Учен. зап. Тартусского государственного университета. Тарту, 1967b. С. 469–475.
- Мелкевик Б.* Говорите на языке «нового нарратива о праве», или О том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя // Известия высших учебных заведений // Правоведение. 2012. № 3. С. 37–56.
- Механошина Н.А., Филиппова Т.А.* К вопросу об определении понятия «поглощение» // Юрислингвистика. 2016. № 5. С. 27–38.
- Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004.
- Рудкова К.М.* Концепт «оскорбление»: к проблеме взаимодействия юридического и естественного языков // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 226–233.
- Русский язык и культура речи: Учебное пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Катаева. Ростов Н/Д, 2005.
- Салтыков К.Г.* Оттенки смысла юридических терминов // Вестн. Омск. ун-та. 2015. № 1 (42). С. 160–163.
- Сперанская А.Н.* Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка // Юрислингвистика. 1999. № 1. С. 90–97.
- Стефанович П.С.* «Честь» и «слава» на Руси в X — начале XVIII вв.: терминологический анализ // Мир истории. Электронный журнал. 2003. № 2. URL: <http://www.historia.ru/2003/02/stefan.htm>
- Суменков С.Ю.* Нормативно-правовой термин «в виде исключения»: юридическая характеристика // Вопросы теории и истории государства и права. 2011. № 3. С. 22–28.
- Федюковский А.А.* Этимологический анализ русского юридического термина «свидетель». // Правоохранительная система России: состояние и перспективы развития. СПб, 2014. С. 170–177.
- Ханнанова Д.М.* О лингвистической природе так называемых «Общепотребляемых» юридических терминов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–1 (55). С. 187–190.
- Царенкова Н.А.* Юридические термины в профессиональной сфере и их проникновение в разговорную речь // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4. С. 261–267.
- Черников О.Ю.* Защита доброго имени: проблемы терминологии // Право: теория и практика. 2003. № 8. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/6.html>
- Шарангия С.З.* Насилие, вина, непреодолимая сила: особенности юридической конструкции терминов // Социокультурные корни на-

сия в современном обществе. Материалы международной конференции / Под ред. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород, 2013. С. 648–652.

Интернет-ресурсы

- Большой вопрос. Интернет-ресурс. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1071824-что-для-vas-dobroe-imja.html>
- Гражданский кодекс Российской Федерации 2017–2018 с комментариями. URL: <http://stgkrf.ru/152>
- Додонов В.Н., Ермаков В.Д. Большой юридический словарь. М., 2001. URL: <https://juridical.slovaronline.com/6579-CHEST>
- Закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. (ред. от 11 декабря 2002 г., с изм. от 24 декабря 2002 г.) «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-23091992-n-3520-1->
- Малый академический словарь / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1957–1984. URL: <http://enc-dic.com/academic/Chest-72891.html>
- Национальный корпус русского языка. Интернет-ресурс. URL: www.ruscorpora.ru.
- Недобросовестные партнеры. Интернет-ресурс. URL: <http://fishretail.ru/forum/blacklist/zdravstvuyte-chestnie-lyudipopahivaet-kidalom>
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>

Nikolaj D. Golev, Anna V. Irkova

THE DEVELOPMENT OF LAW TERMS AS THE PROCESS OF JURIDIZATION OF COMMONLY USED TERMS (DISCOURSE AND SEMANTIC ANALYSIS OF WORDS THAT INCLUDE ROOTS *-CHEST-*, AND *-DOBR-*)

Kemerovo State University

6, Red street, Kemerovo city, Kemerovo region, 650000

This paper discusses the process of juridization of commonly used terms, which can be regarded as a process when a social phenomenon acquires a legal status. A commonly used term acquires a legal status when it becomes an element of a legal text. Words of everyday language gradually enter legal communications and gain their own legal meanings. So as to analyze this process the authors selected most challenging cases where 'preparation' for terms to be juridized takes centuries. This requires regarding more initial states of the word's juridization. The authors distinguish between discursive and semantic patterns in the process of terminologization of commonly used lexis. The paper focuses on functions of

Russian words containing roots *-chest-*, and *-dobr-*. The study of words “chest” (*honor*) and “reputatsiya” (*reputation*) in various contexts helps to say whether they are used in everyday language or legal communication. These words are part of legal jargon and are included in legal texts about “honor, dignity, reputation and business reputation”. This type of “complex” functioning proves spontaneous competition between them.

Key words: Legal linguistics; everyday language; juridization; terminologisation; law discourse; concept; honour; reputation.

About the authors: *Nikolaj D. Golev* – member of the International Higher Education Academy of Sciences, doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Kemerovo State University (e-mail: ngolevd@mail.ru); *Anna V. Irkova* – Master's Student at the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Kemerovo State University (e-mail: a.irkova@mail.ru).

References

- Belousova K.A. *‘Dolzhnaya osmotritel’nost’ i ostorozhnost’ pri vy’bore kontragenta kak ochenochnoe ponyatie, ne zakreplennoe normoj zakona* [«Due Diligence and Care» at Contractor Selection as an Evaluation Notion not Fixed by Statutory Provision]. *The Publishing Group ‘Jurist’*, 2017, № 4, pp. 8–12. (In Russ.)
- Brinev K.I. *Metodologicheskie problemy’ lingvisticheskoy e’kspertizy: opredelenie ponyatiya «social’naya gruppya»* [Methodological problems of linguistic expertise: defining the essence of extremism / defining the concept of «social group»]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2012, № 2 (15), pp. 117–123. (In Russ.)
- Chernikov O. Yu. *Zashhita dobrogo imeni: problemy’ terminologii* [Protection of a good name: problems of terminology]. *The rule-of-law state: theory and practice*, 2003. (In Russ.) URL: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0803/6.html>
- Czarenkova N.A. *Yuridicheskie terminy’ v professional’noj sfere i ix proniknovenie v razgovornuyu rech’* [legal terms in the professional sphere and their penetration into the conversation]. *Actual Problems of Russian Law*, №4, 2010, pp. 261–267. (In Russ.)
- Dal’ V.I. *Posloviцы russkogo naroda. Sbornik posloviцz, pogovorok, rechenij, prislavij, chistogovorok, zagadok, poverij i proch* [The Sayings and Bywords of the Russian People]. Moscow, 1997, 750 p. (In Russ.)
- Fedyukovskij A.A. *E’timologicheskij analiz russkogo yuridicheskogo termina «svidetel’»* [Russian etymological analysis of the legal term «witness»]. *Law-enforcement system of Russia: its situation and prospects for development*, 2014, pp. 170-177. (In Russ.)
- Golev N.D. *Nauchny’e terminy’ kak edinicy stixijnogo funkcionirovaniya yazy’ka: polemicheskie zametki* [Scientific terms as manifestations of spontaneous functioning of language: polemic notes]. *Juridical linguistics*, 2012, pp. 5-1. (In Russ.)

- Golev N.D. *Yuridizaciya estestvennogo yazy'ka kak lingvisticheskaya problema* [Problem of juridization of natural language in contemporary linguistics]. *Juridical linguistics*, 2000, pp. 8-40. (In Russ.)
- Xannanova D.M. *O lingvisticheskoy prirode tak nazy'vaemy'x Obshheupotrebyaemy'x yuridicheskix terminov* [On the linguistic nature of the so-called «common» legal terms]. *We offer to publish articles in peer-reviewed scientific periodicals*, 2016, № 1-1 (55), pp. 187-190. (In Russ.)
- Kirzhaeva V.P. *Semantika odnogo yuridicheskogo termina v kontekste e'volycii zakonodatel'stva russkogo Srednevekov'ya* [Semantics of one juridicial term in the context of the Russian Medieval law evolution]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, № 6–2, pp. 84–88. (In Russ.)
- Kostikova E.N. *Opredelenie termina «nalogovaya tajna» v Rossii. Vy'yavlenii ee nedostatkov* [The definition of «tax secret» in Russia. Identification of its shortcomings]. *Science Almanac*, 2017, № 2–1 (28), pp. 149–152. (In Russ.)
- Kropachev N.M. *Gosudarstvenny'j yazy'k Rossijskoj Federacii — sovremenny'j russkij literaturny'j yazy'k. Est' li raznicza?* [Russian Language as the State Language of the Russian Federation and Contemporary Russian Literary Language (in the Framework of Implementation of the Federal Law «On State Language of the Russian Federation»)]. Kazan, 2016. (In Russ.). URL: http://old.spbu.ru/files/upload/ropryal_doklad-2016.
- Kuznecov A.M. *Lingvisticheskie tolkovaniya pravovogo smysla «prestupleniya» i nakazaniya: Yuridicheskaya teoriya i by'tovy'e stereotipy'* [Linguistic interpretation of legal sense of terms «crime» and «punishment»: juridical theory and daily life stereotypes]. M., 2012, 76 p. (In Russ.)
- Lotman Yu.M. *Ob oppozicii «chest'» — «slava» v svetskix tekstax Kievskogo perioda* [On the opposition «honor» — «glory» in the secular texts of the Kiev period]. Tartu, 1967a, pp. 100–112. (In Estonia)
- Lotman Yu.M. *Eshhyo raz o ponyatiyax «slava» i «chest'» v tekstax Kievskogo perioda*. [Once again about the notions of «glory» and «honor» in the texts of the Kiev period] Tartu, 1967b, pp. 469–475. (In Estonia)
- Melkevik B. *Govorite na yazy'ke «novogo narrativa o prave», ili o tom, kak politkorrektnost' «yuridicheskii» uzakonivaet sebya* [Speak the language of «new narrative of law» or how political correctness legitimize itself]. *Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2012, № 3, pp. 37–56. (In Russ.)
- Mexanoshina N.A. *K voprosu ob opredelenii ponyatiya «pogloshhenie»* [To the definition of the concept «takeover»]. *Juridical linguistics*, 2016, № 5, pp. 27–38. (In Russ.)
- Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoj reputacii: Sporny'e teksty' SMI i problemy' ix analiza i ocenki yuristami i lingvistami* [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and the problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists]. M., 2004, 328 p. (In Russ.)

- Rudkova K.M. Koncept «oskorblenie»: k probleme vzaimodejstviya yuridicheskogo i estestvennogo yazy'kov [A concept of «defamation»: the question of the interaction between legal and natural languages], *Juridical linguistics*, 2004, № 5, pp. 226–233. (In Russ.)
- Russkij yazy'k i kul'tura rechi: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Russian language and speech culture: an educational resource for high school], Rostov-na-Donu, 2005, 539 p. (In Russ.)
- Salty'kov K.G. Ottenki smy'sla yuridicheskix terminov [The Shades of Meaning of legal terms]. *Herald of Omsk University*, 2015, № 1 (42), pp. 160–163. (In Russ.)
- Sharangiya S.Z. *Nasilie, vina, nepreodolimaya sila: osobennosti yuridicheskoy konstrukcii terminov*. [Violence, guilt, irresistible force: features of the legal construction of terms] *Sociocultural roots of violence in modern society. Materials of International Conference. Law: theory and practice*, 2013, pp. 648–652. (In Russ.)
- Speranskaya A.N. Oskorblenie slovom v oby'dennom i pravovom soznanii nositelej russkogo yazy'ka [Oskorblenie slovom v obydenom i pravovom soznanii nositeley russkogo yazyka]. *Juridical linguistics*, 1999, № 1, pp. 90–97. (In Russ.)
- Stefanovich P.S. «Chest'» I «slava» na Rusi v X — nachale XVIII vv.: terminologicheskij analiz. *The World of History. Electronic journal*, 2003, № 2. (In Russ.). URL: <http://www.historia.ru/2003/02/stefan.htm>
- Sumenkov S. Yu. Normativno-pravovoj termin «v vide isklucheniya»: yuridicheskaya xarakteristika [The normative-legal term «in the form of exception»: juristic characteristic]. *Theory and history of the state and law*, 2011, № 3, pp. 22–28. (In Russ.)
- Vashhenko Yu.S. *Inoyazy'chnaya yuridicheskaya leksika v zakonodatel'ny'x tekstax: istoriya poyavleniya, sovremennyy'e tendencii i puti razvitiya* [Foreign language law terms in legislative texts: genesis, recent trends and ways of developing]. *State and law*, 2018, № 1, pp. 53–64. (In Russ.)
- Vostrikov A.V. *Kniga o russkoj due'li*. [A Book about Dueling in Russia]. M., 2014, 352 p. (In Russ.)

INTERNET-RESURSY

- Bolshoj vopros*. Internet-resurs. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1071824-chto-dlja-vas-dobroe-imja.html>
- Bolshoj yuridicheskij slovar*. Internet-resurs. URL: <https://juridical.slovaronline.com/6579-CHEST>
- Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii 2017–2018 s kommentariyami*. Internet-resurs. URL: <http://stgkrf.ru/152>
- Zakon RF ot 23.09.1992 (red. ot 11.12.2002, s izm. ot 24.12.2002) «O tovarnyx znakax, znakax obsluzhivaniya i naimenovaniyax mest proisxozhdeniya tovarov»*. Internet-resurs. URL: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-23091992-n-3520-1->

Malyj akademicheskij slovar. Internet-resurs. URL: <http://enc-dic.com/academic/Chest-72891.html>

Nacionalnyj korpus russkogo yazyka. URL: www.ruscorpora.ru.

Nedobrosovestnye partnery. URL: <http://fishretail.ru/forum/blacklist/zdravstvuyte-chestnie-lyudipopahivaet-kidalom>

Sreznevskij I.I. *Materialy' dlya slovarya drevnerusskogo yazyka.* URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html>

РЕЦЕНЗИИ

Т.Н. Белова

**Рецензия на книгу: ИРВИН ВАЙЛЬ. ОТ БЕРЕГОВ
ОГАЙО ДО БЕРЕГОВ МОСКВЫ-РЕКИ. ОТ КРАСНЫХ
ЦИНЦИННАТИ ДО КРАСНЫХ МОСКВЫ:
МЕМУАРЫ ИРВИНА ВАЙЛЯ. М.: ИД «Менская», 2016**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Рецензируемые академические мемуары американского русиста И. Вайля — книга о его постепенном вхождении в мир русской литературы и культурной жизни в 1950-е годы в Чикагском и Гарвардском университетах под руководством российских ученых-эмигрантов первой волны: Р.О. Якобсона, М.М. Карповича, Д. Чижевского, Е.М. Кулишера и др. Этот процесс происходил на фоне роста антикоммунизма, расцвета советологии, а также доминирования в американских университетах «новой критики». В 1960-е годы изменившаяся внешнеполитическая обстановка позволила автору, изучавшему творчество М. Горького, пройти научную стажировку на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством проф. В.И. Кулешова и в Институте мировой литературы под руководством Б.А. Бялика, общаться с К. Чуковским, работавшим в 1920-х годах в основанном М. Горьким издательстве «Мировая литература». В мемуарах передана напряженная атмосфера московской интеллектуальной жизни 1960-х годов, описаны политические изменения, происходившие в 1970–1980-е годы, и, наконец, распад СССР в 1991 г. — показана «эпоха перемен» как в жизни страны, так и в американской русистике тех лет.

Ключевые слова: американская русистика; русская эмиграция; «новая критика»; советология; разрядка международной напряженности.

В 2016 г. в Москве вышла книга воспоминаний известного американского русиста И. Вайля «От берегов Огайо до берегов Москвы-реки». В них автор подробно рассказывает о своем становлении как специалиста по русскому языку, русской литературе и изучению культуры России на протяжении более полувека. Его первым преподавателем в Чикагском университете, куда он поступил в 1947 г., был

Белова Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tnbelova@yandex.ru).

С. Харпер, сын поэта У.Р. Харпера, основавшего этот университет в 1891 г. при финансовой помощи Дж.Д. Рокфеллера. С. Харпер одним из первых в США начал серьезно изучать и всячески популяризировать русский язык и русскую литературу. К сожалению, во времена Великой депрессии русистика в университете была полностью свернута.

Однако после Второй мировой войны в США пришло понимание значимости советского государства в мировой истории и политике, что способствовало возобновлению преподавания русского языка и литературы в ведущих американских университетах, в том числе в Чикагском. Как отмечает И. Вайль, «это была своего рода попытка открыть дверь в славную культуру русской литературы» (с. 75). В своих мемуарах он постоянно подчеркивает роль представителей русской эмиграции первой волны в академическом процессе.

Автор книги передает атмосферу горячих научных споров в Чикагском университете, которая сильно отличалась от нагнетания атмосферы «холодной войны», как он пишет, «в пропагандистских источниках», в средствах массовой информации. Так, в Чикагском оперном театре была поставлена опера М.П. Мусоргского «Борис Годунов», где русский царь был представлен... кровожадным коммунистом, причем даже само имя М.П. Мусоргского было изменено: вместо Модест («скромный») — на его противоположность — «нескромный», что чрезвычайно поразило И. Вайля.

В то время факультет русского языка Чикагского университета возглавлял Г.В. Бобринский, белый офицер, потомок незаконного сына Екатерины II и ее фаворита графа Г. Орлова. Г.В. Бобринский очень внимательно относился к обучению своих студентов и много сделал для их развития в области русистики.

В книге содержится много интересных подробностей о Чикагском университете в годы учения И. Вайля, представлены его мнения как сложившегося ученого о переводах произведений русской литературы, созданных британскими авторами К. Гарнетт и Б. Гурнеем; о противоречивой роли В. Набокова как преподавателя Корнелльского университета, его явном субъективизме в оценке творчества Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других русских писателей, а также о его переводе «Евгения Онегина», который трактуется как не совсем удачный.

После получения степени магистра славистики в 1951 г. И. Вайль в течение трех лет работал в библиотеке Конгресса под руководством эмигранта первой волны, члена кадетской партии, петербуржца Е.М. Кулишера, соратника В.Д. Набокова: он научил И. Вайля тому, «что такое настоящее исследование» (с. 89); своего наставника

автор называет представителем «старой русской интеллигентской традиции»: «...то образование, которое я получил путем тщательного и широкого обзора советской прессы, вместе с историческими комментариями человека, обладавшего высочайшим, совершенно необычным интеллектом, которому пришлось жить в водовороте этих событий, сформировало мой научный фундамент» (с. 93).

Говоря о сталинских репрессиях, автор приводит один важный факт из своей научной практики: изучив многотомные публикации переписи населения России 1897 и 1926 гг., исследователь затем обнаружил... двухстраничную публикацию от 1939 г. о результатах второй советской переписи, появившуюся в печати лишь через три года после ее проведения в 1936 г. в том виде, «который явно скрывал демографическую катастрофу 1930-х годов»: провал коллективизации, последовавший за ним голод и начало сталинских репрессий (с. 90).

Надо сказать, что И. Вайль в 1950-е годы испытал на себе последствия «охоты на ведьм» как подозреваемый в принадлежности к Американской коммунистической партии: в Вашингтоне он снимал (случайно) квартиру в доме, где располагалась штаб-квартира коммунистов, а также был связан с известным немецким режиссером-коммунистом Э. Пискатором, драматическую студию которого посещал в Чикаго и даже участвовал в постановках в качестве актера и начинающего режиссера в студенческие годы (после изучения документов И. Вайль был освобожден от подозрений).

В 1954 г. Фонд Форда учредил систему грантов для русистов; И. Вайль получил грант на один год, поступил в Гарвардский университет на факультет славистики для получения докторской степени, после чего работал там в качестве ассистента преподавателя до 1958 г.

В Гарварде, как считает И. Вайль, царило «безграничное высокомерие», которое подчас «принимало форму грубости и снисходительного отношения к другим людям» (с. 94); но автор был рад возможности общения с преподававшими на факультете русскими эмигрантами — людьми «высочайшего интеллекта» (с. 94): Р.О. Якобсоном, М.М. Карповичем, создавшем в Гарварде свою школу изучения истории России, а также итальянским славистом Р. Поджиоли, культурно-историческая методология которого составила альтернативу доминировавшей «новой критике». Представляют интерес воспоминания о лекциях Д. Чижевского, Вс. Сечкарева, В. Набокова (читавшего курс о Л.Н. Толстом, временно замещающая М.М. Карповича).

Находясь в среде ориентированных на классическую русскую литературу замечательных ученых, И. Вайль решил, к их разочаро-

ванию, написать диссертацию о жизни и творчестве М. Горького (в 1966 г. в издательстве «Рандом Хаус» в Нью-Йорке, а в 1993 г. в Москве (в русском переводе) вышла его книга «Горький: его литературный рост и влияние на советскую интеллектуальную жизнь»).

С 1958 по 1965 г. И. Вайль работал в Университете Брендайс в качестве старшего преподавателя русского языка и литературы (а затем и профессора), многие годы — в должности секретаря-казначей Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL). С 1966 г. в течение 50 лет был профессором Северо-Западного университета, читая курс о литературе и культуре СССР, и на него даже жаловались президенту университета, говорили, что он «друг Советского Союза». Президент ответил: «А что вы хотите? Он преподает советскую литературу. Вы бы хотели, чтобы он ненавидел то, что преподает?» (с. 104).

Начиная с 1960 г. И. Вайль более ста раз посещал СССР, а затем и Россию, во время «оттепели» был на стажировке в МГУ и в Институте мировой литературы (где хранится архив М. Горького); общался с Б.А. Бяликом, Е.А. Евтушенко, с Корнеем Чуковским, которого даже называл «вторым отцом» (с. 138); К. Чуковский рассказывал И. Вайлю, в частности, о сотрудничестве с М. Горьким в издательстве «Мировая литература».

И. Вайль восхищался мужественным поведением А.И. Солженицына, размышлял о трагических судьбах М. Булгакова и О. Мандельштама, писал об истории создания романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и последствиях присуждения Нобелевской премии. В мемуарах передана атмосфера московской интеллектуальной жизни 1960-х годов, есть главы о Д. Шостаковиче, посетившем в 1973 г. Северо-Западный университет (И. Вайль был его гидом и переводчиком), о С. Прокофьеве (и знакомстве И. Вайля с его репрессированной супругой Линой), о встречах с В. Набоковым.

Мемуары заканчиваются на оптимистичной ноте: «...все то положительное, что я знаю о русских людях и их культуре в целом, обязательно возобладает над всем отрицательным <...> русское общество сможет мобилизовать свои лучшие черты и построит такое будущее, в котором будут возможности для развития огромного таланта, таящегося в этой необъятной стране» (с. 181).

Список литературы

Белова Т.Н. Роль литераторов и критиков русского зарубежья в становлении и развитии англо-американской русистики // Русское зарубежье: история и современность. Вып. 6. М., 2017. С. 87–101.

- Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. М., 2016.
- Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.). Аннотированная библиография (монографии, сборники статей, библиографические справочные издания) / Отв. ред. Т.Н. Белова. М., 2002.
- Набоков В.* Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М., 1996.

Tatiana N. Belova

Book Review: WEIL I. FROM THE BANKS OF OHIO TO THE BANKS OF MOSCOW-RIVER. FROM THE REDS OF CINCINNATI TO THE REDS OF MOSCOW: MEMOIRS OF IRWIN WEIL. M.: Menskaya Publishing House, 2016

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The reviewed “academic” memoirs by the American slavist Irwin Weil is devoted to his gradual entry into the world of Russian literature and intellectual life. He started in the 1950’s in Chicago University and continued in Harvard under the supervision of famous Russian émigrés: R. Jakobson, M. Karpovitch, D. Chizhevsky, E. Kulisher, etc. This process took place in the midst of growing anti-communism and sovietology in the USA and growing influence of “new criticism” in American universities. Détente of the 1960’s enabled him to come to the USSR to study Gorky’s influence on the Soviet intellectual life. He did it in the Moscow University and Institute of World Literature under the supervision of K. Chukovsky, B. Byalik and V. Kuleshov. The memoirs lay special emphasis on the determinant role of Russian scholars’ achievements in this field of knowledge and describe the tense intellectual atmosphere in the 1960’s, political changes in the 1970’s and 1980’s, and finally the disintegration of the USSR in 1991. The book shows the “time of change” in the political and cultural life of Russia, stressing changes to Russian literature studies in the USA.

Key words: Russian literature studies in America; Russian émigrés; “new criticism”; sovietology; détente.

About the author: *Tatiana N. Belova* — PhD, Senior Researcher, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tnbelova@yandex.ru).

References

Belova T.N. Rol’ literatorov i kritikov russkogo zarubezh’ya v stanovlenii i razvitiu anglo-amerikanskoy rusistiki [The Role of Russian Émigré Liter-

- ary Critics in the Rise of Russian Studies in the Anglo-American world]. *Russkoe zarubezh'e: istoriya i sovremennost'* [Russian emigre community: Past and present]. Moscow, 2017, vyp. 6, pp. 87–101. (In Russ.)
- Vajl' I. *Ot beregov Ogajo do beregov Moskvj-reki. Ot krasnyh Cincinnati do krasnyh Moskvj. Memuary Irvina Vajlya*. Moscow, 2016. (In Russ.)
- Izuchenie literatury russkoj eh migracii za rubezhom (1920–1990-e gg.). Annotirovannaya bibliografiya (monografii, sborniki statej, bibliograficheskie spravochnye izdaniya)* [Russian emigre literature studies (1920s-1990s). Annotated bibliography of manuscripts, collections of articles, and reference-books]. Otv. red. T.N. Belova. Moscow, 2002. (In Russ.)
- Nabokov V. *Lekcii po russkoj literature. Chekhov, Dostoevskij, Gogol', Gor'kij, Tolstoj, Turgenjev* [Lectures on Russian literature]. Moscow, 1996. (In Russ.)

М.С. Вяльцева

**Рецензия на кн.: МУСАТОВ В.
«В ТО ВРЕМЯ Я ГОСТИЛА НА ЗЕМЛЕ...»
ЛИРИКА АННЫ АХМАТОВОЙ. М.: Азбуковник, 2016**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Рецензируется второе издание книги В. Мусатова «“В то время я гостила на земле...” Лирика Анны Ахматовой». Отмечается, что монография, впервые изданная в 2007 г., по сей день не потеряла научной актуальности и продолжает пользоваться читательским интересом. Работа над книгой не была завершена из-за смерти автора, но даже незавершенность монографии не делает ее менее ценной.

Пользуясь методом биографического комментирования, В. Мусатов проливает свет на вопросы генезиса автобиографического мифа поэта, подчеркивает склонность А. Ахматовой к поэтизации собственной жизни. Биография значима для А. Ахматовой «прежде всего исторически», поэтому миф о себе аккуратно вписывается поэтом в общекультурный исторический контекст, в первую очередь за счет конструирования легендарной родословной, реальность которой оспаривается автором монографии. Исследователь вскрывает внутреннюю конфликтность творчества поэта, наблюдает за эволюцией голосоведения и за движением поэтики от предельной конкретности к полному отказу от осязаемости.

Ключевые слова: Ахматова; биография; текст жизни; биографический миф; поэзия Серебряного века.

Внимание к парадоксам литературной судьбы и особенностям биографического мифа Анны Ахматовой не ослабевает более века. Им обусловлены высокие тиражи псевдодокументальных книг о поэте и ее предполагаемых любовниках [см.: Носик, 1997; Далощ, 2010; Бояджиева, 2011], а также коммерческий успех грубых попыток деканонизации [см.: Катаева, 2007, 2011].

К проблеме соотношения жизни и текста, к перипетиям «жизненного сюжета» обращаются не только публицисты, но, естественно, и филологи-ахматоведы. Количество научных работ, посвященных А. Ахматовой, год от года неуклонно растет. За последние 4 года

Вяльцева Маргарита Сергеевна — студентка 4-го курса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: margo.vyaltseva@ya.ru).

вышли исправленное и дополненное издание монографии, посвященной позднему периоду творческой деятельности А. Ахматовой [Тименчик, 2014], третье, дополненное издание летописи жизни и творчества поэта [Черных, 2016]. В 2007–2014 гг. в Симферополе ежегодно издавался Крымский ахматовский научный сборник «Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество», материалы которого легли в основу книги о ранних годах поэта [Зобнин, 2016].

Монография «“В то время я гостила на земле...”: Лирика Анны Ахматовой» впервые была издана в 2007 г., через четыре года после смерти профессора Новгородского государственного университета, исследователя русской поэзии первой половины XX в. В.В. Мусатова. Повторное издание монографии — свидетельство неослабевающего читательского интереса к книге. И этот интерес неслучаен. «Неотшлифованная» монография В. Мусатова (работа над книгой была прервана смертью ученого) представляет собой оттиск духа, запечатленный в букве. Законченная, доведенная до полной реализации книга была бы более полной и академичной, однако незавершенность не делает ее менее ценной. Редактор первого издания Е.А. Таборисская отмечает пристрастность автора, неакадемичную страстность повествования как следствие необработанности книги. Эти особенности обычно вредят серьезным академическим исследованиям. Монография В. Мусатова от этого только выигрывает: академический субъективизм, присущий исследованию, дарит читателю возможность проследить динамику авторской мысли, почувствовать ее пульс.

Метод, которым пользуется автор, можно определить как биографическое комментирование. Для монографии характерно обращение к биографии поэта ради возможной атрибуции адресатов стихотворений и разъяснения темных мест. Вместе с тем значение биографического факта отнюдь не абсолютизируется, главным автору представляется не слепое сведение легенды с действительностью, а то, «как биография Ахматовой встроена в стихи и что из неё извлечено творчески» (с. 14). Читатель наблюдает череду трансформаций «реальных отношений» в «поэтические связи». Например, утверждается ключевая роль Н. Гумилёва в становлении мифологических представлений об А. Ахматовой, в утверждении архетипических схем, которые на долгие годы будут определять сюжетную модель судьбы поэта: «В посвященных ей стихах Гумилев первым начал работу по творческому, публичному оформлению «ахматовского мифа», «чутко уловил все основные элементы», необходимые для его построения (с. 22–23). «Если он называл ее девой луны, то речь шла о действительном лунатизме, которым Ахматова страдала в детстве и юности.

Если речь шла о царице-ребенке, то это были конкретные черты ее личности, в которой царственность и детскость парадоксально соседствовали друг с другом» (с. 23). В. Мусатов конкретизирует роль акмеизма в самоопределении А. Ахматовой. Говоря о поэтической школе, которую она прошла, исследователь подвергает сомнению общепринятое мнение о значительной роли Иннокентия Анненского в становлении поэта. На место учителя выдвигается фигура Михаила Кузмина. В. Мусатов считает отношения двух легенд начала века, А. Блока и А. Ахматовой, фактом, этому посвящена отдельная глава исследования «Сон о Блоке».

Автор вслед за А. Ахматовой склонен считать творчество «глубинной правдой» (с. 21). Основной акцент в книге делается на поэзию, поэтому «биография в ней берется исключительно под углом творчества» (с. 15). Результат бесконечного творческого акта сотворения себя — жизнь, воссозданная из вороха грубых фактов, ограниченная и отшлифованная, — рассматривается в единстве надличностных обоснований и творческого поиска. Действующими лицами акта самосозидания становятся стихи, вырастающие «из ничего, из воздуха», «из сора».

Монография проливает свет на вопросы генезиса автобиографического мифа Анны Ахматовой. В.В. Мусатов застаёт героиню за придумыванием мифов о самой себе, за созиданием собственной биографии по законам художественного мира: «Биография выстраивалась ею в расчете на восприятие потомков путем сознательного отбора материала, и конечным продуктом этого строительства становился “ахматовский миф”, то есть, иначе говоря, художественный образ» (с. 18). Склонность А. Ахматовой к поэтизации своей жизни автор объясняет и воздухом эпохи жизнетворчества, и присущим поэту острым чувством причастности к общемировой истории. Биография, по меткому замечанию В. Мусатова, значима для А. Ахматовой «прежде всего *исторически*» (с. 19). Каноническое выстраивание биографического мифа начинается с легендарной родословной: упоминаются «бабушка-татарка», Анна Егоровна Мотовилова, мать которой будто бы была чингизидкой из рода хана Ахмата, потомки деда Ахматовой, мятежные новгородские бояре Стоговы и даже греческие пираты. В. Мусатов подвергает миф о родословной сомнению.

Не последнее место в монографии занимает историософская проблематика творчества поэта. В. Мусатов показывает А. Ахматову не плоско, а многомерно: его взгляд обращен внутрь ее самой, он апеллирует к имплицитным смыслам, заключенным в стихах, а также к дискурсам воспоминания и слуха. В связи с этим и уделяется

большое внимание представлениям Ахматовой о себе, о собственной родословной, об истории и своем месте в ней и представлениям о ней как о героине чужих «текстов жизни». Исследователь определяет координаты поэтического мира А. Ахматовой, старательно вписывает коллизии ее судьбы в исторический процесс.

Представляя собственную научную концепцию изучения ахматовского творчества, по мнению автора предисловия В.Н. Альфонсова, «объемную и динамичную» (с. 12), В. Мусатов вскрывает его внутреннюю конфликтность, отмечает поступательное движение изучаемой поэтики от осязаемости, предельной конкретности к полному устранению вещности. Анализируя творчество поэта разных периодов, исследователь показывает, как голос А. Ахматовой, поначалу салонный, камерный, женский, реализует свой эпический потенциал. Отмечается, что эволюция голосоведения А. Ахматовой обусловлена не только творческой установкой, но и внешними факторами, биографическими событиями, заставившими голос поэта заматереть.

Начало творческого пути А. Ахматовой было отмечено отказом от «архетипического, зорко угаданного в ней Гумилевым», в качестве конструктивного принципа судьбы был избран «конкретный психологический опыт “характерно современной женщины”» (с. 32—33). Ученый неспешно минует эпоху за эпохой ахматовского становления, и следы этого пути — цитаты: каждая глава и главка поименована стихотворными строками. Название монографии — цитата из стихотворения, открывающего цикл «Эпические мотивы» (1913). Привязка ко времени незначительна («в то время»), вечны непреходящий статус гостьи, иномирность героини.

В своей книге В. Мусатов предлагает читателю пройти дорогой А. Ахматовой, странницы и вечной скиталицы. От приглашения воссоздать ее путь не откажется ни один ценитель творчества А. Ахматовой, даже если маршрут, как было отмечено, не выверен.

Работа над книгой оборвалась скоропостижной кончиной автора, однако создание его пульсирующей мысли продолжает жить, по своему интерпретируя один из самых загадочных мифов XX века.

Список литературы

- Бояджијева Л.В.* Анна Ахматова. Гумилев и другие мужчины «дикой девочки». М., 2011.
- Далюш Д.* Гость из будущего. Анна Ахматова и сэр Исайя Берлин. История одной любви. М., 2010.
- Зобнин Ю.В.* Ахматова. Юные годы Царскосельской Музы. М., 2017.
- Катаева Т.* Анти-Ахматова. М., 2007.

- Катаева Т.* Отмена рабства. Анти-Ахматова-2. М., 2011.
- Носик Б.М.* Анна и Амедео: История тайной любви Ахматовой и Модильяни, или Рисунок в интерьере. М., 1997.
- Тименчик Р.Д.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е. М.; Иерусалим, 2014.
- Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889—1966. М., 2016.

Margarita S. Vyaltseva

**BOOK REVIEW: V. MUSATOV ‘I HAPPENED TO BE ON EARTH BACK THEN...’, POEMS BY ANNA AKHMATOVA.
M.: Azbukovnik, 2016**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a review of the second edition of Musatov’s book “I happened to be on earth back then... Poems by Anna Akhmatova”. The book, first published in 2007, still possesses a high scientific value. Musatov had died before he could finish his book. However incomplete is the book, it is of interest not only to philologists but everyone who appreciates Akhmatova’s poetry. Musatov focuses on how Akhmatova’s biography has been modified under the influence of her own poetry. He discusses an evolution of Akhmatova’s individual style and rediscovers the roots of her art. The scholar sees the process of transformation in which vital events are turning into literary creativity. Akhmatova sought to put her biography in a broader cultural context, thinking up the legendary lineage which goes back to the last khan of the Golden Horde Shaykh Ahmad. The author of the book has his own interpretation of Akhmatova myth and generously shares it with the reader.

Key words: Akhmatova; biography; neo-myth; the Silver Age of Russian Poetry.

About the author: *Margarita S. Vyaltseva* — 4th-year Student at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: margo.vyaltseva@ya.ru).

References

- Boyardzhieva L.V. *Anna Akhmatova. Gumilev i drugie muzhchiny “dikoj devochki”* [Anna Akhmatova. Gumilev and the other men of the “wild girl”]. Moscow, 2011. (In Russ.)
- Dalosh D. *Gost’ iz budushchego. Anna Akhmatova i sehr Isaiah Berlin. Istoriya odnoj lyubvi* [A Guest from the future: Anna Akhmatova and Sir Isaiah Berlin]. Moscow, 2010. (In Russ.)

- Zobnin U.V. *Akhmatova. Yunye gody tsarskosel'skoj muzy* [Akhmatova. Early years of the Muse from Tsar's Village]. Moscow, 2016. (In Russ.)
- Kataeva T. *Anti-Akhmatova* [Anti-Akhmatova]. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Kataeva T. *Otmena rabstva. Anti-Akhmatova-2* [Abolition of Slavery: Anti-Akhmatova-2]. Moscow, 2011. (In Russ.)
- Nosik B.M. *Anna i Amedeo: Istorija tajnoj lyubvi Ahmatovoj i Modil'jani, ili Risunok v inter'ere* [Anna and Amedeo: a story of a secret love between Akhmatova and Modigliani]. Moscow, 1997. (In Russ.)
- Timenchik R.D. *Poslednij poet. Anna Ahmatova v 1960-e* [The last poet. Anna Akhmatova in the 1960s]. Vol. 1–2. Moscow; Ierusalim, 2014. (In Russ.)
- Chernyh V.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Ahmatovoj. 1889–1966* [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova]. Moscow, 2016. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А.В. Швец

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРА: ДИАЛОГ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

**(отчет о международном круглом столе «Визуальные искусства
и литература: диалог и взаимодействие», РГГУ, 16 мая 2018 г.)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В отчете освещается порядок заседаний международного круглого стола «Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействие», прошедшего на факультете истории искусств РГГУ 16 мая 2018 г. Автором статьи обрисована проблематика, адресуемая в докладах, описан спектр рассмотренных в работе участников эмпирических случаев, дана характеристика основных методологических ходов, применяемых исследователями в работе с описанным кругом проблем. В центр внимания участников круглого стола были вынесены такие актуальные направления проблематизации, как адаптация вербального текста визуальным образом, взаимодействие вербального и визуального в рамках мультимедийного ансамбля, интеграция творческих поэтических практик в создание гибридного вербо-визуального текста, перевод и интерпретация литературного текста такими синтетическими искусствами, как драма и скульптура, смыслообразовательный потенциал новых искусств, наподобие комикса. В докладах участников стола были представлены разные теоретические подходы к анализу вербального и визуального, такие, как неокантианский извод рефлексии и более прагматико-ориентированные методологии. В выступлениях участников круглого стола также были рассмотрены разнообразные примеры взаимодействия слова и образа. Среди них — эссеистика Бродского, романы Л. Улицкой, творчество поэтов, примыкавших к Лианозовской группе, неолатинская поэзия XVI в., архитектурные интерпретации литературных текстов в Италии Муссолини, афинская драматургия V в. до н.э. и ее перевод в скульптурное измерение, практики комментирования визуального артефакта английскими антикварами, иллюстративное сопровождение к поэме Ариосто «Неистовый Роланд», метафикциональное повествование в комиксах и авангардный проект «тотальной книги».

Ключевые слова: вербальное и визуальное; интермедийность; литература и визуальные искусства.

Швец Анна Валерьевна — аспирант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ananke2009@mail.ru).

16 мая 2018 г. на факультете истории искусства РГГУ состоялся международный круглый стол «Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействие». Проблематика, на которой было сфокусировано обсуждение, включала взаимообмен и взаимодействие между практиками творческого письма и их репрезентациями в визуальных медиа, взаимовлияние визуального и вербального в рамках мультимедийных, гибридных произведений. Спектр представленных в докладах эмпирических «кейсов» был широк: от произведений классического и шире — традиционалистского искусства до эстетических экспериментов авангарда начала XX в. и образцов художественного опыта постмодерна конца XX в.

Заседание круглого стола открывал пленарный доклад заведующей кафедрой теории и истории искусства РГГУ *Л.Ю. Лиманской* «Проблема соотношения текста и изображения (на примере теории искусства М. Баксандалла)». Докладчик отметила, что вряд ли можно поставить под сомнение актуальность вопроса о соотношении вербального и визуального, а также вопроса об их взаимодействии, порождающем художественную суггестию. В докладе был представлен обзор интеллектуальных традиций и теоретико-методологических подходов, так или иначе обращавшихся к этому проблемному полю. Было намечено две магистральные линии критической рефлексии. В рамках первой традиции на первое место выходят язык и кодируемые им трансцендентные смыслы — посредством их осмысляется любой довербальный опыт и организуется (направляется) визуальное восприятие и мышление. Эта линия мысли берет начало в гумбольдтианской философии языка и продолжается в философии сосредоточенных на языковых конструкциях неопозитивистов (в частности, Витгенштейна) и построениях различных изводов неокантианства, валоризирующих выраженные в символической системе языка ценностные смыслы (например, философии Кассирера). Вторая традиция, напротив, на первый план выводит исторически конкретные формы опыта и опытные схемы, утверждая, что они предшествуют лингвистической и визуальной репрезентации и определенным образом пред-формируют их.

Таким образом, можно сделать вывод, что и в том и другом случае рассуждение апеллирует к связке понятий «вербальное — визуальное — опыт», делая локусом априорных форм категоризации то сам опыт, то его языковое выражение. При этом предпочтение языка опыту или опыта языку в их связке с визуальным — это эпистемологическая крайность, поскольку в реальности исследователь скорее держится некоторой «средней» дороги.

За докладом последовала секция «Визуальное в литературе: техники, практики и способы ассимиляции». Докладчики, выступ-

павшие в рамках секции, сосредоточились на том, как словесное искусство осваивает зримые артефакты, визуальные феномены и «переводит» их в текст посредством приемов и техник, свойственных именно литературе. *Екатерина Калинина* (МГУ) в докладе «Венеция И. Бродского: город-ведута, город-фотография» продемонстрировала, как в корпусе «венедианских» текстов Бродского складывается система приемов, переводящая на язык литературы специфику таких визуально-технологических форматов, как фотография и картина. Центральное место в поэтике Бродского, как было ею продемонстрировано, занимает перевод актов творческой, имагинативной рецепции картины или фотографии в систему тропов художественного текста с тем, чтобы смоделировать в тексте рецептивный эффект, сходный с изначальным опытом восприятия картины или фотографии. К сходной проблематике — перевода визуальных феноменов в вербальные структуры — обратилась *Инесса Жаворонок* (ТвГУ) в докладе «Визуальный язык в творчестве Л. Улицкой: знак художественной детали». Рассматривая произведение как систему символов-мифологем, кодирующих ценностные смыслы, она проанализировала ряд символов, имеющих отношение к визуальному измерению. В частности, в докладе получили освещение символы, относящиеся к цветовой гамме. К таким символам относится, например, белый цвет — средоточие аксиологически-эстетических смыслов, коннотирующий и творческое начало, и создание новой жизни, и детство, и др.

Следующая секция ««Лианозовская группа»: ангажирование визуального в эстетических практиках поэтико-художественного сообщества» была сфокусирована на (нередко коллаборативном) творчестве поэтов и художников, так или иначе ассоциируемых с так называемой лианозовской группой (хотя, как выяснилось, в докладах зачастую речь шла об индивидуальных проектах, по касательной связанных с литературно-эстетической коммуникацией внутри сообщества). В докладе *Галины Зыковой* (МГУ) «Кусочек речи в рамочке: конкретизм в русской поэзии второй половины XX в. и эстетика фотографии» говорилось в основном о творчестве Всеволода Некрасова и его рецепции эстетики фотографии как искусства. Она показала, как искусство фотографии, бывшее предметом дебатов и дискуссий и привлекавшее Некрасова как область деятельности, задает эстетические ориентиры в творчестве поэта, как-то: установка на эстетику повседневности, творческая практика «кадрирования» фрагмента действительности, обрамления уже найденного объекта. *Анна Чудецкая* (ГМИИ им. А.С. Пушкина) продолжила обсуждение «визуальной эстетики» стихов Некрасова в докладе «Поэт Всеволод

Некрасов и художник Эрик Булатов: новые формы визуальности», обратившись к совместным проектам поэта и художника. В центре доклада был феномен так называемых буквенных картин, или изобразительных произведений, так или иначе задействовавших видимое печатное слово. Как исследователь, продемонстрировав «остро переживаемое слово» поэзии Некрасова в картинах Булатова, вступает во взаимодействие с невербальной, визуальной средой картины и актуализирует скрытые смысловые потенции, приводит в действие свой перформативный потенциал.

Дневное заседание круглого стола было продолжено в работе секции «Текст в объективе визуальной культуры». Предметом секции стало бытование литературного текста в рамках различных форм и памятников визуальной культуры. *Дмитрий Кирюхин* (Нижегородская ГСХА) в докладе «Неолатинская поэзия Джованни Джильи и иллюстрации иллюминированного манускрипта Британской библиотеки (Harley 336, ff. 82^v–86^r)» обратился к иллюстрированной рукописи, подаренной придворным поэтом Генриха VII королевскому секретарю (и в перспективе — самому монарху) по случаю рождения престолонаследника. Как было показано в выступлении докладчика, неолатинские стихи Джильи были интегрированы в визуальный ландшафт иллюстрированной рукописи, вместе с работами художника-иллюстратора моделировала «тюдоровский миф», основанный на кельтском мифе о короле Артуре. *Ирина Емельянова* (университет итальянской Швейцарии) также обратилась к анализу вербо-визуального артефакта, кооптированного структурами отправления политической власти. В докладе «Форма и содержание «Божественной комедии» Данте Алигьери в архитектурных проектах 1910–1930-х гг.» речь шла о двух нереализованных архитектурных проектах авторства Чезаре Лауренти и Марио Дзампини, в рамках которых предполагалось воссоздание художественного мира поэмы средствами архитектуры как языка искусства. Исследователь обратила внимание на то, как архитектурная композиция воссоздает образную структуру поэмы и опыт, переживаемый в акте рецепции образа, а также вписала моделируемый в архитектурном ансамбле опыт в контекст тоталитарного искусства.

Доклад *Ксении Полежаевой* (МГУ) «Алкамен и афинская драматургия V в. до н.э.» также в центр выносил акт перевода из словесного искусства — в визуальное (в данном случае речь шла о пространственном искусстве скульптуры). Она рассматривала конкретный феномен — скульптурную группу с фигурами Прокны и Итиса — и соотносила ее композиционные особенности с сосуществовавшим с ней литературным сюжетом, воплощенным в трагедиях Софокла

«Терей» и Еврипида «Медея». В докладе была убедительно восстановлена связь между, с одной стороны, визуальным языком скульптуры, с другой — матрицей сюжетов, укорененных в словесном искусстве. Юлиана Михайлова (СПбГИК) в докладе ««Опубликование памятника»: подходы к проблеме английских антиквариетов XVIII в.» сосредоточилась на напряжении между материально-визуальной и символично-вербальной репрезентациями памятников в издательских практиках антикваров XVIII в. Докладчик сосредоточилась на особом формате публикации информации о памятниках — антикварной гравюре, которая соперничала с чисто «филологическим», описательным способом представления памятника. Тем не менее, как было показано в докладе, в английской антикварной гравюре XVIII в. зачастую соперничают разные тенденции репрезентации: дискурсивно-символический способ репрезентации состязается с визуальным, учитывающим материальность памятника.

Работа круглого стола продолжилась в заседании вечерней секции «Между текстом и словом: интермедийное бытование смыслов», в ней обсуждалось взаимодействие визуального и вербального начал в рамках единой художественно-эстетической коллаборации. В докладе *Елены Агратиной* (МГАХ) «Иллюстрации Ж.-О. Фрагонара к поэме Ариосто «Неистовый Роланд»» в центре внимания был корпус иллюстраций Фрагонара, сопровождавший поэму Ариосто. Она анализировала особый визуальный язык иллюстраций, показывая, как в характерной для набросков пунктирной манере проступает динамика ариостовского сюжета, объемлющего множество сюжетных линий и принципиально разомкнутого. В докладе *Александры Баженовой-Сорокиной* (НИУ ВШЭ) «Метафикшен в комиксе (на примере «Изада» и «Хранители» Алана Мура)» в центре был другой пример гибридного, вербо-визуального жанра: комикс. Исследователь сосредоточилась на том, как в комиксе графическими средствами реализуется метафикциональное акцентирование сделанности, конвенциональности нарратива, обнажение условности повествования. В завершающем секцию докладе *Анны Швец* (МГУ) «Книга стихов как перформанс: визуальный интерфейс для восприятия поэзии в коллаборации В. Маяковского и Э. Лисицкого «Для голоса»» обсуждение переместилось к третьему жанру — «биоскопической» книге авангарда, объединявшей вербальное и визуальное в едином художественном продукте. Докладчик показала, как иллюстрация служит камертоном настройки читательских ожиданий относительно текста, средой и сценой, в которой и на которой текст перформативно реализуется как выступление.

В итоге в работе круглого стола был обсужден широкий спектр эмпирических кейсов и представлено большое количество теоре-

тических подходов к их анализу, были намечены перспективные направления для будущего уточнения и развития обширной проблематики взаимодействия и сосуществования вербального и визуального в полимедийной культуре.

Anna V. Shvets

**ON THE INTERNATIONAL ROUND TABLE ‘VISUAL ARTS AND LITERATURE: DIALOGUE AND INTERACTION’,
Russian State University for the Humanities, May 16th, 2018**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a review of the proceedings of the International round-table «Visual arts and literature: dialogue and interaction», hosted by the Department of Art History at the Russian State University for the Humanities, 16 May 2018. The review outlines the field of inquiry addressed in the roundtable papers, describes case studies introduced by roundtable participants, and offers a summary of methods used by presenters. Round-table participants focused on such spheres of inquiry as adaptation of the literary text by a visual image, interaction of verbal and visual in the multimedia text, cooptation of artistic practices in the creation of a hybrid visual-verbal text, interpretation of a literary text by synthetic arts (most notably, drama and sculpture), meaning-making potential of new hybrid arts (for instance, comics). The round table presenters covered a vast array of theoretical approaches towards the dialectics of verbal and visual (including Neo-Kantian and pragmatic methodologies). The presenters gave papers discussed Brodsky’s essays, L. Ulitskaya’s novels, the Lianozovo poetry group, 16th-century Neo-Latin poetry, architectural manifestation of literary readings in Mussolini’s Italy, Athens’ drama of the 5th century B.C., practices of commenting upon a visual artefact by English collectors, illustrations towards Ariosto’s poems, metafiction in comic books, avant-garde project of «total book».

Key words: the verbal and the visual; intermediality; literature and visual arts.

About the author: *Anna V. Shvets* — Graduate Student, Discourse and Communication Studies Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ananke2009@mail.ru).

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 9. ФИЛОЛОГИЯ»**

1. Рукописи следует представлять в формате .doc (Word 1997–2003) или .docx

2. Рекомендуемый объем предоставляемой к публикации статьи — для кандидатов и докторов наук — до 25 000 знаков с пробелами, для аспирантов и соискателей — до 20 000 знаков с пробелами с учетом двух списков литературы (см. пункты 7–8).

3. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полторный. Название статьи: 16 пунктов полужирным по центру страницы. Без автоматической расстановки переносов.

4. Текст рукописи предоставляется в виде единого файла. Рукопись условно делится на два блока: 1) блок русского текста; 2) блок английского текста.

БЛОК РУССКОГО ТЕКСТА (по порядку):

- фамилия и инициалы автора (либо авторов через запятую) — сначала указаны инициалы (без пробела между инициалами), затем фамилия;
- название статьи;
- место работы/учебы автора (полное официальное название организации, город, страна);
- текст аннотации/резюме (объемом не менее 200 слов); аннотация должна отражать основное содержание статьи, ее структуру и выводы;
- ключевые слова (до 20 слов, с поясняющих слов «Ключевые слова:...» через точку с запятой);
- основной текст статьи (с подрубриками, правила оформления текста см. ниже);
- список литературы (правила см. ниже);
- сведения об авторах (с подзаголовком «Сведения об авторах.»/«Сведения об авторе.» о каждом авторе: имя и отчество полностью, фамилия; должность, регалии, электронный адрес. Мобильный телефон автора или одного из соавторов исключительно для выпускающего редактора).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА

- **Внутритекстовые ссылки** — в **квадратных скобках** фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

В результате данного эксперимента [Реннебакер, 2011: 143–144] ученые установили, что придумывать истории так же полезно, как и описывать свой собственный травматический опыт, — это положительно сказывается на здоровье.

- **Рисунки, таблицы, схемы,** графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, и помещаться в печатное поле страницы.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Список упорядочивается по алфавиту, вначале книги на русском языке, потом — на иностранных языках в порядке английского алфавита. Если в списке литературы оказывается несколько работ одного автора, изданных в один год, то к датам их издания добавляется буквенный индекс (2001a, 2001b, etc.); аналогично с внутритекстовыми ссылками.

Для статьи в журнале или сборнике:

ФИО автора / авторов (не более пяти ФИО; сначала фамилия, потом инициалы; без пробелов между инициалами, без запятой между фамилией и инициалами; если авторов более пяти — убрать последующие и после последних инициалов через пробел дать пояснение «et. al.»). Название статьи // Название сборника/журнала. Год издания. Номер. Страницы.

Например:

Гуревич Д.Л. Лексические бразилизмы и их типы // Древняя и новая романия. 2016. № 1 (17). С. 45-56.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Под ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М., 1994. С. 63-71.

Для книги:

ФИО автора / авторов (так же, как для статьи). Название книги. Место издания, год издания. Например:

Rossari C. Les opérations de reformulation. Berne, 1991.

Для коллективной монографии и других научных изданий с большим количеством авторов:

Название издания / Под ред. И.О. Фамилия. Место издания, год издания. Например;

Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.

Для эл. ресурсов:

ссылки на электронные ресурсы оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему. Например:

Пример:

Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.-F. Business cycle fluctuations, large shocks, and development aid new evidence. [Washington, D. C.], International Monetary Fund, 2010. URL: <http://site.ebrary.com/id/10437418> (accessed: 20.06.2014).

БЛОК АНГЛИЙСКОГО ТЕКСТА (по порядку):

- автор/авторы (транслитерированные инициалы и фамилии через запятую, без пробела между инициалами в порядке: А.А. Ivanov) [правила транслитерации те же, что для списка литературы (см. ниже), за исключением тех случаев, когда автор настаивает на транслитерации своей фамилии не по ГОСТ в связи с тем, что его фамилия уже присутствует в базах данных в его варианте транслитерации];

- название статьи в переводе на английский (транслитерировать не нужно);
- аннотация на английском [по сути, это краткое изложение статьи, которое должно быть представлять собой самостоятельный текст на правильном английском языке, а не быть калькой русского варианта. Аннотация должна включать цель и задачи; материал и методы, результаты, выводы. Текст аннотации дается без приведения статистических данных (цифровых), без библиографических ссылок, по возможности без специальных аббревиатур (если есть, то единожды расшифровать). Объем аннотации не менее 200 и не более 300 слов];
- ключевые слова на английском (с поясняющих слов «Key words:…» через точку с запятой, каждое слово/фраза — со строчной буквы), которые должны отражать содержание статьи, включать общепринятые в дисциплине термины и другие важные коррелирующие с содержанием работы понятия;
- список литературы (References), который является транслитерированным оригиналом списка литературы из статьи (транслитерируются все русские слова в «романский» алфавит, см. ниже);
- сведения об авторах (с подзаголовка «About the authors.»/«About the author.» о каждом авторе: имя и отчество полностью, фамилия; должность, регалии, контактная информация).

Транслитерированный список литературы (References) включает все ссылки из «русского» списка в порядке оригинала (структура списка сохраняется — она равна той, что в списке литературы для русской печатной версии), но все русские буквы транслитерируются (см. ниже). Список включает также все ссылки на иностранные источники.

Библиографические ссылки в списке для английского блока оформлять по схеме:

- автор/авторы (**не более пяти** фамилий; сначала фамилия, потом инициалы; без пробелов между инициалами, без запятой между фамилией и инициалами; если авторов более пяти — убрать последующие и после последних инициалов через пробел дать пояснение «et al.»);
- название статьи, если оно русское, давать в транслитерированном виде и далее в квадратных скобках без разделения знаками препинания — название статьи в переводе на английский язык;
- далее через точку (**не** через две косые!) курсивом с прописной буквы — название журнала (транслитерированное и за ним в квадратных скобках с прописной буквы — переводное, как его определяет издатель журнала);
- далее через запятую — год, выпуск (том), номер (если есть и то, и другое, а номер/выпуск равен тому и дается в скобках, то перед скобками — пробел), диапазон страниц с уточнением «pp.»;
- в конце записи, если описано русскоязычное издание, после точки пояснить в скобках: «(In Russ.)»;
- если есть doi, то после точки указать doi:

Avtor A.B., Avtor V.G. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск, номер, pp. 00-00. (In Russ.). doi: 0000.

Avtor A.B., Avtor V.G., Avtor D.E., Avtor Zh. Z., Avtor I.K. et al. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск, номер, pp. 00-00. (In Russ.).

Avtor A.B., Avtor V.G., Avtor D.E. Nazvanie stat'i [Перевод названия статьи]. *Nazvanie zhurnala*, год, выпуск (том), номер, pp. 00-00. (In Russ.).

Если не статья, а **монография/книга**, то:

Автор, затем курсивом — транслитерированное название книги и в квадратных скобках без курсива — переводное название книги. Далее после точки — город, издательство (как его заявляет издатель), а если транслитерированное название в себе не несет указания, что это название издательства, например «Недра», то добавить «Publ.»), год. Далее после точки — количество страниц с уточнением «р.»:

Avtor A.B., Avtor V.G. Nazvanie monografii ili knigi [Перевод названия монографии или книги]. Название города на английском, *Nazvanie izdatelstva Publ*, год. 00 p.

Если другой тип издания, см.: Кириллова, О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus. Ч. 1. М., 2013. С. 58–62. URL: http://elsevierscience.ru/files/kirillova_editorial.pdf

Статьи и книги, выпущенные на английском языке, в смысле пунктуации оформляются так же (где нужно, точки и запятые между частями библиографического описания, курсивом обозначается название журнала/ сборника, а если непериодическое издание, то курсивом — название книги/ монографии).

Ссылки на электронные ресурсы оформляются по аналогии с предыдущими разделами, только в конце добавляется точная ссылка на интернет-ресурс и дата обращения к нему.

Пример:

Dabla-Norris E., Minoiu C., Zanna L.-F. 2010. *Business cycle fluctuations, large shocks, and development aid new evidence*. [Washington, D. C.], International Monetary Fund. URL: <http://site.ebrary.com/id/10437418> (accessed: 20.06.2014).

Frot E. 2009. *Aid and the financial crisis: Shall we expect development aid to fall?* Stockholm Institute of Transition Economics, Stockholm School of Economics. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1402788 (accessed: 28.05.2013).

ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР
на право использования научного произведения
в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 9. Филология»

г. Москва

Автор (соавторы): _____

_____ ,

(ф. и. о. автора и всех соавторов)

именуемый(е) в дальнейшем по отдельности или совместно «Автор» или «Соавторы», с одной стороны, и Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице директора Издательского Дома (Типографии) МГУ Вераксы Александра Николаевича, действующего на основании доверенности №195-17/010-50 от 20.09.2017 г., с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Предмет договора

1.1. Автор (Соавторы) с момента вступления настоящего Договора в силу, предоставляет Издателю, на безвозмездной основе, на срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, исключительную лицензию на использование созданного Автором (Соавторами) научного произведения, далее — Статьи, с названием _____

_____ ,

(название статьи)

одобренной и принятой к опубликованию на русском языке в журнале с названием «**Вестник Московского университета. Серия 9. Филология**», именуемом в дальнейшем «Журнал», в пределах, пред-

усмотренных настоящим Договором, без сохранения за Автором (Соавторами) права выдачи аналогичных лицензий другим лицам.

1.2. В соответствии с п. 2 ст. 1270 ГК РФ и настоящим Договором, под использованием Статьи понимается:

воспроизведение Статьи и/или её отдельной части на русском языке в любой материальной форме, в том числе на бумажном и электронном носителе в виде отдельного произведения и/или в составе Журнала (-ов), и/или в базах данных Издателя и/или иных лиц, по усмотрению Издателя;

распространение Статьи и/или её отдельной части на любом носителе на русском языке по всему миру в виде отдельного произведения и/или в составе Журнала (-ов), и/или в базах данных Издателя и/или иных лиц, по усмотрению Издателя;

доведение Статьи или ее отдельной части до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к Статье из любого места и в любое время по собственному выбору, в том числе через Интернет

сублицензирование (выдача разрешений на использование Статьи и/или её отдельных частей) полученных по настоящему Договору прав третьим лицам, с уведомлением Авторов (Соавторов) об этом, путем размещения соответствующей информации на сайте Издателя.

1.3. Иные права, прямо не переданные Издателю по настоящему Договору, включая патентные права на любые процессы, способы или методы и прочее, описанные Автором (Соавторами) в Статье, а также права на товарные знаки, сохраняются за Автором (Соавторами), иными правообладателями.

1.4. Предоставление прав по настоящему Договору включает право на обработку формы предоставления Статьи для ее использования во взаимодействии с компьютерными программами и системами (базами данных), публикации и распространения в машиночитаемом формате и внедрения в системы поиска (базы данных).

2. Автор (Соавторы) гарантирует, что:

2.1. Автор (Соавторы) является (-ются) действительным (-и) правообладателем (-лями) исключительных прав на Статью;

2.2. Автор (Соавторы) не передавали ранее и не будут передавать в будущем третьим лицам Права, предоставленные Издателю по настоящему Договору;

2.3. Статья является оригинальным произведением, не представлена на рассмотрение в другие издания, и не была опубликована ранее в других печатных и/или электронных изданиях (кроме публикации препринта (рукописи) Статьи на веб-сайте Автора (Соавторов) и/или в архиве (-ах) препринтов, например — таких как

arxiv.org), а также что Статья не является «заказным» или служебным произведением;

2.4. Статья содержит все предусмотренные действующим законодательством об авторском праве ссылки на цитируемых авторов и источники опубликования заимствованных материалов;

2.5. Автор (Соавторами) получены все необходимые разрешения на используемые в Статье результаты, факты и иные заимствованные материалы, правообладателем (-лями) которых Автор (Соавторы) не является (-ются);

2.6. Статья не содержит материалы, не подлежащие опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами РФ и ее опубликование и/или распространение Издателем не приведет к разглашению секретной (конфиденциальной) информации (включая государственную, служебную тайну).

3. Права и обязанности Автора (Соавторов):

3.1. Автор (Соавторы) обязуется (-ются):

3.1.1. Представить рукопись Статьи в редакцию Журнала в соответствии с Правилами для авторов, опубликованными на сайте Издателя или редакции Журнала.

3.1.2. В процессе подготовки Статьи к опубликованию: соблюдать требования Издателя и/или редакции и/или редколлегии Журнала;

вносить в текст Статьи исправления, указанные рецензентами и принятые Редколлегией Журнала, и/или, при необходимости, по требованию редакции и/или редколлегии Журнала доработать Статью в сроки, согласованные дополнительно;

читать корректуру (-ы) Статьи в сроки, предусмотренные Издателем;

вносить в корректуру Статьи только тот минимум правки, который связан с необходимостью исправления допущенных в оригинале ошибок.

3.1.3. Не публиковать Статью в других печатных и/или электронных изданиях на русском языке и не распространять её без согласия Издателя;

3.1.4. Использовать электронную копию Статьи, подготовленную Издателем и переданную Автору (Соавторам), исключительно в соответствии с условиями настоящего Договора.

3.2. Автор (Соавторы) вправе:

3.2.1. Пользоваться печатными или электронными препринтами неизданной рукописи Статьи в форме и содержании, принятыми редакцией Журнала для опубликования. Такие препринты могут быть размещены в виде электронных файлов на веб-сайте Автора

(Соавторов) и/или, на защищенном внешнем веб-сайте работодателя Автора (Соавторов), и/или в архиве препринтов (например, arxiv.org), но не в коммерческих целях. При этом Автор (Соавторы) должен (-ы):

включить в препринт следующее предупреждение: «Это препринт Статьи, принятой для опубликования в (название Журнала, (С), авторское право (год), владелец авторского права, указанный в Журнале)»;

обеспечить электронную ссылку на сайты Издателя, имеющие в адресной строке фрагмент «msu».

3.2.2. Безвозмездно фотокопировать или передавать коллегам копию напечатанной Статьи целиком или частично для их личного или профессионального использования, для продвижения академических или научных исследований или для информационных целей.

3.2.3. Использовать отдельные материалы из опубликованной Статьи в написанной Автором (Соавторами) книге.

3.2.4. Использовать отдельные рисунки и/или таблицы и/или отрывки текста из Статьи в собственных целях обучения или для включения их в другую работу, или для представления в электронном формате во внутренней (защищенной) компьютерной сети или на внешнем веб-сайте Автора (Соавторов) или его работодателя.

3.2.5. Включать материалы Статьи в учебные сборники для использования в аудитории, для безвозмездного распространения материалов студентам Автора (Соавторов) или сохранять материалы в электронном формате на локальном сервере для доступа студентов, как к части курса обучения, а также для внутренних обучающих программ в учреждении работодателя, но не для систематического распространения или свободного доступа.

4. Издатель обязуется:

4.1. За свой счет обеспечить рецензирование Статьи, научное, литературное и художественно-техническое редактирование, изготовление и/или обработку иллюстративного материала, изготовление бумажного и электронного оригинала-макета, воспроизведение и распространение Статьи в бумажной и/или электронной форме в соответствии с условиями настоящего Договора и графиком выхода Журнала.

4.2. Согласовывать с Автором (Соавторами) вносимую в Статью правку с учетом условий п.п. 2 и 3 настоящего Договора;

4.3. Предоставить Автору (Соавторам) корректуру верстки Статьи и внести обоснованную правку Автора (Соавторов).

4.4. Автору (Соавторам) PDF файл (электронный оттиск) Статьи после её опубликования при условии предоставления Автором (Соавторами) электронных адресов.

5. Издатель гарантирует:
неприкосновенность Статьи и защиту её от искажений;
международный стандарт полиграфических работ;
соблюдение личных неимущественных и иных прав Автор
(Соавторов).

6. Издатель имеет право:

6.1. При любом последующем разрешенном использовании Автором (Соавторами) и/или иными лицами Статьи (в том числе любой ее отдельной части, фрагмента), требовать от указанных лиц указания ссылки на Журнал, Издателя или иного правообладателя Журнала, Автора (Соавторов) или иных обладателей авторских прав, название Статьи, том, номер Журнала и год опубликования, указанных в/на Журнале.

6.2. По своему усмотрению размещать в СМИ и других информационных источниках (в т. ч. в Интернете) предварительную и/или рекламную информацию о предстоящей публикации Статьи.

6.3. Устанавливать правила (условия) приема и опубликования материалов в Журнале. Редколлегия Журнала принадлежит исключительное право отбора и/или отклонения материалов, направляемых в редакцию Журнала с целью их опубликования. Материальный носитель рукописи Статьи, направляемой Автором (Соавторами) в редакцию Журнала, возврату Издателем не подлежит. Редакция Журнала в переписку с Автором (Соавторами) по вопросам (мотивам) отклонения Статьи Редколлекцией Журнала не вступает, рецензии не высылает.

6.4. Использовать Статью по своему усмотрению любыми способами, в пределах настоящего Договора.

7. Другие условия Договора

7.1. Настоящий Договор вступает в силу в случае и с момента вынесения Редколлекцией Журнала решения о принятии Статьи к опубликованию и действует в течение срока, предусмотренного в п. 1 настоящего Договора. Если Статья не принимается к публикации или Автор (Соавтор) на стадии принятия решения Редколлекцией отозвал рукопись, настоящий Договор утрачивает силу.

7.2. В соответствии со ст. 1269 ГК РФ Автор (Соавторы) имеют право отказаться от ранее принятого решения обнародования (воспроизведения) Статьи (право на отзыв) при условии возмещения Издателю причиненных таким решением убытков. Если Статья опубликована, Автор (Соавторы) также обязаны публично оповестить о ее отзыве. При этом Автор (Соавторы) вправе изъять из обращения ранее выпущенные экземпляры Статьи, Журнала, возместив Издателю и третьим лицам (подписчикам) причиненные этим убытки.

7.3. В случае предъявления третьими лицами к Издателю требований (претензий, исков), связанных с нарушением исключительных авторских и/или иных прав интеллектуальной собственности третьих лиц при использовании Статьи Издателем, или в связи с заключением Автором (Соавтором) настоящего Договора, Автор (Соавторы) обязуется (-ются):

немедленно, после получения уведомления Издателя, принять меры к урегулированию споров с третьими лицами, при необходимости вступить в судебный процесс на стороне Издателя и предпринять все зависящие от него действия с целью исключения Издателя из числа ответчиков;

возместить Издателю понесенные судебные расходы, расходы и убытки, вызванные применением мер обеспечения иска и исполнения судебного решения, выплаченные Издателем третьему лицу суммы за нарушение исключительных авторских и иных прав интеллектуальной собственности, а также иные убытки, понесенные Издателем в связи с несоблюдением Автором (Соавторами) гарантий, предоставленных им (-и) по настоящему Договору.

7.4. Стороны договорились, что в соответствии со ст. 160 ГК РФ, допускают и признают воспроизведение текста настоящего Договора и подписей Сторон на настоящем Договоре и иных документах, связанных с его заключением, с помощью использования средств механического, электронного или иного копирования собственноручной подписи и текста Договора, которые будут иметь такую же силу, как подлинная подпись Стороны или оригинальный документ. Факсимильные (электронные) копии документов действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

7.5. В соответствии со ст. 428 ГК РФ настоящий Договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются Издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к настоящему Договору в целом. Направление Автором (Соавторами) рукописи Статьи для опубликования в Журнале, считается акцептом, т.е. согласием Авторов (Соавторов) на опубликование Статьи в соответствии с условиями настоящего Договора и Правилами для авторов, с обязательным заключением Сторонами настоящего Договора на указанных условиях.

7.6. Все иное, прямо не урегулированное настоящим Договором, подлежит урегулированию Сторонами в соответствии с действующим законодательством РФ, правилами (условиями) приема и опубликования материалов в Журнале (Правилами для авторов), действующими у Издателя на момент отправки Статьи в редакцию Журнала.

8. Реквизиты и Подписи Сторон:

Автор (Соавторы) (заполняется по каждому соавтору):

Автор для переписки:

Фамилия: _____

Имя: _____

Отчество: _____

Паспорт №: _____

Выдан (кем, когда): _____

Адрес (место регистрации и адрес для переписки):

Контактный телефон: _____

e-mail: _____

В соответствии со ст.9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», даю своё согласие Издателю на сбор, хранение и обработку моих персональных данных, приведенных выше.

дата

подпись

Автор (Соавтор):

Фамилия: _____

Имя: _____

Отчество: _____

Паспорт №: _____

Выдан (кем, когда): _____

Адрес (место регистрации и адрес для переписки):

Контактный телефон: _____

e-mail: _____

В соответствии со ст.9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», даю своё согласие Издателю на сбор, хранение и обработку моих персональных данных, приведенных выше.

дата

подпись

Издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Директор Издательского Дома
(Типографии) МГУ

А.Н. Веракса

**Редколлегия Журнала «Вестник Московского университета.
Серия 9. Филология»**

Принято к публикации в № _____ за 20__ г.

(заполняется сотрудником редакции Журнала)

Главный редактор,
Декан филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор

« ____ » 20 ____ г.

М. Л. Ремнева